ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 11

Ноябрь 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

Институт государства и права Российской академии наук: навстречу 100-летнему юбилею

Историографические модели реконструкции политических и правовых учений • Методология философии права: Кант и русские юристы • Идеологические искажения в историографии политических и правовых учений: природа и типология • Лабиринты состязательности в теории, законодательстве и практике российского уголовного судопроизводства • Право на биологическую безопасность в системе прав человека • Недвижимое имущество как объект гражданских прав: проблемы формирования и отражения в российском законодательстве • Историографические контексты концептуализации и применения гибридных и постглобального правовых режимов: социально-трудовой аспект • Правовое положение «военных добровольцев» в Российской Федерации • Правовые средства регулирования политики памяти: трудности и решения • Вопросы методологии истории государства и права России: в свете научного наследия С. В. Юшкова

НАУКА
— 1727 —

Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 11 2024 Ноябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головко, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкарецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2024
© Институт государства и права РАН, 2024
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2024

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

No. 11 2024 November

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
A.N. Savenkov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengiun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchaev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Institute of State and Law of the RAS, 2024
© Editorial Board of "State and Law", 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 11, 2024

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Историографические модели реконструкции политических и правовых учений
В.С. Горбань 7

Методология философии права: Кант и русские юристы
Е.А. Фролова 23

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Идеологические искажения в историографии политических и правовых учений: природа и типология
А.А. Васильев 33

Экспликация понятия «идентичность» в отечественном политико-правовом пространстве: историографический анализ
М.В. Раттур 44

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Лабиринты состязательности в теории, законодательстве и практике российского уголовного судопроизводства
Г.Н. Ветрова 58

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Цивилизационные ориентиры Конституции России (размышления над монографией «Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации»)
С.Н. Бабурин 72

Наказание оправдано, если... (по страницам книги И.М. Рагимова «Оправдание наказания. Исторические, религиозные, философские, социологические аспекты»)
А.И. Чучаев 79

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Право на биологическую безопасность в системе прав человека
И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова 91

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Недвижимое имущество как объект гражданских прав: проблемы формирования и отражения в российском законодательстве
В.В. Кресс 103

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Историографические контексты концептуализации и применения гибридных и постглобального правовых режимов: социально-трудовой аспект
С.Ю. Чуча 114

ВОЕННОЕ ПРАВО

Правовое положение «военных добровольцев» в Российской Федерации
А.В. Кудашкин, И.В. Холиков 125

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Финансовый механизм как основа российской государственности
С.В. Запольский 139

Санкционный правовой режим банковской деятельности
О.А. Тарасенко 152

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Категория «юридическая ответственность» в контексте ее применения к системам искусственного интеллекта
С.С. Зенин, И.М. Япрынцев, Л.В. Иванова 163

ЗА РУБЕЖОМ

Правовые средства регулирования политики памяти: трудности и решения
Н.В. Колотова 174

Историческое образование и формирование идентичности: политика Европейского Союза
Е.А. Сорокина 184

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Вопросы методологии истории государства и права России: в свете научного наследия Серафима Владимировича Юшкова
С.В. Кабышев 193

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Проблемы соблюдения юридической техники при изменениях Конституции России в 2020 году и последующем принятии федеральных законов
С.П. Степкин 200

Уголовно-правовой запрет деяний, посягающих на право на осуществление трудовой деятельности
А.В. Курсаев 204

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всероссийская научно-практическая конференция «Институт подсудности в уголовном процессе»
Д.П. Чекулаев 209

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В.Н. Жуков. Бессознательное и власть: классический психоанализ
А.Н. Савенков 213

CONTENTS

Number 11, 2024

PHILOSOPHY OF LAW

Historiographical models of reconstruction of political and legal doctrines
V.S. Gorban 7

Methodology of the Philosophy of Law: Kant and Russian lawyers
E.A. Frolova 23

LEGAL, POLITICAL, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

Ideological distortions in the historiography of political and legal doctrines: nature and typology
A.A. Vasiliev 33

Explication of the concept of "identity" in the domestic political and legal space: historiographical analysis
M.V. Rattur 44

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

Labyrinths of adversariality in theory, legislation and judicial practice of Russian criminal proceedings
G.N. Vetrova 58

DISCUSSIONS AND DEBATES

Civilizational guidelines of the Constitution of Russia (reflections on the monograph "The humanitarian potential of the Constitution of the Russian Federation")
S.N. Baburin 72

Punishment is justified if... (according to the pages of the book by I.M. Ragimov "Justification of punishment. Historical, religious, philosophical, sociological aspects")
A.I. Chuchaev 79

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

The right to biological safety in the human rights system
I.A. Umnova-Konyukhova, I.A. Aleshkova 91

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Real estate as an object of civil rights: problems of formation and reflection in Russian legislation
V.V. Kress 103

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

Historiographical contexts of conceptualization and application of hybrid and post-global legal regimes: the socio-labor aspect
S. Yu. Chucha 114

MILITARY LAW

Legal status of "military volunteers" in the Russian Federation
A.V. Kudashkin, I.V. Kholikov 125

BUDGET, TAXES, BANKS

Financial mechanism as a basis Russian statehood
S.V. Zapolsky 139

Sanctions legal regime of banking activity
O.A. Tarasenko 152

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Category of "legal responsibility" in the context of its application to artificial intelligence systems
S.S. Zenin, I.M. Yapryntsev, L.V. Ivanova 163

ABROAD

Legal means of regulation memory policy: difficulties and solutions
N.V. Kolotova 174

Historical education and identity formation: the policy of the European Union
E.A. Sorokina 184

PAGES OF HISTORY

Issues of methodology in the history of the state and law of Russia: in the light of the scientific heritage of Serafim Vladimirovich Yushkov
S.V. Kabyshev 193

SCIENTIFIC REPORTS

Problems of compliance with legal technology during the amendments to the Constitution of Russia in 2020 and the subsequent adoption of federal laws
S.P. Stepkin 200

Criminal law prohibition of acts infringing on the right to work
A.V. Kursaev 204

SCIENTIFIC LIFE

All-Russian Scientific and Practical Conference "Institute of jurisdiction in criminal process"
D.P. Chekulaev 209

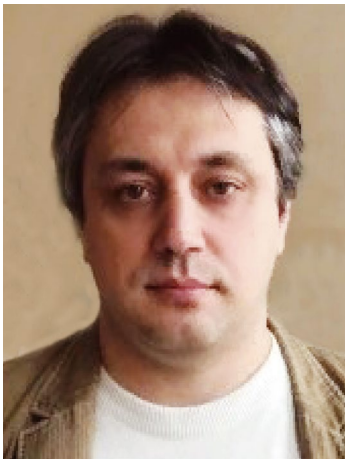
CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

V.N. Zhukov. The unconscious and power: classical psychoanalysis
A.N. Savenkov 213

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 7–22
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 7–22

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

УДК 340



ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

© 2024 г. В. С. Горбань

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gorbanv@gmail.com

Поступила в редакцию 22.07.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика совершенствования историографических подходов к освещению и интерпретации политико-правовых учений. Цель исследования – обзор и обобщение ключевых проблем общетеоретического, методологического и специального характера, возникающих в связи с современной динамикой развития науки истории политико-правовых учений. В качестве условия формирования универсальных, или всеобщих, подходов к историографии политико-правовой мысли, имеющих общезначимый характер, рассмотрена детальная и более глубокая разработка вопросов о характере, содержании и нацеленности национальных литератур и других релевантных источников, позволяющих составить культурный портрет типа развития национальной политико-правовой мысли и освещающей ее литературы. При этом, учитывая особенности национальных моделей реконструкции политико-правовой мысли, необходимо обратить более пристальное внимание на разъяснение и трактовки понятия права, использование дисциплинарных форм освоения предмета юридической науки, понятийный ряд, в котором фиксируются основные контуры предмета истории политико-правовой мысли, а также наличие принципиально иных типов отношения к теоретическим знаниям как таковым (например, в лице англо-американского прагматизма). В исследовании обращается внимание на принципиально разные по своей литературной композиции, средствам выразительности, характеру бытийно-лингвистической связи, культурным чертам приемы и формы описания истории политико-правовой мысли и ее различных сюжетов.

Ключевые слова: историография, политико-правовые учения, российская историографическая модель, национальные типы развития права, методы историографии права, философия права, аналитическая юриспруденция, англо-американский прагматизм, историческое познание, немецкая философия права.

Цитирование: *Горбань В.С.* Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7–22.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224110017

HISTORIOGRAPHICAL MODELS OF RECONSTRUCTION OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

© 2024 V. S. Gorban

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gorbanv@gmail.com

Received 22.07.2024

Abstract. The article discusses the problems of improving historiographical approaches to the coverage and interpretation of political and legal doctrines. The purpose of the study is to review and summarize the key problems of a general theoretical, methodological and special nature arising in connection with the modern dynamics of the development of the science of the history of political and legal doctrines. As a condition for the formation of universal or universal approaches to the historiography of political and legal thought, which have a generally significant character, a detailed and deeper elaboration of questions about the nature, content and focus of national literatures and other relevant sources is considered, which make it possible to draw up a cultural portrait of the type of development of national political and legal thought and literature covering it. At the same time, taking into account the peculiarities of national models of reconstruction of political and legal thought, it is necessary to pay closer attention to the explanation and interpretation of the concept of law, the use of disciplinary forms of mastering the subject of legal science, a conceptual series in which the main contours of the subject of the history of political and legal thought are fixed, as well as the presence of fundamentally different types of attitude to theoretical knowledge as such (for example, in the face of Anglo-American pragmatism). The study draws attention to fundamentally different methods and forms of describing the history of political and legal thought and its various plots in terms of their literary composition, means of expression, the nature of the existential-linguistic connection, and cultural features.

Key words: historiography, political and legal doctrines, Russian historiographical model, national types of legal development, methods of historiography of law, Philosophy of Law, analytical jurisprudence, Anglo-American pragmatism, historical cognition, German Philosophy of Law.

For citation: *Gorban, V.S. (2024).* Historiographical models of reconstruction of political and legal doctrines // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 7–22.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

История политических и правовых учений, являясь одной из фундаментальных и незаменимых для надлежащего изучения права и государства научных дисциплин, служит выявлению, фиксации, объяснению основных закономерностей возникновения, развития, функционирования идей, феноменов и явлений политико-правовой жизни общества. В случае своего удачного, полного и достоверного исполнения она дает представление о содержании, видах, характере и направлениях развития интеллектуального творчества человечества в познании права и государства, позволяет предложить практические рекомендации для совершенствования существующих устоев, практик и принципов государственного строительства, сформулировать образы будущего в развитии политической и правовой культуры общества, системы его государственного управления, правосудия, юридической практики, а также понять природу нынешних (конкретных) вызовов и проблем политико-правового развития.

Для понимания истории политических и правовых учений с точки зрения возможности объективного и полного, достоверного, действительно научного ее освещения и рассмотрения важнейшую роль играет историография[1]. У истории политической и правовой мысли как научной юридической дисциплины должна быть внятная и хорошо разработанная историографическая модель. Конечно, сложно представить себе, что в условиях многообразия культур и национально-региональных типов развития такая всеобщая модель историографии современных политико-правовых знаний может быть создана, так как она всегда будет испытывать на себе определенные особенности того или иного взгляда, точки зрения, культурных, языковых и прочих объективных ограничений. Вместе с тем такая цель более чем обоснована и справедлива.

Известный историк и академик А.О. Чубарьян пишет: «Мировая история предстает в международной и в российской историографии как сложный и противоречивый процесс, как взаимодействие центростремительных и центробежных сил, интернационализма, интеграционных тенденций и национальных идей и интересов, объективных явлений и человеческого фактора»[2].

В качестве примера поиска формы изложения и построения философских дисциплин можно привести размышления и пояснения немецкого философа И. Канта в его «Критике чистого разума», в которой «идея особой науки» – «критики чистого разума» – ограничивается, согласно замыслу автора, лишь пропедевтикой, т.е. введением к соответствующей системе знаний. «Так как эта система крайне желательна и еще неизвестно, возможно ли и здесь вообще какое-нибудь расширение нашего знания, в каких случаях оно возможно, то мы можем назвать науку, лишь рассматривающую чистый разум, его источники и границы, *пропедевтикой* к системе чистого разума. Такая пропедевтика должна называться не *учением*, а только *критикой* чистого разума, и польза ее по отношению к спекуляции в самом деле может быть только негативной: она может служить не для расширения, а только для очищения нашего разума и освобождения его от заблуждений, что уже представляет собой значительный выигрыш»[3]. По аналогии с кантовским пояснением можно заключить, что в области историографии политической и правовой мысли, которая бы претендовала на всеобщий характер, речь должна идти о некой пропедевтической теории, излагающей, выражаясь словами того же Канта, архитектонически основные историографические принципы, на которых строится познание истории политических и правовых идей прошлого и современности. Содержание дисциплины будет непременно совершенствоваться, дополняться, оттачиваться в дальнейшем. Однако в своей основе она должна опираться на понятные и ведущие к расширению наших знаний представления о развитии науки, нацеленной на освещение и анализ теоретических форм осмысления сквозных тем политико-правовой мысли, конкретно-исторических условий формирования соответствующих взглядов, их жанровой и культурно-языковой специфики, влияния, пользования идеями и их интерпретации.

Кроме того, идея дополнения догматического изложения политико-правовых знаний сократическим методом или критикой возможности познания является вполне пригодной и даже необходимой для истории политической и правовой мысли. Критика возможности познания берется в данном случае лишь в созвучии с философией Канта, а не по содержанию. Так, если берутся утверждать, что излагают «философию права в XXI в.», как это сделали авторы одного современного немецкого издания[4], то это явно ведет к ложному представлению о философии права в XXI в. По своему содержанию данная работа вполне заслуживает внимания со стороны исследователей, интересующихся актуальными

[1] См.: История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1985. С. 27–71.

[2] Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., 2011. С. 9.

[3] *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М., 1994. С. 56.

[4] См.: Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert / hrsg. von Winfried Brugger, Ulfrid Neumann und Stephan Kirste. Frankfurt am Main, 2008.

направлениями философско-правовых размышлений в немецкой литературе[5].

Наука истории политической и правовой мысли должна стремиться к формированию такой системы политико-правовых знаний, которые бы раскрывали все многообразие типов их развития, сопровождаясь при этом сравнением и сопоставлением различных вариантов толкования ключевых вопросов политической и правовой культуры человечества, их философского и юридического осмысления. В некоторой степени это напоминает призывы ученых рубежа XVIII–XIX вв., например П.А. Фейербаха, который размышлял о пользе сравнительного изучения права, правовых традиций, даже типов построения знаний о праве. По мнению немецкого юриста, общей теорией права может стать «универсальная юриспруденция»[6]. Он, в частности, пишет: «Подобно тому, как из сравнения языков вытекает философия языка, собственно языкознание; точно так же из сравнения законов и правовых обычаев самых родственных и самых необычных народов всех времен и стран – *универсальная* юриспруденция, *наука о законах* без названия, но которая только дает свою настоящую, энергичную жизнь каждой имеющей обособленное наименование науке о законах»[7].

Об этом также размышлял позднее другой представитель немецкой юридической науки Р. Иеринг, в качестве одного из основных методов формирования общей теории права, которой до этого в общем-то не существовало вовсе, называвший сравнительный метод[8].

Иными словами, наука истории политической и правовой мысли может быть всеобщей и универсальной, и только в этом случае она будет в состоянии дать на самом деле качественно новое знание для современного общества. Сейчас в основном используются устаревшие и узконаправленные интерпретации истории философии права, истории юридической мысли. С начала XIX в., т.е. с момента возникновения концепций философии истории и начертаний истории философии, появляется история некоторой собирательной философии стран Западной Европы в основном в немецкой интерпретации. Самый наглядный пример – гегелевские работы по философии истории и истории философии. На основе немецкой модели долгое время, в том числе в России, описывалась история философии и философии права. Философия в такой немецкой модели начинается с античных авторов, далее следует история усвоения средневековой схоластикой сочинений некоторых античных авторов, прежде всего Аристотеля, для нужд отделяющегося от неразделенной Церкви католицизма; затем рассказывается о возрождении интереса к античности, о новой протестантской философии в Англии и Германии и других странах. Наконец, появляется современная философия, которая представляет собой довольно пеструю палитру учений, концепций, размышлений и т.п. История философии и философии права описывается через соприкосновение с их развитием в западной культуре. Философия права подается как своего рода уникальный продукт, который имеется только на Западе и больше нигде. А например, русская философия права рассматривается с точки зрения приобщения русской культуры к западному просвещению.

Нет никаких сомнений в том, что западная литература имела и имеет влияние в мире, что в отдельных странах Западной Европы были и есть выдающиеся мыслители и просветители. Есть и очень ревностные апологеты ложного и бессмысленного тезиса, анахронизма о том, что философия – это некое уникальное изобретение и продукт исключительно некоторой аморфной западной культуры. В действительности в истории мы имеем дело только с отдельными странами и отдельными мыслителями, а не с какой-то единой философией Запада. Есть французские, итальянские, голландские, шотландские, немецкие мыслители, и философия права в своей исторической реконструкции предстает в виде философий отдельных национальных мыслителей и возможного их влияния на современников или последующие поколения ученых. Их идеи могут, конечно же, мыслиться и описываться как часть чего-то большего и целостного, историко-топографической общности или ареала влияния общего римского политико-правового мышления и латинского языка. Однако на самом деле у философии всегда есть свой национально-культурный облик, и в этом смысле она предстает во множественном числе. Правомерно, вероятно, вести разговор о том, как, например, французская или немецкая философия соприкасается со сквозными темами или (основными) вопросами философии или как она обретает оригинальные черты. Ведь философия, политико-правовая мысль как ее органическая часть изначально, возникла задолго до того, как у западноевропейских стран появились собственные национальные черты в истории.

---

[5] Однако по какой такой причине следовало бы думать, что небольшая группа немецких авторов говорит от имени всей философии права в XXI в., да еще и за весь XXI в.? Тем более это издание, посвященное исключительно немецкой философии права в виде некоторых ее направлений (далеко не всех!), появилось, как пишут его авторы и издатели, лишь с восьмилетним опозданием, подобно «сове Минервы», начинающей свой полет лишь с наступлением сумерек, когда все перемены уже позади, о чем писал Гегель в предисловии к своей «Философии права», хотя авторы прямо возражают этому аргументу.

[6] См.: *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.

[7] Ibid.

[8] См.: *Jhering R.* Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig, 1852.

Если кто-то осмелился бы по-настоящему утверждать, что имеет право на использование названия «философия права», обладает так сказать неким интеллектуальным патентом на это наименование, то это с определенной долей условности могли быть только древнегреческие философы. Вся последующая история философии строилась исключительно на основе осмысления, переосмысления, трактовки, развития, разбора и прочих трансформаций античных форм интеллектуальной культуры и литературной эстетики. По существу, следовало бы тогда вести речь о философии греков, переработанной в Германии, во Франции, в Италии или в Англии для нужд времени, с учетом достигнутого уровня культуры. Нет ни одной идеи в современной философии, которую мы не нашли бы в трудах античных авторов, не говоря уже о мировой истории мысли. Все остальное есть переработка, развитие и пр. И наоборот, если мы исходим из того, что народы и цивилизации имеют свои типы развития, как считал Н.Я. Данилевский, то, безусловно, существует не только подлинная философия эллинов, но также и итальянская, французская, английская, шотландская, немецкая и т.п. Очевидно, что Китай, Индия, коренные народы Америки, Ближний Восток совершено не нуждаются в легитимациях их интеллектуальных традиций со стороны каких бы то ни было философов, неважно, живут ли они на Западе или на Востоке. Россия как государство-цивилизация совершенно не нуждается в том, чтобы испрашивать какое-либо право на признание за ней самобытного характера ее интеллектуальной и духовно-нравственной культуры. Россия традиционно исходит из уважения других культур и подходов, настаивает на равноправии культурного и интеллектуального разнообразия.

Удачной и емкой характеристикой значения философов в области права является образ, предложенный Р. Иерингом в его первом венском докладе «Является ли юриспруденция наукой?»[9]. В этом сочинении он сравнивал талантливых философов с путником, идущим навстречу солнцу, который видит рассвет раньше, чем все остальные люди, которые еще спят в долине. Но неужели же, вопрошал немецкий юрист, нужно было ждать, пока, в частности, право родится в сознании философа, а как же все те массы людей, которые своей кровью и потом должны были отстаивать свое право, сталкиваться с ним в жизни. Одно дело размышления отвлеченного от мира философа, а другое – это живое право действительности[10].

Поэтому философия права во все времена – это прежде всего собирательная картина интеллектуального творчества человечества, в которой осмысливается роль права в жизни людей, его сущностные и содержательные характеристики, принципы социального общежития, регулирования совместной жизни людей. Она состоит из событийного и обыденного рядов. Первый явно более заметный, несущий каркас, а второй не такой яркий, но часто не менее важный для понимания действительного характера и назначения глубинных основ представлений о праве и государстве.

Например, сочинение – пасхальная проповедь – митрополита Илариона «О Законе и Благодати»[11] является уникальным философским и литературным произведением, в котором изложены также важные идеи из русской политико-правовой мысли. Сочинение уникально еще и потому, что это произведение авторское, что необычно для древних литератур европейцев; оно не имеет аналогий в византийской литературе. Написано поэтически, с определенным ритмом и размером. В его основе христианские идеи, библейские сюжеты, но также русская культура формирующегося политического и правового мышления. По-настоящему большое значение имеют идеи о преемственности в добрых делах, о Ветхом Законе и новой Благодати, о правлении «правдою, мужеством и смыслом» и многие другие, содержащиеся в данном сочинении.

История русской философско-правовой мысли начинается как минимум с этого произведения. Более того, речь идет лишь об источниках, которые дошли до нас в книжном исполнении. Однако реконструкция мысли исторической эпохи может и даже по необходимости должна осуществляться с помощью разных источников, так как интеллектуальная культура народа имеет разные средства выразительности, и сводить ее только к книжности, хотя и важнейшей части внешнего исполнения культуры, было бы явным упрощением.

Уже только названное сочинение Илариона может служить убедительным примером для сравнения с другими странами и традициями. Так, русская литература старше французской, немецкой или английской. В этом легко убедиться, обратившись к анализу работ в области общей литературы. Причем она весьма разнообразна. Однако в историографических моделях истории политической и правовой мысли в подавляющем большинстве случаев ошибочно предлагается в качестве точки отсчета рассматривать лишь вторую половину XVIII в.

---

[9] *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.

[10] См.: *Jhering R.* Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil: Th. 2, Abth. 1. Leipzig, 1854. VIII.

[11] См.: *Иларион* (митр. Киевский; XI в.). Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л.П. Жуковской; пер., вступ. ст., с. 5–27, В.Я. Дерягина; коммент. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского. М., 1994.

К сожалению, в различных образцах историографии политической и правовой мысли встречаются искаженные представления не только о русской, но и о других типах национальных философско-правовых литератур, включая ложные аргументы, трактовки, фальсифицированные интерпретации[12], а часто просто совершенное незнание или игнорирование других традиций. Это, конечно же, мало способствует развитию науки истории политической и правовой мысли.

Наряду с распространенной гегелевской концептуальной схемой философии истории существуют также, по крайней мере с начала XX в., попытки фундаментально переосмыслить историю с логической точки зрения. В таком ключе сама история понимается не только как предмет исторической науки, но как предмет особым образом направленной философии, а именно как предмет логики. И причем не столько формальной логики, сколько логики, обусловленной определенными философскими веяниями и течениями, логики определенного метода. Например, в трудах известных английских философов истории, таких как Р. Коллинвуд и др., читается требование отказа от истории как событийного и целостного явления, превращение ее в некую беседу о наборе логических предпосылок, при которых те или иные исторические факты признаются или не признаются. В резолюции Европарламента от 17 января 2024 г. «О европейском историческом сознании» предлагается (уже в качестве официального доктринального документа ЕС) понимание истории именно с такой точки зрения, истории с вопросом «Как?», но не истории «Что?». Отношение к истории не просто дополняется новым ракурсом, но обусловливается новыми знаниями, подменяется редуцированной до очень примитивного представления о том, что предполагаются некоторые логические (а на самом деле идеологические) условия для отношения к истории. Отсылка к логике метода наблюдения за сознанием историка, который изучает историю, не должна вводить в заблуждение, так как речь идет о том, что под благозвучным призывом к чистой логике исторического познания, ограниченного до субъективного восприятия истории, экспрессионизма, должны быть выявлены не объективные (общезначимые) характеристики исторического познания, а лишь логические условия работы сознания историка. В работах советских ученых Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева убедительно показано различие категорий «значение» и «смысл»[13].

История существует независимо от того, признаем мы ее или нет. Историческая наука должна развиваться с нацеленностью на достоверность, а не только на субъективные смыслы и впечатления. В контексте истории политической и правовой мысли ориентация на субъективные смыслы и коммуникативные процедуры означивания приведет к полному переписыванию всей системы знаний в искаженном виде. Если история сводится только к логически зафиксированному и объясненному познающему сознанию историка, то тогда (с позиции такой интерпретации) историка вполне может заменить искусственный интеллект, которому будут заданы соответствующие чистые логические формы и параметры. Или же, если какое-то дискурсивное «ведомство», ориентированное на указанную модель, посчитает, что история правовой мысли есть только в странах, которые по каким-либо произвольным критериям будут им названными, например, демократичными, то это будет официально означать, что в соответствующих странах просто нет ни истории, ни истории правовой мысли.

Если предположить, что европейские ученые действительно хотели бы добиться совершенствования современных подходов к теории и методологии исторического познания, то это как минимум должно сопровождаться прямым и безусловным утверждением принципов достоверности, верифицируемости, уважения культуры и истории других стран, выражением стремления к прояснению спорных или неоднозначных исторических событий путем открытого и беспристрастного профессионального диалога, нацеленности на изучение опыта других государств. Но ничего подобного нет в актуальных доктринальных актах Европы по вопросам исторического сознания. Решающую роль в такой историографии начинает играть идеология, которая имеет вполне ясные исторические предпосылки, но выступает скорее анахронизмом и не соответствует ни темпам, ни характеру развития современного мира.

Политические идеи, правовые конструкции, нормы и институты изучаются в той или иной степени давно. Характер соответствующих знаний разный, и требуется его учитывать при обсуждении политико-правовых идей прошлого и современности, что имеет место далеко не всегда. В основе историографических подходов и моделей могут находиться разнообразные принципы и приемы исследования, которые оказывают существенное влияние

[12] См.: *Горбань В.С.* «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки // Журнал росс. права. 2023. Т. 27. № 12. С. 68–84.

[13] «Значение, – писал А.Н. Леонтьев, – и есть то, что открывается в предмете или явлении объективно – в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость» (см.: *Леонтьев А.Н.* Эволюция, движение, деятельность. М., 2012. С. 186), а «смысл – это всегда смысл чего-то. Не существует “чистых” смыслов. Поэтому субъективно смысл как бы принадлежит самому сознаваемому содержанию и кажется входящим в его объективное значение» (см.: там же. С. 189).

на структуру и содержание политико-правовой мысли, составляющей несущий каркас соответствующей национальной модели науки. Как правило, в имеющихся историографических исследованиях политико-правовой мысли лишь констатируется хронологически заметная смена приоритетов в разных литературах – то в сторону политической философии и морали, то в сторону строго юридической мысли, – разнообразие хронологических, обзорно-проблемных подходов, портретных приемов отбора и изложения материала. Исторические связи противопоставляются историко-генетическим, когда подчеркивается именно развитие мысли. Указывается на необходимость последовательного ограничения современности от истории, либо, напротив, утверждается, антиисторический подход к пониманию политико-правовых знаний, при использовании которого, среди прочего, полностью стирается грань между историей и современностью.

В различные исторические эпохи, у разных стран и народов может существовать совершенно разное отношение к истории, историческому знанию, к знаниям вообще. В древности отношение к истории носит космополитический характер, а сама она воспринимается и понимается циклически. Такова античная философия и литература или, например литература Древней Руси[14].

Линейное представление об истории появляется позднее, показывая развитие политико-правовых знаний от простых форм к более сложным, теоретически оформленным и методологически разработанным. Наряду с этим философско-логические исследования истории как специального отдельного предмета приводят к разнообразным интерпретациям самой природы исторического знания и отношения к нему. Часто это сопровождается тем, что в центре внимания оказывается не история, в частности, политико-правовой мысли, а то, как с ней работает историк. Причем в данном случае проблема даже не историографическая, а гносеологическая, суть которой сводится лишь к вопросу о том, почему историк признает или не признает те или иные факты логически, какие правила он использует для чистого исторического познания. Такой подход мог бы, вероятно, способствовать совершенствованию форм логической интерпретации исторических знаний, в том числе о государстве и праве. На деле же он пока лишь ограничивает историографию шаблонами формального интеллектуализма.

В истории политико-правовой мысли много белых пятен, неполных и недостоверных, а таже схематичных и идеологически нацеленных интерпретаций, которые диктуют необходимость совершенствования приемов обеспечения достоверности политико-правовых знаний прошлого и современности, более глубокого и объемлющего исследования национальных литератур, культур и типов развития, а также расширения возможностей сравнительных исследований, вовлечения больших массивов данных по всем существенным вопросам истории и историографии политико-правовой мысли.

Как самостоятельная научная дисциплина история политических и правовых учений существует в основном только в России. Это не значит, что историей политических и правовых идей не занимаются в других странах. В Германии, например, речь ведут о философии права, а история мысли рассматривается как ее своего рода вводная часть, либо она имеет самостоятельную прописку в обсуждении актуальных вопросов современной философии права. В Германии часто утверждается, что философия права и теория права тождественны. Так, А. Кауфман пишет, что их можно разграничить только с исторической точки зрения как два разных наименования одного и того же[15]. Поэтому в этой стране доминирует изучение философии права, в которой историческая часть занимает важное место. Несмотря на многочисленные попытки создания немецкими юристами таких дисциплинарных вариантов, как общее учение о праве, теория права, учение о принципах права, все же наиболее употребительным и характерным в немецкой юридической мысли является философско-правовое обсуждение сущностных вопросов права, а остальные дисциплины теоретико-правового характера входят в нее как ее составные компоненты. С 1860-х годов в немецкой юридической литературе бытует устойчивое мнение, что философия права должна рассматриваться как общая часть юридической науки[16], и наряду с правовой догматикой и историей права она есть один из ключевых элементов, обеспечивающих

[14] «Которая, – как пишет Д.С. Лихачев, – возвышается <...> как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания»; «ощущение значительности и величия мира лежало в основе литературы» (см.: Изборник: сб. произв. литературы Древней Руси / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева; вступ. ст. Д.С. Лихачева, с. 5–26. М., 1969. С. 8). «Заключительное нравоучение – это обычно привязка произведения к владеющей литературой главной теме – теме всемирной истории. <...> Притча – это как бы образная формулировка законов истории, законов, которыми управляется мир, попытка отразить божественный замысел. Вот почему и притчи выдумываются очень редко. Они принадлежат истории, а поэтому должны рассказывать правду, не должны сочиняться» (см.: там же. С. 14).

[15] См.: Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004.

[16] См.: *Merkel A.* Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur “positiven” Rechtswissenschaft und zum allgemeinen Theil derselben // Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart. 2 Teile in 1. Band 1. Wien, 1874. S. 402–421.

юриспруденции условия ее научности[17]. При этом именно в Германии и, по сути, только в этой стране существует принципиальная разница между историей представлений о праве и историей представлений о государстве.

В Англии или в США на протяжении длительного времени пропагандируется принципиальная установка на отказ от любой теории, концепции, понятия. Вообще главным врагом юриспруденции объявляется любая теория. Причем под видом борьбы с избыточным догматизмом вопрос часто ставится об отказе от теории как таковой, как формы знаний. Профессор английского права в Оксфордском университете П. Атия пишет: «Возможно, сегодня найдется не так уж много судей, которые <...> все еще открыто благодарили бы Бога за то, что английское право не было наукой, но я верю, что это чувство продолжает жить. <...> само слово "юриспруденция" оскорбительно для обоняния английского юриста. <...> Английский гений всегда испытывал сильное отвращение и недоверие к теории и принципам. <...> Я не думаю, что кто-то может усомниться в этом общем отвращении английских юристов и судей к теории»[18].

Не случайно еще в начале XIX в. П.А. Фейербах удивлялся тому, что в Англии не существует науки о праве, а есть нечто, что можно назвать совокупностью знаний, но теории права там нет вовсе. Названия «философия права», «социология права», «теория права» в англо-американской литературе употребляются часто совершенно произвольно, либо, как предлагал К. Ллевеллин, в такой форме, как «моя философия права»[19] (прагматическая формула пользования учениями о праве). Англичанину или американцу даже не очень будет понятна идея учения о праве. В лучшем случае это будет символически называться правовой доктриной, в которой будет умещаться вообще все, что связано, так сказать, с высказываниями о праве. Но тогда в качестве предмета изучения мы получаем не теорию, в частности не науку о возникновении и развитии теоретического знания, а именно более или менее упорядоченную для конкретных практических нужд совокупность высказываний, суждений, призывов, лозунгов и прочих фрагментированных и партикуляризированных размышлений.

Поэтому, например, немецкий рационализм и англо-американский прагматизм представляют собой не только разные направления анализа права, но вообще являются разными типами мышления, различающимися парадигмами отношения к знаниям и их формам. Отсюда история политической и правовой мысли, описываемая как история учений в данном случае в Германии и США или Англии, часто оказывается неточной уже на уровне адекватного понимания исследуемых объектов. В англо-американской литературе речь не об истории мысли, а лишь о примерах пользования знаниями, выбор которых определяется не хронологическими или обзорно-проблемными критериями, а пригодностью для объяснения того или иного актуального в конкретный текущий момент времени вопроса[20].

Учебные и научно-исследовательские программы американских университетов в вопросах изучения направлений политико-правовой мысли в истории отражают партикулярный набор, притом регулярно обновляющийся, тех подходов к анализу практических вопросов пользования правом и совершенствования такого пользования, которые выработала американская культура инструментально-прагматического обращения с правом и которые воспринимаются как актуальные позиции для поиска ответов на текущие озабоченности юриспруденции. В связи с этим и один из отцов-основателей американской юриспруденции в виде т.н. правового реализма О. Холмс, несмотря на программное значение для всей истории американской правовой мысли XX в. и начала XXI в., часто вычеркивается из своеобразного схематичного списка «поколений» приверженцев американского правового реализма по одной простой причине, так как он прямо признавал необходимость теории для развития юриспруденции и – с ограничениями – значение истории[21].

Во Франции представления о составе и характере политико-правовых знаний существенно отличаются от тех теоретических моделей, которые характерны для немецкой интеллектуальной культуры. Французская юридическая мысль мало похожа на немецкую рациональную теорию права и не является чем-то аналогичным судебной юриспруденции. Юридическая литература во Франции традиционно больше уделяет внимания вопросам общественно-политического характера. Для нее представление о государстве как о политической власти значительно понятнее и познавательнее, чем, например, конструкция немецкого Rechtsstaat'a (правовое государство), которая означает прежде всего представление о государстве как бюрократическом аппарате, отлаженном механизме.

---

[17] См.: *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868.

[18] *Atiyah P.S.* Pragmatism and Theory in English Law. London, 1987. Pp. 3, 4.

[19] См.: *Llewellyn K.N.* On philosophy in American law // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 82. 1934. No. 3. Pp. 205–212.

[20] См.: *Горбань В.С., Груздев В.С.* О реалистичности правового реализма // Право и политика. 2023. № 10. С. 24–37.

[21] См.: *Holmes O.W.* The path of the law // Harvard law review. Vol. X. 1897. No. 8. Pp. 457–478.

Даже немецкоязычные авторы по-разному описывают сами формы, которые должны идентифицировать дисциплинарный характер их взглядов. Например, в популярной книге XX в. австрийского юриста Г. Кельзена перечисляются чуть ли ни все возможные наименования для его взглядов[22].

В предмете истории политической и правовой мысли постоянно переплетаются представления и взгляды совершенно разных мыслителей, представителей разных областей знаний. Где-то описываются взгляды философов, в каких-то случаях – государственных деятелей, в других – юристов либо теологов и богословов, социологов, психологов, писателей и т.д. Это вполне закономерно с точки зрения общего хода истории общественной мысли и науки. Все это перемешивается в массу разных представлений, которые, однако, далеко не всегда оказываются полезны и востребованы в юридической науке либо требуют учета специфики литературы и текстов, жанровости, нацеленности, литературоведческих и текстологических аспектов, языковой культуры и пр.

Например, сочинения Ф. Бэкона или И. Канта мы изучаем не на языке их эпохи. Мы читаем, как правило, в переводах на современный нам язык. Это в общем-то логично. Однако мы невольно модернизируем их тексты, характер их мысли. По крайней мере, изучая сочинения мыслителей прошлого, мы должны учитывать и глубоко осваивать проблематику словаря эпохи. Например, имеются переводы немецких юристов конца XVIII – начала XIX в. на русский язык[23]. Эти тексты трудно читать сегодня неподготовленному читателю. Однако, например, сочинения Канта того же периода даются в современных нам и в целом благозвучных переводах.

Вот пример перевода учебника уголовного права П. Фейербаха (оригинал 1801 г., перевод 1810 г.): «*Всеобщее уголовное право*, яко Философия, винословствующая вообще о законныхъ основаніяхъ наказательнаго права и исполненіи онаго, есть наука о возможных правахъ Государства, утвержденных на законах наказательных...»[24]. А вот как мог бы выглядеть перевод в наше время: «*Всеобщее наказательное*[25] *право*, как философия, рассуждающая о правовых[26] основаниях уголовного права и его осуществлении, – это наука о *принадлежащих* государству правах, вытекающих из уголовных законов...».

Приведенный фрагмент показывает, что изучение специальной литературы по истории политической и правовой мысли, относящейся к определенной эпохе, должно сопровождаться уточнениями соответствующего словаря, понятийного состава размышлений автора, разъяснением источниковедческих моментов, связанных с модернизацией излагаемых текстов[27].

Предположим, что тексты древнерусской литературы излагались бы не путем подбора современных слов и выражений, которые помогают понять смысл текста, а как бы в переводе на современный русский язык. В таком случае мы бы получили весьма модернизированный и легкочитаемый для современного исследователя текст, который явно отступал бы от тех языковых правил и норм, которые действовали во время создания сочинения.

Государством и правом как объектами исследований занимаются разные области знаний, но для юридической науки важна прежде всего история юридической мысли. А такая история, по крайней мере юридической мысли Нового и Новейшего времени, пока даже не написана. Например, об истории зарубежной юридической мысли XIX в. мы знаем по сочинениям немецких философов и в основном некоторых представителей исторической школы права. Но вот что пишет один из самых авторитетных немецких правоведов и философов права второй половины XX в. А. Кауфманн: «В 19 в. гегельянство и марксизм были эпизодами. Различные гегелевские школы, “правые” и “левые”, находились вне духовных течений времени и поэтому почти не оказали никакого существенного влияния на философию права и юридическую науку. Это в принципе справедливо также для Иоганна Готлиба Фихте <...> и, с ограничениями, для Фридриха Вильгельма Шеллинга <...>, который все же имел контакты с исторической школой права (Савиньи и Пухта). В современной философии права,

[22] На одной странице он умудряется назвать свои взгляды «учением о праве», «теорией права», «теорией интерпретации права», «правоведением». А в итоге вопреки всем своим уверениям предлагает считать его версию «чистого учения о праве» «органическим учением о праве» (см.: *Kelsen H.* Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 heraugegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen; Wien, 2017. S. 21). Кроме того, само название он пишет исключительно большими буквами, что приводит к «Чистому Учению о Праве» – это своего рода символизм, весьма сакральный, отсылающий к религиозной догматике, с которой ассоциировал свои правовые идеи и сам автор.

[23] См.: *Фейербах П.И.А.* Уголовное право. СПб., 1810. Кн. 1.

[24] Там же. С. 2.

[25] В оригинале “peinliche Recht”.

[26] В оригинале “rechtliche Gründe”.

[27] Так, например, одно и то же слово “Willkühr”, существенное для философских учений Канта и Гегеля, переводится по-разному: в переводах Канта дается несколько условное «произволение», поскольку это не совсем точно отражает смысл кантовских рассуждений, а в переводах Гегеля предлагается основное словарное значение – «произвол», который противостоит праву.

и не только в Германии, это удивительным образом изменилось; философия немецкого идеализма, в ней также Фихте и Шеллинг, приобретает возрастающее внимание»[28]. Вместе с тем собственно эволюция юридической мысли в виде крайне разнообразных и многочисленных юридических концепций, учений и теорий немецких авторов освещается лишь фрагментарно, и пока с историографической точки зрения в ее изложении имеется большой пробел.

Г. Гуго, известный немецкий юрист конца XVIII в., предтеча исторической школы права, столкнулся с тем, что «система» права, по Канту, оказывается совершенно не подходящей и не применимой для нужд юридической науки и практики, поскольку Кант измышлял ее, не ориентируясь на содержание права. В итоге Г. Гуго нашел систему в самих источниках римского права, которые определяли преимущественно содержание всей немецкой и общеевропейской юриспруденции[29].

Для юридической науки была по-настоящему полезна и интересна история юридической мысли, которая на разных этапах всемирной истории, конечно, не проявлялась однозначно и обособленно, существуя первоначально в русле мифологии, философии. Однако в целом именно юридическая мысль со всеми ей присущими особенностями должна прежде всего интересовать юристов. Все другие области знаний могут быть весьма интересны и познавательны, но должны прослеживаться через влияния, усвоение. Речь идет о том, что предметом истории политической и правовой мысли должна быть история юридической мысли по мере возможности ее идентификации и обособления.

В XIX в. одна из самых популярных жалоб среди юристов состояла в том, что в работах философов они находили лишь пустые абстракции, которые совершенно не объясняли право надлежащим и точным образом, а также были мало пригодны для каких-либо нужд юридической практики. Есть, конечно же, при этом большой соблазн увлечься принципом чистоты в юриспруденции: объяснять право из самого себя, из идеи и чистого понятия, очистить науку права от некоторого набора «наслоений», чтобы они не мешали простому и ясному представлению об интерпретации различных фактов как правовых.

Юридическую науку часто отдают под опеку других наук. В истории такие попытки предпринимались многократно. Для этого были и объективные причины, связанные с развитием интеллектуальной культуры человечества, философии, науки вообще. Связь с философией была теснее всего. Однако юридическое мышление не раз пытались подчинить математике, истории, биологии и физике, социологии, психологии, экономике, политологии, а сейчас кибернетике, информационным технологиям, биоэтике. Обратная реакция вызывала чуть ли не веками тянущийся призыв и тенденцию к «очищению» юриспруденции от примесей других наук. Это влияло и влияет на отбор материала для изучения политической и правовой мысли, ее истории и места в системе наук.

В настоящее время не убедительность и аргументированность начинают цениться, а количество разделяющих мнение. Постепенный отказ от традиционного понимания истории, а то и вообще исторического знания, исторического процесса приводит к появлению таких представлений об истории политической и правовой мысли, которые произвольно интерпретируют события и явления прошлого. История в образах, стилизованных под всякого рода модернизм с различными приставками, нередко передается в виде свободного обращения с материалом, в лучшем случае в виде экспрессионизма.

Например, аналитическая юриспруденция или аналитическая философия права стали популярными названиями. Разъясняются они, как правило, неточно и по-разному. Однако для придания большей значимости они подвергаются таким историческим реконструкциям, которые нередко приводят к ложным выводам о глубокой доминирующей тенденции аналитического понимания права, связанного якобы с внушительной английской историей юридической мысли. И таким образом переписывается история политико-правовой мысли. На самом деле английская аналитическая юриспруденция – это локальное явление внутри английской юридической мысли XIX в., которое только во второй половине XX в. под влиянием лингвистической философии окрасилось в новую интерпретацию неопозитивистского профиля в трудах Г. Харта и стало популярным направлением обсуждения права. Однако нужно отметить такой малоизвестный науке факт, что аналитической на самом деле называли еще раньше французскую юриспруденцию. Об этом, в частности, писал П.А. Фейербах в 1810 г., отмечая безусловные заслуги французов в деле *аналитического* понимания права. «Французское законодательство выделило аналитический элемент, который оно оставило юриспруденции, по крайней мере, значительную часть его объема, сделало основной целью своей деятельности общие положения, принципы и правила, фактический синтез правового законодательства, где закон и политика неизбежно объединяются, и, таким образом, оно

[28] Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Bülles-bach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. S. 70.

[29] См.: *Hugo G.* Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil: Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. Berlin, 1799.

стало для нас образцом законодательства, подобно тому, как для нас величайшее творение римлян было и останется образцом внутренне законченной юриспруденции»[30]. А еще точнее, и об этом писал тот же П.А. Фейербах, аналитической была римская юриспруденция. Поэтому для понимания предмета истории политической и правовой мысли бесполезны произвольные интерпретации на узком историческом горизонте тех или иных направлений.

Кроме того, английская юридическая литература основана на особенностях самого английского языка, который, в отличие от греческого или русского, имеет аналитический характер. Соответственно, то, что соединяется через синтез позитивизма и лингвистической философии в неоаналитическую юриспруденцию в трудах Г. Харта[31] – открытые текстуры, контекстуальность и прочие особенности, непосредственно связано с морфологической природой английского языка (аналитического). Если внимательно разобраться с природой соотношения бытийного и лингвистического в английском языке в контексте политической философии или юриспруденции, то можно получить интересные выводы об английской аналитической юриспруденции, основанной на английском – аналитическом – языке. Иными словами, у носителя английского языка юриспруденция в принципе аналитична; сам язык диктует ей эту природу. И вот когда мы сталкиваемся с апологетикой аналитической юриспруденции (обычно в ее показной английской интерпретации), то кроме собственно содержания мы получаем явную или скрытую апологетику английского языка и английского типа мышления о праве. Отсюда следует важная для понимания предмета истории политической и правовой мысли черта, суть которой – в необходимости значительно более точного распознавания форм теоретического или прагматического мышления, его языковых, культурных, источниковедческих, историографических составляющих. В таком случае та же английская юриспруденция предстает в своем настоящем качестве, что дает возможность увидеть ее положительные и отрицательные стороны.

Взятые сами по себе, в их чистом феноменологическом смысле отдельные политические и правовые сочинения, идеи или учения мало что могут рассказать внятного и достоверного, если при этом не знать те идейно-смысловые, текстологические и литературные, языковые и общекультурные моменты, конкретно-исторические условия, которые выступали доминантами для них в релевантном для истории политической и правовой мысли событийном ряду[32].

Для работы с теоретическими и дотеоретическими формами осмысления политических и правовых взглядов мы непременно используем какое-то понятие права, одну из его трактовок, если, конечно же, анализируем не по заранее сформированным лекалам. Так, если право свести только к нормам и содержащим их текстам – рукописным, печатным или выбитым на базальтовом столбе, как законы древневавилонского царя Хаммурапи, – то часто ограничиваются анализом и комментированием норм, причем делая это по образцу современных интеллектуальных практик. Однако это видимая внешняя часть права, форма его фиксации, отображения, его основное средство выразительности. На самом деле проблема понимания права оказывается гораздо сложнее, глубже и содержательнее. За видимым внешним текстуальным слоем даже в глубокой древности кроются слои культуры народа, его поисков в представлениях о справедливом устройстве совместной жизни и целесообразном решения управленческих дел, разрешении конфликтов, об обустройстве индивидуального быта, общении с богами и пр. В современном обществе это внутреннее содержание права представляет собой еще более сложный феномен, для расшифровывания и считывания основных характеристик которого необходимо задействовать все элементы изучения человеческой культуры, а именно в качестве познавательных средств и приемов для выявления и обобщения того, что мыслится, чувствуется, переживается, осуществляется и обеспечивается как право, как принцип законного и справедливого порядка, стабильного, безопасного и перспективного осуществления незыблемых начал в индивидуальном и групповом сосуществовании.

Феноменология в основном бессильна что-то безусловно важное сообщить о природе такого

[30] См.: *Feuerbach P.J.A.* Op. cit.

[31] См.: *Hart H.* The concept of law. 3rd ed. Oxford, 2012.

[32] Простой пример говорит об этом весьма красноречиво. В начале XX в. американские переводчики столкнулись с проблемой перевода на английский язык с немецкого названия одного из основных сочинений Р. Иеринга «Цель в праве». Они посчитали, что американский читатель не поймет буквального перевода, в итоге появилось название, взятое непосредственно из текста – одна смысловая фраза. Поэтому в переводе на английский язык «Цель в праве» (в ориг. из нем. “Der Zweck im Recht”) (см. *Jhering R.* Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904) выглядит как “Law as a means to an end” («Право как средство для цели») (см.: *Ihering R.* Law as a means to an end / transl. from the German by Isaac Husik – lecturer on philosophy in the University of Pennsylvania, with an editorial preface by Joseph H. Drake – Professor of law in the University of Michigan and with introductions by Henry Lamm – justice of the supreme court of Missouri and W.M. Geldart – Vinerian Professor of English Law in the University of Oxford. Boston, 1913). Теперь эта извлеченная из тестов Р. Иеринга формула часто используется американскими юристами, но уже зачастую без ссылки на оригинал.

феномена, как право. Хотя на ее основе в XX в. возникли и приобрели некоторую популярность феноменологические трактовки права.

Немецкий правовед и философ А. Кауфман, анализируя феноменологическое учение Э. Гуссерля[33], приходил к выводу, что подход последнего – это «чрезвычайно сложный способ познания»[34]. Ссылаясь на работу сына Э. Гуссерля Г. Гуссерля о «феноменологии ботинка»[35], А. Кауфман писал, что это «характерный пример, который показывает, что феноменологический метод функционирует явно только в отношении просто упорядоченных предметов, но не в отношении чего-то сложного, не говоря уже о нормативном, таком как право»[36].

Р. Иеринг в своем втором венском докладе, опубликованном позднее в виде расширенного печатного текста «Борьба за право», сравнивал каждое правовое положение, каждую правовую норму в контексте борьбы старого и нового права с полипом, который тысячью щупалец прочно держится за интересы («тысяч индивидуумов и целых сословий») – содержание конкретного права[37].

Поэтому изучение права и форм его осмысления, понимания, трактовок и направлений его объяснения требует привлечения, выражаясь современным научным языком, больших массивов данных. Право, особенно как предмет науки, – это отнюдь не только нормы, но и идея, и принцип порядка, мира и свободы, и формы бытийствования свободы, равенства и справедливости, квинтэссенция искусства справедливого разрешения конфликтов и управления делами государства.

На протяжении многих столетий после Декарта тенденциозно увеличивал и распространял влияние субъективизм, хорошо известный еще из античной философии, интерес к сознанию человека как единственной достоверной и самоочевидной вещи. После Канта произошел чуть ли не революционной поворот в сторону сознания. Казалось бы, в сознании должно быть отыскано искомое объяснение права. Однако в итоге праву просто стали отказывать в реальности, даже понятие стали объявлять какой-то избыточной теоретической формой для права. Ведь зачем праву собственное понятие, если оно просто распознается повсюду с помощью правовой (психофизиологической) функции мозга (как у Л.И. Петражицкого), обнаруживается лишь в процессе общения, в контексте, «дозавершается» (как ни странно, исключительно по логике английского языка) в конкретных жизненных ситуациях? У таких правоведов, как Р. Штаммлер или Г. Кельзен, которые оба принадлежат к неокантианству, почему-то понятия права нет совсем. А есть чистые формы мышления о праве, средства интерпретации, «приписывания» – любимый термин субъективистов. Одним словом – инструменты отточены и очищены до блеска, но к чему же они применимы, если у права нет реальности?

Право из средства для социальной цели (по терминологии Р. Иеринга) становится средством познания и означивания, так сказать, мельчает. Но если это действительно так, если субъективизм принципиально прав, то ведь это должно вести к признанию большего разнообразия правовых явлений, правовых феноменов, культур и пр. Однако же на деле совсем не так. Право в таких сугубо субъективистских и прочих аналогичных интерпретациях сужается до микроскопических масштабов, до выпаренного чистого, практически дистиллированного, продукта. Речь идет вовсе не о критике субъективизма, а лишь о том, что он явно недостаточен, чтобы ответить на многие вопросы, связанные с пониманием государства и права, с идеальными и реальными характеристиками. Вот, например, базовая простейшая по форме величина, традиционно вкладываемая в понятие права, – это свобода. Но если мы возьмемся повнимательнее изучить, что же означает свобода в философии права, в истории политико-правовой мысли, привлечем знания из области религии, языкознания, общей литературы, эстетики, культурологии, то убедимся, что словом «свобода» обозначаются несовпадающие явления, а то и существенно отличающиеся. Но тогда та чистая форма логики права, нормативных суждений и прочих аналогичных феноменов, которая построена на определенном *содержании* понятия свободы, разве будет являться всеобщей? Свобода в протестантской философии тяготеет к учению о предопределении, известному еще со времен стоической философии. У Канта речь идет о свободе только как интеллектуальном образе, как вещи в себе, так как у нее нет сопоставимых в опыте объектов. А его всеобщий закон свободы, служащий основанием для формулы определения права, произвольно и ошибочно, как показывает последующая история юридической мысли, исключает мотивы и цели поступков, служит принципиально представлению о согласовании свободы (сфер свободы индивидуумов), а не ее соотношению с представлениями о равенстве и справедливости. Совершенно другое понимание свободы содержится в православной традиции, в святоотеческой литературе, в русской литературе вообще. Важные дополнения

[33] См.: *Гуссерль Э.* Логические исследования / разреш. авт. пер. с нем. Э.А. Берштейн; под ред. и с предисл. С.Л. Франка. СПб., 1909. Ч. 1.

[34] Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. S. 77.

[35] *Husserl G.* Recht und Zeit. Frankfurt am Main, 1955. S. 14.

[36] Ibid.

[37] См.: *Jhering R.* Der Kampf um's Recht. Wien, 1872. S. 14.

о понимании свободы в русской культуре и литературе даются в работах Д.С. Лихачева[38].

Если же математика свободы оказывается изменчивой и не всегда точной, то, вероятно, и право, как математика свободы[39], имеет более сложное формальное содержание, т.е. даже в этой традиционно существенной части права и правопонимания[40].

Академик А.О. Чубарьян, один из авторов шеститомной «Всемирной истории», справедливо напоминает: «Анализ истории человечества невозможен без глубокого понимания роли культуры, трактуемой в самом широком смысле, в контексте социума и социальной истории, <...> как одной из основных характеристик духовной жизни и духовной и идейной истории человечества. Именно в культуре синтезируются разнообразные стороны и факторы истории»[41].

История литературы сообщает чрезвычайно важные сведения для любой науки о культуре. Разве юридическая литература не является жанром и видом литературы? А теперь обратим вниманием на такой факт: историю политических и правовых учений, например, в странах Западной Европы в период рубежа первого и второго тысячелетий нашей эры мы видим традиционно в виде некоторого внушительного набора сочинений и размышлений, нам сообщают источники о целых школах юристов средневековья – глоссаторах. Однако история литературы поясняет, причем документально, что в этот период общая литература крайне скудна, примитивна либо отсутствует вовсе. Но тогда спрашивается: как же так получается, что культурный уровень народа остается еще очень примитивным, литература неразвитой или слаборазвитой, но политико-правовое мышление освещается как вполне заметное и зрелое явление? Очевидно, что здесь в упрощенных и схематичных воспроизведениях политико-философских и юридических сочинений средневековых авторов упускается что-то весьма важное, а именно оценка литературного (культурного) уровня эпохи, адекватности понимания стилевой, жанровой, языковой и прочих аналогичных черт.

При изучении истории т.н. западного права или условной западной традиции права на самом деле в широкой и объемной исторической панораме складывается устойчивое убеждение, которое подкрепляется множественными доказательствами, о том, что варварским европейским народам в далеком средневековье досталось богатое античное культурное наследство, а все последующее развитие – это не развитие дальше – от него и на его основе, а лишь огромные исторические усилия дорасти, дотянуться до уровня античности. Лишь в XIX в., когда, наконец, в науках, философии, юриспруденции прорывается национальный язык, становится заметным, что европейцы теперь хотят сбросить римское устаревшее наследство – культурное совершеннолетие Западной Европы.

Русская философия – она вообще другая по своему композиционному портрету и рисунку, ритму и типу выразительности, тематическому набору и характеру ответов. Ей больше соответствует духовная проповедь, размышления учительного старца, литературная образность, а не математически вычисляемая и технологически конструируемая система рациональных утверждений, как, например, в немецкой философии. Принципиально нет никакой разницы между верой И. Канта во всесилие морального закона и верой Л.Н. Толстого во всеобъемлющую роль нравственности. Есть разница в основном в средствах выразительности и типе аргументации. В недальновидных интерпретациях часто звучат такие оценки, что первый выступает исключительно как защитник права и добрых нравов, а второй оказывается почему-то правовым нигилистом и чуть ли не выразителем таким образом особенностей какой-то русской нигилистической склонности в обращении с правом, хотя при этом ничто в творчестве русского писателя не говорит о том, что он был нигилистом, анархистом или сторонником какого бы то ни было беззакония.

Можно ли надлежащим образом понять того же И. Канта, не зная связей его творчества с протестантизмом, на основе которого развивалась чуть ли не вся немецкая философия, начиная с Лейбница? Конечно же, нет. Кантовский агностицизм, типология суждений на аналитические и синтетические для нужд критики чистого разума, представления о моральности, религии, праве и др. либо выделенные им самим в качестве главных вопросов его философии – о *Боге, свободе и бессмертии* – все они имеют прямую связь с основными положениями протестантизма. Кант предлагает именно философское обоснование протестантских постулатов. Это важно для политико-правовых знаний потому, что, не зная или не обращая внимания на указанные условия и характеристики, популяризируя Канта без достаточного критического анализа или аналитическую юриспруденцию, не обращая

---

[38] См.: *Лихачев Д.С.* Русская культура. М., 2022.

[39] См.: *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы: опыт прошлого и перспективы. М., 1996.

[40] Например, В.В. Бобынин еще в XIX столетии писал: «История математики, наравне с историей логики и философии, приобретает громадную важность для истории культурного развития человечества – истории, часть которой она составляет. Историк культуры, следовательно, не может игнорировать результаты исследований и выводов Истории математики» (см.: *Бобынин В.В.* Философское научное и педагогическое значение истории математики. М., 1886. С. 1).

[41] Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. С. 9.

внимания на сокрытую в ней глубокую бытийно-лингвистическую связь, характерную именно для английского языка, соответствующие апологетики создают искусственные проекты, которые не приживаются в другой нравственно-духовной и интеллектуальной среде или создают нерабочие модели. Речь идет только о том, что соответствующая глубокая природа политико-правовых знаний и их идейных основ должна воспроизводиться, изучаться и анализироваться на основе подлинно критического взгляда, достоверной историографии идей, на основе принципиального распознавания, осознания и уважения цивилизационной и культурной идентичности типов развития.

Равно как античную философию невозможно адекватно понять, не зная греческую мифологию, античную эстетику, так с трудом можно уяснить смысл философии протестантской Германии или Англии, не обращая внимания на культуру, язык, литературу, эстетику, общественно-религиозное сознание. Это все необходимые ключи к отысканию истины. Нельзя понять идею логической и исторической необходимости в философии Гегеля, не зная учения о предопределении стоиков, Блаженного Августина, протестантизма, особенно кальвинизма. В русской философии нет темы свободы воли, поскольку православие и русская культура вообще никогда не отрицали свободу воли. Напротив, для протестантов эта тема является одной из самых насущных и непреходящих, так как именно с нее начинает свое вероучение М. Лютер. Поэтому для протестантского философа или юриста (как, например, у Р. Иеринга в его учении о «духе» права, о «цели» в праве) проблема свободы воли является чрезвычайно важной, предопределяющей многие смысловые характеристики его философии. Для русской философии тема свободы воли по-настоящему не могла и не может быть интересна, хотя нередко воспроизводилась. Дело в том, что понимание свободы разное в различных философских учениях, конфессиональных направлениях, литературах.

В русской философии скорее будет поставлен традиционный вопрос о выборе правильного пути, пути спасения, который может сделать даже самый отчаянный грешник[42].

Поскольку речь идет об истории политической и правовой мысли как научной дисциплине, то важнейшую роль при этом играет определение ее предмета, контуров и содержания познаваемой сферы. В зависимости от трактовки предмета данной дисциплины возможны самые разнообразные варианты ее построения, что в итоге приводит к необходимости сравнения различных трактовок и определению того, что следует считать достоверным и правильным, что удовлетворительно служит задачам развития политико-правовых знаний. Принципиально ясным выглядит ответ на вопрос, какие типы знаний относить к предмету данной дисциплины – учения. Однако важно определить: что такое учение и какие иные формы теоретических знаний о политико-правовой сфере жизни общества могут сюда относиться? Какие конкретно типы и жанры политико-правовых размышлений или учений следует включать в предмет соответствующей дисциплины.

Не случайно в области истории политической и правовой мысли или истории философии права звучат призывы к различению собственно философской и исторической части или, что то же самое, теоретической и конкретно-исторической. По крайней мере в литературе последних двух столетий различение теоретической и конкретно-исторической частей является заметным и последовательным приемом. Наряду с этим в приведенный набор ракурсов предлагается включать социально-политический или социально-практический компонент, показывающий замыслы автора и практическую нацеленность, наличие своего рода программы действий, призывов к современникам (как у Иеринга или Маркса) и др. Например, у американских юристов XX в. или британских прагматистов практическая нацеленность является самой наглядной чертой, отстесняющей другие.

По своей культурной, языковой и прочей аналогичной специфике каждая зрелая общность, народ или государство будут непременно использовать такую модель построения политико-правовых знаний, которая удовлетворительно служила бы цели легитимации их собственного взгляда на эти процессы. Поэтому в истории политико-правовой мысли часто заметны идеологические ограничения, односторонние трактовки, попытки исключения других альтернативных трактовок и т.п. Отсюда вытекает важнейшая задача для надлежащей реконструкции политико-правовых знаний – это обеспечение их полноты и достоверности, критического анализа, адекватного сопоставления и сравнения.

Сейчас в основном используются модели концепции философии истории Гегеля, который, конечно же, занимался реконструкцией политико-правовой мысли таким образом, чтобы показать преемственную связь немецкой мысли с античными авторами, как безусловным авторитетом в области философии. В такой модели читается движение от античной философии, сознательно исключая в основном промежуточные звенья – например в виде арабской философии, через возделывание

[42] Об этом говорит пример Н. Ставрогина, героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы», или содержание вставной притчи «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы» (см.: *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: роман. СПб., 2012. С. 262–282).

философии для нужд католицизма и в итоге к обретению немцами протестантской философии, когда философия стала заниматься проблемами и темами протестантизма. В истории философии присутствует ложный посыл о том, что вместе с протестантизмом философия как бы отделилась от религии, освободилась от религиозной догматики. Но это не более чем миф. В протестантских странах, особенно в Англии и Германии, положения протестантизма определили все основные темы так называемой современной философии, в том числе философии права. Поэтому связь философии и религии значительно прочнее и теснее, чем это традиционно утверждается. Соответственно, когда речь идет о философии права в немецкой, английской или французской интерпретации, то следует быть внимательным к тем вопросам, которые на самом деле определяют содержание, объем и специфику соответствующей национальной модели. Нельзя надлежащим образом выяснить содержание политико-правовой мысли разных народов, не учитывая своеобразие общественно-религиозного сознания, языка, литературных и эстетических форм, культурных и историософских идеалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобынин В.В.* Философское научное и педагогическое значение истории математики. М., 1886. С. 1.
2. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., 2011. С. 9.
3. *Горбань В.С.* «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки // Журнал росс. права. 2023. Т. 27. № 12. С. 68–84.
4. *Горбань В.С., Груздев В.С.* О реалистичности правового реализма // Право и политика. 2023. № 10. С. 24–37.
5. *Гуссерль Э.* Логические исследования / разреш. авт. пер. с нем. Э.А. Берштейн; под ред. и с предисл. С.Л. Франка. СПб., 1909. Ч. 1.
6. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: роман. СПб., 2012. С. 262–282.
7. Изборник: сб. произв. литературы Древней Руси / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева; вступ. ст. Д.С. Лихачева, с. 5–26. М., 1969. С. 8, 14.
8. *Иларион* (митр. Киевский; XI в.). Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л.П. Жуковской; пер., вступ. ст., с. 5–27, В.Я. Дерягина; коммент. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского. М., 1994.
9. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1985. С. 27–71.
10. *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М., 1994. С. 56.
11. *Леонтьев А.Н.* Эволюция, движение, деятельность. М., 2012. С. 186, 189.
12. *Лихачев Д.С.* Русская культура. М., 2022.
13. *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы: опыт прошлого и перспективы. М., 1996.
14. *Фейербах П.И.А.* Уголовное право. СПб., 1810. Кн. 1. С. 2.
15. *Atiyah P.S.* Pragmatism and Theory in English Law. London, 1987. Pp. 3, 4.
16. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004. S. 70, 77.
17. *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.
18. *Hart H.* The concept of law. 3rd ed. Oxford, 2012.
19. *Hugo G.* Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil: Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. Berlin, 1799.
20. *Husserl G.* Recht und Zeit. Frankfurt am Main, 1955. S. 14.
21. *Holmes O.W.* The path of the law // Harvard law review. Vol. X. 1897. No. 8. Pp. 457–478.
22. *Jhering R.* Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig, 1852.
23. *Jhering R.* Der Kampf um's Recht. Wien, 1872. S. 14.
24. *Jhering R.* Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904.
25. *Jhering R.* Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil: Th. 2, Abth. 1. Leipzig, 1854. VIII.
26. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.
27. *Jhering R.* Law as a means to an end / transl. from the German by Isaac Husik – lecturer on philosophy in the University of Pennsylvania, with an editorial preface by Joseph H. Drake – Professor of law in the University of Michigan and with introductions by Henry Lamm – justice of the supreme court of Missouri and W.M. Geldart – Vinerian Professor of English Law in the University of Oxford. Boston, 1913.
28. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen; Wien, 2017. S. 21.
29. *Llewellyn K.N.* On philosophy in American law // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 82. 1934. No. 3. Pp. 205–212.
30. *Merkel A.* Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur "positiven" Rechtswissenschaft und zum allgemeinen Theil derselben // Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 2 Teile in 1, Band 1. Wien, 1874. S. 402–421.
31. Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert / hrsg. von Winfried Brugger, Ulfrid Neumann und Stephan Kirste. Frankfurt am Main, 2008.

REFERENCES

1. *Bobynin V.V.* Philosophical scientific and pedagogical significance of the history of mathematics. M., 1886. P. 1 (in Russ.).
2. World history: in 6 vols / ch. ed. A.O. Chubaryan. Vol. 1: Ancient World / res. ed. V.A. Golovina, V.I. Ukolova. M., 2011. P. 9 (in Russ.).
3. *Gorban V.S.* "Pure" doctrines of law: their diversity in the history of legal thought and influence on the nature of modern legal science // Journal of Russ. law. 2023. Vol. 27. No. 12. Pp. 68–84 (in Russ.).
4. *Gorban V.S., Gruzdev V.S.* On the realism of legal realism // Law and politics. 2023. No. 10. Pp. 24–37 (in Russ.).
5. *Husserl E.* Logical research / author's permission. transl. from German by E.A. Berstein; ed. and with a preface by S.L. Frank. SPb., 1909. Part 1 (in Russ.).
6. *Dostoevsky F.M.* Brothers Karamazov: novel. SPb., 2012. Pp. 262–282 (in Russ.).
7. Izbornik: collection of works of literature of Ancient Russia / comp. and the general ed. of L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev; introduction by D.S. Likhachev, pp. 5–26. M., 1969. Pp. 8, 14 (in Russ.).
8. *Hilarion* (Metropolitan Kievsky; XI century). The Word about Law and Grace / reconstruction of ancient Russ. text by L.P. Zhukovskaya; transl., intro. art., pp. 5–27, V. Ya. Deryagin; comment. V. Ya. Deryagin, A.K. Svetozarsky. M., 1994 (in Russ.).
9. The history of political and legal doctrines. The Ancient World / res. ed. V.S. Nersesyants. M., 1985. Pp. 27–71 (in Russ.).
10. *Kant I.* Collected works: in 8 vols. Vol. 3. Criticism of pure reason. M., 1994. P. 56 (in Russ.).
11. *Leontiev A.N.* Evolution, movement, activity. M., 2012. Pp. 186, 189 (in Russ.).
12. *Likhachev D.S.* Russian culture. M., 2022 (in Russ.).
13. *Nersesyants V.S.* Law – mathematics of freedom: past experience and prospects. M., 1996 (in Russ.).
14. *Feuerbach P.J.A.* Criminal Law. St. Petersburg, 1810. Book 1. P. 2 (in Russ.).
15. *Atiyah P.S.* Pragmatism and Theory in English Law. London, 1987. Pp. 3, 4.
16. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004. S. 70, 77.
17. *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.
18. *Hart H.* The concept of law. 3rd ed. Oxford, 2012.
19. *Hugo G.* Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil: Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. Berlin, 1799.
20. *Husserl G.* Recht und Zeit. Frankfurt am Main, 1955. S. 14.
21. *Holmes O.W.* The path of the law // Harvard law review. Vol. X. 1897. No. 8. Pp. 457–478.
22. *Jhering R.* Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig, 1852.
23. *Jhering R.* Der Kampf um's Recht. Wien, 1872. S. 14.
24. *Jhering R.* Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904.
25. *Jhering R.* Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil: Th. 2, Abth. 1. Leipzig, 1854. VIII.
26. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.
27. *Jhering R.* Law as a means to an end / transl. from the German by Isaac Husik – lecturer on philosophy in the University of Pennsylvania, with an editorial preface by Joseph H. Drake – Professor of law in the University of Michigan and with introductions by Henry Lamm – justice of the supreme court of Missouri and W.M. Geldart – Vinerian Professor of English Law in the University of Oxford. Boston, 1913
28. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 heraugegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen; Wien, 2017. S. 21.
29. *Llewellyn K.N.* On philosophy in American law // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 82. 1934. No. 3. Pp. 205–212.
30. *Merkel A.* Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur "positiven" Rechtswissenschaft und zum allgemeinen Theil derselben // Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 2 Teile in 1, Band 1. Wien, 1874. S. 402–421.
31. Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert / hrsg. von Winfried Brugger, Ulfrid Neumann und Stephan Kirste. Frankfurt am Main, 2008.

Сведения об авторе

ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич –
доктор юридических наук,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного Центра
философско-правовых исследований
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GORBAN Vladimir S. –
Doctor of Law,
Head of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Head of the Interdisciplinary Center
for Philosophical and Legal Studies,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 23–32
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 23–32

УДК 340

МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: КАНТ И РУССКИЕ ЮРИСТЫ

© 2024 Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Поступила в редакцию 03.03.2024 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы философии права с позиции Канта и русских неокантианцев. Показано различие принципа необходимости (исходит из естественного хода вещей) и принципа долженствования (применяется к сфере нравственности). Согласно принципу этического долженствования каждый человек признается самоцелью, а все лица – равноценными. В центре внимания русских юристов-неокантианцев – процесс реализации перехода от формальной этики к философии права, в которой соединяются предписания нравственного закона и политико-правовые явления. Вслед за Кантом русские юристы утверждали, что государство не должно навязывать населению образцы справедливости – ему следует создавать условия, при которых каждый мог бы свободно выбирать, что есть для него благо (счастье), и достигать желаемое с единственным ограничением – не нарушать права и свободы других членов общества. В период столкновения интересов различных общественных групп отечественные правоведы-неокантианцы стремились отыскать пути мирного социального развития. Ядро их концепций создавала уверенность в позитивном значении нравственности, традиции, права и государства.

Ключевые слова: философия права, Кант, русские юристы-неокантианцы, этика, право, государство, общественный идеал.

Цитирование: *Фролова Е.А.* Методология философии права: Кант и русские юристы // Государство и право. 2024. № 11. С. 23–32.

DOI: 10.31857/S1026945224110022

METHODOLOGY OF THE PHILOSOPHY OF LAW: KANT AND RUSSIAN LAWYERS

© 2024 E. A. Frolova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Received 03.03.2024

Abstract. The article examines issues of the Philosophy of Law from the position of Kant and Russian Neo-Kantians. The difference between the principle of necessity (based on the natural course of things) and the principle of obligation (applied to the sphere of morality) is shown. According to the principle of ethical obligation, each person is recognized as an end in itself, and all persons are considered equal. The focus of Russian Neo-Kantian lawyers is the process of implementing the transition from formal ethics to the Philosophy of Law, which combines the requirements of the moral law and political and legal phenomena. Following Kant, Russian lawyers argued that the state should not impose models of justice on the population – it should create conditions under which everyone could freely choose what is good for them (happiness) and achieve what they want with the only limitation – not to violate the rights and freedoms of others members of society. During the period of conflict of interests of various social groups, domestic Neo-Kantian lawyers sought to find ways of peaceful social development. The core of their concepts created confidence in the positive meaning of morality, tradition, law and the state.

Key words: Philosophy of Law, Kant, Russian Neo-Kantian lawyers, ethics, law, state, social ideal.

For citation: *Frolova, E.A. (2024).* Methodology of the Philosophy of Law: Kant and Russian lawyers // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 23–32.

В 2024 г. отмечается 300-летие со дня рождения Иммануила Канта[1]. Эту дату человечество встречает постановкой социальных проблем, о многих из которых речь шла в трудах кёнигсбергского мыслителя. Речь идет об этике, сущности права, социальной природе человека, построении гражданского общества, основу которого образует самодостаточная личность, перспективах развития цивилизации и гарантиях выживания индивида на уровне человеческого рода. XXI век характеризуется сложными отношениями в политической и социальной жизни, активизируется ежедневная борьба за существование каждого индивида в отдельности и членов общества в целом, а также человечества как такового. Тем не менее в современном мире в условиях существования различных особенностей национальных систем есть понимание, что мы живем в едином цивилизационном пространстве. Две сотни лет назад вне темы цифровизации и искусственного интеллекта неокантианец баденской школы В. Виндельбанд замечал: «Поле нашего зрения расширилось до бесконечности, мы не знаем никакой границы бытия: из тысячи источников со всего земного шара стекаются к нам знания, которые никогда уже не уложатся в одной голове и никогда не будут сведены в одну простую общую формулу»[2]. За двести лет многое в социокультурном пространстве изменилось, но как и раньше центром решения социальных вопросов выступает человек – со своими интересами и целями, требованиями и ожиданиями, обусловленными как личными предпочтениями, так и общественными запросами. Оценивая переменную составляющую человеческой природы, Кант метко замечал: «Из столь кривого дерева, из которого сделан человек, нельзя вытесать ничего совершенно прямого». И все же разумность человека во все времена – та путеводная звезда, с которой связаны надежды по пути продвижения человечества к своему прогрессивному развитию.

И. Кант и его последователи внесли большой вклад в исследование науки методологии, этики, права и государства, подняв на новый теоретический уровень аксиологию и деонтологию. Рецепция этих идей русскими юристами конца XIX – начала XX в.

[1] См.: *Кроткова Н.В.* Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)» // Государство и право. 2024. № 9. С. 212–231. DOI: 10.31857/S1026945224090203

[2] *Виндельбанд В.* Иммануил Кант (К столетнему юбилею его философии) // Виндельбанд В. Прелюдии: философские статьи и речи / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. М., 2011. С. 110.

(П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.А. Савальский, Е.Н. Трубецкой, В.М. Хвостов, Н.Н. Алексеев, С.И. Гессен, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др.) повлияла на развитие правовой традиции России, однако в силу различных причин влияние это было ограничено, и до настоящего времени доминирование этой философии в политико-правовом мышлении – задача скорее из области желаемого. Вместе с тем ценностный подход к личности, понимание права как «культурного блага», влияющего на жизнь в обществе, прочно соединились в русском правовом сознании с учением немецкого мыслителя.

* * *

Философия Канта определила границы познания: отношения людей не являются предметом естествознания, как полагало большинство позитивистов до немецкого мыслителя, социальная сфера относится к миру должного, в основе которого лежит моральный закон. В структуре знаний, согласно кантианской философии, необходимо строго различать элементы, привносимые мышлением и рассудком, и элементы, воспринимаемые с помощью органов чувств из природных явлений.

Центральной темой философии неокантианцев являлось учение о научном методе. Сторонники этой философии[3] различали природу и культуру: в природе все явления строго закономерны и необходимы, они происходят в соответствии с законами причинно-следственных соотношений; в культуре решающую роль играют сознание, воля, ценности и цели, привнося тем самым в общественные отношения категории этики (свободу, равенство, справедливость). Социальные отношения исследуются двумя способами, одинаково логичными и потому равнозначными: 1) с помощью суждений о добре и зле, т.е. через призму справедливых или несправедливых результатов; 2) с помощью суждений о причине и действии. Оба вида этих суждений заключают в себе истину и необходимы для понимания социальных отношений. Оценочные характеристики, как и суждения о причинно-следственных соотношениях, обладают характером неотъемлемости и общеобязательности. Категории необходимости и справедливости – предмет исследований представителями неокантианской философии: «необходимость» одинаково применима к естественным и социальным явлениям, «справедливость» применяется только к социальным явлениям. Категории необходимости и справедливости сходны тем, что они, во-первых, одинаково присущи сознанию и обязательны для него, во-вторых, образуют основу объективного знания. Их различия заключаются в том, что категория необходимости используется в целях познания, при помощи категории справедливости даются оценки, на ее основе выносится нравственный приговор результату социального развития.

Согласно неокантианцам, научная философия включает в себя логику, этику, эстетику; логика состоит из теории познания, формальной логики и методологии. Отличие дисциплин научной философии от естественных наук заключается в том, что последние изучают все явления как необходимо происходящие, где высший принцип – законы природы. Дисциплины научной философии анализируют то, что должно быть, и потому для них основной принцип – нормы как общеобязательные правила теоретического мышления (логика), как практической деятельности (этика), как творчества (эстетика). Общей для всех естественных наук является категория естественной необходимости; объединяющая категории для дисциплин научной философии проявляется в сознании должного[4].

Задача научной философии состоит в исследовании должного во всех формах и проявлениях, и прежде всего в выявлении принципов научной философии. Для выбора и систематизации содержания мышления и выработки научного знания необходимо соблюдать логические формы. В их основе лежит принцип оценки, а основанием для оценок являются не описательные, а общеобязательные нормы – нормы логики, имеющие нормативный характер. Только таким образом создается действительно научное знание, основной чертой которого выступает обязательная сила для всех нормально мыслящих людей. В этой связи обращалось внимание на различия индивидуального и научного мышления. Индивидуальное мышление представляет собой единичные комбинации между отдельными частями содержания мышления с точки зрения естественной необходимости; научное мышление имеет всеобщий характер, оно обязательно для каждого человека. Однако это не означает, что научное мышление носит социальный характер: оно социально лишь настолько, насколько вообще всякое мышление является социальной функцией (знание языка, возможность общения людей и др.)[5]. Важно понимать, что научное мышление не является коллективным или мышлением большинства – по своей сути оно всегда индивидуально.

[3] Традиционно выделяются две основные школы неокантианства: марбургская и баденская. О методологических различиях сторонников этих школ см.: *Фролова Е.А.* Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2019. С. 8–11 и др.; Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 273–278.

[4] См.: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1998. С. 120.

[5] См.: там же. С. 129.

Процесс образования понятий составляет, по существу, логическое мышление. Необходимо четко прослеживать границу между логическим мышлением, подчиняющимся правилам, и психологическим мышлением, обусловленным исключительно причинными соотношениями между отдельными элементами мышления[6]. Психологическое мышление, основу которого представляет естественная необходимость, является примитивным, несмотря на то что оно тоже выражается в суждениях и понятиях.

Русский юрист-неокантианец Б.А. Кистяковский доказывал необходимость разграничения логических норм, которым необходимо следовать для выявления научных истин, от содержания этих истин и тех психологических законов, которым подчиняется мышление человека. Действительно, может быть высказано много психологически верных, согласных с реальностью (и потому истинных) суждений, общих представлений, однако они не будут создавать научного понятия. В любом обществе можно встретить так называемых «учительских натур», для которых важнее распространять достоверные научные истины, чем добывать новые; или тех лиц, которым важнее эстетическая сторона в познании, чем его логическая структура и формальная последовательность. Чтобы придать законченный образ знанию, эти лица черпают содержание из личных душевных переживаний, что является «изменой знанию» – познавательные постулаты подчиняются здесь личным эстетическим запросам. Смешение познавательного, этически и эстетически должного может выражаться в разных формах, но в любом случае понятие этически должного утрачивает при этом свою определенность и самостоятельность[7].

В отличие от психологических суждений логические понятия обладают качеством «общезначимости». Для получения научной истины необходима выработка точных, устойчивых понятий. Исследуя эмпирические данные, в том числе в области права и государства, следует устанавливать факты, имеющие общее значение. Понятия, создающиеся естественно-психологическим путем, не могут быть критически проанализированы и потому их следует отнести к общим представлениям. Понятия, образованные логическим путем, необходимо рассматривать как понятия научные.

Исходя из этих критериев оценивается и поиск исследователем научной истины. Истину в научном плане или признают, или не признают. Психика человека не имеет в себе границ или руководящих принципов для обобщений – человек может как искать истину, так и заблуждаться. Наша психика действует не целесообразно, а с позиции причинности (подчиняется естественной необходимости).

В противоположность причинному подходу принцип целесообразности предполагает определение целей исходя из субъективных оценок человека (у каждого есть свои ценностные предпочтения). Согласно неокантианцам, правила (нормы) деятельности – это правила или нормы оценок. Человек создает свой особый мир ценностей, независимый от принципов естественной необходимости. Изучением мира ценностей занимается логика (определяет научную истину и способы ее получения), этика (исследует ценное в практической деятельности и нормы для его получения), эстетика (устанавливает ценное в творчестве и формы его воплощения).

На необходимость методологической «чистоты» научных теорий обращал внимание русский юрист, сторонник марбургской школы неокантианства В.А. Савальский. По его оценкам, научный характер доктрины проводится только в тех учениях, которые отстаивают принятую ими точку зрения на всем протяжении анализа понятий. Именно такая «односторонность» позволяет видеть доктрину в ее законченном виде и придает ей стиль классической простоты и ясности. По мысли русского правоведа, и естествознание носит односторонний характер – это есть его великое достоинство, а именно достоинство чистоты метода. Все великие системы философии, считал он, имеют односторонний характер, что не означает выражение только лишь субъективной индивидуальности данного писателя и узость его кругозора – односторонний характер есть «*чистота метода*»[8].

С этой точки зрения В.А. Савальский критически оценивал многие современные ему юридические доктрины. Обычный недостаток концепций в области права, по его мнению, составляет их «наивная многосторонность», заключающаяся в некритическом смешении различных методов, взглядов, подходов. Ссылаясь на то, что право есть явление сложное и многоликое, его стремятся охватить со всех сторон и получают в итоге эклектизм. Характерный пример таких построений – учение немецкого государствоведа Г. Еллинека, в котором, полагал Савальский, смешан социально-политический подход с социально-философской оценкой права и государства. Напомним, первый перевод работы Еллинека «Общее учение о государстве» (опубликована в Германии в 1900 г.) появился в России в 1903 г. и вызвал большой интерес в академической юридической

[6] См.: *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 131.

[7] См.: там же. С. 125–127.

[8] *Савальский В.А.* Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. М., 1909. Т. 1. С. 265.

среде. Произведение немецкого юриста содержит несколько разделов по методологии, в которых автор четко формулирует направленность своего исследования социальных явлений. Так, во второй главе этого труда («Методика учения о государстве») Еллинек показывал отличия социально-научного познания от естественно-научного и раскрыл суть исторического и юридического методов в создании учения о государстве.

Отстаивая «чистоту» метода, юристы неокантианского направления сходились во мнении, что каждое понятие имеет несколько определений. Так, в праве они видели одновременно мощный социальный регулятор, культурное благо и этическое долженствование. Государство, согласно этой методологии, есть факт повторяющийся и одновременно – уникальное явление. Таким образом, юристы показали необходимость целостного исследования предмета: о его свойствах, условиях существования, развития и т.д. Такой подход в методологическом плане примирял неокантианцев с социологами права, исследующими функциональные свойства права и государства. По мнению и тех и других, научное исследование политико-правовых явлений предполагает выработку точных и устойчивых понятий, установление фактов, имеющих общее значение.

* * *

Наряду с принципами логического и методологического долженствования неокантианцы выделили принцип этического долженствования. Нравственный принцип – это принцип оценки, устанавливающий различие между добром и злом: все согласное с добром представляется как нравственно должное, все несогласное с добром выглядит не должным. Добро и зло естественно необходимы, так как природа безразлична к оценкам. Только сознание человека в силу нравственного принципа устанавливает это различие.

По мысли Канта и его последователей, принципы нравственности представляют собой нечто постоянное и неизменное. Они, как и законы логического мышления и законы природы, не подвержены эволюции. Этические нормы по аналогии с законами могут быть в известное время сформулированы, под влиянием определенных обстоятельств распространены и применяться в конкретных условиях, но значение нравственных предписаний не зависит от их применения. Нравственное имеет ценность само по себе независимо от какой-либо другой, даже самой благой, цели. Поэтому познавать нравственность возможно не в эмпирическом мире, а только практическим разумом, закон добра не может основываться на принуждении какой-либо гетерономной (внешней) воле, а должен иметь источник в собственном внутреннем законе, в автономной воле.

Категорический императив – понятие этики Канта, представляющее собой высший принцип нравственности; он обозначает безусловное веление или запрет. Понятие категорического императива сформулировано в «Основах метафизики нравственности» (1785) и подробно исследовано Кантом в «Критике практического разума» (1788). В отличие от гипотетического (технического или условного) императива предписания категорического императива раскрывают закон этики. Требования категорического императива имеют формальный характер, т.е. не содержат указаний, каким образом необходимо поступать человеку в каждом конкретном случае[9]. Этот вид императива выражает только идею «долга перед лицом человечества» и является всеобщим общеобязательным принципом, которым каждый человек должен руководствоваться независимо от своего происхождения, общественного положения и иных условий.

По содержанию категорический императив неизменен и безусловен; устанавливает не то, что совершается с необходимостью, а то, что создается человеком при исполнении долга. Он имеет две формулы. Первая гласит: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»[10]. В другой интерпретации всеобщий императив долга может быть выражен следующим образом: «Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы». Вторая формула предписывает: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»[11]. В этом положении проявляется аксиологическое отношение Канта к личности.

Формальный характер категорического императива предполагает, что этические законы должны обладать всеобщей значимостью, однако формальность предписания не означает отсутствия его содержания: содержанием нравственного принципа является обязанность признания каждого человека самоцелью, всех лиц – равноценными. Долженствование как продукт внутреннего мира человека выражает возможное действие, основанием для которого является чистое понятие. В акте нравственного сознания воля человека автономна: она определяется не извне, а изнутри, самопроизвольно.

[9] См.: *Кант И.* Критика практического разума. 3-е изд. СПб., 2007. С. 277, 278.

[10] Там же. С. 83.

[11] Там же. С. 90.

Согласно Канту, никто не может принуждать человека быть счастливым по какому-либо известному им образцу. Благодаря своей свободной воле каждый человек вправе искать счастье на том пути, который он для себя выбрал, с единственным ограничением: если только он не наносит этим ущерб свободе других лиц. В этом требовании заключается понимание свободы членов общества в условиях правового государства, идею которого отстаивал Кант (термина «правовое государство» у него не было).

Таким образом, под воздействием кантианской философии особое значение получила аксиология, составив важную часть философии права. Неокантианцы показали, что ценности представляют собой род идеальных объектов, между которыми устанавливается независимый от опыта (априорный) порядок. В юридической науке второй половины XIX в. считалось бесспорным фактом, что в составе оценивающей деятельности человека проявляются мотивации не только служебного (производного) характера, но и первичные (самодовлеющие): многое мы считаем ценным не потому, что оно чему-то соответствует, а потому, что оно ценно в себе (самоценно) и именно в этих оценках проявляются безусловные ценности[12]. Данность, в которой усматриваются безусловные ценности, имеет характер истинной достоверности, поэтому познание ценностей обладает характером самоочевидности. Высказывая оценочные суждения («этот поступок – подвиг», «данное дело – справедливо» и т.п.), мы представляем их не субъективными мнениями, а объективными истинами. Теория ценностей предполагает их иерархию, распад на положительные и отрицательные, которые можно трактовать различным образом, однако наличие некоего объективного порядка в отношении ценностей сомнений не вызывает[13].

* * *

Неокантианцы считали необходимым приблизить формальный подход Канта к действительной жизни. Кантианская идея самозаконности личности не дает полноценного представления о действительной связи людей в обществе, связи, учитывающей их различия и способы общения в интересах целого. Последнее у Канта подразумевается и требуется категорическим императивом, но обосновано недостаточно. Формальный характер предписаний категорического императива критиковал Г.В.Ф. Гегель[14]. Конечно, поиск всеобщего закона неизбежно приводит к выделению одной только формы воления, и в этом отношении «формализм» неустраним и вполне оправдан. Но, по мысли последователей критической философии, Кант ошибочно превратил теоретическую формулу категорического императива в единственно нравственный мотив. Г. Еллинек в работе «Социально-этическое значение права, неправды и наказания» замечал: «То, чего должна, прежде всего, требовать от человека общественная мораль, это – определенный способ внешнего отношения к другим людям, индивид должен выразить самого себя вовне». На основе категорического императива Еллинек выстраивал теорию социальной этики: «Если ты желаешь существования общества и его развития, ты должен поступать так, чтобы твой образ действий способствовал сохранению и благосостоянию общества». Это гипотетическое положение может быть обращено в категорическое предписание, которое гласит: «Действуй так, чтобы твой образ действий поддерживал общество и содействовал ему». Таким образом, исследования проявления воли индивида во внешнем мире раскрывали материальную сторону этической области (какие действия следует считать нравственными). Отсюда – обоснование подхода к праву как к «этическому минимуму»[15].

Вслед за европейскими авторами русские юристы-неокантианцы считали необходимым приблизить кантианскую философию к реальной жизни. Для этого делались попытки творческого соединения субъективной этики Канта с объективной системой философии права Гегеля. «Задача нашего времени, – отмечал П.И. Новгородцев, – как и эпохи непосредственных преемников Канта, состоит в том, чтобы понять связь двух областей и их конечную гармонию. Эта задача выводит нас за границы как положительной науки, так и моральной философии: мы вступаем здесь в область метафизики»[16]. В этом синтезе науки и этики, в поиске конечной объективной цели русские правоведы видели соединение принципов долженствования с началами бытия. Согласно их философии, предписания морали должны стать осуществляющимся законом жизни через право и государство.

И. Кант считал, что задачей права является обеспечение такой деятельности людей, которая внешне совмещалась бы с предписаниями категорического императива. Принципом разумного

[12] См.: *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. СПб., 1999. С. 80–93.

[13] О соотношении ценностей и права см.: *Неновски Н.* Право и ценности. М., 1987; *Гройсман С.* Право и морал. Проблемът за юридическата валидност в прочита на съвременния правен позитивизъм. София, 2017.

[14] См.: *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 89.

[15] *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 60, 61.

[16] *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма: сб. ст. / под ред. П.И. Новгородцева. М., 1903. С. 296.

законодательства выступает правовой постулат практического разума – сообразовать свободу каждого со свободой всех членов гражданского общества[17]. Необходимое требование разума состоит в том, чтобы начало права не ограничивалось пределами отдельных государств, а распространялось на все человечество с целью достижения вечного мира. Для этого Кант выдвигал следующие условия: во-первых, гражданское устройство в каждом государстве должно быть правомерным (наличие разделения властей); во-вторых, международное право должно быть основано на союзе свободных государств; в-третьих, взаимные отношения народов и государств должны определяться правилами всеобщего гостеприимства[18].

Русские юристы во многом следовали воззрениям немецкого философа. По их оценкам, из этического принципа нельзя вывести все содержание жизни индивида: для создания научной системы этики должна сформироваться культурная общественность со свойственной ей социальной, государственной, правовой организацией. Этическая система, как и наука, творится человечеством в его историческом развитии, она создается не только действиями отдельных лиц, но определяется степенью культуры общественности, объединяющей несколько факторов: развитые экономические и социальные области, государственные и правовые учреждения, формирующие стабильность общественных связей. Этот процесс представляет собой результат сознательных действий людей, нацеленных на выполнение формул категорического императива[19]. В духе Канта русские юристы считали, что государство не должно навязывать населению образцы справедливости – ему следует создавать условия, при которых каждый мог бы свободно выбирать, что есть для него благо (счастье) и достигать желаемое с единственным ограничением – не нарушать права и свободы других членов общества.

Кроме этого, ряд философов права (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, С.И. Гессен) выступили с обоснованием понятия права на достойное человеческое существование и необходимостью его юридической разработки. По мысли Гессена, ни религиозные прорицания, ни хозяйственная необходимость, ни идеологические догматы не способны раскрепостить людей; самым мощным средством освобождения личности от зол современного общества является право: «только оно способно обуздать хозяйство, поставить его на надлежащее место в культуре и расчистить почву для новой “органической” эпохи, в которой господствовали бы “объективные начала”»[20].

Вслед за Кантом русские юристы признавали, что юриспруденция развивает свои понятия параллельно философскому направлению своего времени, глубина ее точек зрения во многом определяется глубиной научно-философского сознания данной эпохи. Юристы-неокантианцы продемонстрировали двойственный характер права: его социальный компонент (нацеленность на создание и поддержание определенного порядка в обществе) и продукт духовной деятельности человека, позволяющий создавать регулятивные цели (трансцендентальные, присущие сознанию). Исследование права как явления телеологического порядка предполагает его рассмотрение в сфере оценок и целей, однако сущность права обусловлена не только трансцендентальными целями (право – продукт духовного творчества человека), но и эмпирическими (право – инструмент организации совместной жизни людей).

Для целостного познания права как телеологического и одновременно эмпирического явления необходимо определить методы, которыми должна пользоваться наука о праве. Из-за природного дуализма права как научного объекта исследования, по мысли отечественных правоведов, необходимо разграничить фундаментально-теоретическое и юридико-догматическое изучение права. Разница между общей теорией права и догматической юриспруденцией заключается не в степени производимых ими обобщений, а в постановке различных задач и использовании неодинаковых методов[21]: задача общей теории права – научно познать реальную сущность права. Для ее решения описательных методов юриспруденции недостаточно – здесь необходимы объяснительные методы. Предметом догмы права является действующее или действовавшее в определенное время в каком-либо обществе право. Догматическая юриспруденция исследует право как систему правовых норм, правовой порядок конкретного общества. Для изучения этой относительно замкнутой системы права достаточно применять принципы формальной

[17] См.: *Пионтковский А.А.* Теория права и государства Канта. Философия Канта и современность / под общ. ред. Т.И. Ойзермана. М., 1974. С. 160.

[18] См.: Трактат И. Канта «К вечному миру» вышел в свет в 1795 г. и выдержал несколько изданий при жизни автора (см.: *Кант И.* Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 353–477.

[19] См.: *Торбов Ц.* Основни принципи на правото. Право и справедливост. София, 1940. С. 208–216.

[20] *Гессен С.И.* Правовое государство и социализм // Гессен С.И. Избр. соч. М., 1999. С. 231, 232.

[21] См.: *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916 // Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. С. 393.

логики, востребованные в описательных науках (обобщение, классификация по группам, видам, родам и др.).

* * *

Важная тема философии права неокантианства – поиск социального идеала, варианты которого виделись юристами по-разному. Так, в качестве общественного идеала представитель марбургской школы неокантианства Р. Штаммлер обосновывал «общество свободно хотящих людей»[22]. Подчеркивая индивидуальную свободу человека и самостоятельность его выбора, В.М. Хвостов считал, что принцип социального идеала состоит в идее гармонического примирения запросов личности и общества. По его убеждению, идеальное общество – это общество, благосостояние которого определяется благосостоянием образующих его личностей. Этот принцип образует идею высшей справедливости, с позиции которой подлежат оценке все социальные нормы[23]. Сторонник баденской школы неокантианства П.И. Новгородцев для России начала XX столетия отстаивал необходимость достижения правового и социального государства. Личность, по его убеждению, имеет безусловное значение, и входя в общество, она не утрачивает его. Однако общество XX в. предполагает новое содержание: это уже не только духовно-нравственный синтез – понятие общества содержит внутри себя объективные различия и противоречия. Дело в том, что общественный организм не представляет собой сплоченного единства, обязанности, которые оно ставит личности, не являются «однохарактерными и согласованными». В пределах каждого политического союза существует целый ряд других общественных кругов, в которых отдельное лицо одновременно может быть участником: семья, сословие, класс, церковь, национальность, профессиональные и партийные организации, государственные и местные подразделения, – все эти многочисленные расслоения общественной жизни создают чрезвычайную сложность проявлений личности и учета со стороны права[24]. Поэтому юристам и политикам важно направить свои усилия на смягчение непримиримых крайностей и найти золотую середину во взглядах на соотношение личности с обществом.

Представители неокантианской философии права не обосновывали насильственное уничтожение существующего общества, не считали необходимым радикальную замену его новым порядком, который обеспечил бы гармонию безгосударственного будущего. Они стремились отыскать пути развития в условиях столкновений интересов различных общественных групп для сосуществования в организованном социуме. Ядро неокантианских концепций создавала уверенность в позитивном значении нравственности, традиции, права, государства, хотя эти начала требуют разумной меры своего влияния на человека и общественный порядок. Исследование этих вопросов показывает, что тема поиска общественного идеала, при всей своей абстрактности, имеет большое значение для уяснения практических юридико-политических задач.

Согласно установкам русских неокантианцев, существуют общие руководящие объективные начала, перед которыми склоняется индивидуальное сознание. Стремление устроить жизнь согласно разуму не должно отрываться от начал истории, от органических основ общественного порядка. В противном случае, «когда, увлекаясь полетом, мысль человеческая отрывается от своих жизненных корней, когда она стремится сама из себя воссоздать всю действительность, тогда вместо того, чтобы быть силой созидательной и прогрессивной, она становится началом разрушительным и революционным»[25]. Для создания стабильного правового порядка с тем, чтобы не произошел отрыв идей личности от действительных запросов истории, необходимо сохранять связи веков и поколений. Прогрессивное движение должно сочетать старое с новым, изменчивое с постоянным и вечным.

Ценность различных обществ определяется сознательным выражением духовной жизни. Задача каждого общества заключается в создании и развитии своей системы культуры, поскольку именно в ней содержится нравственная ценность каждого общества. Уровень культуры определяет содержание индивидуального нравственного сознания, которое не зависит от исторических особенностей. Принцип, определяющий содержание этики, который отстаивали русские юристы-неокантианцы, гласит: делай все от тебя зависящее, чтобы общество, к которому ты принадлежишь, осознало и укрепило в себе свое общее духовное содержание. Из этого принципа вытекает ряд культурных обязанностей (правдивость, симпатия, благожелательность). Эти обязанности оказываются необходимыми телеологическими выводами из основной идеи, а в качестве реализации системы культуры выступают наука, искусство, правовой порядок.

[22] *Штаммлер Р.* Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В.А. Краснокутского. М., 1908.

[23] См.: *Хвостов В.М.* Общая теория права: элементарный очерк. 5-е изд. М., 2011. С. 45.

[24] См. об этом: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 174.

[25] *Новгородцев П.И.* О путях и задачах русской интеллигенции. Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1991. С. 244.

* * *

Духовная и юридическая основа русского неокантианства – идея Канта о свободе личности, об охране всех членов общества со стороны правового государства. В статье «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”» немецкий философ замечал: «Гражданин государства... должен иметь право открыто высказывать свое мнение о том, какие из распоряжений государя кажутся ему несправедливыми по отношению к общности. Ибо допустить, что глава [государства] никогда не может ошибаться или быть несведущим в каком-либо деле, значило бы считать его боговдохновенным и стоящим выше человечества. Поэтому *свобода печатного слова* есть единственный палладиум прав народа – свобода в рамках глубокого уважения и любви к своему государственному устройству, поддерживаемая либеральным образом мыслей подданных, который оно внушает...»[26]. Русские юристы, сторонники этой философии, дополняли идеи Канта развитием принципов социальной этики и построениями не только правового, но уже и социального государства, имеющего своей задачей материальное обеспечение граждан.

В целом неокантианство характеризуется как философия гуманизма и просвещения. В ее основе лежит вера в человека как существа разумного (разум существует только там, где есть действительное добро, зло же проистекает от неведения и невежества людей). Разумными существами, а значит, и нравственными делает людей не внешнее принуждение, а просвещение их мысли и формирование воли, т.е. целесообразное воспитание. Установить объективные цели рационального воспитания может только этика, основанная на требованиях, вытекающих из природы автономного разума, а не на противоречивых эмпирических наблюдениях, субъективных настроениях и догматической вере в авторитеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. СПб., 1999. С. 80–93.
2. *Виндельбанд В.* Иммануил Кант (К столетнему юбилею его философии) // Виндельбанд В. Прелюдии: философские статьи и речи / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. М., 2011. С. 110.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 89.
4. *Гессен С.И.* Правовое государство и социализм // Гессен С.И. Избр. соч. М., 1999. С. 231, 232.
5. *Гройсман С.* Право и морал: Проблемът за юридическата валидност в прочита на съвременния правен позитивизъм. София, 2017.
6. *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 60, 61.
7. *Кант И.* Критика практического разума. 3-е изд. СПб., 2007. С. 83, 90, 277, 278.
8. *Кант И.* Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 323–325, 353–477.
9. *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916 // Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. С. 393.
10. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1998. С. 120, 125–127, 129, 131.
11. *Кроткова Н.В.* Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)» // Государство и право. 2024. № 9. С. 212–231. DOI: 10.31857/S1026945224090203
12. *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма: сб. ст. / под ред. П.И. Новгородцева. М., 1903. С. 296.
13. *Новгородцев П.И.* О путях и задачах русской интеллигенции. Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1991. С. 244.
14. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 174.
15. *Неновски Н.* Право и ценности. М., 1987.
16. *Пионтковский А.А.* Теория права и государства Канта. Философия Канта и современность / под общ. ред. Т.И. Ойзермана. М., 1974. С. 160.
17. *Савальский В.А.* Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. М., 1909. Т. 1. С. 265.
18. *Торбов Ц.* Основни принципи на правото. Право и справедливост. София, 1940. С. 208–216.
19. Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 273–278.
20. *Фролова Е.А.* Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2019. С. 8–11.
21. *Хвостов В.М.* Общая теория права: элементарный очерк. 5-е изд. М., 2011. С. 45.
22. *Штаммлер Р.* Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В.А. Краснокутского. М., 1908.

REFERENCES

1. *Alekseev N.N.* Fundamentals of the Philosophy of Law. SPb., 1999. Pp. 80–93 (in Russ.).
2. *Windelband V.* Immanuel Kant (To the centenary of his philosophy) // Windelband V. Preludes: philosophical articles and speeches / transl. from German and introduction by S. Frank. M., 2011. P. 110 (in Russ.).

[26] *Кант И.* Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). С. 323–325.

3. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law. M., 1990. P. 89 (in Russ.).
4. *Hessen S.I.* The rule of law and socialism // Hessen S.I. Selected essays. M., 1999. Pp. 231, 232 (in Russ.).
5. *Groysman S.* Law and morality. The problem of legal validity in the reading of modern legal positivism. Sofia, 2017.
6. *Jellinek G.* The socio-ethical significance of law, injustice and punishment. M., 1910. Pp. 60, 61 (in Russ.).
7. *Kant I.* Criticism of practical reason. 3rd ed. SPb., 2007. Pp. 83, 90, 277, 278 (in Russ.).
8. *Kant I.* Essays: in 4 vols. in German and Russian. Vol. I. Treatises and articles (1784–1796). M., 1994. Pp. 323–325, 353–477 (in Russ.).
9. *Kistyakovsky B.A.* Social sciences and law: essays on the methodology of social sciences and General theory of law. M., 1916 // Kistyakovsky B.A. Philosophy and Sociology of Law / comp., note., decree. V.V. Sapov. P. 393 (in Russ.).
10. *Kistyakovsky B.A.* Philosophy and Sociology of Law / comp., note., decree. V.V. Sapov. SPb., 1998. Pp. 120, 125–127, 129, 131 (in Russ.).
11. *Krotkova N.V.* All-Russian Scientific Conference with international participation "The concept of law: history and theory (for the 300th anniversary of the birth of Immanuel Kant)" // State and Law. 2024. No. 9. Pp. 212–231. DOI: 10.31857/S1026945224090203 (in Russ.).
12. *Novgorodtsev P.I.* Moral idealism in the Philosophy of Law (On the question of the revival of natural law) // Problems of idealism: collection of articles / ed. by P.I. Novgorodtsev. M., 1903. P. 296 (in Russ.).
13. *Novgorodtsev P.I.* On the ways and tasks of the Russian intelligentsia. From the depths: collection of articles on the Russian Revolution. M., 1991. P. 244 (in Russ.).
14. *Novgorodtsev P.I.* On the social ideal. M., 1991. P. 174 (in Russ.).
15. *Nenovski N.* Law and Values. M., 1987 (in Russ.).
16. *Piontkovsky A.A.* Kant's theory of law and the state. Philosophy of Kant and modernity / under the general ed. of T.I. Oizerman. M., 1974. P. 160 (in Russ.).
17. *Savalsky V.A.* Fundamentals of Philosophy of Law in scientific idealism. Marburg School of Philosophy: Kogen, Natorp, Shtammler et al. M., 1909. Vol. 1. P. 265 (in Russ.).
18. *Torbov Ts.* Basic principles of law. Law and Justice. Sofia, 1940. Pp. 208–216.
19. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. by and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. Pp. 273–278 (in Russ.).
20. *Frolova E.A.* Philosophy of Law in Russia: Neo-Kantianism (the second half of the XIX – the first half of the XX century). M., 2019. Pp. 8–11 (in Russ.).
21. *Khvostov V.M.* General theory of law: an elementary essay. 5th ed. M., 2011. P. 45 (in Russ.).
22. *Shtammler R.* The essence and tasks of law and jurisprudence / transl. from German by V.A. Krasnokutsky. M., 1908 (in Russ.).

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна –
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории государства
и права и политологии юридического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;
119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1,
стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. –
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory of State
and Law and Political Science, Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University;
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building),
119991 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 33–43
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 33–43

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

УДК 340

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАЖЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ: ПРИРОДА И ТИПОЛОГИЯ

© 2024 г. А. А. Васильев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Поступила в редакцию 20.09.2024 г.

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и типология идеологических искажений в историографии политических и правовых учений. Автор на основе достижений философии науки исходит из невозможности полного исключения идеологического фактора в историко-правовых исследованиях. При этом в качестве задачи истории политических и правовых учений предлагается выявление и нейтрализация идеологических искажений. Приводится разграничение идеологических искажений, ошибок и научного мошенничества. Обращается внимание на высокую степень идеологизированности российской правовой доктрины. В типологии идеологических искажений представлены: европоцентризм, правовой идеализм, политико-правовой шовинизм и этнонационализм, методологический монизм, постмодернистское увлечение отказом от поиска истины и др. Наконец, в исследовании предлагается методика выявления идеологических искажений.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, историография, история права, идеология, ошибка, научное мошенничество, искажения, европоцентризм, идеализм, нигилизм, шовинизм.

Цитирование: *Васильев А.А.* Идеологические искажения в историографии политических и правовых учений: природа и типология // Государство и право. 2024. № 11. С. 33–43.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224110032

IDEOLOGICAL DISTORTIONS IN THE HISTORIOGRAPHY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES: NATURE AND TYPOLOGY

© 2024 A. A. Vasiliev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Received 20.09.2024

Abstract. The article examines the essence and typology of ideological distortions in the historiography of political and legal doctrines. Based on the achievements of the philosophy of science, the author proceeds from the impossibility of completely eliminating the ideological factor in historical and legal studies. At the same time, the task of the history of political and legal doctrines is to identify and neutralize ideological distortions. A distinction is made between ideological distortions, errors and scientific fraud. Attention is drawn to the high degree of ideologisation of the Russian legal doctrine. The typology of ideological distortions includes: Eurocentrism, legal idealism, political and legal chauvinism and ethnonationalism, methodological monism, postmodernist passion for the rejection of the search for truth, etc. Finally, the study proposes a methodology for identifying ideological distortions.

Key words: history of political and legal doctrines, historiography, history of law, ideology, error, scientific fraud, distortion, Eurocentrism, idealism, nihilism, chauvinism.

For citation: *Vasiliev, A.A. (2024).* Ideological distortions in the historiography of political and legal doctrines: nature and typology // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 33–43.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Юридическая наука как отрасль научного познания в силу своей близости к политике тесно связана с идеологией. Широко распространено представление о юриспруденции как крайне политизированной сфере исследования и которая не может находиться вне идеологии[1]. Более того, практически общим местом стало признание за общей теорией государства и права идеологической функции, что дополнительно подчеркивает тесную связь юридической науки и идеологии.

Данные обстоятельства ставят перед юриспруденцией несколько серьезных вопросов. Во-первых, насколько правоведение способно к производству научного знания вне политического и идеологического контекста. В этом плане возникает проблема признания за юриспруденцией статуса науки, если она не выдерживает критериев научного знания: объективность, достоверность и воспроизводимость научного знания. Не случайно, что далеко не во всех правовых системах мира юриспруденция понимается как наука. Так, в англо-американской традиции правоведение считается разновидностью искусства (art). Во-вторых, крайне важно определить при положительном ответе на первый вопрос насколько юридическая наука и историография политических и правовых учений поддались идеологическому влиянию и возможно ли противодействие тем идеологическим искажениям, которые повлияли на юридические знания. Безусловно, отправным в решении данных вопросов может быть полемика в философии науки относительно соотношения идеологии и науки, объективности и субъективности в научном познании.

В философии науки проблема взаимодействия науки и идеологии имеет несколько аспектов. Наука и идеология выступают способами понимания действительности, отражения реальности. Но если наука стремится к беспристрастному описанию и преобразованию действительности как таковой, то идеология направлена на интерпретацию и оценку реальности в целях управления общественным сознанием, мобилизации общества на необходимые политические действия. Следует оговориться, что такое рафинированное представление о науке скорее идеал, вряд ли когда-либо достижимый. В XX в. в работах К. Поппера, Т. Адорно и др. были сформулированы идеи о невозможности исключения политико-идеологических и антропологических факторов из научного познания. К. Поппер отмечал: «Никакая политическая партийность не способна оказать на политические теории такого сильного влияния, как пристрастность, проявляемая некоторыми учеными-естественниками при поддержке своего интеллектуального детища. Если бы научная объективность была основана, как наивно полагает социологическая теория знания, на личной беспристрастности или объективности ученого, мы должны бы сказать ей "прощай"... Нет сомнения в том, что каждый из нас испытывает воздействие собственной системы предубеждений (или "тотальных идеологий", если это понятие предпочтительнее). Все мы многое понимаем как самоочевидное, принимаем некритично, даже с наивным или самодовольным убеждением, что критика совершенно необязательна. Ученые не составляют исключения из этого правила, даже если они, казалось бы, способны очиститься от предубеждений в своей специальной области... Достижение

[1] См.: *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология. М., 1971; *Жидков О.А.* Верховный суд США: право и политика. М., 1985.

научной объективности – это задача научного метода... Она есть результат дружески враждебного сотрудничества многих ученых. Поэтому научная объективность может быть определена как интерсубъективность научного метод»[2].

Более того, антисциентисты и вовсе стали отрицать за наукой статус наиболее эффективного познавательного механизма и отказались от претензий на поиск истины. К XXI в. проблема роли науки в изучении мира обострилась с учетом достижений в изучении мышления, иррациональных факторов и характерных для человека ошибок.

Полемика в философии науки на протяжении последнего столетия позволяет прийти к двум ключевым тезисам относительно «чистоты» научного знания:

а) идеологический фактор не может быть до конца элиминирован из научного познания и незримо присутствует;

б) научное знание не может быть изолировано от субъекта познания и всегда несет в себе определенный личностный элемент (налет субъективизма).

При этом познание сопряжено с различного рода ограничениями собственно человеческой природы: стереотипами, предрассудками, иррациональными факторами и пр. Не случайно Платон, Аристотель, Ф. Бэкон и Р. Декарт, И. Кант и другие философы искали способы очищения научного знания от различного рода человеческих изъянов. На рубеже XX–XXI вв. и вовсе была поставлена под сомнение изначальная разумность человека в его повседневной деятельности. Так называемый средний рациональный человек во многом оказался фикцией, поскольку человеческое сознание находится в плену различного рода иррациональных факторов[3]. Интересно, что различие между человеческими ошибками и общественным искажением знания достаточно точно передал Ф. Бэкон в его типологии призраков (идолов). Свойственные человеческой природе заблуждения и ошибки он называл идолами рода, а ошибки познания в связи с общественным влиянием и языковой средой философ обозначил как призраки площади (рынка). Близкими к идеологическим искажениям, по Бэкону, являются идолы театра – ложные представления, усваиваемые от других людей на веру без проверки[4].

В этом отношении яркими примерами построения «чистых» теорий права можно назвать концепции юридического позитивизма и «чистую» теорию права Г. Кельзена. В первом случае юридический позитивизм противостоял метафизике в юриспруденции и концепции естественного права. Во втором случае Г. Кельзен пытался сконструировать теорию права вне идеологии, политики и нравственности исходя из собственных юридических оснований права.

Соответственно, задача науки и исследователей состоит в учете потенциальных рисков от субъективизма и идеологического влияния и выработке способов преодоления таких рисков. К. Поппер так определил задачу для исследователей: «Хотя невозможно освободить науку от вненаучных приложений и оценок, одной из задач научной критики и научной дискуссии является борьба со смешением этих ценностных сфер, в особенности – за исключение вненаучных оценок из вопросов об истине... Чистота чистой науки есть идеал, вероятно, недостижимый, но за него критика ведет свою постоянную борьбу, и должна вести.., лишить ученого партийности невозможно, не лишив его одновременно человечности. Точно так же мы не можем запретить ему оценивать или ломать его оценки, не сломав ранее как человека и ученого. Наши мотивы и наши чисто научные идеалы, такие как идеал чистого поиска истины, глубочайшим образом укоренены во вненаучных, частью религиозных, оценках. Объективный и свободный от ценностей ученый не является идеальным ученым»[5].

Прежде всего объективность научного знания утверждается не как признак науки, а скорее как методологический принцип и установка для исследователя – объективность научного познания, независимость от личных, групповых и классовых интересов. Идеология, в свою очередь, подвержена прямому влиянию интересов и направлена на формирование и утверждение определенной картины мира и ценностей. Один из основоположников идеологии как термина А. Дестют де Траси отмечал, что любое представление о мире содержит в себе идеи и заведомо носит идеологический характер[6]. В свое время это различие позволило К. Марксу назвать идеологию ложным

---

[2] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 251.

[3] См.: *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М., 2021; *Канеман Д., Сибони О., Санстейн Касс Р.* Шум. Несовершенство человеческих суждений. М., 2021.

[4] См.: *Бэкон Ф.* Соч.: в 2 т. / пер.; сост., общ. ред. и вступ. ст., с. 5–55, А.Л. Субботина. М., 1971–1972 (Философское наследие).

[5] *Поппер К.* Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2006. С. 306, 307.

[6] См.: Элементы идеологии. Ч. 1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль / А. Дестют де Траси; пер. с франц. А.С. Ивановой // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 149–154.

сознанием, которое неверно отражает объективную реальность[7].

В то же время невозможно отрицать фактическое влияние идеологии на науку. Так, в советской системе организации науки прямо был зафиксирован принцип партийности – служения науки интересам партии и марксистско-ленинской философии. Очевидно, что философия Просвещения значительно повлияла на идеологические установки ученых в XVII–XIX вв.: механицизм, эмпиризм и т.п. В сфере права Просвещение создало собственные правовые идеологемы: естественное право, разделение властей и пр., которые не выдерживали критериев научности.

С другой стороны, идеология опирается на науку, использует ее достижения в своих целях и не может игнорировать научное знание. Не случайно С.М. Кара-Мурза видел в науке основы для идеологии[8].

Современные исследования в науковедении позволяют сформулировать ряд важных методологических предпосылок для анализа идеологических искажений в историографии политических и правовых учений:

1) наука и идеология тесно переплетаются и абсолютная объективность в науке недостижима. Очевидно влияние личности ученого и общественной среды на процесс познания, невозможность полностью исключить ценностные аспекты;

2) модель организации науки в отдельно взятой стране может быть представлена в двух основных вариантах:

3) диктат идеологии по отношению к науке, подчинение исследований определенным принципам и установкам независимо от их истинности или ложности;

4) относительная свобода научного творчества без идеологического давления.

В ряде государств после периода подчинения науки идеологии можно видеть процесс деидеологизации научного знания. Но при этом нередко на смену одной идеологии приходит другая идеология, а наука и общественное сознание в целом продолжают оставаться в плену тех или иных идеологических схем. Так, на смену принципа единства власти Советов в России пришел принцип разделения властей без учета исторического опыта развития власти и правосознания общества и при фактической реализации в 1990-х годах привел к конфликту Президента РФ и Государственной Думы, т.н. войне законов;

идеология использует науку как средство утверждения своих ценностей и идеалов, убеждения общества в своей правоте. Причем сам стиль, риторика и средства выражения идеологии оказывают значительно более ощутимое воздействие на общественное сознание, чем аргументация и доказательства науки. Сложность и недоступность научных знаний для общества делают их закрытыми и элитными и ограничивают влияние науки;

идеология при наличии властного ресурса по сравнению с наукой может приобретать мощное мобилизующее воздействие на общество и становится политическим инструментом управления. Наука в таких условиях зачастую выступает служанкой или жертвой господства идеологии. Так, известны политические репрессии за взгляды в отношении либеральных и консервативных юристов после 1917 г., и даже более того, репрессии относительно марксистских правоведов за отдельные и собственные юридические суждения и постепенное подчинение юриспруденции марксистско-ленинской философии.

Очевидно, что избежать идеологического влияния и антропологических факторов на научное познание полностью невозможно. В таких условиях приоритетной задачей становится выявление регулярно встречающихся идеологических искажений и выработка методики и правил минимизации идеологического влияния на научный поиск. Исследователь различных форм «научного мошенничества» С. Ричи отмечает: «Наука по своей сути социальна, ведь мы должны убеждать других людей – остальных ученых – в том, что мы обнаружили. А поскольку наука – это еще и человеческая сфера, мы понимаем, что любой ученый будет подвержен человеческим особенностям, таким как иррациональность, предвзятость, сбои внимания, внутригрупповой фаворитизм и откровенное жульничество для получения желаемого»[9].

На наш взгляд, необходимо разграничивать идеологические искажения и ошибки в науке в целом и истории политических и правовых учений в частности. Их объединяет то, что они создают ложное знание и могут стать основой для неверных решений в сфере правовой политики. Так, мифология относительно высокого уровня развития английского права привела к некритическому заимствованию в российском праве конструкций и институтов английского права: попытки внедрения прецедента; использование траста; копирование элементов английского корпоративного права и пр. Как следствие, в российском праве стали конкурировать концепции господства закона и судебного

[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 83.

[8] См.: *Кара-Мурза С.М.* Идеология и мать ее наука. М., 2022.

[9] *Ричи С.* Наукообразная чушь. Разоблачения мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. М., 2024. С. 20.

прецедента, появились попытки сформировать теорию расщепленной собственности, основы для формирования офшоров и корпоративной собственности в ущерб общественным интересам.

В то же время в силу антиисторизма идеологизированной правовой доктрины России стало отрицаться наследие советской правовой мысли, которое до сих пор сохраняет свою теоретическую и прикладную ценность. Такой подход явно грешит тенденциозностью и исключает полноту восприятия истории правовой мысли. В некоторой степени это похоже на замалчивание в зарубежной исторической науке и юриспруденции тех фактов и идей, которые выступают заметным пятном на репутации тех или иных государств. Так, упоминая опричнину Ивана Грозного, забывают террор английской монархии в отношении собственного населения в условиях перехода к капитализму. Или практически не встретить в истории правовой мысли Германии разбора теоретических работ нацистского правоведа К. Шмитта.

При этом есть ряд явных различий между научными ошибками и идеологическими искажениями:

а) ошибки не имеют в своей основе преднамеренности и «злого умысла» со стороны ученого. В то время как идеологические искажения явно основаны на изначальной недобросовестности и даже желании сформировать ложные представления. В философии науки такая недобросовестность называется научным мошенничеством;

б) ошибки в науке в основном связаны с нарушением методологических оснований исследования: отступление от принципов и методов познания. Соответственно, ошибки выявляются с помощью проверки соблюдения принципов и методик проведения исследования: проверка фактов, изучение выборки, анализ расчетов и пр. В случае с идеологическими искажениями исследование как таковое вовсе не проводится: отсутствует эмпирическая база, факты не проверяются, источники не изучаются на подлинность, имеют место явные логические противоречия. Как верно отмечает Р.В. Насыров, идеологические построения имеют эффект дубинки, которая предназначена для оглушения аудитории и соперников и исключения критического восприятия[10]. При этом идеологемы не выдерживают элементарных требований с точки зрения методологии и этики исследования. Но внешняя риторика идеологии стремится исключить саму возможность проверки тех или иных умозаключений с помощью научных средств. При таких попытках идеология находит способы для дискредитации научного знания и низложения авторитета ученых;

в) ошибки в конце концов ведут к истине и объективному знанию, а идеологические искажения препятствуют формированию правильной картины и пытаются удержать сознание в рамках ложных моделей и иллюзий;

г) ошибка допустима в науке и является нормой, не случайно в науке сложилось понятие права на ошибку как способе развития науки и даже обоснованный риск в проведении исследования. Ошибки свойственны человеку в силу познавательных ограничений и самой природе человеческого мышления, тогда как идеологические искажения – программируемый и сознательный продукт фальсификации в науке[11]. Идеологические искажения изначально опасны для науки и ненаучны по определению. Если ошибки можно исправить, то идеологические искажения могут быть только преодолены. Ошибки в науке могут привести к новым и неожиданным знаниям, идеологические искажения напротив отдаляют нас от знаний.

Кроме того, идеологические искажения следует отличать от различного рода форм научного мошенничества. Научное мошенничество сходно с пагубным влиянием идеологии в том отношении, что связано с преднамеренными действиями исследователей. Ученые полностью осознают, что их научные суждения не являются научными и, напротив, целенаправленно продолжают создавать и использовать ложные данные и знания. Но при этом научное мошенничество обусловлено не идеологическими причинами и борьбой за власть над общественным сознанием, а личными и групповыми интересами ученого сообщества: корысть, жажда популярности и славы, фаворитизм и пр. В отличие от идеологических построений научное мошенничество стремится полностью сохранить все параметры научного исследования: выдвижение гипотезы, подбор фактов и их проверка, проведение при необходимости эксперимента. Для научного мошенничества важно показать внешние атрибуты научного поиска. Искажения лежат в плоскости методологии, тенденциозности в подборе и анализе фактов, демонстрации результатов эксперимента и формировании итоговых научных суждений. Идеология не стремится соответствовать научным принципам, а использует риторику и социально-психологические приемы для завоевания доверия общественного мнения. Выявить научное мошенничество можно путем проверки научного исследования и воспроизводства научных результатов. Расхождение полученных результатов

[10] См.: *Насыров Р.В.* Человек как самоценность: о формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. М., 2011. С. 49.

[11] См.: *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро.

при воспроизводстве свидетельствует о научной недобросовестности исследователя.

Для совершенствования научного знания важно определить и представить типичные идеологические искажения в историографии политических и правовых учений для последующего их развенчания и преодоления в исследовательской практике. Как справедливо отмечает В.С. Горбань, для философии права и истории политических и правовых учений крайне важно воссоздать наиболее полную, беспристрастную и достоверную систему политико-правовых идей и учений, устраняя действие идеологических искажений, различного рода ошибок, тенденциозности и поверхностного изложения идей[12].

В первую очередь необходимо видеть более общую проблему для российского правоведения – идеологизированность юридической доктрины. Несмотря на курс на деидеологизацию науки в постсоветский период, российская юриспруденция в значительной степени находится в зависимости от идеологии. На смену марксисткой философии права в России пришел либерализм без учета исторического опыта, российской традиции и своеобразия правосознания[13]. Вместо конкуренции и диалога в науке начала доминировать единственно «верная» идеология либерализма, которая не лишена недостатков. Идеологизированность юридической доктрины выражается в целом наборе мыслительных конструктов: упрощение в понимании действительности; антиисторизм и отрицание национального политико-правового опыта; выдвижение универсальных вневременных конструкций без учета национально-культурного разнообразия и контекста; волюнтаризм и социальное экспериментаторство в практической реализации идеологических построений[14].

Частными проявлениями идеологизированности российской правовой доктрины можно считать:

1. Европоцентризм

Европоцентризм в российской правовой доктрине проявляется в принятии за идеал европейских правовых концепций, юридических конструкций и институтов права без осмысления собственного политико-правового опыта и своеобразия правосознания. Европоцентризм выражается в целом наборе идейных искажений и постулатов:

отказ от собственной правовой традиции и попыток разработки оригинальных юридических концепций;

идеализация европейских правовых теорий и политико-правовых институтов;

активная рецепция европейских начал российской доктриной и законотворческой практикой.

Ученичество российской юриспруденции по отношению к западноевропейской юридической науке продолжается на протяжении последних трех столетий и обусловлено целым рядом предпосылок:

1) исторические факторы, обусловленные европеизацией России на протяжении трех столетий, в том числе в сфере государственного управления и правовой системы:

а) реформы Петра I носили ярко выраженный проевропейский характер и затронули систему публичного управления, роли церкви и соотношения светской и духовной властей, законодательство, систему образования и организацию науки[15];

б) установления советской власти и большевизма есть ничто иное, как реализация марксистско-ленинской концепции (европейской по своему происхождению и сущности);

в) после распада СССР в качестве ведущего ориентира вновь был выбран европейский идеал – капиталистический строй с либеральными концепциями правового государства, разделения властей и т.п.

Культ европейской традиции уже давно был развенчан в российской политико-правовой мысли еще со времен Н.Я. Данилевского, но он до сих пор остается живучим и широко распространенным в российской юриспруденции. Интересно, что до сих пор первенство в обосновании цивилизационной концепции развития общества (теории органических стадий развития культуры, многофакторный анализ и самобытность культур) отдают не российскому мыслителю Н.Я. Данилевскому, а О. Шпенглеру и А. Тойнби. Хотя Н.Я. Данилевский задолго до своих европейских единомышленников выдвинул концепцию культурно-исторических типов.

Следует согласиться с точкой зрения В.С. Горбаня о том, что в российской историографии политических и правовых учений принята за максиму немецкая традиция в изучении и изложении политических и правовых учений[16].

[12] См.: *Горбань В.С., Груздев В.С.* О значении и отдельных аспектах современной историографии и историософии политико-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 18.

[13] См.: *Насыров Р.В.* Указ. соч. С. 49.

[14] См.: *Жуков В.Н.* Философия права. М., 2019.

[15] См.: *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010.

[16] В одной из своих статей ученый пишет: «По набору мыслителей и учений в основном наша историография ориентируется на традиционное и уже доведенное почти до автоматизма подражание немецкой традиции. <...> Однако сегодня

Отметим, что европоцентризм в немалой степени вызван экспансией европейской цивилизации в мире, активной торговой и завоевательной политикой европейских держав на протяжении последних пяти столетий. Далеко не всегда европейские традиции реципировались добровольно без давления западной цивилизации. Напротив, экспансия и колониальная политика европейских государств в сфере культуры, политико-правовых идеалов стояла на таких принципах, как:

превосходство европейской цивилизации в политике, экономике, культуре, науке и технологиях. Для европейцев долгое время идея своего превосходство по отношению к другим народам была определяющей во внешней политике и международных отношениях;

необходимость иного, «нецивилизованного» мира пойти по европейскому пути и активно внедрять достижения европейкой культуры путем отказа от собственной аборигенной традиции.

Подробно о сущности, последствиях и причинах европоцентризма в историографии политико-правовой мысли России можно ознакомиться в ряде других статей автора[17].

2. Правовой идеализм

Правовой идеализм свойствен тем цивилизациям, которые стали объектом вестернизации под лозунгами создания правовой государственности верховенства права в жизни общества и находятся в переходном (транзитном) состоянии от одного уклада жизни к другому. В России правовой идеализм укоренился в 1990-е годы на фоне проводимых реформ и был связан с формированием среди политических элит и широких слоев общества ложного представления о всесильности права – возможности с помощью принятия законов разрешить практически любые назревшие социально-экономические и политические проблемы[18]. Правовой идеализм создал в общественном сознании необоснованные юридические фантазмы и иллюзии. При этом во внимание не принимался ни социально-культурный контекст внедрения идеи господства права, ни правовая ментальность общества. В итоге Россия приобрела тысячи «мертвых», «безработных» законов, а социальный порядок обеспечивался с помощью теневых, неформальных и нередко криминальных средств регулирования. К сожалению, правовой идеализм до сих пор не изжит из сознания политических элит, что проявляется в динамизме и масштабах нормотворческого процесса.

Как отмечал Н.И. Матузов, «на право нельзя возлагать несбыточные надежды, оно не всесильно. Наивно требовать от него большего, чем оно может дать, ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из его объективных возможностей»[19]. Так, принятие Конституции РФ 1993 г., а следом первых частей Гражданского кодекса РФ рассматривалось как достаточное для демократизации России, формирования рыночной экономики и создания социальной справедливости. Но реальность показала всю чудовищность таких надежд, когда государственность оказалась в тяжелом политическом и социально-экономическом кризисе.

Преодоление правового идеализма предполагает следование таким началам, как:

а) понимание права как одного, но не единственного регулятора общественных отношений, действующего в системе социального регулирования;

б) принятие пределов и ограничений возможностей права в упорядочении общественной жизни;

в) восприятие права в социокультурном аспекте, с учетом особенностей правосознания общества;

г) действие права не ограничивается принятием норм права, а предполагает кропотливую работу по правовому воспитанию, созданию социально-экономических условия для воплощения права в жизнь, организации процесса реализации права и т.п.

3. Миф о правовой неполноценности России и правовом нигилизме массового правосознания

Следствием европоцентризма и правового идеализма выступает еще одно идеологическое искажение – миф о правовом нигилизме российского общества. Не подвергая сомнению проблему ценности права для российского менталитета, недопустимо безосновательно и вне

никак нельзя довольствоваться теми формулами, по которым формировалась историография двести лет назад, тем более что они носят внешний, заимствованный характер. При этом зарубежная историография политической и правовой мысли сама развивается дальше. Русская правовая мысль отнюдь не ограничивается какой-то европеизированной традицией. Это своего рода идеологический парадокс. Традиционно история политико-правовой мысли в России показывается сквозь призму соприкосновения с якобы прогрессивной европейской политико-правовой мыслью и образованием. В значительной степени это большой исторический миф» (см.: *Горбань В.С.* Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 96).

[17] См.: *Васильев А.А., Землюков С.В.* Компилятивно-подражательный стиль российской юриспруденции в XVIII в. // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. № 2 (6). С. 20–25.

[18] См.: *Матузов Н.И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2.

[19] *Матузов Н.И.* Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания // Вестник СГЮА. 2013. № 4 (93). С. 22.

должной аргументации ставить крест на российском правосознании.

Прежде всего отказ от признания права в качестве основного средства социального регулирования характерен не только для российского правового менталитета, но и для большинства неевропейских культур. Здесь дело не в том, что для большинства культур право не является ценностью, а в том, что право считается служебным инструментом в контексте религиозно-нравственной модели миропонимания. Вряд ли можно найти упрек израильской, китайской, японской цивилизации в том, что они следуют своим традиционным религиозно-этическим началам. Это не помешало данным цивилизациям создать высокотехнологичные и успешные экономические институты. Скорее, наоборот, трудовая этика и солидаризм этих народов дали импульс к форсированному развитию социально-экономических институтов. При этом понимание права как части единого социального регулирования позволяет обеспечить социальный порядок и гармонию в обществе. Скорее можно говорить не о нигилизме, а об отведении праву свойственного ему места в системе социального регулирования, не возвышая его над другими ценностями.

Кроме того, в вопросе правового нигилизма масс важно видеть расхождение между образами и установками народного правосознания и содержанием того законодательства, которое навязывается обществу правящими элитами. Очевидно, что некритическая рецепция европейского права, отказ от внимания к народному правосознанию ничего другого и не могли породить, кроме как неприятие волюнтаристских и чужеродных правовых начал. Индивидуализм и идея частной собственности в 1990-е годы резко вступили в противоречие с господством трудовой этики и социоцентристскими установками россиян. Переход к рынку и отказ от государственного патернализма не соответствовал патриархальным начала массового сознания и ожиданиям социальной заботы государства о человеке.

При этом нельзя отрицать и положительных оценок права в русской культуре и философии, выработанной в советской действительности дисциплины и уважения к закону, достижениям отечественной юриспруденции, которая как разрабатывала религиозно-этические основания права (формы достижения правды), так и существенным образом обогатила мировую юриспруденцию целым набором доктрин и догматических конструкций: идея социальных прав личности; концепция общественного права; единство прав и обязанностей; конструкции механизма правового регулирования, правоотношения и правонарушения; разработка цивилизационной теории государства и права, плюрализма и равных прав различных народностей и их политико-правовых культур и т.д. Именно в советское время вышла монография С.С. Алексеева о социальной ценности права в социалистическом обществе, в котором он показал инструментальную ценность права в условиях господства критического взгляда на право и его грядущего отмирания как классового инструмента[20].

Рядом исследователей обосновывается присутствие двух крайностей (идеализма и нигилизма) в правосознании политических элит, тогда как в массовом правосознании российского общества усматривается богатый потенциал для обеспечения порядка и мира, адаптации и прохождении без срыва в хаос различных кризисов, военных конфликтов и политической нестабильности. В.С. Горбань показывает ошибочность приписывания российской литературе мифа о правовом нигилизме. Есть немало работ с положительным отношением к праву, скорее важно понимать оригинальность правовых культур и свойственных им правовых идей и отказаться от ненаучного представления о наличии какого-либо образцового правопорядка[21]. Иное понимание сущности и ценности права в российском менталитете совершенно не означает, как часто полагают, стремления к анархии и беспорядку. Нередко в историографии политико-правовой мысли воспринимаются весьма поверхностно взгляды Л.Н. Толстого и П.А. Кропоткина о праве и власти. Их зачастую причисляют к сторонникам отрицания порядка, в то время как в их творчестве обоснованы иное восприятие права и попытки построения общества на основе нравственных и общественных принципов.

Примечательно, что один из исследователей правового нигилизма П.П. Марченя подвергает его критике, связывая его с иным типом правопонимания в России и экспансией европейской правовой традиции[22].

4. Цивилизационный шовинизм и этнонационализм

Одним из самых опасных идеологических искажений выступает политико-правовой шовинизм – обоснование превосходства той или иной

[20] См.: *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. М., 1976.

[21] См.: *Горбань В.С., Груздев В.С.* Указ. соч. С. 17; *Васильев А.А.* Миф о низкой правовой культуре в России: проблема самоидентификации правовой системы // Современное право. 2009. № 12. С. 3–10.

[22] «В истории реально не существует никаких “правонигилистичных” народов – есть народы, которым пытаются навязать чужую, исторически чуждую им “правовую реальность”. И в таком контексте одной из жизненно востребованных задач современного проективного россиеведения является осмысление мифа о русском правовом нигилизме как инструмента информационной войны» (см.: *Марченя П.П.* Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 2. С. 30).

политической и правовой культуры в качестве высшей, превосходящей политико-правовые культуры других народов. С одной стороны, такие идеологические построения шовинистического толка постулируют те или иные «высшие» качества политического и правового устройства по отношению к другим культурам. С другой – такой шовинизм может быть экспансивным и быть основанием как для насильственной, так и для идеологической трансформации политико-правовых культур иных народов. К числу таких идеологий необходимо отнести концепции фашистского государства с ложной теорией расового превосходства.

К сожалению, концепция превосходства европейской цивилизации широко использовалась в течение XVI–XX вв. в ходе колониальной политики европейских держав по всему миру, подвергая уничтожению не просто культуру, язык, традиции, обычное право, но и сами покоряемые народы.

Феномен западной цивилизации весьма подробно рассматривается в европейской науке начиная с работ М. Вебера с его идеями тесной связи протестантской этики и предпринимательства. Примечательно, что современные западные ученые, объясняя роль западной цивилизации в мировом развитии, критикуют европейский шовинизм, показывают многообразие иных культур и народностей[23]. Тем не менее в западной литературе продолжают искать причины превращения европейской цивилизации в мирового лидера, тем самым подчеркивая некую избранность западного мира и фиксируя его статус-кво[24].

Вместе с тем, очевидно, что понимание своей избранности до сих пор проявляется во внешней политике ряда западных государств и в некоторой степени выступает формой консолидации общества и противостояния угрозам извне[25].

5. Монизм в понимании и интерпретации политико-правовых учений либо противоположность – безграничный плюрализм – как две крайности в процессе познания

Монизм выражается в следовании определенной заданной совокупности установок и принципов познания, исключающем внимание к другим подходам и методам исследования и следовательно порождающий ограниченное знание. Так, классово-материалистическая трактовка власти и права недооценивала значение духовно-культурных факторов и не могла объяснить целый ряд феноменов в политико-правовой жизни: возможность решения общесоциальных задач вне устранения классов; регресс в историческом развитии; неудачи в строительстве социалистических государств; информационная и идеологическая победа европейских ценностей в отношении СССР и пр.

К сожалению, противоположный крен – ставка на плюрализм как следствие моды на философию постмодернизма и отказ от поиска истины фактически ведет к двум крайне негативным для науки следствиям:

научная «растерянность» в связи с многообразием подходов, методов и способов познания, которые нередко друг другу противоречат;

установка на отсутствие истины порождает пассивность и нейтрализует какой-либо нормальный научный поиск, поскольку лишает смысла исследовательскую работу.

Безусловно, данная типология идеологических искажений в историографии политических и правовых учений не претендует на завершенность и может быть развита в последующих работах. Но автор стремился привлечь внимание историков права и историков правовой мысли к проблеме идеологического влияния и ее учете в ходе научного поиска. Насущной задачей для юриспруденции могла бы быть разработка методики обнаружения и нейтрализации идеологических искажений.

Полагаем правильным для выявления и нейтрализации идеологических искажений использовать следующую методику.

1. Базовым элементом научного мировоззрения должен выступать скептицизм и критическое мышление, которые предполагают отказ от принятия тех или иных идей на веру без их проверки на научную добросовестность. Так, долгое время за Александром III в историко-правовой науке был закреплен ярлык «ретрограда» и врага либерализма без учета исторического контекста периода его царствования и идейного наследия царя: покушение на императора Александра II, рост угрозы политического терроризма, противоречивость реформ и др. Напротив, в императрице Екатерине II часто

---

[23] См.: *Даймонд Д.* Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М., 2023.

[24] К примеру, Д. Хенрик доказывает своеобразие западного мира психологическими особенностями европейцев: индивидуализм, аналитическое мышление, доверие к незнакомцам, сосредоточенность на себе (см.: *Хенрик Д.* Самые странные люди в мире. Как люди Запада приобрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели. М., 2024).

[25] Так, И. Курилла указывает в выводах своей книги: «Книга, которую вы прочитали, показывает, что особенности американской внешней политики, о которых с сожалением пишут многие исследователи в монографиях и дипломаты в мемуарах (“стремление к безопасности через экспансию, имперский позыв к расширению “зоны свободы и демократии” в мире, тесно связанный с американским мессианством, самонадеянностью силы и психологией мирового лидерства”), являются не просто “специфическими чертами внешнеполитического поведения США, но и частью постоянного усилия по поддержанию внутреннего единства американской нации”» (см.: *Курилла И.* Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США. М., 2024. С. 307).

видят либеральную личность, не принимая в расчет методы царствования и отказ от проведения сословной реформы. Исключительно тщательный анализ исторического контекста, изучение первоисточников позволяют реконструировать более-менее точно политико-правовые воззрения соответствующих мыслителей и деятелей.

2. Идеологические искажения скрываются под личиной крайне эффектных и эмоционально нагруженных риторических приемов и средств выражения идей. Идеи пытаются воздействовать не на рациональную сторону сознания, а вызывать положительные реакции иррационального порядка, воздействуя на чувства, фантазию, ценности. Поэтому идеология вряд ли будет прибегать к научным способам аргументации и логике, а скорее будет взывать к чувственно-иррациональным компонентам сознания.

3. Введение обнаруженных идеологических искажений в сферу публичной научной дискуссии через такие средства коллективного научного скептицизма, как научные мероприятия, научная печать, государственная научная аттестация. В пространстве научного обсуждения можно добиться развенчания идеологических конструкций и доведения их ложности до широкого круга исследователей.

* * *

Таким образом, для историографии политико-правовой мысли перспективным выглядит разработка научных основ выявления и противодействия идеологическим искажениям. Такая работа важна не только в теоретико-методологическом отношении, но и с практической точки зрения, поскольку позволяет избежать негативных рисков идеологического воздействия на государственное строительство и юридическую практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. М., 1976.
2. *Бэкон Ф.* Соч.: в 2 т. / пер.; сост., общ. ред. и вступ. ст., с. 5–55, А.Л. Субботина. М., 1971–1972 (Философское наследие).
3. *Васильев А.А.* Миф о низкой правовой культуре в России: проблема самоидентификации правовой системы // Современное право. 2009. № 12. С. 3–10.
4. *Васильев А.А., Землюков С.В.* Компилятивно-подражательный стиль российской юриспруденции в XVIII в. // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. № 2 (6). С. 20–25.
5. *Горбань В.С.* Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 96.
6. *Горбань В.С., Груздев В.С.* О значении и отдельных аспектах современной историографии и историософии политико-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 17, 18.
7. *Даймонд Д.* Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М., 2023.
8. *Жидков О.А.* Верховный суд США: право и политика. М., 1985.
9. *Жуков В.Н.* Философия права. М., 2019.
10. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М., 2021.
11. *Канеман Д., Сибони О., Санстейн Касс Р.* Шум. Несовершенство человеческих суждений. М., 2021.
12. *Кара-Мурза С.М.* Идеология и мать ее наука. М., 2022.
13. *Курилла И.* Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США. М., 2024. С. 307.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 83.
15. *Марченя П.П.* Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 2. С. 30.
16. *Матузов Н.И.* Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания // Вестник СГЮА. 2013. № 4 (93). С. 22.
17. *Матузов Н.И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2.
18. *Насыров Р.В.* Человек как самоценность: о формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. М., 2011. С. 49.
19. *Поппер К.* Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2006. С. 306, 307.
20. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 251.
21. *Ричи С.* Наукообразная чушь. Разоблачения мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. М., 2024. С. 20.
22. *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010.
23. *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология. М., 1971.
24. *Хенрик Д.* Самые странные люди в мире. Как люди Запада приобрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели. М., 2024.
25. Элементы идеологии. Ч. 1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль / А. Дестют де Траси; пер. с франц. А.С. Ивановой // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 149–154.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* The social value of law in Soviet society. M., 1976 (in Russ.).

2. *Bacon F.* Essays: in 2 vols. / transl.; comp., general ed. and introductory articles, pp. 5–55, A.L. Subbotin. M., 1971–1972 (Philosophical heritage) (in Russ.).
3. *Vasiliev A.A.* The myth of low legal culture in Russia: the problem of self-identification of the legal system // Modern law. 2009. No. 12. Pp. 3–10 (in Russ.).
4. *Vasiliev A.A., Zemlyukov S.V.* The compilative and imitative style of Russian jurisprudence in the XVIII century // Legal thought in education, science and practice. 2017. No. 2 (6). Pp. 20–25 (in Russ.).
5. *Gorban V.S.* New historiography of political and legal thought as an urgent task of legal sciences // Herald of Kutafin University (MSLA). 2023. No. 4 (104). P. 96 (in Russ.).
6. *Gorban V.S., Gruzdev V.S.* On the significance and certain aspects of modern historiography and historiosophy of political and legal thought // Proceedings of the IGP RAS. 2023. Vol. 18. No. 6. Pp. 17, 18 (in Russ.).
7. *Diamond D.* Guns, microbes and steel: the history of human communities. M., 2023 (in Russ.).
8. *Zhidkov O.A.* The Supreme Court of the USA: law and politics. M., 1985 (in Russ.).
9. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law. M., 2019 (in Russ.).
10. *Kahneman D.* Think slowly... decide quickly. M., 2021 (in Russ.).
11. *Kahneman D., Siboni O., Sunstein Kass R.* Noise. The imperfection of human judgments. M., 2021 (in Russ.).
12. *Kara-Murza S.M.* Ideology and its mother science. M., 2022 (in Russ.).
13. *Kurilla I.* Americans and all the rest. The origins and meaning of US foreign policy. M., 2024. P. 307 (in Russ.).
14. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 39. P. 83 (in Russ.).
15. *Marchenya P.P.* Legal nihilism in Russia: myths and realities // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. P. 30 (in Russ.).
16. *Matuzov N.I.* Legal idealism as a specific form of deformation of public consciousness // Herald of the SSLA. 2013. No. 4 (93). P. 22 (in Russ.).
17. *Matuzov N.I.* Legal nihilism and legal idealism as two sides of the "same coin" // Pravovedenie. 1994. No. 2 (in Russ.).
18. *Nasyrov R.V.* Man as self-worth: on the formulation of Article 2 of the Constitution of the Russian Federation 1993. M., 2011. P. 49 (in Russ.).
19. *Popper K.* Logic of social sciences // Evolutionary epistemology and the logic of the social Sciences: Karl Popper and his critics. M., 2006. Pp. 306, 307 (in Russ.).
20. *Popper K.* Open Society and its enemies. Vol. 2: The Time of false Prophets: Hegel, Marx and other oracles. M., 1992. P. 251 (in Russ.).
21. *Richie S.* Scientific nonsense. Revelations of fraud, bias, dishonesty and hype in science. M., 2024. P. 20 (in Russ.).
22. *Tomsinov V.A.* Legal education and jurisprudence in Russia in the XVIII century. M., 2010 (in Russ.).
23. *Tumanov V.A.* Bourgeois legal ideology. M., 1971 (in Russ.).
24. *Khenrik D.* The strangest people in the world. How Westerners acquired a psychological identity and became extremely successful. M., 2024 (in Russ.).
25. Elements of ideology. Part 1. Ideology in the proper sense of the word. Chapter 11. Reflections on the preceding and on Condillac's way of analyzing thought / A. Destute de Tracy; transl. with French A.S. Ivanova // Questions of philosophy. 2013. No. 8. Pp. 149–154 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВАСИЛЬЕВ Антон Александрович –
доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VASILIEV Anton A. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 44–57
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 44–57

УДК 340.1

ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИДЕНТИЧНОСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2024 г. М. В. Раттур

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: rattur@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.11.2024 г.

Аннотация. В статье предпринята попытка историографического анализа эволюции понятия «идентичность» в контексте формирования политико-правовых идей. Рассмотрены развитие содержательного наполнения понятия и эволюция его смыслов. Актуальность исследования обусловлена широкой трактовкой термина в современном политико-правовом пространстве и отсутствием единства его толкования в отечественной правовой системе, что требует насыщения его политико-правового содержания смыслообразующими теоретико-правовыми конструкциями на основе реконструкции политико-правовых знаний во избежание смысловых потерь и деконцептуализации, содержащей риски невозможности эффективного использования понятия «идентичность» в отечественных нормативных актах. Делается вывод о том, что в результате развития политико-правовой мысли идентичность предстает как национально-культурная самобытность построения правовых институтов и формулирования политико-правовых идей, с одной стороны, и как самостоятельный предмет научного познания и направление исследования в политико-правовых учениях – с другой. Такой подход позволяет обеспечить построение верифицируемой историографической модели идентичности в формате развития политико-правовых идей, что послужит укреплению гарантий реализации конституционно значимых целей.

Ключевые слова: идентичность, реконструкция политико-правовых знаний, дихотомия, правовой концепт, историографический анализ, архетип, экспликация, социальный конструкт.

Цитирование: *Раттур М. В.* Экспликация понятия «идентичность» в отечественном политико-правовом пространстве: историографический анализ // Государство и право. 2024. № 11. С. 44–57.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224110043

EXPLICATION OF THE CONCEPT OF "IDENTITY" IN THE DOMESTIC POLITICAL AND LEGAL SPACE: HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS

© 2024 M. V. Rattur

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: rattur@yandex.ru

Received 26.11.2024

Abstract. The article attempts to historiographically analyze the evolution of the concept of "identity" in the context of the formation of political and legal ideas. The development of the concept's content and the evolution of its meanings are considered. The relevance of the research is conditioned by the wide interpretation of the term in the modern political and legal space and the lack of unity of its interpretation in the domestic legal system, which requires saturation of its political and legal content with meaning-forming theoretical and legal constructs on the basis of the reconstruction of political and legal knowledge to avoid semantic losses and deconceptualization, containing the risks of impossibility of effective use of the concept of "identity" in domestic regulations. It is concluded that as a result of the development of political-legal thought, identity appears as a national-cultural originality of the construction of legal institutions and the formulation of political-legal ideas, on the one hand, and as an independent subject of scientific cognition and direction of research in political-legal doctrines – on the other. This approach allows us to ensure the construction of a verifiable historiographical model of identity in the format of the development of political and legal ideas, which will serve to strengthen the guarantees of the realization of constitutionally significant goals.

Key words: identity, reconstruction of political-legal knowledge, dichotomy, legal concept, historiographical analysis, archetype, explication, social construction.

For citation: *Rattur, M.V. (2024).* Explication of the concept of "identity" in the domestic political and legal space: historiographical analysis // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 44–57.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Идентичность в нормативных правовых актах Российской Федерации

Понятие «идентичность» впервые встречается в Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ № 61 от 7 февраля 2011 г.[1] Она предусматривала внедрение в образование «инновационных воспитательных моделей, обеспечивающих формирование гражданской идентичности обучающихся в условиях поликультурного и поликонфессионального общества с целью устранения причин и условий, способствующих проявлениям национализма и сепаратизма среди детей в субъектах Российской Федерации». Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» понятие «общероссийская гражданская идентичность» закрепилось в сфере культуры, молодежной политики и образования[2].

Расширение понятийной области идентичности как политико-правового конструкта произошло в декабре 2016 г. Утверждение Правительством РФ Государственной программы «Реализация государственной национальной политики» и подпрограммы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России» до 31 декабря 2025 г. определило в качестве одной из задач «повышение уровня общероссийской гражданской идентичности с 70% в 2016 году до 80%

[1] См.: СЗ РФ. 2011. № 10, ст. 1377.

[2] См.: СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I), ст. 7753.

в 2025 году»[3]. Сложно сказать, каким образом был рассчитан этот норматив, но попытка охарактеризовать идентичность в виде количественного показателя была предпринята.

При этом определение общероссийской гражданской идентичности закреплено лишь в 2018 г. В Указе Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» обозначено, что общероссийская гражданская идентичность – это «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»[4].

Несмотря на то что базовые ценности российского общества получат законодательное определение лишь спустя четыре года, документ закрепляет ряд сущностных характеристик, определяющих понятие «идентичность» в политико-правовом аспекте, наполняя его конкретным содержанием. Так, например, Стратегия обозначает историческую память народа как один из ключевых элементов общероссийской гражданской идентичности и манифестирует необходимость противодействия попыткам фальсификации истории.

Конституционная идентичность как основание для принятия решений содержит ряд решений Конституционного Суда РФ. Он является одним из механизмов противостояния расширению наднационального правового регулирования межгосударственными органами (ЕСПЧ, в частности).

Так, разрешение вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО Нефтяная компания ЮКОС против России» стало причиной использования принципа конституционной идентичности[5]. Пункт 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П гласит, что «от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке»[6].

С 2020 г. в Конституции РФ (ч. 3 ст. 69) обозначена необходимость сохранения общероссийской культурной идентичности. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет общероссийскую гражданскую идентичность как основу для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, которые необходимы для укрепления единства народов Российской Федерации[7]. В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей понятие «идентичность» упомянуто пять раз[8].

Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утвержденные Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», понятие «историческое просвещение» определяют через идентичность. Историческое просвещение – «регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества»[9] (п. 3 Основ).

В отечественной правовой системе понятие «идентичность» на сегодняшний день содержится лишь в небольшом количестве нормативных правовых актах, но именно они во многом определяют базовые для российского общества категории: традиционные ценности, защита исторической правды, сохранение исторической памяти и др.[10]

В отечественном правовом пространстве понятие «идентичность» быстро прошло путь от одной из целей отечественных инновационных воспитательных моделей (2011 г.) к инструменту

[3] См.: постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”» // СЗ РФ. 2017. № 2 (ч. I), ст. 361.

[4] См.: СЗ РФ. 2018. № 50, ст. 7739.

[5] См.: *Раттур М.В.* К вопросу об общероссийской идентичности в системе конституционных ценностей: от конструкта к концепту // Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности: сб. науч. тр. Всеросс. науч.-практ. конф., Стерлитамак, 26 апреля 2023 года. Стерлитамак, 2023. С. 50.

[6] См.: СЗ РФ. 2017. № 5, ст. 866.

[7] См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

[8] См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

[9] См.: СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2587.

[10] См.: *Раттур М.В.* Идентичность в аксиологии конституционализма: от социального конструкта к правовому концепту // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5 (233). С. 138.

противодействия органам наднационального регулирования (решения Конституционного Суда РФ) и основе для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Формирование правового концепта идентичности, насыщение его политико-правового содержания смыслообразующими теоретико-правовыми конструкциями на основе реконструкции политико-правовых знаний, позволит реализовать идею идентичности в отечественном политико-правовом пространстве во всем многообразии аспектов.

Эволюция идентичности как категории научного анализа: от логико-понятийной к теоретико-юридической конструкции

В науку понятие «идентичность» пришло благодаря изысканиям психолога Э. Эриксона. Изучение им резерваций индейцев племен сиу и юроков в США, позволило собрать обширный материал в отношении взаимодействия социальных групп в конце 30-х годов XX в. В период Второй мировой войны он по заказу Пентагона исследовал «военный невроз». Именно в этих исследованиях Э. Эриксоном впервые была обозначена идея учения об идентичности.

Тождественность самому себе сквозь призму идентичности своей социальной группы стала для психолога основным вектором для разработки целого пласта проблем индивидуальной и групповой идентичностей. При этом Э. Эриксон занялся темой «связи индивидуального жизненного цикла с циклом поколений и вообще проблемой динамики поколений»[11]. Собрав статьи разных лет в книгу «Идентичность: юность и кризис» (вышла в свет в 1968 г.), психолог продемонстрировал множество значений предложенного им термина. Таким образом, с момента появления идентичности в качестве научного понятия проявляется, с одной стороны, широкий простор для его использования, а с другой – терминологическая неопределенность, которая, по словам проф. Р. Брубейкера, создает ситуацию, при которой идентичность «означает слишком много (когда понимается в сильном смысле) или слишком мало (когда понимается в слабом смысле) или вообще ничего не означает»[12].

Дальнейшее развитие научных представлений об идентичности связано с ее изучением как психологического феномена. Французский психолог, директор Европейской лаборатории социальной психологии С. Московичи в начале 1980-х годов обосновал идею о коллективных репрезентациях членов группы. В 1986 г. А. Тэшфел и Дж. Тернер представили «Я-концепцию», которая развилась из сформулированной А. Тэшфелом минимальной групповой парадигмы[13].

Среди отечественных психологов первым к разработке проблем идентичности обратился И.С. Кон. В его представлении идентичность – это динамический конструкт личности. Убедительному обоснованию своей позиции он посвятил работу «В поисках себя. Личность и ее самосознание», опубликованную в 1984 г.[14]

Трансфер понятия «идентичность» из психологии в другие науки был довольно быстрым и стремительным. Как отмечает В.С. Малахов, «идеи Эриксона о том, что идентичность изменчива на протяжении жизни, идентичность не есть автономия, были восприняты во всех философских, психологических и социологических школах»[15].

Так, немецкий философ и социолог Ю. Хабермас построил поиск консенсуса между государством, обществом и субъектом в процессе правотворчества на сочетании индивидуальной и коллективной идентичности[16]. Теория идентичности английского социолога Э. Гидденса, сформулированная в 1990 г., базируется на современной культуре. В работе «Устройство общества: очерк теории структурации» он обосновывает культурологический подход к самоидентичности и идентичности[17].

Представляется значимым тот факт, что современные исследователи отмечают важную роль предшественников Э. Эриксона в вопросах рассмотрения идентичности в качестве предмета исследования. Так, например, психолог Л.Б. Шнейдер отмечает, что для З. Фрейда идентичность – составная часть его теории идентификации, а обретается она в результате «работы с областью бессознательного»[18]. А. Фрейд в ставшей классической работе «Психология Я и защитные механизмы» посредством идентичности характеризует ресурсы психики

[11] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2-е изд. М., 2006. С. 16.

[12] *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012. С. 63.

[13] См.: *Тернер Дж., Оукс П. Дж., Хелем С.А., Дэвид В.* Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. № 2.

[14] См.: *Кон И.С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984.

[15] *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 46.

[16] См.: *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Лекции и интервью, Москва, апр. 1989 г. / пер. с нем.; послесл. Н.В. Мотрошиловой, с. 115–174. М., 1992 (Философы современного мира. Лекции в Институте философии АН СССР); *Его же.* Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М., 2003.

[17] См.: *Гидденс Э.* Устройство общества: очерк теории структурации. М., 2003. С. 100–112.

[18] *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность. М., 2000. С. 34.

при соприкосновении с внешним миром[19]. Изучение Э. Фроммом особенностей взаимоотношений личности и общества позволило ему прийти к выводу о том, что идентичность есть итог индивидуализации каждого индивида[20].

Социологическое направление исследования идентичности контекстно связано с теорией символического интеракционизма. У. Джеймс еще в конце XIX в., занимаясь проблемами самосознания, определял последовательность и непротиворечивость субъекта как «тождественность себе». Дж. Г. Мид, будучи представителем чикагской социологической школы, исследовал идентификацию как обозначение личности или коллектива через социально конструируемые категории. При этом в системе его построений важнейшая роль принадлежала языку, в частности письменной и устной речи. Он использовал термин «самость», подразумевая идентичность.

В работе Э. Гоффмана и П. Бергера «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» идентичность представлена в виде явления, которое видоизменяется под влиянием социальных факторов[21]. Французский антрополог и социолог Г. Лебон, занимавшейся разработкой теории «массового общества», предложил критерии самоопределения субъектов и способы влияния на народные массы, внушения массам идей, влияния на настроение толпы, контекстно связанные с идентичностью[22].

Кроме психологической и социологической традиций исследования идентичности следует выделить философскую компоненту в ее изучении. В философии проблема «Я» изучается очень давно и успешно. Так, Д. Юм занимался решением проблемы тождества личности[23]. Создание концепции социальной феноменологии, рассматривающей социальный порядок как результат повседневного взаимодействия, во многом предвосхитило идею идентичности, которая будет сформулирована несколько позже. Так, Э. Гуссерль отмечает, что «всю важность трансцендентальной очевидности ego cogito (понимаемого в самом широком картезианском смысле) мы переносим теперь (оставляя в стороне вопросы области действия ее аподиктичности) с тождественного себе ego на многообразные cogitations...»[24].

Контекстно связанные с идентичностью теории национальной принадлежности, выдвинутые в Европе, основывались, с одной стороны, на идее права народа быть сувереном политико-правовой жизни Ж.-Ж. Руссо, а с другой – на представлениях об иррациональной природе наций немецких и английских философов-идеалистов. К рассмотрению вопросов национальной принадлежности в разное время обращались Г. Гегель, Ф. Гизо, А. де Токвиль. Несмотря на разные подходы, они приходили к выводу о том, что нация и государство во многом взаимообусловлены.

В отечественной науке вопросы, связанные с идентичностью, рассматривал историк В.В. Мавродин, изучая национальное самосознание. В работе «Формирование русской нации», вышедшей в 1947 г., он определил его как «единство людей, принадлежащих к данному периоду и данной народности или нации, единство их интереса, психического склада»[25]. М.М. Бахтин, развивая идеи культурно-исторической психологии, занимался проблемами формирования коллективного самосознания в процессе исторического развития, тем самым предвосхищая ныне существующие теории коллективной идентичности.

Важно отметить, что введение понятия «идентичность» в научный оборот во второй половине XX в. отнюдь не означает, что тема осознания принадлежности к определенной социальной группе и принятие базовых ценностей ранее не являлись предметом осмысления и анализа. Обращение к памятникам политико-правовой мысли Древнего мира позволяет сделать вывод о рассмотрении этой проблематики в глубокой древности.

Архетип идентичности в памятниках политико-правовой мысли Древнего мира

Этическая и философская категория «Маат» в Древнем Египте воплощает не только и не столько представления о богине, как установление порядка и формирование сплоченности древнеегипетского общества. Взаимность обязательств обеспечивает солидарность – один из главных посылов Маат[26]. О переходе от мифопоэтического к логическому (рациональному) познанию свидетельствует «Поучение гераклеопольского царя своему сыну и наследнику Мерикара».

---

[19] *Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы. М., 1993.

[20] См.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для самого себя. М., 2004. С. 26.

[21] См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 323.

[22] См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс / пер. с франц. Э. Пименовой, А. Фридмана. М., 2018.

[23] См.: *Юм Д.* О тождестве личности // О человеческой природе / пер. с англ. СПб., 2001. С. 157–174.

[24] *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Скляднева. 2-е изд., стер. СПб., 2006. С. 123.

[25] *Мавродин В.В.* Формирование русской нации. Л., 1947. С. 36.

[26] См.: *Жданов В.В.* Эволюция категории «Маат» в древнеегипетской мысли. М., 2006.

В «Поучении» – памятнике политико-правовой мысли Древнего Египта, датированного XXII в. до н.э., но дошедшего до нас в папирусах середины Нового Царства, сказано об опасности раскола общества и необходимости жестко пресекать такие попытки. Отец так наставляет сына: «Злоречивый разжигает распри в городе, надвое раскалывает молодежь. Если обнаружишь такого среди горожан – обвини его принародно и пусть расправятся с ним как с мятежником и смутьяном»[27].

Важно отметить, что он обращает внимание наследника и на необходимость сохранения преемственности, бережное отношение к памяти предков, что является одним из системообразующих факторов формирования идентичности: «Следуй путем отца и предков своих, оставившим тебе сокровища мудрости. Читай письмена их, сохраненные в древних свитках, внимай советам их и учись, и станешь искусным в делах»[28].

В «Упанишадах» (древнеиндийских трактатах философского характера) одной из центральных тем является человеческая индивидуальность. В практическом плане это нашло отражение в кастовой системе, которая отчасти сохраняется и в современной Индии. Деление на четыре «варны» (буквальный перевод с санскрита «цвет»), согласно самым ранним письменным санскритским источникам, существовало во время первоначального заселения Индии. В Древнеиндийском сборнике правовых предписаний «Законы Ману» было предусмотрено наказание для брахманов в случае попытки стать кшатриями. Таким образом, идентичность касты брахманов находилась под защитой закона. Более того, попытка овладеть знанием веды, что являлось прерогативой брахманов, считалось кражей веды. При этом виновный согласно «Законам Ману» «низвергается в ад».

В «Книге пророка Исаии», являющейся частью Ветхого Завета, автор, живший в Иерусалиме в VIII–VII вв. до н.э., упрекает иудеев в беззаконии. Исаия предрекает, что «Сион спасется правосудием, и обратившиеся сыны его – правдою; всем же отступникам и грешникам погибель»[29]. Правосудие выступает в данном случае критерием для идентичности Сиона.

Учение Конфуция изложено в сборнике «Лунь юй» («Беседы и высказывания»). Несмотря на концепцию «исправления имен», когда социальный статус каждого может быть пересмотрен на основе анализа поступков и нравственных качестве, для Конфуция является органичным деление людей на благородных (цзюнь-цзы) и темных (простолюдинов). Идентификационным критерием для цзюнь-цзы выступает соблюдение норм особого этикета (ли). Настойчивость Конфуция в вопросах сохранения исторической памяти является важным фактором для сохранения идентичности. В «Лунь юй» сказано: «Передаю, не создаю. Верю в древность и люблю ее»[30].

В древнекитайском тексте раннего даосизма «Чжуан-цзы» (III в. до н.э.) говорится о том, что во времена Высшей Добродетели «природа людей постоянна». Возвращение к простоте и естественности является залогом сохранения общей идентичности, что было крайне актуально для раздираемого противоречиями Китая в период создания «Чжуан-цзы».

В учении Пифагора, которое он в соответствии с существовавшей традицией не записывал, идеал полисной организации представлял собой «калокагатию» – сообщество граждан, где все были физически прекрасны и совершенны духовно. Важно отметить, что такая «идеальная идентичность» в полной мере соответствовала представлениям Солона, о чем сохранились свидетельства в виде афоризмов (гномов).

Память о предках была для древних греков составной частью идентичности. Государственный деятель Афин, оратор и полководец Перикл в своей речи на траурной церемонии в память всех афинских воинов, павших в результате вторжения спартанцев в Аттику в 431 г. до н.э. значительное внимание уделил необходимости отдать дань памяти прежде всего предкам, передавшим «после множества битв нам, своим сыновьям, эту великую державу»[31]. Его слова дошли до нас в пересказе Фукидида, написавшего «Историю Пелопонесской войны» по горячим следам, поэтому специалисты полагают, что степень точности слов Перикла, зафиксированных Фукидидом, весьма высока[32].

Демокрит единение граждан считал залогом государственной целостности. Гражданская война по его представлениям – самая большая угроза для государства. Протагор, будучи софистом, отстаивал идеи солидарности. По его мнению, выживание возможно только лишь при условии помощи в рамках сообщества. Сократ выступал за сохранение традиций, потому что они рождают принципы, опирающиеся на обычаи, что обеспечит их долговечность. В этом представления древних философов весьма актуальны относительно современного восприятия идентичности. Платон в диалоге «Законы» отмечает

[27] *Демидчик А.Е.* Поучение гераклеопольского царя своему сыну и наследнику Мерикара // История Древнего Востока. Тексты и документы / под ред. В.И. Кузищина. М., 2002. С. 17–23.

[28] Там же.

[29] Речи, изменившие мир. М., 2014. С. 17.

[30] Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 1.

[31] Речи, изменившие мир. С. 20.

[32] См: *Мартин Т.* Древняя Греция: от доисторических времен до эпохи эллинизма / пер. с англ. М., 2020. С. 307–315.

необходимость того, что «человеческая душа приобретает навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно»[33].

Важно отметить, что решение проблемы самоопределения нации древними греками находилось в языково-культурной плоскости. Говорящие на греческом языке – эллины, на другом – варвары.

Введение в Древнем Риме императором Августом публичных чтений, которые были призваны «распространять добрые семена писаний, расположенных к режиму, сочинений, полезных в пропагандистских целях»[34], а также его личное в них участие, когда он «доброжелательно и терпеливо выслушивал тех, кто читал ему не только поэзию и исторические сочинения, но даже и речи и диалоги»[35], привело к тому, что абсолютное большинство образованных людей стали отводить в доме специальное помещение для чтений – auditorium. Это способствовало формированию имперской идентичности и конструированию коллективной исторической памяти. Важным представляется тот факт, что в Древнем Риме периода империи от фиксации представлений об идентичности в письменных источниках власти стали предпринимать конкретные действия по формированию идентичности.

Новелла Августа была по достоинству оценена и поддержана другими римскими императорами. Особенно в этом отношении отличился Клавдий, решив, что он будет читать главы Истории, над которой он трудился по совету Тита Ливия. Правда, он довольно быстро прекратил читать написанные главы лично, поручив это вольноотпущеннику, но это нисколько не сократило поток желающих послушать произведение императора. Император Адриан построил на личные средства Athenaeum – здание, напоминающее театр, исключительно для публичных чтений. Таким образом, очевидно, что римских императоров заботил вопрос формирования общих ценностей, исторической памяти и конструирования идентичности. Исходя из представленных сведений, можно сделать вывод о том, что в отношении идентичности в памятниках политико-правовой мысли отчетливо прослеживается переход от мифологического мышления к логико-понятийному.

Архетип идентичности претерпевает изменения от первоначальной принадлежности к группе, которая и являлась определяющей характеристикой человека в древнейших культурах, в сторону идеи индивидуализации, реализуемой в Древней Греции. Древний Рим уже демонстрирует исключительность, которую Марк Туллий Цицерон определил для римлян следующим образом: «по воле богов они созданы, чтобы повелевать всеми другими народами»[36].

В контексте идентичности интересны представления Цицерона о государстве. Он полагает, что единение народа обусловлено общим делом (res publica) и является достоянием народа (res populi). При этом понятие «народ» для него было «соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов»[37].

В практическом воплощении представлений Цицерона апогеем является 63 г. до н.э., когда разрешился конфликт, который условно можно назвать как «Цицерон против Катилины». Результатом принятия консулом Цицероном «чрезвычайных мер» по устранению угроз государству стала расправа со сторонниками Катилины.

Этот конфликт породил четыре речи Цицерона In Catilinam (Катилинарии), ставшие своеобразной вехой в развитии политико-правовой мысли Древнего мира. Первая речь, произнесенная Цицероном 8 ноября 63 г. до н.э. в храме Юпитера Статора, начиналась фразой, ставшей крылатой: «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? (Quo usque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?)»[38]. Она и по сей день в ходу у современных политиков, став частью политико-правовой идентичности. На протяжении последующей истории человечества политики только изменяют имя человека, к которому обращаются.

Не вдаваясь в подробности объективности угроз, отметим, что уже в 58 г. до н.э. римляне проголосовали за принятие закона, который содержал положение об изгнании всех, кто принял решение о казни любого гражданина без суда. Так, провозглашенный в 63 г. до н.э. pater patriae (отец отечества) в 58 г. до н.э. вынужденно оказался в Северной Греции.

В представлениях древнеримского юриста Гая, изложенных в учебнике «Институции», римская идентичность отразилась в разделении на право народа, установившего для себя ряд норм, и «право, которое между всеми людьми установил естественный разум, и применяется и защищается

---

[33] *Платон* Законы. Кн. XII. 942. URL: https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/LosevH/0413.htm?ysclid=m06jc7f33t239932831 (дата обращения: 15.02.2024).

[34] *Каркопино Ж.* Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи / пер. с франц. И.И. Маханькова. М., 2008. С. 268.

[35] Там же.

[36] *Бирд М.* SPQR: История Древнего Рима / пер. с. англ. 2-е изд. М., 2021. С. 27.

[37] *Цицерон.* О государстве. 1. XXV, 39. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414870001&ysclid=m06lwuhyij967124894#25 (дата обращения: 17.02.2024).

[38] О заговоре Катилины: с приложением отрывков о Катилине из Аппиана, Плутарха и Диона Кассия / Гай Саллюстий Крисп. Речи против Катилины / Марк Туллий Цицерон; пер., статья и коммент. С.П. Гвоздева, вступ. ст. П.Ф. Преображенского. М., 1934.

у всех народов и называется общенародным (jus gentium)»[39].

Следует отметить, что логико-понятийная конструкция идентичности усложняется с развитием политико-правовой мысли Древнего мира. При этом начинает формироваться корпус правовых обычаев, традиций, принципов и норм, связанных с идентичностью.

Проекция идентичности на правовую систему современной России: историографический аспект

Известный исследователь идентичности проф. Р. Брубейкер определил важную тенденцию в развитии представлений об идентичности, отметив, что «идентичность в современном обществе одновременно является категорией научного анализа и категорией практики – частью политической и социальной риторики. Это создает проблему смешения эмпирического и теоретического начал»[40], что в полной мере нашло отражение в современной отечественной историографии. Рассмотрение работ в хронологической последовательности позволит увидеть динамику понятия «идентичность» в современных политико-правовых исследованиях.

Актуальность обращения к проблемам идентичности в отечественной науке обусловлена прежде всего тем, что крушение Советского Союза сделало актуальными осмысление роли и места в мире Российской Федерации, взаимоотношений между бывшими союзными республиками, осознание себя гражданами России при том, что сформировавшаяся общность «советский человек» стала неактуальна и перестала соответствовать политическим реалиям.

Важно отметить, что в это же время появился доступ к неизвестной ранее в Советском Союзе литературе, возможность ознакомиться с работами зарубежных ученых. В отношении идентичности ИНИОН РАН в 1992 г. издал сборник обзоров и рефератов «Историко-культурные основы европейской цивилизации». В нем большинство материалов были посвящены проблемам идентичности. Среди них особо следует отметить работу западногерманского политолога В. Вайденфельда, где он обозначил: «Чтобы быть способным существовать, всякое современное общество должно очертить свою коллективную идентичность.., а сознание общности... становится существенной основой решения политических проблем»[41].

Основные концептуальные подходы к исследованию проблематики социальной и национальной идентичности получили всестороннее освещение в сборнике «Этнос. Идентичность. Образование», изданном в 1998 г. Фокусировка на формировании ценностей у подростков позволила авторам продемонстрировать роль микросоциального окружения при формировании идентичности[42].

Правовой вектор при рассмотрении идентичности впервые был обозначен в 2000 г. в журнале «Государство и право». В статье авторы обозначают необходимость введения в «категориальный аппарат теории права и государства термина “государственная идентичность”»[43].

В коллективной монографии «Многоуровневая идентичность», вышедшей в 2006 г., предпринята попытка представить идентичность в качестве призмы, «через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни»[44]. Представляется важным отметить, что авторский коллектив в том же составе продолжил глубокое изучение темы идентичности применительно к одному из регионов Российской Федерации – Северному Кавказу. Его итогом стало издание в 2010 г. монографического исследования «Российская идентичность на Северном Кавказе»[45].

Российская государственно-правовая идентичность была заявлена в качестве предмета исследования Т.В. Беспаловой и А.В. Сидоровым в монографии, опубликованной Российским юридическим институтом МВД России в 2008 г. Ее авторы подчеркивают, что «проблема идеологического обеспечения новой государственно-правовой идентичности России требует адекватного институционального анализа и научно-практических обобщений»[46].

В 2008–2010 гг. в журнале «Философия права» опубликован ряд статей, посвященных политико-правовой концептуализации идентичности для сплочения и интеграции социума[47]. Несмотря

---

[39] *Гай*. Институции. М., 1997. Кн. 1.

[40] *Брубейкер Р.* Указ. соч. С. 69.

[41] Историко-культурные основы европейской цивилизации: сб. обзоров и рефератов. М., 1992. С. 13.

[42] См.: Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. Т. IV. Вып. VI / под ред. В.С. Собкина. М., 1998.

[43] *Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А.* Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. 2000. № 5. С. 5.

[44] Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Ю. Шадже. М., 2006. С. 6.

[45] Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже; под общ. ред. А.Ю. Шадже. М., 2010.

[46] *Беспалова Т.В., Сидоров А.В.* Идеологическое проектирование российской государственно-правовой идентичности. Ростов н/Д., 2008. С. 4.

[47] См.: *Пушкарев Е.А.* Защита государственно-правовой идентичности русского народа как основа обеспечения национальной безопасности в России // Философия права. 2008. № 5. С. 47–52; *Беспалова Т.В.* Идентичность российского общества в переходный период: социально-философский

на то что направления исследования авторами выбраны разные, они, в целом, сходятся во мнении, что «социально-политическая стабильность современного российского общества во многом определяется степенью гражданской консолидации или дифференциации населения»[48].

Анализ современной отечественной историографии политико-правовых аспектов идентичности позволяет сделать вывод о значительно увеличившемся количестве работ по данной тематике на Северном Кавказе. Это объясняется исследователями прежде всего многонациональным составом этой части Российской Федерации и близостью Государственной границы[49].

Политологическое изучение идентичности ознаменовано выходом в свет публикаций в журнале «Политические исследования» в 2010 г. Комплекс социальных и ментальных сдвигов, с которыми столкнулось российское общество после распада СССР, анализируется в статье О.Ю. Малиновой. Автор делает вывод о необходимости конструирования макрополитической идентичности в постсоветской России[50]. Концепция политико-психологических трансформаций идентичности, предложенная Т.В. Евгеньевой и В.В. Титовым, обусловила вывод авторов о том, что необходимо принять комплекс мер, направленных на формирование национально-государственной идентичности российской молодежи[51].

В программу Всероссийской научно-теоретической конференции «Идентичность как предмет политического анализа», состоявшейся в ИМЭМО РАН 21–22 октября 2010 г., вошли несколько блоков, непосредственно связанных с актуальными проблемами политико-правового развития. Среди них: методология анализа идентичности; идентичность в глобализирующемся мире; проблемы анализа российской идентичности; идентичность в пространственном измерении[52].

Среди многообразия тем, рассмотренных на Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Саратовской государственной академии права, прошедшей 22–23 ноября 2010 г., обращает на себя внимание доклад М.Е. Попова «Конфликты идентичностей и российская модернизация». Автор отмечает опасности незавершенности процесса формирования гражданской надэтнической идентичности, наличие ценностных противоречий и противоборство мнений о способах решения фундаментальных вопросов гражданского общества[53].

В 2010 г. вышло в свет издание, включавшее статьи, переводы и рефераты, под названием «Юриспруденция в поисках идентичности». Большинство статей посвящены исследованию методологии и понятийному инструментарию правовой науки. Помимо этого в состав сборника включены авторские переводы работ ряда теоретиков права. В фокусе внимания оказались Г. Харт, Б. Бикс, М. Хесселинк и Б. Мелкевик.

Историко-культурный аспект политико-правовой идентичности, наиболее ярко проявляющийся в полиэтнических обществах, рассмотрен во всем многообразии участниками Всероссийской научной школы «Проблемы историко-культурной идентичности в полиэтнических обществах», проведенной в Омске в 2011 г.[54] Установление взаимосвязи религиозного и правового аспектов общероссийской идентичности, предпринятое М.С. Розановой, стало своеобразной попыткой определить границы и пределы государственной и церковной составляющих идентичности для современного российского общества[55].

На фоне сложившихся в историографии психологического и социологического подходов

анализ // Философия права. 2008. № 6. С. 55–58; *Хоперская Л.Л., Горшколепов А.А., Арикбаев Р.Б.* Формирование общегражданской идентичности как фактор обеспечения стабильности на Северном Кавказе // Философия права. 2009. № 1. С. 70–72; *Магомедханов Р.Г.* Этнонациональная идентичность: политико-правовая концептуализация // Философия права. 2009. № 5. С. 91–94; *Богданов В.В.* Национальная идентичность: между противоречием и отсутствием альтернативы // Философия права. 2009. № 1. С. 77–81.

[48] *Хоперская Л.Л., Горшколепов А.А., Арикбаев Р.Б.* Указ. соч. С. 70.

[49] См.: Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу: аналитический доклад. М., 2020; *Ильинова Н.А., Ляушева С.А.* Демаркация современных геополитических вызовов посредством региональной политики идентичности // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2022. № 4 (309). С. 89–95; *Шадже А.Ю.* Политика идентичности в междисциплинарном контексте // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2022. № 4 (309). С. 139–147.

[50] См.: *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90.

[51] См.: *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. 2010. № 4. С. 122.

[52] См.: Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всеросс. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / И.С. Семененко, Л.А. Фадеева (отв. ред.). М., 2011.

[53] См.: *Попов М.Е.* Конфликты идентичностей и российская модернизация // Проблемы модернизации российской государственности: стратегии, институты, акторы: сб. науч. тр. / редкол.: И.Н. Коновалов (отв. ред.) и др. Саратов, 2010. С. 266–269.

[54] См.: Проблемы историко-культурной идентичности в полиэтнических обществах: тезисы докладов Всеросс. науч. школы (Омск, 6–8 сентября 2011 г.) / отв. ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. Омск, 2011.

[55] См.: *Розанова М.С.* Проблемы формирования общероссийской идентичности в эпоху глобализации: религиозный и правовой аспекты // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 3. С. 164–172.

к рассмотрению идентичности отличается новизной постановка вопроса о рассмотрении идентичности в контексте самоидентификации государства, предложенной проф. Л.С. Мамутом. В его представлении самоидентификация государства – «процесс его легитимации и ее необходимое условие»[56].

Определение дефиниции «правовая идентичность» стало одной из исследовательских задач, решаемых Н.В. Исаевой[57]. Так, в монографии «Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа» она отмечает, что, «являясь качеством субъекта права, правовая идентичность регулирует поведение субъекта в правовой сфере, который оценивает состояние не как внешний наблюдатель, а заинтересованное лицо, готовое не только воспринимать лучшие образцы правового поведения, но и формировать новые свойства, позволяющие на основе имеющегося опыта положительно действовать в настоящем и продуктивно определять стратегию будущего»[58].

Е.В. Резников в монографии «Теоретические проблемы правовой идентичности», изданной в 2014 г., представил авторскую концепцию правовой идентичности как интегративной характеристики человека в правовом пространстве[59].

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в статье, опубликованной в журнале «Государство и право» в 2018 г., аргументированно обосновал «ярко выраженное стремление разных государств к осмыслению и отстаиванию своей конституционно-правовой идентичности»[60]. Эта публикация положила начало обсуждению правоведами вопросов методологии и направлениям изучения конституционной идентичности[61]. Важно отметить, что актуальность рассмотрения вопросов, связанных с идентичностью, возрастает в контексте цифровизации[62].

* * *

Проведенный историографический анализ свидетельствует о неуклонном возрастании частоты использования понятия «идентичность» как в вокабуляре ученых-обществоведов, так и в политической риторике. В политико-правовом пространстве идентичность все чаще фигурирует в нормативных правовых актах и в научных публикациях. Ее включение в систему политико-правовых знаний при разработке отечественной историографической модели может стать перспективным средством противодействия идеологическим искажениям представлений о цивилизационном развитии России. О назревшей необходимости создания российской историографической модели развития политико-правовой мысли убедительно свидетельствуют аргументы ученых[63].

Осмысление идентичности в праве сопряжено с рядом трудностей, обусловленных, во-первых, сложившимися на сегодняшний день двумя подходами, которые производны от индивидуальной и коллективной идентичности. Психологическая исследовательская традиция изначально формировалась на основе представлений об индивидуальной идентичности, а социологическая – коллективной. Рассмотрение правового содержания феномена идентичности в рамках лишь одной из этих общепризнанных традиций представляется затруднительным, учитывая его многогранность, на которой акцентировал внимание еще Ульпиан. Он отмечал, что «изучение права распадается на два положения: публичное и частное»[64].

Во-вторых, исследование идентичности как политико-правового феномена, который, с одной стороны, выступает в качестве механизма обособления

---

[56] *Мамут Л.С.* Самоидентификация государства // Государство и право. 2012. № 7. С. 92.

[57] См.: *Исаева Н.В.* Правовая идентичность: проблемы теории и практики. Иваново, 2009; *Ее же.* Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование). М., 2013.

[58] *Исаева Н.В.* Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа. М., 2014. С. 296.

[59] См.: *Резников Е.В.* Теоретические проблемы правовой идентичности. М., 2014.

[60] *Зорькин В.Д.* Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 15.

[61] См.: *Троицкая А.А.* Конституционная идентичность и где она обитает // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 2023. № 2. С. 12–23; *Исаева Н.В.* Конституционная идентичность и идентичность конституции // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер.: Естественные, общественные науки. 2024. № 1. С. 106–114.

[62] См.: *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук Всероссийских научных конференций с международным участием, Москва, 10–11 декабря 2018 г. М., 2019. Т. 1. С. 9–92; *Жуков В.И., Раттур М.В.* Некоторые вопросы трансформации права в эпоху цифровизации: действующие нормы, отклонения и вектор развития // Государство и право. 2022. № 10. С. 129–140; *Жуков В.И.* «Цивилизация»: терминологическое многообразие и правовая идентичность // Государство и право. 2024. № 4. С. 102–115.

[63] См.: *Савенков А.Н.* Философия права в России как идейно теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23; *Его же.* Значение идей Н.Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. 2023. № 10. С. 7–16; *Горбань В.С.* Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91–101; *Горбань В.С., Груздев В.С.* О значении и отдельных аспектах современной историографии и историософии политико-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 11–30; *Жуков В.И.* Глобализм и цивилизация в парадигме философии права // Государство и право. 2024. № 7. С. 50–63; *Горбань В.С.* Историографические исследования политико-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 4. С. 13.

[64] Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2008. Т. 1. С. 83.

индивида или группы, а с другой – является способом интеграции общества и преодоления социальной аномии, требует междисциплинарного подхода для всестороннего анализа антиномии, ярко проявляющейся именно в правовом аспекте. Для психологов и социологов смещение акцентов на внутренний и внешний мир соответственно позволяет нивелировать антиномию идентичности при проведении научных изысканий. Для правоведов столкновение с этой трудностью представляется практически неизбежным.

В-третьих, дуальность идентичности, которая обусловлена для теории и истории правовой науки национально-культурной самобытностью построения правовых институтов или формулирования идей, с одной стороны, и самостоятельностью предмета исследования специфического политико-правовой феномена, требующего изучения генезиса, истоков формирования, развития представлений и политико-правовых идей, – с другой.

Историография понятия «идентичность» весьма обширна, но в правоведении предпринимаются лишь первые серьезные шаги для ее фундаментального изучения. Включение данного феномена в создаваемую отечественную историографическую модель политико-правовых знаний при условии тщательного отбора и упорядочения источников позволит не только эксплицировать термин «идентичность» в российском политико-правовом пространстве, но и избежать деконцептуализации, содержащей риски невозможности эффективного использования понятия «идентичность» в нормативных актах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 323.
2. *Беспалова Т.В.* Идентичность российского общества в переходный период: социально-философский анализ // Философия права. 2008. № 6. С. 55–58.
3. *Беспалова Т.В., Сидоров А.В.* Идеологическое проектирование российской государственно-правовой идентичности. Ростов н/Д., 2008. С. 4.
4. *Бирд М.* SPQR: История Древнего Рима / пер. с англ. 2-е изд. М., 2021. С. 27.
5. *Богданов В.В.* Национальная идентичность: между противоречием и отсутствием альтернативы // Философия права. 2009. № 1. С. 77–81.
6. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012. С. 63, 69.
7. *Гай.* Институции. М., 1997. Кн. 1.
8. *Гидденс Э.* Устройство общества: очерк теории структурации. М., 2003. С. 100–112.
9. *Горбань В.С.* Историографические исследования политико-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 4. С. 13.
10. *Горбань В.С.* Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91–101.
11. *Горбань В.С., Груздев В.С.* О значении и отдельных аспектах современной историографии и историософии политико-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 11–30.
12. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Скляднева. 2-е изд., стер. СПб., 2006. С. 123.
13. *Демидчик А.Е.* Поучение гераклеопольского царя своему сыну и наследнику Мерикара // История Древнего Востока. Тексты и документы / под ред. В.И. Кузищина. М., 2002. С. 17–23.
14. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2008. Т. 1. С. 83.
15. Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 1.
16. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. 2010. № 4. С. 122.
17. *Жданов В.В.* Эволюция категории «Маат» в древнеегипетской мысли. М., 2006.
18. *Жуков В.И.* Глобализм и цивилизация в парадигме философии права // Государство и право. 2024. № 7. С. 50–63.
19. *Жуков В.И.* «Цивилизация»: терминологическое многообразие и правовая идентичность // Государство и право. 2024. № 4. С. 102–115.
20. *Жуков В.И., Раттур М.В.* Некоторые вопросы трансформации права в эпоху цифровизации: действующие нормы, отклонения и вектор развития // Государство и право. 2022. № 10. С. 129–140.
21. *Зорькин В.Д.* Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 15.
22. Идентичность в аксиологии конституционализма: от социального конструкта к правовому концепту // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5 (233). С. 138.
23. Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всеросс. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / И.С. Семененко, Л.А. Фадеева (отв. ред.). М., 2011.
24. *Ильинова Н.А., Ляушева С.А.* Демаркация современных геополитических вызовов посредством региональной политики идентичности // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2022. № 4 (309). С. 89–95.
25. *Исаева Н.В.* Конституционная идентичность и идентичность конституции // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер.: Естественные, общественные науки. 2024. № 1. С. 106–114.
26. *Исаева Н.В.* Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа. М., 2014. С. 296.
27. *Исаева Н.В.* Правовая идентичность: проблемы теории и практики. Иваново, 2009.
28. *Исаева Н.В.* Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование). М., 2013.
29. Историко-культурные основы европейской цивилизации: сб. обзоров и рефератов. М., 1992. С. 13.

30. *Каркопино Ж.* Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи / пер. с франц. И.И. Маханькова. М., 2008. С. 268.

31. *Кон И.С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984.

32. *Лебон Г.* Психология народов и масс / пер. с франц. Э. Пименовой, А. Фридмана. М., 2018.

33. *Мавродин В.В.* Формирование русской нации. Л., 1947. С. 36.

34. *Магомедханов Р.Г.* Этнонациональная идентичность: политико-правовая концептуализация // Философия права. 2009. № 5. С. 91–94.

35. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 46.

36. *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90.

37. *Мамут Л.С.* Самоидентификация государства // Государство и право. 2012. № 7. С. 92.

38. *Мартин Т.* Древняя Греция: от доисторических времен до эпохи эллинизма / пер. с англ. М., 2020. С. 307–315.

39. Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Ю. Шадже. М., 2006. С. 6.

40. О заговоре Катилины: с приложением отрывков о Катилине из Аппиана, Плутарха и Диона Кассия / Гай Саллюстий Крисп. Речи против Катилины / Марк Туллий Цицерон; пер., статья и коммент. С.П. Гвоздева, вступ. ст. П.Ф. Преображенского. М., 1934.

41. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу: аналитический доклад. М., 2020.

42. *Платон* Законы. Кн. XII. 942. URL: https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/LosevH/0413.htm?ysclid=m06jc7f33t239932831 (дата обращения: 15.02.2024).

43. *Попов М.Е.* Конфликты идентичностей и российская модернизация // Проблемы модернизации российской государственности: стратегии, институты, акторы: сб. науч. тр. / редкол.: И.Н. Коновалов (отв. ред.) и др. Саратов, 2010. С. 266–269.

44. Проблемы историко-культурной идентичности в полиэтнических обществах: тезисы докладов Всеросс. науч. школы (Омск, 6–8 сентября 2011 г.) / отв. ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. Омск, 2011.

45. *Пушкарев Е.А.* Защита государственно-правовой идентичности русского народа как основа обеспечения национальной безопасности в России // Философия права. 2008. № 5. С. 47–52.

46. *Раттур М.В.* К вопросу об общероссийской идентичности в системе конституционных ценностей: от конструкта к концепту // Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности: сб. науч. тр. Всеросс. науч.-практ. конф., Стерлитамак, 26 апреля 2023 года. Стерлитамак, 2023. С. 50.

47. *Резников Е.В.* Теоретические проблемы правовой идентичности. М., 2014.

48. Речи, изменившие мир. М., 2014. С. 17, 20.

49. *Розанова М.С.* Проблемы формирования общероссийской идентичности в эпоху глобализации: религиозный и правовой аспекты // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 3. С. 164–172.

50. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже; под общ. ред. А.Ю. Шадже. М., 2010.

51. *Савенков А.Н.* Значение идей Н.Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. 2023. № 10. С. 7–16.

52. *Савенков А.Н.* Философия права в России как идейно теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.

53. *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук Всероссийских научных конференций с международным участием, Москва, 10–11 декабря 2018 г. М., 2019. Т. 1. С. 9–92.

54. *Тернер Дж., Оукс П. Дж., Хелем С.А., Дэвид В.* Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. № 2.

55. *Троицкая А.А.* Конституционная идентичность и где она обитает // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 2023. № 2. С. 12–23.

56. *Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы. М., 1993.

57. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для самого себя. М., 2004. С. 26.

58. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Лекции и интервью, Москва, апр. 1989 г. / пер. с нем.; послесл. Н.В. Мотрошиловой, с. 115–174. М., 1992 (Философы современного мира. Лекции в Институте философии АН СССР).

59. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М., 2003.

60. *Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А.* Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. 2000. № 5. С. 5.

61. *Хоперская Л.Л., Горшколепов А.А., Арикбаев Р.Б.* Формирование общегражданской идентичности как фактор обеспечения стабильности на Северном Кавказе // Философия права. 2009. № 1. С. 70–72.

62. *Цицерон* О государстве. 1. XXV, 39. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414870001&ysclid=m06lwuhyij967124894#25 (дата обращения: 17.02.2024).

63. *Шадже А.Ю.* Политика идентичности в междисциплинарном контексте // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2022. № 4 (309). С. 139–147.

64. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность. М., 2000. С. 34.

65. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2-е изд. М., 2006. С. 16.

66. Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. Т. IV. Вып. VI / под ред. В.С. Собкина. М., 1998.

67. *Юм Д.* О тождестве личности // О человеческой природе / пер. с англ. СПб., 2001. С. 157–174.

REFERENCES

1. *Berger P. Lookman T.* Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. M., 1995. P. 323 (in Russ.).
2. *Bespalova T.V.* Identity of Russian society in transition: socio-philosophical analysis // Philosophy of Law. 2008. No. 6. Pp. 55–58 (in Russ.).
3. *Bespalova T.V., Sidorov A.V.* Ideological design of Russian state legal identity. Rostov-on-Don, 2008. P. 4 (in Russ.).
4. *Beard M.* SPQR: History of Ancient Rome / transl. from English. 2nd ed. M., 2021. P. 27 (in Russ.).
5. *Bogdanov V.V.* National identity: between contradiction and lack of alternative // Philosophy of Law. 2009. No. 1. Pp. 77–81 (in Russ.).
6. *Brubaker R.* Ethnicity without groups. M., 2012. P. 63 (in Russ.).
7. *Gaius.* The Institutes. M., 1997. Book 1 (in Russ.).
8. *Giddens E.* The structure of society: an essay on the theory of structuring. M., 2003. Pp. 100–112 (in Russ.).
9. *Gorban V.S.* Historiographic studies of political and legal thought // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 13 (in Russ.).
10. *Gorban V.S.* New historiography of political and legal thought as an urgent task of the legal sciences // Herald of Kutafin University (MSAL). 2023. No. 4 (104). Pp. 91–101 (in Russ.).
11. *Gorban V.S., Gruzdev V.S.* On the significance and individual aspects of modern historiography and historiosophy of political and legal thought // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. Vol. 18. No. 6. Pp. 11–30 (in Russ.).
12. *Husserl E.* Cartesian reflections / transl. from German by D.V. Sklyadneva. 2nd ed., stereotyp. SPb., 2006. P. 123 (in Russ.).
13. *Demidchik A.E.* Teaching the king of Heracleopolis to his son and heir Mericar // History of the Ancient East: Texts and documents / ed. by V.I. Kuzishchin. M., 2002. Pp. 17–23 (in Russ.).
14. Digests of Justinian / res. ed. L.L. Kofanov. M., 2008. Vol. 1. P. 83 (in Russ.).
15. Ancient Chinese philosophy. M., 1972. Vol. 1. (in Russ.).
16. *Evgenieva T.V., Titov V.V.* Formation of the national-state identity of Russian youth // Polis. 2010. No. 4. Pp. 122–134 (in Russ.).
17. *Zhdanov V.V.* Evolution of the Maat category in ancient Egyptian thought. M., 2006 (in Russ.).
18. *Zhukov V.I.* "Civilization": terminological diversity and legal identity // State and Law. 2024. No. 4. Pp. 102–115 (in Russ.).
19. *Zhukov V.I.* Globalism and civilization in the paradigm of the Philosophy of Law // State and Law. 2024. No. 7. Pp. 50–63 (in Russ.).
20. *Zhukov V I., Rattur M.V.* Some issues of transformation of law in the era of digitalization: current norms, deviations and vector of development // State and Law. 2022. No. 10. Pp. 129–140 (in Russ.).
21. *Zorkin V.D.* The Constitution of the Russian Federation is the legal basis for the integration of Russian society // State and Law. 2018. No. 12. Pp. 5–17 (in Russ.).
22. Identity as a subject of political analysis. Collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference (IMEMO RAS, October 21–22, 2010) / I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva (ed.). M., 2011 (in Russ.).
23. *Ilyinova N.A., Lyausheva S.A.* Demarcation of modern geopolitical challenges through regional identity politics // Herald of Adygea State University. 2022. No. 4 (309). Pp. 89–95 (in Russ.).
24. *Isaeva N.V.* Constitutional identity and constitution identity // Herald of Ivanovo State University. Series: Natural Sciences, Social Sciences. 2024. No. 1. Pp. 106–114 (in Russ.).
25. *Isaeva N.V.* Legal identity as a category of law and theoretical and legal analysis. M., 2014. P. 296 (in Russ.).
26. *Isaeva N.V.* Legal identity: problems of theory and practice. Ivanovo, 2009 (in Russ.).
27. *Isaeva N.V.* Legal identity (theoretical and legal research). M., 2013 (in Russ.).
28. Historical and cultural foundations of European civilization. Collection of reviews and abstracts. M., 1992. P. 13 (in Russ.).
29. *Carcopino J.* Everyday life of ancient Rome. Apogee of the empire / transl. from French by I.I. Makhankova. M., 2008. P. 268 (in Russ.).
30. *Con I.S.* Looking for himself. Personality and its self-awareness. M., 1984 (in Russ.).
31. *Le Bon G.* Psychology of peoples and masses / transl. from French by E. Pimenova, A. Fridman. M., 2018 (in Russ.).
32. *Mavrodin V.V.* Formation of the Russian nation. L., 1947. P. 36 (in Russ.).
33. *Magomedkhanov R.G.* Ethnonational identity: political and legal conceptualization // Philosophy of Law. 2009. No. 5. Pp. 91–94 (in Russ.).
34. *Malakhov V.S.* Inconveniences with identity // Questions of philosophy. 1998. No. 2. P. 46 (in Russ.).
35. *Malinova O. Yu.* Symbolic politics and construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia // Polis. 2010. No. 2. Pp. 90–105 (in Russ.).
36. *Mamut L.S.* Self-identification of the state // State and Law. 2012. No. 7. Pp. 92–95 (in Russ.).
37. *Martin T.* Ancient Greece: From prehistoric times to the Hellenistic era / transl. from English. M., 2020. Pp. 307–315 (in Russ.).
38. Multilevel identity / Z.A. Jade, E.S. Kukva, S.A. Lyausheva, A. Yu. Shadzhe. M., 2006. P. 6 (in Russ.).
39. On the conspiracy of Catiline: with excerpts about Catiline from Appian, Plutarch and Dion Cassius / Guy Sallust Crispus attached. Speeches against Catiline / Marcus Tullius Cicero; transl., article and comment by S.P. Gvozdeva, entry. art. by P.F. Preobrazhensky. M., 1934 (in Russ.).
40. All-Russian civic identity in the South of Russia. Analysis of measures and proposals for the Southern Federal District and the North Caucasus: analytical report. M., 2020 (in Russ.).
41. *Plato.* Laws. Book XII. 942. URL: https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/LosevH/0413.htm?ysclid=m06jc7f33t239932831 (accessed: 15.02.2024) (in Russ.).
42. *Popov M.E.* Identity conflicts and Russian modernization // Problems of modernization of Russian statehood: strategies, institutions, actors: sat. scientific. works / Editorial board:

I.N. Konovalov (res. ed.) et al. Saratov, 2010. Pp. 266–269 (in Russ.).

43. Problems of historical and cultural identity in multi-ethnic societies: abstracts of reports of the All-Russian Scientific School (Omsk, September 6–8, 2011) / res. ed. T.B. Smirnova, N.A. Tomilov. Omsk, 2011 (in Russ.).
44. *Pushkarev E.A.* Protection of the state legal identity of the Russian people as the basis for ensuring national security in Russia // Philosophy of Law. 2008. No. 5. Pp. 47–52 (in Russ.).
45. *Rattur M.V.* Identity in the axiology of constitutionalism: from a social construct to a legal concept // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 5 (233). Pp. 137–139 (in Russ.).
46. *Rattur M.V.* On the issue of all-Russian identity in the system of constitutional values: from construct to concept // Science, culture, education in the context of modern priorities: Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Sterlitamak, April 26, 2023. Sterlitamak, 2023. P. 50 (in Russ.).
47. *Reznikov E.V.* Theoretical problems of legal identity: monograph. M., 2014 (in Russ.).
48. Speeches that changed the world. M., 2014. P. 17 (in Russ.).
49. *Rozanova M.S.* Problems of the formation of all-Russian identity in the era of globalization: religious and legal aspects // Herald of Pushkin Leningrad State University. 2012. No. 3. Pp. 164–172 (in Russ.).
50. Russian identity in the North Caucasus / Z. Zhade, E. Kukva, S. Lyausheva, A. Shadzhe; under the general ed. A. Yu. Shadzhe. M., 2010 (in Russ.).
51. *Savenkov A.N.* The significance of the ideas of N. Ya. Danilevsky for the formation of modern Philosophy of Law // State and Law. 2023. No. 10. Pp. 7–16 (in Russ.).
52. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law in Russia as the ideologically theoretical basis of national legal ideology: history, modernity and prospects // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 7–23 (in Russ.).
53. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law, Legal Thinking and Global Problems of Modern Civilization // Transformation of the Paradigm of Law in the Civilizational Development of Mankind: Reports of Members of the Russian Academy of Sciences of the All-Russian Scientific Conferences with International Participation, Moscow, December 10–11, 2018. Vol. 1. M., 2019. Vol. 1. Pp. 9–92 (in Russ.).
54. *Turner J., Oakes P.J., Helem S.A., David W.* Social Identity, Self-Categorization, and Group // Foreign Psychology. 1994. No. 2 (in Russ.).
55. *Troitskaya A.A.* Constitutional identity and where it lives // Herald of Moscow University. Series 11: Law. 2023. No. 2. Pp. 12–23 (in Russ.).
56. *Freud A.* Psychology I and defense mechanisms. M., 1993 (in Russ.).
57. *Fromm E.* Flight from Freedom. A man for himself. M., 2004. P. 26 (in Russ.).
58. *Habermas Yu.* Democracy. Mind. Morality: lectures and interviews // Philosophers of the modern world: lectures in the philosophy of the USSR Academy of Sciences. Moscow, April 1989. M., 1992 (in Russ.).
59. *Habermas Yu.* Philosophical discourse on Art Nouveau. M., 2003 (in Russ.).
60. *Khabibulin A.G., Rakhimov R.A.* State identity as an element of the legal status of a person // State and Law. 2000. No. 5. P. 5 (in Russ.).
61. *Khoperskaya L.L., Gorshkolepov A.A., Arikbaev R.B.* The formation of a common civil identity as a factor in ensuring stability in the North Caucasus // Philosophy of Law. 2009. No. 1. Pp. 70–72 (in Russ.).
62. *Cicero.* About the state. 1. XXV, 39. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414870001&ysclid=m06lwuhyij967124894#25 (accessed: 17.02.2024) (in Russ.).
63. *Shadzhe A. Yu.* Identity politics in an interdisciplinary context // Herald of Adygea State University. 2022. No. 4 (309). Pp. 139–147 (in Russ.).
64. *Schneider L.B.* Professional identity. M., 2000. P. 34 (in Russ.).
65. *Erickson E.* Identity: youth and crisis: transl. from English / commonly ed. and preface A.V. Tolstykh. 2nd ed. M., 2006. P. 16 (in Russ.).
66. Ethnos. Identity. Education. Works on the sociology of education. Volume IV. Iss. VI / ed. V.S. Sobkin. M., 1998 (in Russ.).
67. *Hume D.* On personality identity // On human nature / transl. from English. SPb., 2001. Pp. 157–174 (in Russ.).

Сведения об авторе

РАТТУР Мария Владимировна –
кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник сектора философии права,
истории и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

RATTUR Maria V. –
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Researcher of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 58–71
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 58–71

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

УДК 343.13

ЛАБИРИНТЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2024 г. Г. Н. Ветрова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: galina.vetrova@mail.ru

Поступила в редакцию 10.07.2024 г.

Аннотация. Принятие в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ, закрепившего состязательность как принцип уголовного судопроизводства, оживило дискуссии о содержании принципа состязательности, его выражении в законодательных предписаниях, его роли в правоприменительной практике. В статье рассматриваются модели состязательности, отразившиеся в той или иной форме в законодательстве в разные периоды истории: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и до УПК РФ. Показано развитие теоретических взглядов на состязательность и процессуальные функции, а также влияние их на выражение этого принципа в процессуальном законодательстве. Большое внимание уделено анализу норм действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ на предмет того, в какой мере состязательность как конституционный принцип уголовного судопроизводства согласуется с конкретными нормативными предписаниями, регулирующими деятельность участников уголовного процесса. Автор считает, что о состязательности можно говорить только применительно к судебной деятельности, тем не менее по своему значению, роли в достижении целей уголовного процесса ее следует считать принципом всего процесса.

Ключевые слова: состязательность, суд, правосудие, сторона обвинения, обвиняемый, уголовное преследование, равноправие сторон, уголовное судопроизводство, процессуальные функции, возвращение дела прокурору.

Цитирование: *Ветрова Г.Н.* Лабиринты состязательности в теории, законодательстве и практике российского уголовного судопроизводства // Государство и право. 2024. № 11. С. 58–71.

DOI: 10.31857/S1026945224110054

LABYRINTHS OF ADVERSARIALITY IN THEORY, LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2024 G. N. Vetrova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: galina.vetrova@mail.ru

Received 10.07.2024

Abstract. The enactment of the Criminal Procedure Code in 2001, in which the adversariality principle was fixed, catalyzed discussions on the essence of adversariality principle, on its normative display and its role in law-enforcement practice. The article deals with adversariality models, reflected in various forms in legislation due to the different historical periods: from the Statute of Criminal Proceedings of 1864 to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author describes the developing theoretical views on adversariality and procedural functions, reflecting as well in procedural legislation due to the expression of adversariality principle. The large focus is on the current criminal procedure rules to determine whether adversariality as a constitutional principle of criminal procedure correlates to concrete normative provisions about acting parties of criminal proceedings. The author affirms that adversariality per se displays itself entirely within the judicial activities, however it should be treated as a principle for the whole criminal procedure, because of its meaning and the role for achievement of criminal proceedings goals.

Key words: adversariality, court, justice, party of prosecution, accused person, criminal prosecution, equality of arms, criminal proceedings, procedural functions, return of case to the public prosecutor.

For citation: *Vetrova, G.N. (2024).* Labyrinths of adversariality in theory, legislation and judicial practice of Russian criminal proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 58–71.

1. Практически весь период развития российского законодательства начиная с реформ второй половины XIX в. – это период дискуссий по вопросу о том, какие принципы должны лежать в основе процедуры рассмотрения и разрешения уголовных дел.

То, что процедуры, в которых разрешается уголовно-правовой конфликт, имеют политическое значение, не единожды было отмечено И.Я. Фойницким. Он писал: «Чем свободнее личность в государстве, тем полноправнее обвиняемый в уголовном процессе»[1]. Соответственно, демократическое и гуманистическое начало в уголовном процессе связано с процедурами, в рамках которых участники процесса могут отстаивать свои интересы, используя права по активному участию в доказывании. Такая потребность может быть удовлетворена только при признании состязательности важнейшим началом процесса.

Значение состязательности как необходимой составляющей процессуальной формы определяется поэтому степенью свободы личности в уголовном процессе, объемом ее прав и гарантиями этих прав; предоставлением заинтересованной личности возможности отстаивать свои интересы при разрешении уголовно-правового конфликта.

Состязательность является существенной чертой процессуальной формы, при которой ограждается деятельность публичной власти и создается возможность для состязания в процессе на условиях ***формального равноправия*** между представителями публичного интереса и гражданами, потерпевшим и обвиняемым, что служит предупреждению осуждения невиновного и не позволяет суду «в стремлении своем служить интересам публичным.., ради salus rei publicae, забыть о существовании затрагиваемых уголовным процессом интересов личных, принеся последние в жертву первым»[2].

Раскрытие сущности состязательности подводит нас к оценке ее роли в достижении целей уголовного судопроизводства. С другой стороны, от того, как определены эти цели, зависит интерпретация содержания и роли состязательности в уголовном судопроизводстве. Если в дореволюционной литературе после реформы 1864 г. состязательность как необходимое организующее начало судебной деятельности не подвергалась сомнению, то весь советский, а также и постсоветский период в этом отношении можно назвать «борьбой» за состязательность в уголовном процессе.

2. В тексте Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) используются термины «стороны», «состязание сторон» (ст. 630, 632), что указывает на состязательность в процессе. Правда, по УУС «состязание сторон» имело место только в ходе судебного разбирательства. На этапе предварительного следствия не предполагалось сторон и состязания между ними.

Предварительное расследование согласно отечественной модели уголовного процесса, сформировавшейся в основе своей на базе УУС, носило розыскной (следственный) характер. Таким оно оставалось и с принятием УПК РСФСР 1922 (1923) г., и в характерных чертах сохранилось в УПК РФ 2001 г.

Наличие в процессуальной деятельности этапов, сущностно различных, рождает вопросы не только о соотношении досудебного и судебного производств, но что более актуально для целей правового регулирования, – о возможном влиянии досудебных процедур с доминированием розыска на судебную деятельность, подчиненную состязательным началам.

[1] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства (переизд. 1910 г.). СПб., 1996. Т. I. С. 13.

[2] *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса (переизд. 1913 г.). Ч. II. Судопроизводство. М., 2008. С. 3.

Состязательность как принцип или важнейшее начало процесса никогда не трактовалась в литературе однозначно. В научных трудах дается различное понимание сущности состязательности, составляющих ее элементов, соотношения с другими принципами, значения для достижения целей уголовного процесса, и дискуссии по этим вопросам продолжаются.

В работах авторов пореформенного периода (XIX в.) состязательность рассматривалась в русле теории уголовного иска, который понимался как публичное уголовное преследование. Суд призывался к разрешению уголовного иска с участием сторон, которыми в суде являются обвинитель (должностное лицо прокуратуры) и подсудимый, чьи интересы могут быть представлены защитником[3].

Влияние теории уголовного иска сказалось на характеристике состязательности, выделении ее основных признаков. В качестве таковых назывались: 1) наличие и самостоятельность сторон, которые обладают равными правами для участия в деле; 2) роль суда – в разрешении уголовного иска, предъявленного обвинителем. Судебная деятельность инициируется обвинительной властью (уполномоченным должностным лицом); 3) суд действует в границах обвинения; 4) отсутствие ревизионного начала при пересмотре судебных решений, который допускается лишь по жалобам и в пределах жалобы; 5) роль суда активная в целях установления объективной, материальной истины по делу[4].

Следует отметить, что равноправие сторон поддерживалось кассационной практикой Правительствующего Сената. Нарушение равноправности сторон рассматривалось как серьезный кассационный повод. Решения Сената по этим вопросам имели прецедентное значение. Примеры таких решений приводит И.Я. Фойницкий в своем Курсе. Так, к примеру, если суд удовлетворял «несогласное с законом» ходатайство одной стороны, он должен был удовлетворить соответствующее ходатайство другой стороны. И если одной из сторон было дозволено прочтение каких-либо документов, то и другой стороне не могло быть отказано в прочтении документов, на которые она ссылается для опровержения прочитанного[5].

3. Послереволюционный период развития науки и законодательства характеризовался отрицанием принципов состязательности и презумпции невиновности, являющихся будто бы помехой в решении классовых задач уголовного процесса. Именно в это время складывается трудно преодолимый и поныне взгляд на предназначение уголовного процесса как на орудие в борьбе с преступностью.

Принятый в 1922 г. УПК РСФСР сохранил понятие «стороны» без упоминания о равенстве прав сторон и об их состязании. Но из анализа текста закона можно было сделать вывод, что те участники процесса, которых закон называет сторонами (п. 6 ст. 23), имеют равные права в заявлении ходатайств, отводов, подаче жалоб. Это давало основание говорить о состязательности. Однако состязательность в большинстве работ не рассматривалась в качестве принципа процесса. Более того, обвинение и защита в отдельных публикациях расценивались как излишество, ненужное в пролетарских судах[6].

Нельзя не признать ценность работ авторов, которые в то непростое время признавали важность процессуальных гарантий прав обвиняемого для достижения целей уголовного процесса, обосновывали необходимость сохранения в советском уголовном процессе принципов состязательности и презумпции невиновности как универсальных, характерных не только для буржуазного уголовного процесса[7]. И несмотря на то что гуманистические взгляды авторов, высказанные в этих работах, не нашли воплощения в законодательных нормах, и в определенной мере выглядели даже идеалистичными в свете интерпретации текущего законодательства и практики его применения, однако они готовили почву для будущих теоретических исследований.

Отдельно стоит отметить монографию М.С. Строговича «Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности» (1939)[8]. В ней автор описывает состязательность как важнейшую черту демократической процессуальной формы, обеспечивающую решение задач уголовного

[3] См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 13, 63; т. II. С. 3, 4; *Случевский В.К.* Указ. соч. С. 171; *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс (переизд. 1912). М., 1997. С. 232–234.

[4] См.: *Случевский В.К.* Указ. соч. Введение. Ч. I. Судоустройство. С. 77–83; *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. Т. I. С. 63, 64.

[5] См.: там же. С. 70, 71.

[6] Публикации в журналах «Еженедельник советской юстиции», «Рабочий суд» отражали ход дискуссий по этим вопросам. В 20-е и начале 30-х годов прошлого века получили распространение идеи упрощения уголовного процесса. Разными учреждениями были подготовлены несколько официальных проектов нового уголовно-процессуального кодекса, которые реализовывали эти идеи. Как известно, они не были приняты (см. об этом: *Строгович М.С.* Избр. труды: в 3 т. Т. 2. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М., 1992. С. 16–44).

[7] См.: *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927; *Строгович М.С.* Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде. М., 1934; *Его же.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939.

[8] См. об этом: *Ветрова Г.Н.* «Опередивший время» – Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 118–137.

процесса, достижение объективной (материальной) истины. По его мнению, принцип состязательности и связанные с ним процессуальные гарантии определяют природу процесса, все построение системы процессуальных отношений между участниками процесса.

По оценке Н.Н. Полянского, М.С. Строгович в своей монографии свел в систему основные положения теории уголовного процесса[9]. Ряд положений этой теории актуален и сегодня. Прежде всего это тезис об определяющем значении состязательности для природы процесса.

Природа процесса определяется системой принципов, нормами о правовом положении личности, прежде всего обвиняемого; законодательным закреплением системы процессуальных гарантий. Состязательность вызывает необходимость в закреплении таких принципов, как обеспечение обвиняемому права на защиту, презумпция невиновности, оценка доказательств по внутреннему убеждению, свобода обжалования судебных решений. Состязательность невозможна вне устности, гласности, непосредственного участия сторон в доказывании. Разные подходы к решению данных вопросов, полемика вокруг них – свидетельство их базисной природы.

И как бы предвидя рассуждения некоторых авторов о противопоставлении личности и государства, М.С. Строгович пишет о том, что нельзя «рассматривать состязательную форму процесса как форму разрешения спора между государством и личностью. Принцип состязательности вовсе не нуждается в обосновании его на противопоставлении личности и государства»[10]. Эта та черта процессуальной формы, которая позволяет фактически неравным субъектам уголовно-правового спора (гражданину и публичной власти) при соблюдении формального равенства (процессуального равноправия) перед судом защищать свои интересы. Разумеется, законодатель, регулируя отношения публичной власти и гражданина, в различные периоды развития общества в зависимости от влияния множества факторов разно определяет границы свободы личности, чем и объясняется конкретное выражение состязательности в процессуальных нормах.

Основное внимание при освещении состязательности в работах периода действия УПК РСФСР 1922 (1923) г. уделялось правовому положению обвиняемого как стороны в процессе и необходимости закрепления такого статуса в соответствующих нормах, что означало обеспечение процессуальными гарантиями права обвиняемого на защиту, на опровержение обвинения. Однако основная идея состязательности: размежевание процессуальных функций сторон (обвинения и защиты) и суда, – уже прочно обосновалась в трудах авторов, признающих состязательность началом процесса[11]. Теория уголовно-процессуальных функций еще не была общепризнанной. Немногие работы были посвящены исследованию отдельных процессуальных функций[12].

4. Закрепление в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. «единства процессуальных задач всех органов государства, ведущих борьбу с преступлениями...»[13], отразившееся и в ст. 3 УПК РСФСР 1960 г., подводило авторов к отрицанию состязательности, основа которой – разделение процессуальных функций, осуществляемых органами уголовного преследования и судом. Соответственно и положение прокурора в суде характеризовалось не как стороны обвинения, а как органа надзора за законностью, в том числе и за судом[14].

Законодатель, отказавшись от понятия «стороны» в тексте Уголовно-процессуального кодекса, оставил сторонникам состязательности точку опоры в виде ст. 245 «Равенство прав участников судебного разбирательства». Поименованные в ней участники и есть суть стороны. Отсутствие в судебном заседании прокурора и защитника также не рассматривалось как отсутствие состязательности. Объяснение было таким: позиция обвинения выражена в обвинительном заключении, которая должна быть проверена в судебном заседании;

---

[9] *Полянский Н.Н.* Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. С. 82, 83.

[10] *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. С. 109.

[11] См.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 174; *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 103; *Перлов И.Д.* Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957. С. 15.

Интересно, что уже в работе о природе процесса возникновение функции обвинения (уголовного преследования) М.С. Строгович относит к стадии досудебного производства. Он пишет: «Обвинение представляет собою совокупность действий официального государственного органа, направленных на расследование уголовного дела и изобличение перед судом лиц, виновных в совершении преступления; следовательно, обвинение как специальная процессуальная функция не покрывается лишь выступлением обвинителя на суде: выступление обвинителя на суде представляет собой лишь высшую точку и завершение всей системы обвинительной деятельности прокурора» (см.: *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. С. 119).

[12] Об этом см.: *Полянский Н.Н.* Очерк развития советской науки уголовного процесса. С. 113–121.

[13] *Чельцов М.А.* Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 63.

[14] См.: там же. С. 64.

а защита может быть представлена не только защитником, но и самим подсудимым, которому принадлежит право на защиту[15].

Конечно, такое объяснение являлось компромиссным, если оценивать его с позиции сегодняшнего дня. Однако данный взгляд, согласующийся с действовавшим в то время законодательством и практикой, позволял отстаивать идеи о расширении гарантий прав участников судебного разбирательства, не только подсудимого, но и потерпевшего, признавая за ним право стороны, выполняющей функцию обвинения не только по делам частного, но и публичного обвинения.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР не содержал правила об обязательном участии прокурора в судебном заседании. Отсутствие в нем участника процесса, представляющего государственное обвинение, мало согласовывалось с состязательностью. На поверку выходило, что от имени публичной обвинительной власти выступал суд. Обвинительное заключение и иные документы оглашались по общему правилу председательствующим. Также он начинал исследование доказательств: первым допрашивал подсудимых, свидетелей, потерпевших[16].

При таком ходе судебного разбирательства сложно разглядеть размежевание функций обвинения (уголовного преследования) и суда. Это давало повод к отрицанию как теории процессуальных функций, так и принципа состязательности. Так, С.А. Голунский считал несовместимыми принцип состязательности и требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, однако отмечал, что концепция трех основных процессуальных функций: уголовного преследования (обвинения), защиты и разрешения дела, – логически связана с состязательностью[17]. Признание наличия в уголовном процессе трех основных процессуальных функций будет означать и признание в нем состязательности. На данную связь позднее обратила внимание П.С. Элькинд. По ее мнению, нелогично признавать разделение функций между субъектами процессуальной деятельности и при этом отрицать состязательное построение уголовного процесса[18].

5. Теория процессуальных функций многоаспектна. Анализу подвергается понятие уголовно-процессуальных функций, их система как в целом, так и на отдельных стадиях; принадлежность определенным участникам процесса; содержание конкретных процессуальных функций; связь с целями и задачами, а также с некоторыми принципами процесса.

Суть (ядро) состязательности выражают три процессуальные функции: обвинение (уголовное преследование), защита и разрешение дела (функция правосудия)[19]. Означенные функции воплощаются в деятельности участников процесса согласно определенному законом их правовому статусу в ходе реализации прав (полномочий) и исполнения обязанностей.

Носителями процессуальных прав в судебном состязании на стороне обвинения будут потерпевший, гражданский истец, их представители и государственный обвинитель. Именно государственный обвинитель является участником процессуальных отношений во взаимоотношениях с судом и другими участниками процесса, хотя он и приходит в суд, чтобы отстоять позицию обвинительной власти по уголовному делу, выраженную в итоговом процессуальном решении, которым закончилось предварительное расследование. Но еще П.С. Элькинд отметила, что в судебном состязании носителем процессуальных прав будет не орган государства (не прокуратура в целом или ее подразделение), а «его конкретный представитель»[20]. Данный тезис заслуживает внимания в связи с вопросом о процессуальной самостоятельности государственного обвинителя при поддержании им обвинения в суде.

На теоретическом уровне в трудах авторов советского периода развития уголовного процесса

---

[15] См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 152; *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. С. 104, 105.

[16] См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. А.К. Орлов. М., 1976. С. 385–388.

[17] См.: *Голунский С.А.* Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 125, 126.

[18] См.: *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 52.

[19] См.: *Строгович М.С.* О состязательности и процессуальных функциях в уголовном судопроизводстве // Строгович М.С. Избр. труды. Т. 2. С. 163, 164; *Его же.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 149–151; *Кокорев Л.Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 53; *Мотовиловкер Я.О.* О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С. 66, 67, 71–76; *Его же.* Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974. С. 35–38.

[20] *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 33–35.

Тем более участником процессуального состязания не является государство. Не следует смешивать уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения. Действительно, уголовно-правовые правоотношения возникают между государством, от которого исходят уголовно-правовые запреты, и их нарушителем. Отсюда возникает право государства на применение уголовной кары. Уголовно-процессуальные отношения складываются в процессе деятельности по расследованию и судебному рассмотрению уголовного дела между ее участниками (подробнее об этом см.: *Божьев В.П.* Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 77 и сл.; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 32, 89–93).

состязательность рассматривалась в единстве следующих элементов: 1) отделение функций обвинения от суда; 2) функции обвинения и защиты принадлежат сторонам; 3) стороны имеют равные права при отстаивании своей позиции по делу перед судом; 4) активная роль суда в установлении обстоятельств дела и его самостоятельность по отношению к сторонам[21]. Сходным образом с незначительными отличиями выделяли элементы состязательности и другие авторы. Так, Н.Н. Полянский и П.С. Элькинд в качестве самостоятельного элемента называли предоставление обвиняемому права самостоятельно защищаться от обвинения, а также иметь защитника[22].

Признание состязательности основным организующим началом судебного разбирательства служило также опорой для обоснования идеи единства процессуальной формы, поскольку идея дифференциации предполагает введение упрощенных процедур, что неизменно влекло бы за собой сужение процессуальных гарантий прав участников[23].

Выделение на теоретическом уровне элементов состязательности не находило достаточной опоры в законодательстве. Равноправие сторон в доказывании, выводимое из содержания ст. 245 УПК РСФСР, не было поддержано соответствующими гарантиями. По общему правилу защитник мог участвовать в производстве по делу с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия. Лишь с мая 1992 г. защитник мог быть допущен с момента предъявления обвинения по всем делам[24].

Отсутствие профессиональной защиты на предварительном следствии до момента его окончания ограничивало возможности стороны защиты активно противостоять обвинению и в суде. Признаваемый теорией базовый признак состязательности – отделение обвинения от судебной функции разрешения дела – и вовсе не был отражен в законодательстве.

Теория процессуальных функций исходит из признания разнородности задач, решаемых органами исполнительной власти, которые осуществляют обвинительную деятельность, и судом. Поэтому неизбежно при общих задачах суд тем или иным образом будет выполнять обвинительную функцию. Нормативное регулирование предписывало суду осуществление полномочий, которые никак не могли быть отнесены к функции правосудия. Так, суд еще в стадии назначения судебного заседания, до рассмотрения дела по существу, обязан был оценить достаточность доказательств, подтверждающих обвинение. При их недостаточности дело подлежало возвращению для дополнительного расследования по основанию неполноты произведенного дознания или предварительного следствия (п. 1 ст. 232 УПК РСФСР). При этом суд обязан был указать на обстоятельства, которые следует установить при дополнительном расследовании, вправе был указать даже те следственные действия, которые надо произвести при дополнительном расследовании[25].

Так, например, в решении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Максимова, обвинявшегося в совершении умышленного убийства Кузьменкова и Кулакова и в ношении ножа, относящегося к холодному оружию, без соответствующего разрешения, предписывалось: «При новом расследовании дела необходимо проверить, какие взаимоотношения сложились между Кулаковым и Кузьменковым, с одной стороны, и Максимовым – с другой; имело ли место преследование и притеснение Кулаковым и Кузьменковым осужденного Максимова; правомерны ли были действия потерпевших по отношению к Максимову, выразившиеся в отстранении его от работы. Необходимо установить действительный мотив убийства потерпевших». Отмечалось также, что вывод о вменяемости Максимова был сделан на основании амбулаторной психиатрической экспертизы, которая проведена поверхностно, «без исследования всех обстоятельств по данному вопросу». В связи с этим предписывалось при новом расследовании назначить в отношении Максимова стационарную судебно-психиатрическую экспертизу с истребованием необходимых медицинских документов, а при установлении психических отклонений у Максимова обсудить вопрос о допуске адвоката с момента предъявления обвинения[26].

Как видно из приведенного примера, обстоятельства, которые требуется дополнительно исследовать, могут быть как в интересах обвиняемого,

---

[21] См., напр.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 149, 150.

[22] См.: *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно процессуальном праве. С. 53; *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. С. 103.

[23] См.: *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 67–70 и сл.

[24] См.: Федеральный закон от 23.05.1992 № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25, ст. 1389.

[25] См.: постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 17.04.1984 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984. № 7.

[26] См.: Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1981–1988 гг.) / под ред. Е.А. Смоленцева. М., 1989. С. 320–329.

так и вопреки им. Возможна ситуация, когда дополнительно исследованные обстоятельства станут отягчающими обстоятельствами для обвиняемого. Как например по делу Лаврененко, по которому при возвращении дела на дополнительное расследование предписывалось исследовать вопрос, совершил ли он преступление один или по предварительному сговору с группой лиц[27]. Получается, что суд стал инициатором постановки вопроса об обстоятельствах, изменяющих обвинение в худшую для обвиняемого сторону. Это ли задача суда как органа правосудия?

6. Теоретическое признание принципа состязательности на основании ст. 245 УПК РСФСР являлось как бы «призывом» к будущему законодателю наиболее последовательно выразить его в соответствующих нормативных предписаниях. Отстаивание в течение длительного времени идеи закрепления состязательности в законодательстве оказалось плодотворным. С принятием УПК РФ 2001 г. состязательность заняла место в ряду принципов уголовного судопроизводства. Однако это не обозначило завершения полемики о содержании элементов состязательности, выражении ее в конкретных нормативных предписаниях, а также о соотношении состязательности с началом публичности уголовного процесса.

Но еще до принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ принцип состязательности получил закрепление в разд. X «Производство в суде присяжных» УПК РСФСР (ст. 429). Основная идея состязательности о разделении процессуальных ролей суда и сторон была выражена в ст. 429 таким образом: суд, сохраняя объективность и беспристрастие, обеспечивает равноправие сторон и тем самым создает необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела. В данной форме судопроизводства признано уже обязательным участие государственного обвинителя и защитника (ст. 426, 428 УПК РСФСР). На суд был возложен запрет на возбуждение уголовного дела по новому обвинению и в отношении нового лица. Суд также по своей инициативе в отсутствие ходатайства сторон лишался возможности направить дело для дополнительного расследования по мотиву необходимости изменения обвинения. Он был обязан прекратить производство по делу в случае отказа прокурора от обвинения (ст. 430 УПК РСФСР). Такое правовое регулирование в действительности в большей мере соответствовало состязательному началу.

Однако то понимание состязательности, которое выразилось в разд. X УПК РСФСР, не соответствовало той теоретической модели, которая отстаивалась в работах советских ученых (Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, П.С. Элькинд, Я.О. Мотовиловкера и др.) и в работах их предшественников (И.Я. Фойницкого, В.К. Случевского). Содержание состязательности, как оно выражено в ст. 429 УПК РСФСР, давало основание видеть в суде (судье) пассивного участника процесса доказывания[28].

Возникло несоответствие правового регулирования общего порядка рассмотрения уголовных дел и производства в суде присяжных. Включение в принятую в 1993 г. Конституцию РФ положения о состязательности (ч. 4 ст. 123) обязывало законодателя к соответствующим изменениям. И поскольку УПК РСФСР содержал положения, явно противоречащие состязательному началу, Конституционный Суд РФ своими решениями признал не соответствующими данному принципу те из них, которые не соответствовали размежеванию процессуальных функций уголовного преследования (обвинения) и судебного разрешения дела. Речь шла о полномочиях суда возбуждать уголовное дело, возвращать по своей инициативе уголовное дело для дополнительного расследования по основанию неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, а также в связи с необходимостью предъявления нового обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое. Так же была признана не соответствующей конституционному принципу состязательности обязанность суда продолжать судебное разбирательство при отказе прокурора от обвинения[29].

Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ учел эти позиции Конституционного Суда РФ о разграничении процессуальных функций, в наибольшей степени соответствующем принципу состязательности. Статья 15 УПК РФ отразила в соответствующих формулировках такие элементы состязательности: 1) разграничение функций обвинения, защиты и разрешения дела (ч. 2); 2) равноправие сторон (ч. 4); 3) суд – независимый от сторон участник процесса, создающий им условия для осуществления прав и исполнения обязанностей (ч. 3). В части третьей дополнительно подчеркивается отделение функции уголовного преследования (обвинения) от суда.

Можно заметить сходство в определении роли суда в ст. 15 УПК РФ и 429 УПК РСФСР. Обе формулировки позволяют считать суд пассивным участником процесса с небольшой разницей. Ограничивая его роль созданием условий сторонам для их участия в процессе доказывания, прежний

[27] См.: Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1981–1988 гг.) / под ред. Е.А. Смоленцева. С. 323.

[28] См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2001. С. 574.

[29] См.: *Ветрова Г.Н.* Содержание принципа состязательности в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2016. № 4. С. 52–62.

законодатель указывал на цель: обеспечить таким образом всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела. В действующем законе такая цель не указывается.

Осуществление сторонами прав зависит от их волеизъявления. И если сторона, к примеру потерпевший, не стремится к активным действиям и реализации своего права на участие в уголовном преследовании (ст. 22 УПК РФ), то получается, что это не должно быть заботой суда. Но в таком случае придется признать, что защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) вовсе не задача суда, а задача исключительно государственного обвинителя и самого потерпевшего. Такой подход к роли суда противоречит публичному началу процесса.

Недостатки законодательного изложения содержания состязательности в ст. 15 УПК РФ очевидны. Роль суда не может быть ограничена задачей создания условий сторонам для реализации ими своих прав и обязанностей. Осуществление правосудия – функция суда. Суть правосудия состоит в самостоятельном и справедливом разрешении уголовно-правового конфликта, т.е. в принятии решения по вопросу о невиновности или виновности преданного суду лица и в определении меры ответственности данного лица, если он будет признан виновным. Данная задача может быть выполнена только при активном участии суда в процессе доказывания, поскольку окончательный вывод об обстоятельствах дела делает суд, проверяя и оценивая доказательства, представленные сторонами. Невозможно также ограничить суд в праве, в случае необходимости, провести определенные действия с целью получения дополнительных доказательств, потому что целью таких действий будет стремление проверить и оценить доводы сторон. Не только стороны, но и суд, при осуществлении своих процессуальных функций в их границах, предопределенных задачами, которые они призваны решать в уголовном процессе, должны быть самостоятельны. Суд не скован позицией сторон, иначе это – не орган правосудия.

7. Что касается вопроса, является ли состязательность принципом процесса в целом или это только принцип (основное условие) стадии, то ответ может быть следующим. Нет оснований сомневаться в том, что предварительное расследование по действующему законодательству носит розыскной характер. Вряд ли можно утверждать, что в ходе расследования есть стороны, обладающие равными процессуальными правами. Однако состязательность следует считать принципом российского уголовного процесса, и помещение ст. 15 в главу о принципах уголовного судопроизводства вполне обоснованно. В числе принципов судопроизводства может быть законодательно закреплено положение, которое имеет место не во всех стадиях процесса, однако по своему влиянию на весь порядок уголовного судопроизводства, по значению, какое оно оказывает на другие правовые институты, такая правовая норма может рассматриваться как принцип всего процесса. Например, в соответствующей главе находят место такие принципы: независимость суда (ст. 8^1 УПК РФ), осуществление правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ). Кроме того, в ходе предварительного расследования могут иметь место судебные процедуры, которые должны отвечать состязательному порядку судоговорения. Это судебный порядок избрания отдельных мер пресечения (ст. 108 УПК РФ), судебный порядок рассмотрения жалоб (ст. 125 УПК РФ).

Поскольку состязательность признается принципом российского уголовного процесса, то ему должно соответствовать нормативное регулирование отдельных процессуальных институтов. Состязательность как принцип определяет всю систему взаимоотношений участников процесса. И один из главных вопросов в этой плоскости – взаимоотношения суда с органами и должностными лицами, осуществляющими расследование.

Принятый в 2001 г. УПК РФ изначально принципиально изменил подходы к институту возвращения дела для дополнительного расследования. Только прокурор поступившее к нему дело с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) мог вернуть на дополнительное расследование следователю или дознавателю, что вполне соответствует выполняемой им функции надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Суд же был наделен полномочием вернуть дело прокурору лишь при наличии препятствий к его рассмотрению в судебном заседании (ст. 237 УПК РФ).

Первоначальная редакция ст. 237 УПК РФ определяла ограниченный круг оснований, по которым дело могло быть возвращено прокурору. Одним из таких оснований являлось существенное нарушение прав участников процесса. При этом запрещалось проведение каких-либо следственных и процессуальных действий, не связанных с восстановлением нарушенных прав. Однако вскоре этот запрет был признан неконституционным, поскольку был просто нереалистичным и не мог обеспечить в течение предусмотренного законом срока восстановление нарушенных в ходе расследования прав участников процесса[30]. А изменениями,

[30] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51, ст. 5026.

внесенными в ст. 237 УПК РФ Федеральным законом от 2 декабря 2008 г., были отменены положения, касающиеся срока для устранения допущенных процессуальных нарушений, и снят запрет на проведение дополнительных процессуальных действий[31].

Самые радикальные изменения в регламентации данного института произошли в 2013 г. и связаны они с изменившейся позицией Конституционного Суда РФ в понимании и толковании состязательности в судебном разбирательстве[32]. Во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. ст. 237 УПК РФ пополнилась дополнительными основаниями для возвращения дела прокурору. Суд получил право не только по ходатайству стороны, но и *по собственной инициативе* вернуть дело прокурору в случаях, если будут установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий подсудимого как более тяжкого преступления, и, во-вторых, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Данные изменения получили неоднозначную оценку в научном сообществе: как активную поддержку, так и небезосновательную критику. По сути, изменив формулировку, под предлогом процессуальной самостоятельности суда, в практику вернули институт возвращения дела для дополнительного расследования. При этом нельзя не заметить, что Конституционный Суд РФ вступил в противоречие с собственной правовой позицией, выраженной им ранее в Постановлении от 20 апреля 1999 г., в котором сказано: «Состязательность в уголовном судопроизводстве предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечивается указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшим»[33]. Если суд при отсутствии ходатайств сторон по собственной инициативе возвращает дело прокурору для изменения формулировки обвинения, то тем самым суд инициирует продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинительного тезиса, что в корне противоречит природе состязательности.

Требование закона, адресованное суду, указать обстоятельства, требующие изменения обвинения на более «тяжкое», означает выражение позиции суда относительно данных обстоятельств. Сложно не увидеть здесь «перекличку» с основаниями для возвращения дела для дополнительного расследования, названными в ст. 232 УПК РСФСР. О том, что суд при возвращении дела прокурору по данному основанию вторгается в чуждую его природе область, свидетельствует указание Верховного Суда РФ о том, что принятие судьей решения о возвращении уголовного дела прокурору исключает его участие в рассмотрении данного дела в дальнейшем[34].

В действительности возможны ситуации, когда квалификация преступления по итогам предварительного расследования может оказаться несправедливой согласно материалам судебного следствия. В материалах обобщения судебной практики, подготовленного Самарским областным судом, приводится такой пример. Органами следствия обвиняемому вменялось в вину причинение потерпевшему легкого вреда здоровью. Однако проведенной в судебном заседании судебной экспертизой подтверждалось, что причинен был вред средней тяжести. Дело было возвращено прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ[35]. Здесь речь может идти или о неполном установлении всех обстоятельств, связанных с причинением вреда здоровью потерпевшего, в рамках предварительного расследования, или о некачественном проведении

---

[31] См.: Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49, ст. 5724.

[32] См.: постановление Конституционного Суда от 02.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СЗ РФ. 2013. № 28, ст. 3881.

[33] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части 1 статьи 232, части 4 статьи 248 и части 1 статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Нижний Новгород» // СЗ РФ. 1999. № 17, ст. 2205.

Верховный Суд РФ в своих решениях подтвердил приверженность данной правовой позиции Конституционного Суда РФ о распределении функций между судом и обвинительной властью, несмотря на принятые позднее изменения в законодательстве. Так, в п. 29 постановления от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ» отмечается: «Уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечивается обвинением» // Росс. газ. 2004. 25 марта.

[34] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2018), утвержденный Президиумом ВС РФ от 04.07.2018 г. // В официальных источниках опубликован не был.

[35] См.: Обобщение практики вынесения районными (городскими) судами Самарской области постановлений о возвращении уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (подготовленного Самарским областным судом 26.03 2019 г.) // В официальных источниках опубликовано не было.

первоначального экспертного исследования. В любом случае интересам потерпевшего и справедливости правосудия отвечает необходимость изменения квалификации деяния как более тяжкого преступления. Проблема здесь только в том, кто должен об этом позаботиться: суд или обвинительная власть в лице прокурора. Закон же допускает решение этого вопроса как по ходатайству стороны (прокурора или потерпевшего, или представителя потерпевшего), так и по инициативе суда.

Согласно сложившейся в отечественной традиции концепции доказывание в ходе расследования и в судебном заседании – самостоятельные циклы. Выводы, сделанные при расследовании, не являются обязательными для суда. Суд исследует доказательства *непосредственно.* Доказательства и, следовательно, обстоятельства дела, могут получить в суде иную оценку. Странно было бы, если прокурор, невзирая на то, что происходит в судебном заседании, продолжал придерживаться своей первоначальной позиции и не учитывал изменений в доказательственном материале, которые неизбежны в судебном заседании.

В п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ описываются две совершенно разные ситуации, которые могут вызывать необходимость изменения обвинения на более тяжкое. Пример, приведенный выше, указывает на случаи, когда в ходе судебного следствия устанавливаются новые обстоятельства, вызывающие необходимость в интересах справедливости правосудия изменить квалификацию деяния на более тяжкое преступление. Если исходить из того, что судебное следствие является самостоятельным по отношению к предварительному следствию, то это вполне реальная ситуация. Но реагировать на нее *обязанность государственного обвинителя.* Обвинительная власть определяет содержание и объем обвинения.

Необходимо учитывать и то, что потерпевший является заинтересованным участником процесса, стороной. Он вправе высказывать суду свою позицию относительно содержания обвинения и может указать на обстоятельства, которые, по его мнению, делают обвинение более тяжким и должны быть приняты во внимание судом. При наличии определенных доказательств, указывающих на такие обстоятельства, суд *по ходатайству потерпевшего, его законного представителя* может принять решение о возвращении дела прокурору даже при отсутствии ходатайства государственного обвинителя. Хотя очень странным в такой ситуации выглядит позиция прокурора, обязанного быть активным участником судебного разбирательства.

Так, основанием для отмены Судебной коллегией Верховного Суда РФ приговора по делу Полукарова и возвращения дела прокурору по п. 6 ч. 1 ст. 237 послужило игнорирование доводов потерпевших и их представителей, ходатайствующих о возвращении дела прокурору для изменения содержания обвинения. Суд отклонил такое ходатайство, несмотря на наличие соответствующих обстоятельств. Полукаров обвинялся органами следствия в умышленном убийстве, совершенном инициативно, без участия других лиц. Однако в суд были представлены доказательства, свидетельствующие о совершении преступления с участием иных лиц и о согласованных ими действиях. Судебная коллегия указала в апелляционном определении, что устранение допущенных судом нарушений прав потерпевших (безосновательное отклонение заявленных ими ходатайств) может повлечь за собой установление фактических обстоятельств, свидетельствующих о совершении Полукаровым и иными лицами более тяжкого преступления[36].

Пример показывает, что расследование по данному делу было проведено неполно. Такое явление следственной практики как неполнота, служившая ранее основанием для возвращения дела для дополнительного расследования, не может исчезнуть совсем. И было, на наш взгляд, ошибкой выбросить из законодательства совсем идею, которая была закреплена в ст. 20 УПК РСФСР. Получается, как ни банально это звучит, что с водой выплеснули и ребенка. Применительно к расследованию необходимо закрепить требование всесторонности, полноты и объективности расследования. Ему место в главе об общих условиях предварительного расследования. И такое положение тем более необходимо, что мы имеем в законодательстве сокращенные процедуры судебного разбирательства, где суду приходится опираться на материалы расследования без непосредственного исследования доказательств.

Вторая ситуация, описанная в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, связана с тем, что суд усмотрел в обвинительном заключении (обвинительном акте или обвинительном постановлении) указание на обстоятельства, которые не были учтены при квалификации деяния, им не была дана соответствующая правовая оценка. Здесь, по сути, также речь о неполноте проведенного расследования[37].

Так называемым ошибкам в квалификации способствуют «пороки» ст. 220 УПК РФ. Обвинительное заключение в современном виде не содержит

[36] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.08.2018 № 71-АПУ18-2сп // В официальных источниках опубликовано не было.

[37] См., напр.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 30.06.2020 г. по делу № 10-2805/2020 // В официальных источниках опубликовано не было.

изложения логического процесса, обосновывающего выводы следователя о квалификации. Статья 220 УПК РФ предлагает следователю ограничиться перечнем доказательств, подтверждающих обвинение, а также приведением перечня доказательств, на которые ссылается сторона защиты. За скобками остается анализ доказательств. По мнению С.А. Шейфера, такая формулировка требований к содержанию обвинительного заключения не обеспечивает в должной мере и право обвиняемого на защиту, поскольку неизвестно, чем конкретно опровергнуты доводы защиты, и насколько убедительно[38].

Тезис о том, что в законе должен быть предусмотрен механизм исправления судебных ошибок, допущенных в ходе расследования, в том числе и ошибок в квалификации, не является весомым аргументом для отказа от существа состязательности. Но такой механизм предусмотрен. Это ведомственный контроль и эффективный прокурорский надзор. Предусмотреть же в законе многоэтажный механизм защиты от непрофессионализма невозможно.

В противном случае законодатель возвращает нас к прежнему опыту правопонимания и правоприменения, далекому от реальной состязательности, когда на суд возлагалась задача исправлять ошибки, допущенные в ходе расследования. Есть только один путь «помощи» некачественному расследованию – вынесение оправдательных приговоров, чтобы принципы презумпции невиновности и состязательности составили действенную основу российского уголовного процесса.

8. Состязательность неверно сводить только к спору сторон в суде, к предоставлению им равных прав в отстаивании своей позиции перед судом. Состязательность предполагает определенную социальную активность участников процесса. Задачей правового регулирования для последовательного проведения состязательных начал является создание правовых стимулов для активной роли сторон в доказывании.

В.К. Случевский отмечал: «Полная равноправность сторон – это идеал, к которому стремятся законодательства, его, однако же, никогда полностью не достигая. Для жизненного утверждения этого принципа недостаточно признания равенства в правах сторон, а нужно, чтобы оно проявлялось и в равенстве средств их действия»[39]. Приходится признать, что в настоящем у сторон на суде неравные «средства действия». Чтобы в суде можно было бы более эффективно спорить с обвинением, у защиты на досудебном этапе должны быть права, реализация которых не зависит от усмотрения следователя.

Стремление обеспечить состязательность на всех стадиях процесса породило разделение во втором разделе Кодекса всех участников согласно выполняемым ими процессуальным функциям и закрепление за должностными лицами, осуществляющими расследование, положения стороны. Вопрос не в том, осуществляют ли они функцию уголовного преследования, очевидно, что осуществляют, а в том, являются ли они стороной. В стадии предварительного расследования сторон нет. Их нет потому, что сторонами могут быть участники только равноправные, а равных прав у следователя, дознавателя, с одной стороны, и обвиняемого, защитника, с другой стороны, быть не может при такой форме досудебного производства.

Наличие сторон с противоположными интересами, выполняющими разные процессуальные функции – условие состязательности. Правовая категория «сторона» имеет смысл только тогда, когда есть нейтральный независимый участник процесса (должностное лицо или орган и т.п.), имеющий властные полномочия разрешить спор между сторонами. Поэтому стороны появляются только в судебных процедурах.

Неудачное и совершенно необоснованное с теоретических позиций определение понятия «стороны» содержится в п. 45 ст. 5 УПК РФ, где сказано: стороны – это участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию уголовного преследования или защиты от обвинения. Из этого определения следует, что законодатель предположил состязание между участниками процесса, выполняющими противоположные процессуальные функции, не принимая во внимание их процессуальное неравенство, что и породило споры о наличии состязательности в стадии расследования.

Есть только две процедуры, судебные, возможные в период проведения расследования, где можно вести речь о состязательности. Во-первых, это рассмотрение и разрешение судом ходатайств органов расследования об избрании или продлении соответствующих мер пресечения, а также применения судом иных мер принуждения, отнесенных к его компетенции. Во-вторых, это рассмотрение судом жалоб на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование по правилам ст. 125 и 125^1 УПК РФ.

Но интересы участников процесса, осуществляющих функции уголовного преследования и защиты в ходе предварительного расследования, лежат главным образом в плоскости доказательственной деятельности. Равных возможностей

[38] См.: *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2010. С. 133, 134.

[39] *Случевский В.К.* Указ. соч. Ч. I. С. 82.

и, соответственно, прав у участников процесса с противоположными интересами на данном этапе нет. И не может быть, если не ломать весь процессуальный механизм доказывания на этапе досудебного производства. Но и существующий порядок имеет определенные плюсы. Они в том, что только сведения, признаваемые доказательствами, ложатся в основу обвинительных выводов органов расследования, поскольку предусмотренный законом порядок получения таких сведений содержит определенные гарантии достоверности получаемой информации. Поэтому строгие требования к допустимости доказательств не позволяют считать материалы, представленные стороной защиты, доказательствами без оценки их в качестве таковых следователем, дознавателем. Однако в некоторой степени приблизить состязательные начала к этому этапу процессуальной деятельности можно.

Дело в том, что процесс собирания доказательств на досудебном этапе влияет на доказывание в ходе судебного разбирательства. Особенно это имеет значение при сокращенных процедурах судебного следствия по правилам гл. 40 и 41 УПК РФ. Поэтому некоторое расширение возможностей стороны защиты в вопросах доказывания в ходе расследования будет и гарантией справедливости и правосудности итоговых судебных решений и при сокращенных судебных процедурах, когда суд не проверяет в условиях непосредственности выводы предварительного расследования.

Такими мерами могли бы быть следующие. Во-первых, это определение процессуального механизма для действий защитника, указанных в п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ – проведение опроса лиц с их согласия[40]. Расширение технических возможностей для записи объяснений, которые даются защитнику в ходе опроса, позволило бы использовать их в качестве доказательств в том случае, если исключается возможность вызвать данное лицо для допроса. При этом обязательным условием должна стать видеозапись получения таких объяснений, которая фиксировала бы разъяснение лицу принадлежащих ему конституционных прав и добровольность дачи таких объяснений.

Во-вторых, речь может идти о правовом регулировании асимметрии в доказывании. В ряде случаев ошибки при производстве следственного действия могут исключить из доказательственной базы сведения, которые свидетельствуют в пользу обвиняемого. Как препятствие обычно рассматривается ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, согласно которой при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона. Здесь может быть предложено предоставить разрешение этого вопроса в отдельных случаях суду, который будет вправе принять решение о допустимости конкретного доказательства к исследованию в судебном заседании. Жесткий подход к решению данного вопроса не является гарантией обеспечения прав обвиняемого, и прежде всего права оспаривать обвинение.

Признание в законе асимметрии в доказывании и определение оснований и порядка такого признания, полагаем, только усилят внимание должностных лиц, осуществляющих расследование, к соблюдению закона при собирании доказательств.

И хотя действующий порядок досудебного производства не может быть преобразован в состязательную процедуру, но отдельные правила, создающие стороне защиты более благоприятные условия для участия в доказывании на этапе расследования преступления, будут способствовать развитию состязательности и в суде.

[40] Наблюдается расширение использования материалов, полученных непроцессуальным путем, при принятии решений. Так, материалы доследственной проверки могут приниматься в качестве доказательств без дополнительной проверки при производстве дознания в сокращенной форме. Сюда входят не только собранные по правилам УПК РФ доказательства, но материалы, полученные такими способами: получение объяснений, проведение ОРМ на основе письменных поручений органу дознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Божьев В.П.* Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 77.
2. *Ветрова Г.Н.* «Опередивший время» – Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 118–137.
3. *Ветрова Г.Н.* Содержание принципа состязательности в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2016. № 4. С. 52–62.
4. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс (переизд. 1912). М., 1997. С. 232–234.
5. *Голунский С.А.* Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 125, 126.
6. *Кокорев Л.Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 53.
7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. А.К. Орлов. М., 1976. С. 385–388.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2001. С. 574.
9. *Мотовиловкер Я.О.* О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С. 66, 67, 71–76.
10. *Мотовиловкер Я.О.* Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974. С. 35–38.

11. *Перлов И.Д.* Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957. С. 15.

12. *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 103–105.

13. *Полянский Н.Н.* Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. С. 82, 83, 113–121.

14. *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927.

15. Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1981–1988 гг.) / под ред. Е.А. Смоленцева. М., 1989. С. 320–329.

16. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса (переизд. 1913 г.). Введение. Ч. I. Судоустройство. М., 2008. С. 77–83; ч. II. Судопроизводство. С. 3, 171.

17. *Строгович М.С.* Избр. труды: в 3 т. Т. 2. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М., 1992. С. 16–44.

18. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 32, 89–93, 149–152.

19. *Строгович М.*С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 174.

20. *Строгович М.С.* О состязательности и процессуальных функциях в уголовном судопроизводстве // Строгович М.С. Избр. труды. М., 1992. Т. 2. С. 163, 164.

21. *Строгович М.С.* Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде. М., 1934.

22. *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 109, 119.

23. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства (переизд. 1910 г.). СПб., 1996. Т. I. С. 13, 63, 64, 70, 71; т. II. С. 3, 4.

24. *Чельцов М.А.* Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 63, 64.

25. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2010. С. 133, 134.

26. *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 33–35.

27. *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 52, 53.

28. *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 67–70.

REFERENCES

1. *Bozh'ev V.P.* Legal Relations in Criminal Procedure. M., 1975. Pp. 77 (in Russ.).

2. *Vetrova G.N.* "Ahead of his time" – Mikhail Solomonovich Strogovich // Judicial Power and Criminal Procedure. 2018. No. 1. Pp. 118–137 (in Russ.).

3. *Vetrova G.N.* The Content of the Adversarial Principle in the Case Law of the Constitutional Court of the Russian Federation // State and Law. 2016. No. 4. Pp. 52–62 (in Russ.).

4. *Viktorsky S.I.* Russian Criminal Procedure. M., 1997. Pp. 232–234 (in Russ.).

5. *Golunsky S.A.* Issues of the Law of Evidence under the Framework Statute for Criminal Proceedings of the USSR and Constituent Republics // Issues of Procedure and Judiciary in the Novel Legislation of the USSR. M., 1959. Pp. 125, 126 (in Russ.).

6. *Kokorev L.D.* Legal Actors in the Criminal Justice System. Voronezh, 1971. P. 53 (in Russ.).

7. Commentary on the RSFSR Code of Criminal Procedure / res. ed. A.K. Orlov. M., 1976. Pp. 385–388 (in Russ.).

8. Commentary on the RSFSR Code of Criminal Procedure / res. ed. I.L. Petrukhin. M., 2001. P. 574 (in Russ.).

9. *Motovilovker Ya. O.* On the Principles of Objective Truth, the Presumption of Innocence and the Adversarial Process. Yaroslavl, 1978. Pp. 66, 67, 71–76 (in Russ.).

10. *Motovilovker Ya. O.* The Subject of the Soviet Criminal Procedure. Yaroslavl, 1974. Pp. 35–38 (in Russ.).

11. *Perlov I.D.* In-Court Oral Arguments of the Parties and the Closing Argument of the Defendant in the Soviet Criminal Procedure. M., 1957. P. 15 (in Russ.).

12. *Polyansky N.N.* Theoretical Issues of the Soviet Criminal Procedure. M., 1956. Pp. 103–105 (in Russ.).

13. *Polyansky N.N.* An Essay on the Development of the Soviet Studies in Criminal Procedure. M., 1960. Pp. 82, 83, 113–121 (in Russ.).

14. *Polyansky N.N.* Essays on the general theory of criminal procedure. M., 1927 (in Russ.).

15. Rulings and rulings on criminal cases of the Supreme Court of the RSFSR (1981–1988) / ed. by E.A. Smolentsev. M., 1989. Pp. 320–329 (in Russ.).

16. *Sluchevsky V.K.* Textbook on Russian Criminal Procedure. Introduction. Part I. Judiciary. M., 2008. Pp. 77–83; Part II. Legal proceedings. Pp. 3, 171 (in Russ.).

17. *Strogovich M.S.* Selected works: in 3 vols. Vol. 2. Guarantees of Individual Rights in Criminal Proceedings. M., 1992. Pp. 16–44 (in Russ.).

18. *Strogovich M.S.* The Course of Soviet Criminal Procedure. Vol. 1. M., 1968. Vol. 1. Pp. 32, 89–93, 149–152 (in Russ.).

19. *Strogovich M.S.* Material Truth and Court Evidence in Soviet Criminal Procedure. M., 1955. P. 174 (in Russ.).

20. *Strogovich M.*S. On adversarial and procedural functions in criminal proceedings // Selected works: in 3 vols. Vol. 2. Guarantees of Individual Rights in Criminal Proceedings. M., 1992. Pp. 163, 164 (in Russ.).

21. *Strogovich M.*S. The prosecution and the accused at the preliminary investigation and at the trial. M., 1934 (in Russ.).

22. *Strogovich M.*S. The Nature of the Soviet Criminal Procedure and the Adversarial Principle. M., 1939. Pp. 109, 119 (in Russ.).

23. *Foinitsky I. Ya.* The Course of Criminal Proceedings. SPb., 1996. Vol. 1. Pp. 13, 63, 64, 70, 71; vol. II. Pp. 3, 4 (in Russ.).

24. *Chel'tsov M.A.* The Aims of the Soviet Legal Studies of Procedural Criminal Law in the Period of Extensive Construction of Communism // Issues of Procedure and Judiciary in the Novel Legislation of the USSR. M., 1959. Pp. 63, 64 (in Russ.).

25. *Sheifer S.A.* Evidence and Proof in Criminal Cases. M., 2010. Pp. 133, 134 (in Russ.).

26. *Ehl'kind P.S.* The Essence of the Soviet Law of Criminal Procedure. L., 1963. Pp. 33–35 (in Russ.).

27. *Ehl'kind P.S.* Goals and Means of Achieving Them in the Soviet Criminal Procedure Law. L., 1976. Pp. 52, 53 (in Russ.).

28. *Yakub M.L.* The Procedural Form in the Soviet Criminal Process. M., 1981. Pp. 67–70 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВЕТРОВА Галина Николаевна –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова;
119234 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13

Authors' information

VETROVA Galina N. –
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Legal
Criminal Procedure,
Justice and Prosecutorial Supervision,
Faculty of Law
at Lomonosov Moscow State University;
1, bld. 13 Leninskie Gory, 119234 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 72–78
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 72–78

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

УДК 342

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОРИЕНТИРЫ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ (размышления над монографией «Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации»)

© 2024 г. С. Н. Бабурин[1, 2, 3, 4]

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
[3]Донецкий государственный университет
[4]Московский университет им. С.Ю. Витте

E-mail: 1357343@mail.ru

Поступила в редакцию 07.10.2024 г.

Аннотация. Рассматривается анализ авторами гуманитарного потенциала Конституции Российской Федерации, включения духовно-нравственных ценностей в число конституционных. Поддерживается позиция авторов в оценке ценностных ориентиров Конституции России через призму приоритета духовного над материальным. Отмечаются многие достоинства работы, в том числе метафоричный тезис: в рамках деконструкции культурного кода России для русского народа идея конституции исторически отстраняется от платоновского (философского) значения и приближается к значению промысла Божьего. Критично оценивается предложение о «мягкой» трансформации в российском законодательстве законоположения, включающего терпимость, в положение о религиозной толерантности. Аргументируется следующий тезис: за призывом к религиозной толерантности скрывается нравственная нейтральность публичной власти, которая уже погубила западную цивилизацию, и преодоление которой является первостепенной задачей российского конституционализма. Обосновывается, что рецензируемая монография представляет собой удачное изложение стройной системы цивилизационных основ России – конституционно закрепленных традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также концептуальное изложение ценностных ориентиров дальнейшего развития Российского государства.

***Ключевые слова*:** конституция, Бог, Россия, духовно-нравственные ценности, конституционные ценности, цивилизация, традиция, идентичность, гуманитарный потенциал, толерантность.

Цитирование: *Бабурин С.Н.* Цивилизационные ориентиры Конституции России (размышления над монографией «Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации») // Государство и право. 2024. № 11. С. 72–78.

DOI: 10.31857/S1026945224110065

CIVILIZATIONAL GUIDELINES OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA (reflections on the monograph "The humanitarian potential of the Constitution of the Russian Federation")

© 2024 S. N. Baburin[1, 2, 3, 4]

[1]*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*
[2]*Dostoevsky Omsk State University*
[3]*Donetsky State University*
[4]*Witte Moscow University*

E-mail: 1357343@mail.ru

Received 07.10.2024

Abstract. The authors analyze the humanitarian potential of the Constitution of the Russian Federation, the inclusion of spiritual and moral values among the constitutional ones. The position of the authors in assessing the value orientations of the Constitution of Russia through the prism of the priority of the spiritual over the material is supported. Many advantages of the work are noted, including the metaphorical thesis that, within the framework of deconstructing the cultural code of Russia for the Russian people, the idea of the constitution is historically removed from the Platonic (philosophical) meaning and approaches the meaning of God's providence. The proposal for a "soft" transformation in Russian legislation of a legal provision including tolerance into a provision on religious tolerance is critically evaluated. The thesis is argued that behind the call for religious tolerance lies the moral neutrality of public power, which has already destroyed Western civilization, and overcoming which is the primary task of Russian constitutionalism. It is proved that the reviewed monograph is a successful presentation of a coherent system of civilizational foundations of Russia – constitutionally fixed traditional Russian spiritual and moral values, a conceptual presentation of value orientations for the further development of the Russian state.

Key words: the constitution, God, Russia, spiritual and moral values, constitutional values, civilization, tradition, identity, humanitarian potential, tolerance.

For citation: *Baburin, S.N. (2024).* Civilizational guidelines of the Constitution of Russia (reflections on the monograph "The humanitarian potential of the Constitution of the Russian Federation") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 72–78.

Вышла в свет коллективная монография российских ученых, посвященная ценностным ориентирам Конституции РФ, конституционным ценностям и их месту в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей[1]. С учетом начавшейся в глобальном миропорядке борьбы за цивилизационную идентичность народов актуальность проделанного авторами исследования несомненна. Еще до начала российской специальной военной операции Президент РФ В.В. Путин заявил о том, что мир попал в глубокий цивилизационный и концептуальный кризис, поскольку люди впервые столкнулись «с одновременными системными изменениями по всем направлениям, от усложняющегося геофизического состояния нашей планеты до все более парадоксальных толкований того, что есть сам человек, в чем смысл его существования»[2]. Более того, он подчеркнул: «Традиционные ценности стабильнее, важнее для миллионов людей, чем эта либеральная идея, которая, на мой взгляд, прекращает свое существование»[3]. Успешно выйти из этого кризиса можно только при опоре на духовно-нравственные ценности и культурно-исторические традиции. Авторы монографии весьма успешно откликнулись на призыв Патриарха Московского и всея Руси Кирилла размышлять не только о государственных границах суверенитета, но и о «суверенитете гуманитарного

[1] См.: Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации / Н.С. Бондарь, В.И. Крусс, Г.Н. Чеботарев [и др.]; под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – 240 с.

[2] *Путин В.В.* Выступление на заседании клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/66975 (дата обращения: 08.04.2024).

[3] *Путин В.В.* Интервью газете The Financial Times, 27 июня 2019 г. URL: https://www.kremlin.ru/events/president/news/60836 (дата обращения: 30.09.2024).

пространства – пространства смыслов, духовных символов, социально-культурного развития»[4].

Название монографии – не «конституционно-ценностный» или «духовно-нравственный», а «гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации» удачно соответствует аксиологической нацеленности исследования и широкому подходу к содержанию книги. Именно гуманитарный заряд любой конституции и опирающегося на нее законодательства задает государству его цивилизационные ориентиры, формирует ценностную систему координат политико-правовых и социально-экономических институтов. Вызывает безусловную поддержку исходная мировоззренческая позиция авторов, подчеркивающих в связи с изменившимися конституционными императивами роль высоких нравственных идеалов и приоритет среди конституционных ценностей духовного над материальным.

Авторы убедительно аргументируют оценку конституционного правопонимания как открытой апологетики и следования значению текста Конституции как всеобъемлющей и генерирующей национально-правовую реальность «матрице», а права как конституционного интеграла справедливости, актуального конституционного должного (с. 8). Отсюда и однозначный вывод авторов о давлении конституционной антропологии на конституционную политику (с. 10), о наличии официальной идеологии Российского государства и идеологической функции Конституции России (с. 47). Авторы вслед за С.А. Авакьяном и Т.Н. Радько аргументируют: конституционное провозглашение запрета государственной или общеобязательной идеологии не является достоинством Конституции, поскольку любая конституция является идеологическим документом, а Российское государство всегда имело собственную духовную (идеологическую) силу[5]. Более того, духовно-нравственные ценности всегда выступают как социальная реальность, а человеческая культура именно и развивается под воздействием ценностей и идеалов[6]. Правовая идеология всегда выступала и ныне выступает частью правосознания общества[7], но именно духовно-нравственные ценности задают любому обществу цивилизационные параметры[8].

Следует отметить продуманную структуру монографии. За рассмотрением ценностных ориентиров конституционного преобразования России идет раздел «Традиционные российские духовно-нравственные ценности», а завершается исследование разделом «Конституционализация традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Традиционные российские духовно-нравственные ценности рассматриваются в системе конституционных ценностей, анализируется идеологическая функция Конституции РФ, сочетание формально-юридических и нравственно-этических ориентиров при отправлении правосудия, место гражданственности, культурной и гражданской идентичности. Отдельно анализируются такие конституционные ценности, как равенство, свобода мирных собраний, местное самоуправление. Важно то, что местное самоуправление и другие гражданские институты рассматриваются не только формально-юридически, опираясь на позиции Конституционного Суда РФ, но и в цивилизационном контексте, вопросы решаются с учетом исторических и иных местных традиций, в том числе в духовно-нравственной сфере (с. 69, 126). Хотя на практике само сохранение «муниципальной» терминологии, включающей «мэров», «префектов» и т.д., свидетельствует об остаточном подсознательном подражании европейской модели организации местной жизни.

Следует согласиться с авторами, которые в рамках деконструкции культурного кода России метафорично отмечают, что для русского народа идея конституции исторически отстраняется от платоновского (философского) значения и приближается к значению промысла Божьего (с. 14), что не все духовно-нравственные ценности могут иметь нормативно-правовой характер, получить закрепление в Основном Законе нашего государства (с. 57), что духовная свобода личности в мире без традиций не может быть полноценной (с. 84).

Однако если уверенность авторов в ошибочности абсолютно все рассматривать как

---

[4] *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* О смыслах / сост. В.М. Теребихин. М., 2019. С. 391.

[5] См.: *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 11; *Радько Т.Н.* Об идеологической функции права // Вестник СГЮА. 2013. № 4. С. 73.

[6] См.: *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2023. С. 181, 182.

[7] См.: *Апольский Е.А.* Структура российского национального правосознания в условиях поиска цивилизационных ориентиров // Вестник МУ им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2023. № 4. С. 8. DOI: 10.21777/2587-9472-2023-4-5-10

[8] См.: *Бабурин С.Н.* Аксиологические трансформации современного российского конституционализма // Государство и право. 2023. № 12. С. 44. DOI: 10.31857/S102694520029289-8; *Его же.* Мировоззренческий выбор Александра Невского как цивилизационная основа современной российской государственности // Вестник МУ им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2021. № 3. С. 9–17. DOI 10.21777/2587-9472-2021-3-9-17; *Бабурин С.Н., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л.* Обзор Международной научной конференции «Александр Невский и пути российской идентичности», посвященной 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского // Государство и право. 2021. № 12. С. 186–194. DOI: 10.31857/S102694520017766-3

конституционную ценность, закрепляемую в тексте Конституции (с. 135), не вызывает возражений, то трудно согласиться с их безапелляционным утверждением, что ответ на вопрос о том, что следует считать традиционными духовно-нравственными ценностями, вполне очевиден (с. 134). Далеко не так. Достаточно вспомнить анализ вопроса о духовно-нравственных ценностях в имеющейся научной литературе[9].

В качестве политико-идеологической основы дальнейшего совершенствования конституционного развития России авторы обоснованно отмечают Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – Основы)[10], ставя их во главу национальной стратегии и политики России (с. 7, 8). Авторы указывают на то, что не все перечисленные в Основах традиционные российские духовно-нравственные ценности нашли закрепление в Конституции РФ (с. 63). Но ведь и в претендующем на исчерпанность перечне, содержащемся в Основах, представлены не все традиционные духовно-нравственные ценности.

Едва ли не на первом месте в иерархии высших духовно-нравственных ценностей традиционного русского общества должны быть названы любовь, вера, святыни. В имеющемся перечне ценностей (п. 4 Основ), да и в Конституции РФ, они отсутствуют или отражены косвенно, в виде почитания памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству (Преамбула Конституции РФ), закрепления передачи от предков идеалов и веры в Бога (ч. 2 ст. 67^1 Конституции РФ); духовного и нравственного воспитания детей, воспитания в них уважения к старшим (ч. 4 ст. 67^1); конституционной защиты семьи, материнства, отцовства и детства; осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Между тем первыми духовными заповедями христианства являются: «Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею... Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Марк, 12:30–31). Аналогичные принципы содержатся в священных книгах других мировых религий. В Талмуде, например, молитва «Шма» открывается словами: «Господь Бог наш – Господь един есть (благословенно славное царственное имя Его вовеки веков); и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим и всею душою твоею и всеми силами твоими»[11]. Без идеи Бога, создавшего человека, вряд ли возможно обосновывать и право на жизнь каждого из нас, убежден А.И. Овчинников[12].

Итак, любовь в духовных ценностях первична. Лишь любовь может быть превыше закона и справедливости. На любви основаны нравственные императивы русского общества, лежащие в основании государственного суверенитета России и в основе русской цивилизационной идентичности. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл напоминает, что нет иного закона человеческих отношений, кроме закона любви, который предполагает отдачу самого себя другому человеку, и в ответ – получение великого дара любви от того, кому ты себя отдаешь. Именно этот закон из стада делает человеческое общество[13].

В монографии удачно проведено как разделение духовности и нравственности, так и соединение их в органичный единый концепт (с. 57). Если духовность относится к непосредственной связи души человеческой со Всевышним, то нравственность всегда субъективна, ибо означает формирующуюся человеком способность различать добро и зло. В этом смысле небесспорно утверждение авторов, что бездуховной нравственности не бывает, а духовность всегда нравственна (с. 57). Безнравственная духовность действительно невообразима, но бездуховная нравственность... А как же классовая нравственность (мораль), доходящая в революционные периоды до одобрения классового террора, отрицания религии, нравственности, семьи, даже государства и права? А секулярная нравственность Просвещения?

Именно традиционные духовно-нравственные ценности народов могут считаться основанием общечеловеческих ценностей, лишь они дают

---

[9] См., напр.: *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. С. 115–134; *Его же.* Мировоззренческий выбор Александра Невского как цивилизационная основа современной российской государственности. С. 12, 14, 15; *Кроткова Н.В., Орехова Т.Р.* Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7; *Багдасарян В.Э., архимандрит Сильвестр (Лукашенко).* Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения / науч. ред. Ю.Ю. Иерусалимский. Ярославль, 2022; *Багдасарян В.Э.* Ценностные основания государственной политики: учеб. М., 2018.

[10] См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 06.10.2024 г.).

[11] Талмуд / критич. пер. Н. Переферковича. Т. 1 (Кн. 1 и 2). М., 2006. С. 40.

[12] *Овчинников А.И.* Бог и Конституция в постсекулярном мире // Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А.П. Лопухина (1852–1904) / под ред. А.И. Овчинникова. М., 2020. С. 72.

[13] См.: *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Указ. соч. С. 63.

должную защиту личности человека, его достоинства, прав и свобод, формируют условия для продолжения человеческого рода. У народов разной цивилизационной принадлежности могут различаться закрепляемые в конституциях детали, отражающие сакрализуемые религиями традиции, но основа должна оставаться строящейся на любви. Например, признание брака как добровольного союза мужчины и женщины.

Следует поддержать авторов монографии в их предложении при корректировке ст. 14 Конституции РФ, или в соответствующей статье новой Конституции России, указать достойное место Церкви в гражданском обществе, поскольку существует конституционная норма об отделении Церкви от государства (с. 66, 67). Но в этом вопросе коллективная монография не избежала внутренних противоречий.

Весьма осторожно следует относиться к поддержанной в исследовании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 73/128 «Просвещение и толерантность», пропагандирующей в качестве наиболее цивилизованной основы устройства межрелигиозных отношений религиозную толерантность. Попытки авторов отождествить толерантность с уважением и пониманием смысла проблемы не меняют (с. 176–178). Тем более нельзя согласиться с утверждением, что базовая идея «веротерпимости» о превосходстве канонического православия себя фактически исчерпала (с. 180). Не хотелось бы, чтобы оказался прав А.М. Осавелюк, увидевший в нормах ст. 67[1] Конституции РФ угрозу приоритета советского атеистического правопреемства[14].

Авторская проповедь «религиозной толерантности», противопоставляемой «религиозной терпимости» (с. 183), заканчивается «компромиссным» предложением включить в Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» положение о принципах устройства религиозного пространства, которое не содержало бы указаний ни на терпимость, ни на толерантность в вопросах веры, но содержало бы термины, отражающие смысл религиозной толерантности (с. 184, 185). Авторы не скрывают, что такой подход позволит «мягко» трансформировать законоположение, включающее терпимость, в положение о религиозной толерантности (с. 185).

Но что скрывается за предлагаемой авторами толерантностью? Все та же нравственная нейтральность публичной власти, которая уже погубила западную цивилизацию, преодоление которой является первостепенной задачей современного российского конституционализма. Авторы сами соглашаются с А.В. Поляковым[15], что ценности, присущие человеку, релевантны тому обществу, в котором он проживает (с. 204). Нравственная нейтральность (толерантность) государства отражает безнравственность общества. Нравственный нейтралитет означает равную терпимость публичной власти к добру и злу, к социальным институтам и действиям любого духовного содержания. Лозунг толерантности как уважительной терпимости к любому злу превратился в кредо западного мироощущения. Но для людей православных нейтральность – это «теплохладность», душевное состояние, которое в Откровении ап. Иоанна Богослова (Апокалипсисе) описывается словами «ни холоден, ни горяч» (3:15), это состояние окаменелого бесчувствия, когда потеряна грань между хорошим и плохим, когда сердце не способно сопереживать[16].

Для российского конституционализма, восстанавливающего свою опору на традиционные духовно-нравственные ценности многонационального народа России, преодоление нравственного нейтралитета (толерантности) публичной власти, переход к деятельной конституционной поддержке добра и справедливости, к активной государственной борьбе со злом в любых его проявлениях, есть первооснова российского национального развития. Призыв к толерантности власти, формально относящийся в монографии к религиозной сфере, входит в диссонанс с остальными взглядами на традиционные российские духовно-нравственные ценности.

При значительном количестве использованных в монографии источников, несомненно, обогатила бы исследование опора на работы таких ученых, как В.Э. Багдасарян, А.А. Васильев, И.А. Исаев, А.И. Клименко, С.В. Кодан, А.М. Овчинников, А.М. Осавелюк, Е.В. Сафронова и др.

Однако все имеющиеся замечания не умаляют крайне значимых научных достоинств работы. Отдельную научно-практическую ценность имеют многочисленные иллюстрации реализации конституционных ценностей в практике Конституционного Суда РФ, в деятельности общественных объединений и некоммерческих организаций, примеры из крымского, в частности севастопольского, законодательства (с. 67–70, 205–211).

[14] См.: *Осавелюк А.М.* Идеалы и вера в Бога в новой редакции Конституции России: проблемы восприятия и реализации // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы XI Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Великой Победы в Великой Отечественной войне / под ред. С.Н. Бабурина и А.М. Осавелюка. М., 2020. С. 87.

[15] См.: *Поляков А.В.* Свобода и справедливость в правовом осмыслении // Закон. 2023. № 5. С. 97–113. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-5-97-113

[16] См.: *Митрополит Белгородский и Старооскольский, Иоанн.* Небо нашей жизни: Бог, человек, церковь. М., 2018. С. 117.

* * *

Подводя итог, следует отметить, что монография «Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации» под редакцией Г.Н. Чеботарева представляет собой не просто комплексную оценку конституционно закрепленных традиционных российских духовно-нравственных ценностей, но и гармонично излагает стройную систему цивилизационных ориентиров Конституции России, важных для дальнейшего развития Российского государства. Авторами сконструирован гуманитарный (духовный) фундамент совершенствования современного отечественного конституционализма. Рецензируемая книга органично вписывается в ряд лучших современных исследований по аксиологии государства и права, задает ценностный вектор дальнейшим исследованиям в области конституционного права и может быть использована при чтении курса, посвященного основам российской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 11.
2. *Апольский Е.А.* Структура российского национального правосознания в условиях поиска цивилизационных ориентиров // Вестник МУ им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2023. № 4. С. 8. DOI: 10.21777/2587-9472-2023-4-5-10
3. *Бабурин С.Н.* Аксиологические трансформации современного российского конституционализма // Государство и право. 2023. № 12. С. 44. DOI: 10.31857/S102694520029289-8
4. *Бабурин С.Н.* Мировоззренческий выбор Александра Невского как цивилизационная основа современной российской государственности // Вестник МУ им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2021. № 3. С. 9–17. DOI 10.21777/2587-9472-2021-3-9-17
5. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2023. С. 115–134, 181, 182.
6. *Бабурин С.Н., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л.* Обзор Международной научной конференции «Александр Невский и пути российской идентичности», посвященной 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского // Государство и право. 2021. № 12. С. 186–194. DOI: 10.31857/S102694520017766-3
7. *Багдасарян В.Э., архимандрит Сильвестр (Лукашенко).* Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения / науч. ред. Ю.Ю. Иерусалимский. Ярославль, 2022.
8. *Багдасарян В.Э.* Ценностные основания государственной политики: учеб. М., 2018.
9. Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации / Н.С. Бондарь, В.И. Крусс, Г.Н. Чеботарев [и др.]; под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень, 2024. С. 7, 8, 10, 14, 47, 57, 63, 66–70, 84, 126, 134, 135, 176–178, 180, 183–185, 204–211.
10. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* О смыслах / сост. В.М. Теребихин. М., 2019. С. 63, 391.
11. *Кроткова Н.В., Орехова Т.Р.* Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7
12. *Митрополит Белгородский и Старооскольский, Иоанн.* Небо нашей жизни: Бог, человек, церковь. М., 2018. С. 117.
13. *Овчинников А.И.* Бог и Конституция в постсекулярном мире // Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А.П. Лопухина (1852–1904) / под ред. А.И. Овчинникова. М., 2020. С. 72.
14. *Осавелюк А.М.* Идеалы и вера в Бога в новой редакции Конституции России: проблемы восприятия и реализации // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы XI Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Великой Победы в Великой Отечественной войне / под ред. С.Н. Бабурина и А.М. Осавелюка. М., 2020. С. 87.
15. *Поляков А.В.* Свобода и справедливость в правовом осмыслении // Закон. 2023. № 5. С. 97–113. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-5-97-113
16. *Радько Т.Н.* Об идеологической функции права // Вестник СГЮА. 2013. № 4. С. 73.

REFERENCES

1. *Avakian S.A.* The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. 2nd ed. M., 2000. P. 11 (in Russ.).
2. *Apolsky E.A.* The structure of the Russian national legal consciousness in the search for civilizational landmarks // Herald of Witte Moscow University. Series 2. Legal Sciences. 2023. No. 4. P. 8. DOI: 10.21777/2587-9472-2023-4-5-10 (in Russ.).
3. *Baburin S.N.* Axiological transformations of modern Russian constitutionalism // State and Law. 2023. No. 12. P. 44. DOI: 10.31857/S102694520029289-8 (in Russ.).
4. *Baburin S.N.* The ideological choice of Alexander Nevsky as the civilizational basis of modern Russian statehood // Herald of Witte Moscow University. Series 2. Legal Sciences. 2021. No. 3. Pp. 9–17. DOI 10.21777/2587-9472-2021-3-9-17 (in Russ.).
5. *Baburin S.N.* The Moral State. The Russian view on the values of constitutionalism. 2nd ed. M., 2023. Pp. 115–134, 181, 182 (in Russ.).
6. *Baburin S.N., Krotkova N.V., Danilevskaya I.L.* Review of the International Scientific Conference “Alexander Nevsky and the ways of Russian identity” dedicated to the 800th anniversary of the birth of the Holy Prince Alexander Nevsky // State and Law. 2021. No. 12. Pp. 186–194. DOI: 10.31857/S102694520017766-3
7. *Baghdasaryan V.E., Archimandrite Sylvester (Lukashenko).* Traditional values: a strategy of civilizational revival / scientific ed. by Yu. Yu. Erusalimsky. Yaroslavl, 2022 (in Russ.).

8. *Bagdasaryan V.E.* The value foundations of state policy: textbook. M., 2018 (in Russ.).

9. The humanitarian potential of the Constitution of the Russian Federation / N.S. Bondar, V.I. Kruss, G.N. Chebotarev [et al.]; ed. by G.N. Chebotarev. Tyumen, 2024. Pp. 7, 8, 10, 14, 47, 57, 63, 66–70, 84, 126, 134, 135, 176–178, 180, 183–185, 204–211 (in Russ.).

10. *Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia*. About meanings / comp. V.M. Terebikhin. M., 2019. Pp. 63, 391 (in Russ.).

11. *Krotkova N.V., Orekhova T.R.* Interuniversity scientific and practical conference "Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the XXI century" // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7

12. *Metropolitan of Belgorod and Starooskolsky, Ioann*. The sky of our life: God, man, Church. M., 2018. P. 117 (in Russ.).

13. *Ovchinnikov A.I.* God and the Constitution in the post-secular world // God. Man. The Constitution. The Biblical Philosophy of Law in the scientific heritage of A.P. Lopukhin (1852–1904) / ed. by A.I. Ovchinnikov. M., 2020. P. 72 (in Russ.).

14. *Osavelyuk A.M.* Ideals and faith in God in the new edition of the Constitution of Russia: problems of perception and implementation // State, Church, law: constitutional, legal and theological problems: materials of the XI International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory in the Great Patriotic War / ed. by S.N. Baburin and A.M. Osavelyuk. M., 2020. P. 87 (in Russ.).

15. *Polyakov A.V.* Freedom and justice in legal understanding // Law. 2023. Vol. 20. No. 5. Pp. 97–113. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-5-97-113 (in Russ.).

16. *Radko T.N.* On the ideological function of law // Herald of the Saratov State Law Academy. 2013. No. 4. P. 73 (in Russ.).

Сведения об авторе

БАБУРИН Сергей Николаевич –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
почетный академик
Национальной академии наук
Кыргызской Республики,
иностранный член Академии наук Абхазии,
главный научный сотрудник,
научный руководитель Центра интеграционных
и цивилизационных исследований
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10;
профессор Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского;
644077 г. Омск, проспект Мира, д. 55-А;
профессор Донецкого государственного
университета; 283001 ДНР, г. Донецк,
ул. Университетская, д. 24;
профессор Московского университета
им. С.Ю. Витте; 115432 г. Москва,
2-й Кожуховский пр-д, д. 12, стр. 1

Authors' information

BABURIN Sergey N. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Academician
of the National Academy of Sciences
of the Kyrgyz Republic,
Foreign Member
of the Academy of Sciences of Abkhazia,
Chief Researcher, Scientific Director of the Center
for Integration and Civilizational Studies
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia;
Professor of Dostoevsky Omsk State University;
55-A Mira Ave., 644077 Omsk, Russia;
Professor of Donetsk State University;
24 Universitetskaya str.,
283001 DPR, Donetsk, Russia;
Professor of Witte Moscow University;
12, bld. 1, 2nd Kozhukhovsky proezd,
115432 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 79–90
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 79–90

УДК 343.2/.7

НАКАЗАНИЕ ОПРАВДАНО, ЕСЛИ... (по страницам книги И.М. Рагимова «Оправдание наказания. Исторические, религиозные, философские, социологические аспекты»)

© 2024 г. А. И. Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 24.09.2024 г.

Аннотация. В статье представлены взгляды известного российского и азербайджанского ученого И.М. Рагимова об оправданности существования уголовного наказания с точки зрения истории, религии, философии и социологии, путях и системном подходе к повышению эффективности данной меры уголовно-правового воздействия, реализация которого возможна лишь при установлении как общих причин преступности, так и источника преступного поведения человека, а также разработке теории построения уголовно-правовых санкций. В ряде случаев при характеристике позиции автора приводятся мнения других специалистов, исследовавших наказание, что более рельефно оттеняет концепцию монографии.

Ключевые слова: уголовное право, наказание, И.М. Рагимов, исторические, религиозные, философские основания наказания, эффективность наказания, повышение эффективности, система мер.

Цитирование: *Чучаев А.И.* Наказание оправдано, если... (по страницам книги И.М. Рагимова «Оправдание наказания. Исторические, религиозные, философские, социологические аспекты») // Государство и право. 2024. № 11. С. 79–90.

DOI: 10.31857/S1026945224110076

PUNISHMENT IS JUSTIFIED IF... (according to the pages of the book by I.M. Ragimov "Justification of punishment. Historical, religious, philosophical, sociological aspects")

© 2024 A. I. Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 24.09.2024

Abstract. The article presents the views of the famous Russian and Azerbaijani scientist I.M. Ragimov on the justification of the existence of criminal punishment from the point of view of history, religion, philosophy and sociology, ways and a systematic approach to improving the effectiveness of this measure of criminal legal influence, the implementation of which is possible only if both the common causes of crime and the source of criminal behavior of a person are established, as well as the development of the theory of the construction of criminal sanctions. In some cases, when characterizing the author's position, the opinions of other experts who have studied punishment are given, which more prominently sets off the concept of the monograph.

Key words: Criminal Law, punishment, I.M. Ragimov, historical, religious, philosophical grounds of punishment, effectiveness of punishment, efficiency improvement, system of measures.

For citation: *Chuchaev, A.I. (2024).* Punishment is justified if... (according to the pages of the book I.M. Ragimov "Justification of punishment. Historical, religious, philosophical, sociological aspects") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 79–90.

Имя доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Азербайджанской Республики, иностранного члена Российской академии наук Ильгама Мамедгасана оглы Рагимова ассоциируется с всесторонним исследованием общетеоретических проблем уголовного наказания. Только в последнее десятилетие им изданы такие фундаментальные работы, как «Философия преступления и наказания» (СПб., 2015), «О нравственности наказания» (СПб., 2016), «Бессмертная смертная казнь» (СПб., 2017), «Преступность и наказание» (СПб., 2018), «Религия и наказание» (СПб., 2020), «Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты» (СПб., 2023) и др. Все они высоко оценены юридической общественностью. Труды И.М. Рагимова не только углубляют знания в области пенологии, но и закладывают теоретический и методологический фундамент нового направления исследования генетической связи «преступление – наказание»[1] не как формальной дихотомии, а сущностной, коренящейся в самих указанных социально-правовых явлениях зависимости, характеризующей рассматриваемые уголовно-правовые понятия как парные категории.

В новой работе И.М. Рагимов ставит цель решить две принципиально важные для теории уголовного права задачи: дать обстоятельный анализ и оценить, во-первых, ретрибутивный и, во-вторых, утилитаристский дискурсы наказания. Иными словами, автор стремится показать как философские основания оправдания наказания в их взаимосвязи с историческими и религиозными основами, так и его эффективность (социологический аспект).

Наказание исследуется уже на протяжении многих веков, причем не только юристами, но и философами, богословами, психологами, социологами. Еще Н.Д. Сергеевский указывал, что начиная с Гуго Гроция к XIX в. сформировались 24 полные философские системы и около 100 отдельных правовых теорий уголовного наказания[2]. Иеринг писал: «Во всей области права нет другого понятия, которое могло бы, хотя бы приблизительно, равняться с понятием наказания в его культурно-историческом значении; никакое другое понятие не представляет

[1] *Савенков А.Н.* Первоосновы уголовного права: новое направление исследований (по страницам кн.: Рагимов И.М. Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. СПб.: Ассоциация «Юридический центр», 2023) // Государство и право. 2024. № 3.

[2] См.: *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. Пг., 1915. С. 70.

собой лучшего отражения народной мысли, чувства и нравов современной ему эпохи; никакое другое понятие не связано так тесно со всеми фазами нравственного развития народа...»[3].

Исходной точкой в осмыслении феномена наказания, как правило, считается проблема jus puniendi[4]. А.М. Богдановский, в частности, обращал внимание на то, что «процесс образования идеи наказания у всех народов одинакий: везде он совершается по одним и тем же как будто непреложным логическим законам»[5].

В литературе по данному поводу сложились две позиции: одни ученые (их большинство) отстаивают право государства на наказание[6]; другие – отрицают это[7].

Наиболее ярким представителем последних является английский философ, педагог, один из первых социальных реформаторов XIX в. Роберт Оуэн, о котором его современники говорили как «о великом печальнике человеческих несчастий, апостоле любви и всепрощения, до гробовой доски сохранившем юношескую веру в человеческое сердце, и еще на 85-м году своей жизни являвшемся на общественной арене, худо слышавшим, слабым, но с той же проповедью уничтожения казней и возрождения человечества в стройной жизни общего труда»[8]. Оуэн исходил из гуманистических, но теоретически дискуссионных и практически нереализуемых положений. Преступник – член общества, наделенный наихудшими природными качествами и поставленный в наиболее вредные условия, по его мнению, должен быть объектом сострадания всех находящихся в лучшем положении. Наказывать его жестоко и несправедливо. Государство должно отказаться от своего права мстить и наказывать тех, кого оно же довело до преступления[9].

Характеризуя в целом концепции, отрицающие jus puniendi, В.Д. Спасович подчеркивает, что их представители отвергают «один из самых существенных факторов нашего сознания – свободу воли... С отрицанием свободы воли должна исчезнуть и всякая ответственность человека за свои деяния.., уголовное право теряет под собой всякое основание»[10].

Более подробно характеристика учений, отрицающих право наказания, представлена Н.А. Неклюдовым, выделявшим:

«I. Учения, центр тяжести которых лежит в религиозном взгляде на мир вещественный и духовный, – *Система детерминистов или фаталистов*.

II. Учения, опирающиеся главным образом на диалектику, – *Система безнравственности наказаний*.

III. Учения, опирающиеся на *физиологию и анатомию человека*. Сюда относятся: 1. Система *френологов*, или черепощупов; 2. Система *кефалометров*, или мозгомеров; 3. Система *сенсуалистов*; 4. Система *физиогномиков*, или лицеводов.

IV. Учения, опирающиеся на *психологию* человека: 1. Система *прирожденной злобы*; 2. Система *несвободного проявления* прирожденных *инстинктов*.

V. Учения, исходящие из психологии и анатомии общественного быта и строя, – *Система социалистов*.

VI. Учения, исходящие из *психологии общественной*, из наблюдения всех явлений *жизни духовной*, – *Система статистиков*.

VII. Учения, опирающиеся на изучение всей природы вообще, – *Система материалистов*»[11].

А.Ф. Белогриц-Котляревский пишет: «Наказание, как один из элементов правопорядка, вовсе не является нравственным злом; преступление есть зло, борьба с которым составляет нравственную обязанность всех и каждого, особенно государства.

---

[3] Цит. по: *Сергеевский Н.Д.* Философские приемы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1878. Кн. 2. С. 82.

[4] В современном уголовном праве России эта проблема не исследуется (см. подр.: *Чучаев А.И.* Jus puniendi как исходная точка в осмыслении феномена наказания // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. Т. 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 1. Понятие уголовного наказания / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2020. С. 58; *Его же*. Jus puniendi (исторический очерк) // Lex russica. 2011. № 3. С. 389).

[5] *Богдановский А.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 5.

[6] См., напр.: *Будзинский С.* Начала уголовного права. Варшава, 1870; *Жиряев А.С.* Общая часть уголовного права // Юридический вестник. 1863. Вып. XXXI; *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. М., 1994. Т. 2; *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000; *Чебышев-Дмитриев А.П.* О праве наказания. Ярославль, 1859.

[7] Одно время такую позицию занимал, например, С.В. Познышев. Он считал, что обоснование юридического начала наказывать несовместимо с элементарными понятиями права, в особенности в его субъективном смысле (см.: *Познышев С.В.* К вопросу о праве наказания // Журнал гражданского и уголовного права. 1897. № 4. С. 64).

[8] *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 21.

[9] См. об этом подр.: *Оуэн Р.* Образование человеческого характера. СПб., 1865.

[10] *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 66.

[11] См.: *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. Т. 1. Часть Общая. СПб., 1865. С. 50 (примечания, приложения, дополнения по истории русского права и положительному законодательству подготовлены Н.А. Неклюдовым).

Н.С. Таганцев представителей концепций, отрицающих право наказания, сводит в три группы: 1) отрицающих свободу воли; 2) отрицающих существующую систему наказаний; 3) отрицающих право государства наказывать (см.: *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 20, 21).

Отсюда следует, что государство, осуществляя борьбу с преступлением путем наказания, которое является вполне правомерным институтом, вытекающим из идеи общежития и сущности права, вовсе не совершает чего-либо безнравственного, не причиняет нравственного зла; иначе всякое порицание или осуждение дурного поступка, направленное на насаждение начал нравственности, пришлось бы также признать нравственным злом, безнравственным средством, требующим устранения из области не только права, но религии и даже этики, ибо порицание также есть одна из форм стеснения личности, вторжения в сферу ее свободы»[12].

Против наказания, как известно, выступал Л.Н. Толстой. При оценке его мыслей, обращенных к высоким общечеловеческим ценностям, опиравшихся на незамутненное чувство добра и правды, необходимо, на наш взгляд, исходить из его философско-религиозных взглядов[13].

И. Бентам прямо утверждал: «всякое наказание есть вред; всякое наказание есть само по себе зло»[14]. Еще более категорично высказывается известный педагог А. Дистервег: «Наказания большей частью и бесполезны и не нужны, наказание вообще должно ставить себе целью устранение наказаний»[15].

В монографии[16] И.М. Рагимов не только фактически продолжил анализ jus puniendi, основы которого были заложены в XIX в., но и существенно расширил поле исследования, включив в него ряд новых, ранее не рассматривавшихся аспектов проблемы. Это позволило, на наш взгляд, автору представить свою концепцию более обстоятельно и обоснованно.

Говоря об оправдании наказания, он, по сути, вышел за рамки jus puniendi. Если последнее замыкается на определении права наказания и его основания, то работа И.М. Рагимова предполагает еще, к тому же, и выявление целесообразности данной уголовно-правовой меры воздействия на преступника. Об этом наглядно свидетельствует ее структура. Монография состоит из *пяти глав*: историческое[17] и религиозное оправдание наказания; философия оправдания наказания; социология оправдания наказания; пути повышения эффективности наказания. *Заключение* также представляет собой самостоятельный элемент исследования, в нем говорится о системном подходе к повышению эффективности наказания.

В *гл. I* автор, основываясь на историческом методе познания, заключающегося в выявлении исторических фактов и на этой основе воссоздания исторического процесса в целях выявления логики его движения, выделяет этапы развития наказания, представляя сущность данного сложного феномена как: 1) реакции людей на социальные и природные явления; 2) стадии неурегулированной и неограниченной формы реагирования на акты поведения; 3) реакции на запрещенные обществом акты поведения (кровная месть); 4) религиозная фаза развития воздействия на акты поведения; 5) реакция государства на преступность.

И.М. Рагимов считает, что зародыши того, что в настоящее время признается наказанием, следует искать не в частной кровной мести, существовавшей у всех народов, а в социальных и природных явлениях, в реакции людей, служащей основой самосохранения при наличии внешних опасностей для общины. «Наказание, имеющее самую древнюю историю, было основано на могучем инстинкте человека, как и любого живого существа, к самосохранению, как реакция на опасные действия извне, причем реакция не бессознательная, а освещенная разумом, соединенная с представлением о намеченной цели. Это есть сознательная отплата за зло, чтобы устранить врага и тем самым защитить себя от нападающего. Потом такие действия человека будут именоваться как месть...» (с. 13).

В то же время, по его мнению, оправдание собственно наказания как реакции на запрещенные акты поведения начинается именно с кровной мести, сущность которой состоит в том, что за причиненное зло должно быть непременно воздано также злом, за всякой обидой должно следовать возмездие, отмщение. Если обида была кровной, то и месть должна быть таковой; иначе говоря, за кровь мстили кровью.

---

[12] *Белогриц-Котляревский А.Ф.* Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 252, 253.

[13] См. об этом подр.: *Чучаев А.И.* Л. Толстой: «Наказание... озлобляет того, кого наказывают... развращает того, кто наказывает» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2014. С. 56.

[14] *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства // Избр. соч. Иеремии Бентама. Библиотека классических западноевропейских писателей в русском переводе. Т. 1 / пер. А Н. Пыпина, А.Н. Неведомского; предисл. Ю.Г. Жуковского. СПб., 1867. С. 167; см. также: *Соловьев В.С.* Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899.

[15] *Дистервег А.* Избр. педагогические соч. М., 1956. С. 212.

[16] См.: *Рагимов И.М.* Оправдание наказания. Исторические, религиозные, философские, социологические аспекты. СПб.: Ассоциация «Юридический центр», 2024. – 229 с.

[17] Следует заметить, что существование наказания во всех государствах во все времена у некоторых российских ученых XIX в. вызвало практически однозначную оценку: коль скоро это так, то и нет необходимости искать основание карательной деятельности. Более того, А.Ф. Кистяковский, например, об оправданности наказания говорит: «Теоретический спор о том, необходимо или нет наказание, можно отчислить к числу столь же праздных, как праздны споры, необходимо или нет жить человеку в обществе» (цит. по: *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право. С. 70).

С образованием государства появляется период государственных наказаний[18]. С этого времени наказание стало рассматриваться как последствие преступления, его обоснованность виделась в пользе для общества.

На определенном этапе развития общества нравственной основой оправдания наказания стали выступать не обычаи и традиции, а религия, тысячелетиями регулировавшая отношения между людьми, общинами, племенами. «Любая религия однозначно утверждает, – пишет И.М. Рагимов, – ...наказание установлено Богом с целью искупления зла, ибо *искупление* – это верховный закон мира. Всякое зло должно быть искуплено, ни одно не должно оставаться безнаказанным. Следовательно, до тех пор, пока на земле будут совершаться преступления, необходимо, чтобы постоянно имело место и наказание. Религиозные каноны четко дают понять, что поскольку Бог установил данный институт, то наказание будет существовать, пока Всевышний Творец Сам его не отменит» (с. 23).

В *гл. II* монографии, посвященной философии вопроса, автор выделяет три аспекта исследования: нравственность наказания, справедливость наказания и вытекающее отсюда условие оправданности наказания – нравственность и справедливость как основания права наказания (jus puniendi)[19]. Автор подчеркивает: когда говорят о нравственности или безнравственности наказания, имеют в виду отношение к данному явлению не отдельной личности, а всего общества в целом. Поэтому в процессе образования наказания должны участвовать два принципиальных и фундаментальных фактора: нравственный уровень общества, т.е. объективный фактор, и мыслительная, познавательная деятельность – субъективный фактор.

Говоря о философском обосновании наказания, И.М. Рагимов затрагивает проблему его сущности, по поводу которой идут споры на протяжении как минимум двух столетий. Если отвлечься от нюансов, то все сводится к спору о том, образует ли сущность наказания кара сама по себе или в сочетании с другими обстоятельствами (воспитанием, убеждением, принуждением и др.) либо она выступает целью наказания[20]. Существует и достаточно своеобразная трактовка кары, данная В.К. Дуюновым; он признает ее сущностью наказания, а последнее – одной из форм реализации кары[21]. Однако очевидно: наказание, являясь карой, не может быть формой реализации самого себя.

Пожалуй, только Г.А. Кригер, характеризуя сущность последнего, не упоминает кару. Он пишет: «Сущность наказания состоит в лишении лица, виновного в совершении преступления, тех или иных благ: свободы – при лишении свободы; всего или части имущества – при конфискации имущества, штрафе, исправительных работах; права по своему усмотрению выбирать место жительства – при ссылке и высылке и т.д.»[22]. Между тем указание на лишение определенных благ, по сути, раскрывает содержание наказания, т.е. структурно-функциональную составляющую, а его обобщенная характеристика образует карательную сущность наказания.

При разрешении указанного вопроса И.М. Рагимов предлагает исходить из того, что содержание наказания как сложного явления составляют кара, угроза и возмездие. «Иначе говоря, наказание = угроза + возмездие (воздаяние) + + кара. Отличие кары от угрозы и воздаяния заключается в том, что она проявляет себя не на начальном (принятие уголовно-правовой санкции) и не на срединном (назначение конкретного наказания) этапе реализации уголовного наказания как динамического процесса, а на завершающей стадии (исполнение наказания)... Наказание немыслимо без страдания...» (с. 36). Таким образом, кара в представлении И.М. Рагимова выступает элементом содержания наказания. Поэтому, делает вывод автор, вряд ли целесообразно, да и возможно перейти от карательного воздействия к т.н. некарательному воздействию, которое, по сути, означает отрицание наказания как последствия уголовно наказуемого деяния, разрывает дихотомическую связку «преступление – наказание».

Автор приходит, на наш взгляд, к вполне обоснованному выводу: «изменение содержания наказаний путем сведения к нулю всех карательных его элементов есть мероприятие, практически несостоятельное

---

[18] По мнению Ф. Деппа, частная месть стала исчезать в период княжения Олега Вещего. Остававшаяся некоторое время за убийство, она подверглась различным ограничениям, а в XI в., по сути, исчезла совсем, уступив место выкупам (см.: *Депп Ф.* О наказаниях, существовавших до царя Алексея Михайловича. СПб., 1849. С. 7). Это видно, например, из ст. 1 Русской правды. Ограничения применения частной мести выражались в том, что: а) за убийство мог мстить только один (из близких убитого); б) устанавливалась степень родства, до которой могла осуществляться месть; в) определялось возмездие на случай сокрытия убийцы, а также в случае, если некому было осуществить месть. «Окончательную отмену частной мести должно признать актом законодательной власти, но не обычая...» (см.: *Депп Ф.* Указ. соч. С. 20).

[19] И. Кант писал: «Ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость; все другие виды зла, которые приходится нам терпеть, ничто по сравнению с ней» (см.: *Кант И.* Соч. М., 1964. Т. 2. С. 201).

[20] См. подр.: *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1977.

[21] См.: *Дуюнов В.К.* Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. 1997. № 11. С. 62.

[22] *Кригер Г.А.* Наказание и его применение. М., 1962. С. 6.

и даже в современных условиях вредное...» (с. 43). Об этом говорили еще дореволюционные авторы[23]. Так, С.П. Мокринский писал: «Центральным моментом уголовной репрессии, тем, что ее отличает от всех других форм проявления государственной воли и мощи, служит момент уголовного наказания. Как факт чувственной жизни, уголовное наказание является актом принуждения к страданию... Стоит отнять у наказания эту характерную черту – преднамеренного причинения страдания, или предположить, что данное мероприятие не по исключению, а по общему правилу, не в силах вызвать требуемого эффекта, – и всякий почувствует, что мероприятие уже не соответствует понятию наказания... С момента, когда государство перестанет реагировать на определенные факты посредством причинения страдания, должно будет исчезнуть из юридического лексикона и само это исторически сложившееся понятие»[24].

Между тем речь должна идти не о вытеснении уголовного наказания мерами общественного и воспитательного воздействия, а об их разумном параллельном сосуществовании, что позволит дифференцировать и индивидуализировать воздействие на преступников с учетом как объективных, так и субъективных факторов преступного поведения лица.

Система наказаний, по мнению И.М. Рагимова, зиждется на двух началах: нравственном и юридическом, именно учет обоих начал обеспечивает реализацию такой цели наказания, как предупреждение (общее и частное) преступлений. Автор задает вопрос: должен ли законодатель считать себя связанным с моральным мировоззрением народа? И отвечает: «он... не может игнорировать мнение общества.., ибо не исключено, что общество сочтет нравственно недозволенным... то или иное наказание... В этом случае законодатель может потерять авторитет и доверие со стороны населения. Это возможно тогда, когда наказание окажется слишком жестким, явно не соответствующим предусмотренному в законе деянию, а значит, противоречащим нравственному уровню народа. Эффекта от такого наказания ожидать не стоит» (с. 51).

В плоскости нравственности лежит вопрос и о смертной казни. Многие считают этот вид наказания безнравственным[25]. Рагимов доказывает обратное. По его мнению, смертная казнь оправдана в силу следующих причин. Во-первых, с появлением государства человек ему передал право кровной мести; таким образом, общество не создало нового права, а только использует имеющееся естественное право. «Данное негласное, добровольное соглашение между властью и индивидуумом практически означает, что не государству дано право применять смертную казнь, а преступник потерял право на жизнь» (с. 53). Во-вторых, смертная казнь оправдана с точки зрения здравого смысла, исходящего из объективной необходимости данного средства защиты общего блага от тяжких преступлений. Ни один вид наказания не обладает таким устрашающим воздействием, как смертная казнь. «Итак... – заключает автор, – смертная казнь – явление закономерное; религиозно оно благословенно и одобрено Богом; философски лишение жизни человека оправдано только как справедливое воздаяние, а не как месть; с социологической точки зрения ее бесполезность и нецелесообразность не доказаны и не подтверждены, однако психологами установлено, что страх смертной казни – серьезный барьер для потенциального преступника» (с. 54, 55).

Наряду с нравственностью оправданность существования наказания, как уже говорилось, обусловливается его справедливостью. С испокон веков она связывается с началом равенства людей; справедливым признается то, что одинаково приложимо ко всем. В современном российском уголовном праве справедливость возведена в принцип уголовного законодательства (хотя, надо заметить, фактически ориентирована на наказание и иные меры уголовно-правового характера – ст. 6 УК РФ).

Общечеловеческие нормы справедливости функционируют на двух уровнях. Нормы справедливости первого уровня – это правила поведения, без которых невозможно само существование общества, нормы второго уровня создают минимум гарантий, обеспечивающих индивиду личную безопасность[26].

Аристотель различал справедливость, связанную с распределением «почестей, имущества и всего прочего, что может быть поделено между согражданами», и справедливость, которая должна иметь место при воздаянии за причиненный вред[27]. Если первая справедливость, именуемая в литературе распределительной, должна быть пропорциональна заслугам, то вторая – уравнительная – должна быть пропорционально вреду. «Если один... причиняет вред, а другому он причинен, то закон учитывает разницу только с точки зрения вреда, а с людьми он обращается как с равными»[28].

И.М. Рагимов обоснованно замечает, чтобы обеспечить справедливость наказания, необходим

[23] См., напр.: *Мальцев Г.В.* Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012.

[24] *Мокринский С.П.* Наказание, его цели и предположения. Ч. 1. Общее и специальное предупреждение преступлений. М., 1902. С. 3.

[25] См. подр.: *Квашис В.Е.* Куда идет смертная казнь. СПб., 2011; *Рагимов И.М.* Бессмертная смертная казнь. СПб., 2017; *Чучаев А.И.* Смертная казнь как вид наказания (оценки М.Н. Гернета) // Журнал росс. права. 2003. Т. 27. № 2. С. 88; и др.

[26] См.: *Бербешкина З.А.* Справедливость как социально-философская категория. М., 1984. С. 54.

[27] См.: *Аристотель.* Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 150.

[28] Там же. С. 153.

справедливый закон, в противном случае, как сказано в книге притчей Соломоновых, «неодинаковые весы, неодинаковая мера – то и другое – мерзость перед Господом»[29].

Самая простая характеристика справедливости наказания – это его соответствие совершенному деянию[30]. «Наказание не должно внушать больше отвращения, чем проступок, – писал К. Маркс, – позор преступления не должен превращаться в позор для закона»[31].

Проблема же заключается в том, что законодатель и правоприменитель не обладают набором средств, используя которые можно математически определить соотношение тяжести учиненного преступления и вида, размера (срока) наказания. В этом случае многое зависит от правосознания судьи, влияющего на его усмотрение, и, казалось бы, от позиции апелляционной и кассационной судебных инстанций, но последние также не имеют какого-либо объективного инструментария, позволяющего обеспечить справедливость наказания.

Несомненно, рациональными представляются рассуждения И.М. Рагимова о началах jus puniendi. Об этом наглядно свидетельствует уже сама постановка вопроса: «из чего право наказания берет свое начало – из нравственности, из права необходимой обороны, принадлежащей государству, или из общественного интереса?» (с. 69). На него пытались ответить многие философы, богословы и криминалисты прошлого[32], тем интереснее, как кажется, взгляды автора по этому поводу. Он исходит из того, что на определенном этапе развития человечества на смену роду и его членам как субъектам реагирования на отклоняющееся поведение лица приходит государственная власть. И.М. Рагимов пишет: «Она и взяла на себя обязанность охранительницы заповедуемого ею внутреннего мира от всяких его нарушений. Единственно ей и стало принадлежать как право запрета известных деяний... под страхом наказания, так и право назначения и исполнения наказаний. Таким образом, право наказания перешло... к государству, потому что все члены общества отказались от него в пользу этого органа <...> общество поручило государству, так же, как и индивид, защитить его соответствующими средствами от противозаконных действий <...>. Право наказания, принадлежащее государству, составляет его обязанность...» (с. 74, 75).

Таким образом, автор в определении начал jus puniendi, как и некоторые другие пенологи, исходит из концепции общественного договора, разработанной в XVI–XVII вв. (Г. Гроций, Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, П.А. Гольбах, Суарес, Скиннер, А.Н. Радищев), однако при этом существенно обогащает «доказательственную базу», предлагая на первый взгляд простые, но оригинальные и, главное, убедительные доводы в пользу указанного учения.

Глава III монографии посвящена, как уже указывалось, социологическим проблемам обоснованности существования уголовного наказания, т.е. социальному механизму воздействия наказания как на лиц, совершивших преступление, так и на население в целом; выяснению, как, каким образом, в каких формах и насколько эффективно действует система наказаний.

Следует заметить, что в уголовно-правовой теории в целом уделяется достаточно внимания исследованию проблем эффективности уголовного наказания[33]. В частности, предпринимаются попытки определения критериев эффективности частнопредупредительного воздействия наказания, под которыми, например, Г.А. Злобин понимает «движение рецидивной преступности, изучаемое по отдельным видам наказания с учетом наиболее существенных изменений и событий,

---

[29] А.М. Яковлев писал: «Без принуждения уголовное правосудие было бы бессильным, без воспитания – бесчеловечным. Однако без справедливости правосудие вообще перестало бы существовать» (см.: *Яковлев А.М.* Принцип социальной справедливости и основания уголовной ответственности // Сов. государство и право. 1982. № 3. С. 93).

[30] К сказанному следует добавить высказывание А.А. Жижиленко, согласно которому только то наказание может считаться справедливым, которое индивидуализировано и равно для всех (см.: *Жижиленко А.А.* Очерки по общему учению о наказаниях. Пг., 1923. С. 76).

[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 131.

[32] За многие столетия сформировались разные учения об основах права наказания, например: 1) богословские – удовлетворение справедливости (Фома Аквинский, Тертулиан, св. Августин, Иоанн Златоуст и др.); воля божества (Шталь); современный вариант богословской концепции – «врачевание болезненных состояний души... грешников. Покаяние так и именуется в канонах – “врачеванием”» (см.: Протоиерей Владислав Цыпин. Каноническое право. М., 2009. С. 639) и др.; 2) философские – формальное, или аналогичное, возмездие (Кант, Цахариэ и др.); нравственное возмездие (Гербарт, Гейер и др.); диалектическое возмездие (Гегель, Гельшнер, Тренделленбург и др.); теория математического уравнения (Литтре и др.); теория экономического уравнения (Велькер, Монтескье, Беккариа, Екатерина II); государственная необходимость (Меркель, Гейнце, Лайстнер); средство самозащиты общества (К. Маркс и др.); интересы общества (Майер, Н.С. Таганцев); теория мировой справедливости (Росси); право подчинения или послушания (Биндинг, А.П. Чебышев-Дмитриев, Франк) и др.; 3) уголовно-правовые – теории абсолютные, теории относительные и смешанные (их анализ дан: *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право. С. 70); воля государственной власти, обязанность государства (И.Я. Фойницкий) и др.

[33] См. подр.: *Бытко С.И.* Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018; *Коган В.М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983; и др.

происшедших в общественной жизни в течение срока, охватываемого изучением, а также с учетом всех изменений в уголовном законодательстве»[34].

Проблемы эффективности общепредупредительного воздействия обстоятельно проанализированы в работах В.Н. Кудрявцева. Последний указанное воздействие связывает с тремя элементами представления о нежелательных последствиях совершения преступления: 1) знание о том, что за данный проступок предусмотрена ответственность; 2) знание о степени строгости этой ответственности; 3) предвидение реальности и неотвратимости наказания[35].

Исследования социологов, психологов и криминологов подтверждают, что в подобном знании заключено сдерживающее начало[36]. Однако надо учитывать, что по ценностной ориентации, антисоциальным установкам, искажениям ценностно-нормативной системы социально неустойчивая часть населения неоднородна: на одном полюсе находятся лица, боязнь которых обусловлена самим фактом уголовно-правового запрета, на другом – те, кого удерживает от преступления лишь наличие самых строгих видов наказания. Отсюда и возможные варианты поведения.

И.М. Рагимов социологию наказания представляет намного шире. По его мнению, она охватывает три направления исследования: 1) изучение социальной обусловленности законодательства по определению наказания (легальная пенализация)[37]; 2) исследование эффективности действия наказания; 3) исследование социально-психологического механизма действия наказания на население. «Отдельное место в системе социологических знаний о наказании занимает историческая социология наказания, задача которой состоит в том, чтобы предоставить в распоряжение современных исследователей теоретический опыт и практический материал, накопленный многими поколениями философов, юристов, социологов за многовековую историю развития и эволюцию идеи о наказании» (с. 79).

Кстати, попытки выявления воздействия наказания на население государства пока не привели к единому мнению криминологов и социологов. Позиции расходятся в главном – на кого оказывает влияние наказание в общепредупредительном аспекте. Согласно преобладающей точке зрения, эта цель адресована не всему населению страны, а лишь социально неустойчивой его части. Население в целом уголовным законом не воспитывается и в таком воспитании не нуждается[38].

Другая точка зрения заключается в том, что наличие наказания влияет на всех граждан. Так, А.И. Марцев считал, что коль скоро признается реальное существование самого общепредупредительного воздействия, то нет никаких оснований для исключения кого-либо из-под его влияния. При этом он предлагал различать механизм подобного воздействия. По его мнению, объективно общее предупреждение оказывает влияние на всех «граждан, подлежащих уголовной ответственности, а субъективно – на лиц с антиобщественной направленностью»[39].

По утверждению же И.М. Рагимова, страх присущ всем, в том числе, разумеется, и преступникам. По отношению к последним вопрос заключается только в степени страха.

Между тем социальная практика свидетельствует, что, несмотря на наличие даже самого строгого наказания в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы, человек нарушает уголовно-правовые запреты ради абсолютно несопоставимого блага или удовольствия: хищение чужого имущества, взяточничество (КНР, Южная Корея), потребление наркотиков (Сингапур, Таиланд) и даже прелюбодеяние (Иран). Психологическим понятием, которое, как считает автор, больше всего приближает к проблеме предупреждения (удержания) совершения указанных и им подобных деяний в уголовно-правовом аспекте, является т.н. предвидимое наказание. Но при этом должно неуклонно соблюдаться правило: наказания, которые притупляют нравственное чувство, должны быть исключены из пенологии. А.-Ф. Бернер, например, подчеркивал, что «при выборе наказаний законодатель должен обращать внимание на то,

---

[34] *Злобин Г.А.* О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии // Вопросы предупреждения преступности. М., 1965. Вып. 1. С. 64, 65.

[35] См., напр.: *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М., 1978. С. 139.

[36] Об эффективности общей превенции см.: *Максимов С.В.* Эффективность общего предупреждения преступлений против личной собственности граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1986.

[37] Как правило, социальная обусловленность законодательства вообще (криминализация/декриминализация деяния) и о наказании (пенализация/депенализация) в частности представлена в литературе по уголовно-правовой политике (см., напр.: *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. М., 2019).

[38] См.: *Стручков Н.А.* Указ. соч. С. 69.

[39] *Марцев А.И.* Специальное предупреждение преступлений. Омск, 1977. С. 49.

А.М. Яковлев подчеркивал, что «человек не совершает преступлений вовсе не из страха перед грозящим наказанием... Будущее не руководит поведением. Поведение формируется и детерминируется прошедшим и настоящим социальным опытом» (см.: *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 161). Д.А. Дриль писал: «Страх не действует и не может действовать постоянно... Необходимо, чтобы в самом человеке существовали внутренние задерживающие моменты» (см.: *Дриль Д.А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2010. С. 75).

чтобы наказания отличались такими качествами, которые служили бы гарантией как справедливости, так и пользы применения»[40].

Кроме того, многие мыслители прошлого указывали, что превентивное воздействие наказания усиливается, если правоохранительные органы и судебная система обеспечивают его применение к каждому совершившему преступление[41].

Особый социологический аспект проблемы составляет назначение наказания. В литературе обоснованно отмечается, что уголовное законодательство само по себе не дает и никогда не сможет дать ответы на вопросы, которые возникают при определении меры воздействия в отношении совершившего преступление, а лишь формирует общие начала ее определения (ст. 60 УК РФ)[42]. В связи с этим И.М. Рагимов обстоятельно анализирует вопросы возможности формализации правил назначения наказания, особое внимание обращая на появившуюся в последние годы концепцию т.н. электронного правосудия (Х. Аликперов и др.)[43]. Автор приходит к выводу, согласно которому последнее не может подменить судью, оно может лишь выступать его помощником[44].

Формализация правил назначения наказания вступает в коллизию с судейским усмотрением, т.е. осуществляемой в процессуальной форме правоприменительной деятельности, заключающейся в использовании предоставленных судье уголовно-правовыми нормами правомочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии с его правосознанием и волей законодателя, исходя из принципов права и конкретных обстоятельств совершения преступления[45]. Широкое судейское усмотрение, по сути, вносит чрезмерные субъективные начала в определение наказания, его вида и срока (размера), не исключает риск произвола; его чрезмерное сужение – не позволит суду вынести наказание с учетом всех обстоятельств совершенного преступления. Рагимов видит выход из создавшегося положения за счет «математизации» процесса назначения наказания. «Математические методы соизмерения преступления и наказания, – пишет он, – могли бы стать вспомогательным инструментом, облегчающим деятельность судей и помогающим избежать ошибок» (с. 138).

Глава V монографии и заключение, на наш взгляд, представляют особый интерес, в них представлено авторское видение путей повышения и системного подхода к повышению эффективности наказания. Вначале Рагимов рассматривает вопросы общего характера, исследует возможности данной меры уголовно-правового воздействия и определяет возможные уровни ее эффективности в целом. Исходя из высказанного ранее в литературе мнения об эффективности наказания как соотношения целей уголовного наказания и фактически достигнутых результатов, он делает несколько обоснованных оговорок: во-первых, квантификационные (качественные характеристики, выражаемые через количественные индикаторы) показатели должны охватывать все цели, с выделением при этом главной, перспективной и непосредственной, с их согласованием с общегосударственными задачами совершенствования общественных отношений и воспитания личности; во-вторых, уточнение целей наказания и научное прогнозирование социальных результатов уголовно-правового воздействия; в-третьих, определение конкретных критериев оценки реализации целей наказания. После этого автор делает вывод: «Эффективность – это качественно-количественная характеристика, отражающая определение соотношения целей и результатов. Исходя из такого взгляда на понятие эффективности, мы рассматриваем эффективность наказания как соотношение между фактическим результатом действия наказания и теми социальными целями, для достижения которых оно применяется» (с. 175).

Для определения эффективности наказания И.М. Рагимов предлагает следующий план

---

[40] *Бернер А.* О смертной казни / пер. с нем. и под ред. О.А. Филиппова. СПб., 1865. С. 59.

[41] А.Ф. Мицкевичем выявлена связь между возрастом респондентов и их отношением к возможности наказания. С возрастом сознание неизбежности наказания становится характерным для бóльшего количества опрошенных (от 31% среди 18–24-летних до 44% среди 35–40-летних), почти полностью исчезает уверенность в ненаказуемости и несколько снижается доля лиц, не думавших о возможности наказания. Вместе с тем эта закономерность просматривается лишь до 40-летнего возраста. Среди более старших осужденных наблюдается снижение доли лиц, считающих, что их накажут за преступление, и значительно возрастает доля лиц, уверенных в безнаказанности (до 10%) (см.: *Мицкевич А.Ф.* Об особенностях действия угрозы уголовного наказания // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987. С. 162).

[42] См. об этом подр.: *Дядькин Д.С.* Теоретико-методологические основы назначения наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

[43] Критику концепции см.: *Непомнящая Т.В.* Мера уголовного наказания: Проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010; *Мицкевич А Ф.* Уголовное наказание: понятие, цели и механизм. СПб., 2005.

[44] Как отмечал Ф.М. Достоевский, «преступление нельзя сравнивать одно с другим, даже приблизительно. Например: и тот и другой убил человека; взвешены обстоятельства обоих дел; и по тому и другому делу выходит почти одно и то же наказание. А между тем посмотрите, какая разница в преступлениях. Один, например, зарезал человека так, за ничто, за луковицу... А другой убил, защищая от сладострастного тирана честь невесты, сестры, дочери. Один убил, защищая свою свободу, жизнь, нередко умирая от голодной смерти; а другой режет молоденьких детей из удовольствия резать...» (см.: *Достоевский Ф.М.* Записки из мертвого дома. М., 1983. С. 66, 67).

[45] См.: *Грачева Ю.В.* Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики. М., 2011. С. 8.

действий: 1) определить цели и результаты наказания; 2) найти показатели эффективности достижения каждой цели в отдельности посредством соотношения результатов и постулированных целей; 3) определить общий показатель эффективности наказания путем анализа суммы всех показателей; 4) установить ступень эффективности (высокоэффективная, среднеэффективная, малоэффективная, неэффективная).

Однако, как обоснованно замечает автор, наказание даст прогнозируемый результат только в том случае, если будет решена проблема, над которой бьются на протяжении многих веков лучшие умы человечества, – будут выявлены причины преступности, установлен источник преступного поведения человека.

Еще одна проблема, на которую обращается внимание в работе и которая напрямую связана с эффективностью наказания, – построение санкций уголовно-правовых норм. К сожалению, необходимо констатировать: уголовно-правовая наука пока не выработала правил их конструирования, хотя в последнее время и появляются исследования в этой области[46].

Говоря о системе повышения эффективности наказания, И.М. Рагимов выделяет следующие ее черты: 1) представляет собой упорядоченную совокупность мер; 2) каждая мера, имея определенную самостоятельность и качественную обособленность, взаимосвязана и взаимодействует с другими мерами, входящими в систему; 3) функция системы несводима к функции отдельно взятой меры; 4) познание данной системы предполагает установление ее сути как целостного образования, так и отдельных ее элементов; 5) система должна быть четко структурированной, следовательно, каждая мера имеет в ней строго определенное место.

«Системный характер проблемы эффективности наказания, – пишет автор, – делает ее комплексной, междисциплинарной» (с. 224).

* * *

В заключение обратимся к заголовку статьи и продолжим начатое предложение. Наказание, как считает И.М. Рагимов, оправдано: 1) историей, поскольку оно закономерно; 2) религией, так как оно одобрено Богом; 3) философией, если оно нравственно и справедливо; 4) социологией, если оно полезно. По сути, в этом заключаются нравственно-правовые ориентиры, адресованные законодателю, правоприменителю и науке.

[46] См., напр.: *Простосердов М.А.* Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель.* Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4.
2. *Белогриц-Котляревский А.Ф.* Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903.
3. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства // Избр. соч. Иеремии Бентама. Библиотека классических западноевропейских писателей в русском переводе. Т. 1 / пер. А.Н. Пыпина, А.Н. Неведомского; предисл. Ю.Г. Жуковского. СПб., 1867.
4. *Бербешкина З.А.* Справедливость как социально-философская категория. М., 1984.
5. *Бернер А.* О смертной казни / пер. с нем. и под ред. О.А. Филиппова. СПб., 1865.
6. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. Т. 1. Часть Общая. СПб., 1865.
7. *Богдановский А.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857.
8. *Будзинский С.* Начала уголовного права. Варшава, 1870.
9. *Бытко С.И.* Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018.
10. *Грачева Ю.В.* Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики. М., 2011.
11. *Депп Ф.* О наказаниях, существовавших до царя Алексея Михайловича. СПб., 1849. С. 7.
12. *Дистервег А.* Избр. педагогические соч. М., 1956.
13. *Достоевский Ф.М.* Записки из мертвого дома. М., 1983.
14. *Дриль Д.А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2006.
15. *Дуюнов В.К.* Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. 1997. № 11.
16. *Дядькин Д.С.* Теоретико-методологические основы назначения наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
17. *Жижиленко А.А.* Очерки по общему учению о наказаниях. Пг., 1923.
18. *Жиряев А.С.* Общая часть уголовного права // Юридический вестник. 1863. Вып. XXXI.
19. *Злобин Г.А.* О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии // Вопросы предупреждения преступности. М., 1965. Вып. 1.
20. *Квашис В.Е.* Куда идет смертная казнь. СПб., 2011.
21. *Коган В.М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983.
22. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. М., 2019.
23. *Кригер Г.А.* Наказание и его применение. М., 1962.
24. *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М., 1978. С. 139.
25. *Максимов С.В.* Эффективность общего предупреждения преступлений против личной собственности граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1986.

26. *Мальцев Г.В.* Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012.

27. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1.

28. *Марцев А.И.* Специальное предупреждение преступлений. Омск, 1977.

29. *Мицкевич А.Ф.* Об особенностях действия угрозы уголовного наказания // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987.

30. *Мицкевич А.Ф.* Уголовное наказание: понятие, цели и механизм. СПб., 2005.

31. *Мокринский С.П.* Наказание, его цели и предположения. Ч. 1. Общее и специальное предупреждение преступлений. М., 1902.

32. *Непомнящая Т.В.* Мера уголовного наказания: Проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

33. *Оуэн Р.* Образование человеческого характера. СПб., 1865.

34. *Познышев С.В.* К вопросу о праве наказания // Журнал гражданского и уголовного права. 1897. № 4.

35. *Простосердов М.А.* Теория санкций в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024.

36. *Рагимов И.М.* Бессмертная смертная казнь. СПб.,2017.

37. *Рагимов И.М.* Оправдание наказания. Исторические, религиозные, философские, социологические аспекты. СПб., 2024.

38. *Савенков А.Н.* Первоосновы уголовного права: новое направление исследований (по страницам кн.: Рагимов И.М. Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. СПб.: Ассоциация «Юридический центр», 2023) // Государство и право. 2024. № 3.

39. *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. Пг., 1915.

40. *Сергеевский Н.Д.* Философские приемы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1878. Кн. 2.

41. *Соловьев В.С.* Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899.

42. *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. СПб., 1863.

43. *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1977.

44. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. М., 1994. Т. 2.

45. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000.

46. *Чебышев-Дмитриев А.П.* О праве наказания. Ярославль, 1859.

47. *Чучаев А.И.* Jus puniendi как исходная точка в осмыслении феномена наказания // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. Т. 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 1. Понятие уголовного наказания / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2020.

48. *Чучаев А.И.* Jus puniendi (исторический очерк) // Lex russica. 2011. № 3.

49. *Чучаев А.И.* Смертная казнь как вид наказания (оценки М.Н. Гернета) // Журнал росс. права. 2003. Т. 27. № 2.

50. *Чучаев А.И.* Л. Толстой: «Наказание ... озлобляет того, кого наказывают... развращает того, кто наказывает» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2014.

51. *Яковлев А.М.* Принцип социальной справедливости и основания уголовной ответственности // Сов. государство и право. 1982. № 3.

52. *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. М., 1985.

REFERENCES

1. *Aristotle.* Essays: in 4 vols. M., 1983. Vol. 4 (in Russ.).

2. *Belogrits-Kotlyarevsky A.F.* Textbook of Russian Criminal Law. General and Special parts. Kiev, 1903 (in Russ.).

3. *Bentham J.* Introduction to the foundation of morality and legislation // Selected writings of Jeremy Bentham. Library of classical Western European writers in Russian translation. Vol. 1 / transl. A.N. Pypin, A.N. Nevedomsky; intro Yu. G. Zhukovsky. St. Petersburg, 1867 (in Russ.).

4. *Berbeshkina Z.A.* Justice as a socio-philosophical category. M., 1984 (in Russ.).

5. *Berner A.* On the death penalty / transl. from it and ed. by O.A. Filippov. St. Petersburg, 1865 (in Russ.).

6. *Berner A.F.* Textbook of Criminal Law. Parts General and Special. Vol. 1. Part General. St. Petersburg, 1865 (in Russ.).

7. *Bogdanovsky A.* The development of concepts of crime and punishment in Russian law before Peter the Great. M., 1857 (in Russ.).

8. *Budzinsky S.* The beginning of criminal law. Warsaw, 1870 (in Russ.).

9. *Bytko S.I.* The effectiveness of the preventive effect of criminal punishment on crime: theoretical and applied aspects: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2018 (in Russ.).

10. *Gracheva Yu.V.* Judicial discretion in the implementation of criminal law norms: problems of lawmaking, theory and practice. M., 2011 (in Russ.).

11. *Depp F.* About the punishments that existed before Tsar Alexei Mikhailovich. St. Petersburg, 1849. P. 7 (in Russ.).

12. *Disterveg A.* Selected pedagogical works. M., 1956 (in Russ.).

13. *Dostoevsky F.M.* Notes from the dead house. M., 1983 (in Russ.).

14. *Drill D.*A. Crime and criminals. The doctrine of crime and measures to combat it / comp. and preface by V.S. Ovchinsky. M., 2006 (in Russ.).

15. *Duyanov V.K.* Punishment in the criminal law of Russia – coercion or punishment? // State and Law. 1997. No. 11 (in Russ.).

16. *Dyadkin D.S.* Theoretical and methodological foundations of sentencing: dis. ... PhD in Law. M., 2009 (in Russ.).

17. *Zhizhilenko A.A.* Essays on the general doctrine of punishments. Petrograd, 1923 (in Russ.).

18. *Zhiryaev A.S.* The General part of Criminal Law // Legal Herald. 1863. Iss. XXXI (in Russ.).

19. *Zlobin G.A.* On the methodology of studying the effectiveness of criminal punishment in Soviet Criminal Law and criminology // Crime prevention issues. M., 1965. Iss. 1 (in Russ.).
20. *Kvashis V.E.* Where the death penalty goes. SPb., 2011 (in Russ.).
21. *Kogan V.M.* The social mechanism of criminal law impact. M., 1983 (in Russ.).
22. *Korobeev A.I.* Criminal law policy: from genesis to crisis. M., 2019 (in Russ.).
23. *Kriger G.A.* Punishment and its application. M., 1962 (in Russ.).
24. *Kudryavtsev V.N.* Law and behavior. M., 1978. P. 139 (in Russ.).
25. *Maksimov S.V.* Effectiveness of general prevention of crimes against personal property of citizens: dis. ... PhD in Law. Omsk, 1986 (in Russ.).
26. *Maltsev G.V.* Revenge and retribution in ancient law. M., 2012 (in Russ.).
27. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 1 (in Russ.).
28. *Martsev A.I.* Special crime prevention. Omsk, 1977 (in Russ.).
29. *Mitskevich A.F.* On the specifics of the threat of criminal punishment // Current issues of state and law in the period of improvement of socialist society. Tomsk, 1987 (in Russ.).
30. *Mitskevich A.F.* Criminal punishment: concept, goals and mechanism. SPb., 2005 (in Russ.).
31. *Mokrinsky S.P.* Punishment, its goals and assumptions. Part 1. General and special prevention of crimes. M., 1902 (in Russ.).
32. *Nepomnyashchaya T.V.* Measure of criminal punishment: Problems theories and practices: dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2010 (in Russ.).
33. *Owen R.* Education of human character. St. Petersburg, 1865 (in Russ.).
34. *Poznyshev S.V.* On the question of the right of punishment // Journal of Civil and Criminal Law. 1897. No. 4 (in Russ.).
35. *Prostoserdov M.A.* Theory of sanctions in the Criminal Law of Russia: dis. ... Doctor of Law. M., 2024 (in Russ.).
36. *Ragimov I.M.* The immortal death penalty. SPb., 2017 (in Russ.).
37. *Ragimov I.M.* Justification of punishment. Historical, religious, philosophical, sociological aspects. SPb., 2024 (in Russ.).
38. *Savenkov A.N.* The fundamentals of criminal law: a new direction of research (according to the pages of the book: Ragimov I.M. Crime and punishment in world religions. Historical, religious, legal and philosophical aspects. St. Petersburg: Association "Law Center", 2023) // State and Law. 2024. No. 3 (in Russ.).
39. *Sergeevsky N.D.* Russian Criminal Law: textbook for lectures. General Part. Petrograd, 1915 (in Russ.).
40. *Sergeevsky N.D.* Philosophical techniques and the science of Criminal Law // Journal of Civil and Criminal Law. 1878. Book 2 (in Russ.).
41. *Solovyov V.S.* Law and morality. Essays from applied ethics. St. Petersburg, 1899 (in Russ.).
42. *Spasovich V.D.* Textbook of Criminal Law. St. Petersburg, 1863 (in Russ.).
43. *Struchkov N.A.* Criminal liability and its implementation in the fight against crime. Saratov, 1977 (in Russ.).
44. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law. General part: in 2 vols. M., 1994. Vol. 2 (in Russ.).
45. *Foynitsky I. Ya.* The doctrine of punishment in connection with prison studies. M., 2000 (in Russ.).
46. *Chebyshev-Dmitriev A.P.* On the right of punishment. Yaroslavl, 1859 (in Russ.).
47. *Chuchaev A.I.* Jus puniendi as a starting point in understanding the phenomenon of punishment // Criminal Law. The General part. Punishment. Academic course. Vol. 1. The concept and goals of criminal punishment. The system of criminal punishment. Book 1. The concept of criminal punishment / ed. by N.A. Lopashenko. M., 2020 (in Russ.).
48. *Chuchaev A.I.* Jus puniendi (historical essay) // Lex russica. 2011. No. 3 (in Russ.).
49. *Chuchaev A.I.* The death penalty as a type of punishment (estimates by M.N. Gernet) // Journal of Russian Law. 2003. Vol. 27. No. 2 (in Russ.).
50. *Chuchaev A.I.* L. Tolstoy: "Punishment... embitters the one who is punished... corrupts the one who punishes" // Criminal Law: development strategy in the XXI century: materials of the XI International Scientific and Practical Conference. M., 2014 (in Russ.).
51. *Yakovlev A.M.* The principle of social justice and the grounds of criminal responsibility // The Soviet State and Law. 1982. No. 3 (in Russ.).
52. *Yakovlev A.M.* Theory of criminology and social practice. M., 1985 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧУЧАЕВ Александр Иванович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHAEV Aleksandr I. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 91–102
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 91–102

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

УДК 342.7

ПРАВО НА БИОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

© 2024 г. И. А. Умнова-Конюхова*, И. А. Алешкова**

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва

**E-mail: ikonyukhova@yandex.ru*
***E-mail: ialeshkova@mail.ru*

Поступила в редакцию 09.07.2024 г.

Аннотация. В статье исследуется право на биологическую безопасность человека во взаимосвязи с другими правами человека. Отмечается, что одним из новых видов безопасности, требующих согласованной индивидуальной и коллективной защищенности, является биологическая безопасность. Выявляются особенности природы и содержания права на биологическую безопасность во взаимосвязи с фундаментальными правами на жизнь, на охрану здоровья и на неприкосновенность человека. Раскрывается функциональная роль права на биологическую безопасность в системе прав человека нового поколения. Выявляется место права на биологическую безопасность в системе биоправ. Обращается внимание на бинарную связь между правом на биологическую безопасность и обязанностью заботиться о своем здоровье. Формулируется вывод о необходимости совершенствования правового регулирования и институционализации права на биологическую безопасность.

Ключевые слова: система прав человека, права человека нового поколения, право на биологическую безопасность, право на жизнь, право на охрану здоровья, право на неприкосновенность, биоправа, обязанность заботиться о своем здоровье.

Цитирование: *Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.* Право на биологическую безопасность в системе прав человека // Государство и право. 2024. № 11. С. 91–102.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда https://rscf.ru/project/23-28-000113/ (тема «Право на биологическую безопасность в Российской Федерации: актуальные проблемы правового регулирования и судебной защиты», № 23-28-00113).

DOI: 10.31857/S1026945224110087

THE RIGHT TO BIOLOGICAL SAFETY IN THE HUMAN RIGHTS SYSTEM

© 2024 I. A. Umnova-Konyukhova*, I. A. Aleshkova**

The Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow

**E-mail: ikonyukhova@yandex.ru*
***E-mail: ialeshkova@mail.ru*

Received 09.07.2024

Abstract. The article examines the right to human biological safety in relation to other human rights. It is noted that biological safety is one of the new types of safety that require coordinated individual and collective protection. The peculiarities of the nature and content of the right to biological safety in relation to the fundamental rights to life, to health protection and to human integrity are revealed. The functional role of the right to biological safety in the human rights system of the new generation is revealed. The place of the right to biological safety in the bio-rights system is revealed. Attention is drawn to the binary relationship between the right to biological safety and the duty to take care of one's health. The conclusion is formulated about the need to improve the legal regulation and institutionalization of the right to biological safety.

Key words: human rights system, human rights of a new generation, the right to biological safety, the right to life, the right to health protection, the right to inviolability, bio-rights, the duty to take care of one's health.

For citation: *Umnova-Konyukhova, I.A., Aleshkova, I.A.* (*2024).* The right to biological safety in the human rights system // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 91–102.

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation https://rscf.ru/project/23-28-000113 / (topic: The right to biological safety in the Russian Federation: actual problems of legal regulation and judicial protection", No. 23-28-00113.).

Введение

Система прав человека на международно-правовом уровне рассматривается в современной правовой науке как универсальная и устоявшаяся, несмотря на разнообразные оценки ее содержания и развития[1]. Между тем в научных дискуссиях все чаще поднимается вопрос о трансформации системы прав человека и, соответственно, о важности, во-первых, изменения объема и содержания универсальных прав человека[2], расширения перечня прав как таковых (посредством регламентации новых подсистем экологических, цифровых, биологических, репродуктивных, соматических, генетических и др.)[3]; во-вторых, развития концепции общего блага[4]; в-третьих, усиления значимости в системе прав человека такого элемента, как безопасность[5]; в-четвертых, совершенствования гарантий, выражающихся в закреплении дополнительных мер обеспечения человекосберегающих прав на охрану здоровья, здоровый образ жизни, здоровое питание, биологическую идентичность и т.д.[6]; в-пятых, формулирования новых правовых принципов для развития следующих поколений прав человека в будущем[7].

На наш взгляд, трансформация системы прав человека в обозначенных аспектах вызвана целым рядом факторов: появлением новых рисков и угроз для жизни и здоровья человека; интенсивным развитием технологий, в том числе цифровых

[1] См., напр.: *Карташкин В.А.* Права человека и принципы международного права в XXI веке. М., 2018; *Савенков А.Н., Колотова Н.В.* Цивилизационный подход к правам человека: к 75-летию Всеобщей декларации прав человека // Государство и право. 2023. № 11. С. 108–123; *Heri C.* Deference, Dignity and "Theoretical Crisis": Justifying ECtHR Rights between Prudence and Protection // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24. Iss. 1. URL: https://academic.oup.com/hrlr/article/24/1/ngad032/7456742 (дата обращения: 02.06.2024); *Smith J., Goodhart M.* Human rights globalization: How local and global actions institutionalize human rights // Journal of Human Rights. 2024. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 125–133.

[2] См.: Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018; Права человека: между прошлым и будущим / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой, Н.В. Колотовой. М., 2021; *Brysk A.* The future of human rights: A research agenda // Journal of Human Rights. 2022. Vol. 21. Iss. 2. P. 117; *Варламова Н.В., Васильева Т.А.* Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2023. № 3. С. 165–187; *Forman L.* From the Universal Declaration of Human Rights to a Pandemic Treaty: Will a Right to Medicines Forever be 'Under Construction'? // Journal of Human Rights Practice. 2023. Vol. 15. Iss. 3. Pp. 715–726; и др.

[3] См.: *Талапина Э.В., Антопольский А.А., Монахов В.Н.* Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект / отв. ред. Э.В. Талапина. М., 2021; *Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.* Права человека и этика в условиях развития информационных цифровых технологий и биоинженерии // Государство и право. 2021. № 9. С. 75–89; Право и биомедицина / отв. ред. Ф.В. Цомартова. М., 2021; Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации: науч.-практ. пособие / отв. ред. Л.К. Терещенко. М., 2023; и др.

[4] См.: *Лихтер П.Л.* Правовая категория «общее благо» в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // Lex russica. 2019. № 4 (149). С. 78–84; *Козлова Н.В., Филиппова С.Ю.* Общее благо и частный интерес: к вопросу о сущности, значении и соотношении при решении отдельных гражданско-правовых споров // Хозяйство и право. 2023. № 6. С. 13–39; и др.

[5] См.: Труды ИГП РАН. 2013. № 1. Тема номера – «Права человека и национальная безопасность» / отв. ред. Е.А. Лукашева.

[6] См.: *Белялетдинов Р.Р.* Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ. М., 2019; *Никитина Е.Е.* Безопасность личности в конституционно-правовом измерении // Журнал росс. права. 2022. № 8. С. 33–46.

[7] См.: *Клеандров М.И.* Иной Разум и право // Государство и право. 2021. № 10. С. 41–61; *Умнова-Конюхова И.А.* Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии. М., 2021; и др.

и биомедицинских, не только создавших дополнительные возможности для обеспечения права на жизнь и здоровье человека, но и усиливших уязвимость человека; противоречивым регулированием гарантий прав человека в региональных международных и национальных правовых системах; отсутствием единства в биоэтических подходах к правовым ограничениям использования некоторых новых правовых возможностей по расширению физических, психических, репродуктивных и иных способностей человека и др. На фоне усиления влияния данных факторов на жизнь человека выявилась потребность в формировании сбалансированного и согласованного с законными интересами других субъектов правоотношений и правовых притязаний права на обеспечение безопасности человека и социума.

Одним из новых видов безопасности, требующих согласованности индивидуальной и коллективной защищенности, является биологическая безопасность. Она имеет двойственную природу, ибо в ней сочетаются персональные и групповые потребности в защите человека и общества как фундаментальной публично-правовой цели и ценности.

Ключевым системообразующим элементом биологической безопасности являются принципы прав человека о высшей ценности человека, его жизни и здоровья, свободе и достоинстве, равенстве, индивидуальном благополучии и др. Этот базисный уровень правового регулирования исследуется, как правило, в аксиологическом, нормативно-ценностном и нравственно-правовом измерениях[8]. Так, рассматривая практику влияния биоэтических принципов на развитие концепции о биологической безопасности, А.А. Мохов сформулировал следующие принципы, способные оказать позитивное воздействие на формирование правового регулирования в области обеспечения биологической безопасности: уважения достоинства человека (от зачатия до смерти, погребения); бережного отношения к природе, окружающей среде; недискриминации (по фенотипу, генотипу, заболеванию и др.); неприкосновенности личности (изъятия могут устанавливаться только федеральным законом) с закреплением пределов возможных вмешательств (в телесную сферу, психику, геном и др.); предосторожности[9].

В XXI в. число государств, принимающих законы о биологической безопасности, неуклонно растет. Вместе с тем, общего подхода к пониманию содержания права на биологическую безопасность не сформировано. Чаще всего отмечается лишь коллективный и социальный характер биологической безопасности, в то время как важное значение имеют индивидуальный и поколенческий аспекты. В частности, в Российской Федерации среди субъектов права на биобезопасность не называются человек и будущие поколения, в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 429-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» объектом защиты определяются лишь население и окружающая среда.

Полагая, что в современном мире право на биологическую безопасность следует считать одним из фундаментальных, жизненно важных притязаний человека, рассмотрим его природу и место в современной системе прав человека.

Право на биологическую безопасность: особенности природы и содержания во взаимосвязи с фундаментальными правами на жизнь, на охрану здоровья и на неприкосновенность

На наш взгляд, право на биологическую безопасность, несмотря на его формальное отсутствие в перечне международно признанных и конституционных прав человека, может быть выявлено как основное право смешанного типа (гибридное право).

В самом общем понимании право на биологическую безопасность означает право человека и коллективного субъекта (населения, народов, социальных групп) на защиту от биологических рисков и опасных биологических факторов. Обеспечение данного права подразумевает надлежащее правовое регулирование (законодательство о биобезопасности, институциональные механизмы охраны здоровья и охрану окружающей среды от опасных биологических факторов, получение от органов публичной власти, а также от соответствующих организаций информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, о принимаемых мерах, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (опасностей); внесение предложений о мерах по обеспечению биологической безопасности).

Раскрывая содержание права на биологическую безопасность, следует отметить, что по целеполаганию оно является сложной составной конструкцией, состоящей из нескольких частей, соединенных между собой тремя основными ценностями – жизнью человека, его здоровьем и неприкосновенностью. В этой аксиологической связи право на биологическую безопасность взаимодействует с правами, вытекающими из обладания данными благами-ценностями.

[8] В частности, см. об этом: *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009; *Мохов А.А.* Биоэтические принципы и биологическая безопасность // Медицинское право. 2021. № 4. С. 16–21.

[9] См.: *Мохов А.А.* Указ. соч. С. 16, 17.

Исходя из вышеизложенного, правовая природа права на биологическую безопасность и системная взаимосвязь с другими правами характеризуется следующими особенностями. Во-первых, данное право относится одновременно к личным, экологическим и социальным правам человека. Оно является производным от прав на личную безопасность, на экологическую безопасность и на благополучие человека.

Во-вторых, это право является относительным в отличие от таких абсолютных прав, как права на жизнь, на охрану здоровья, на неприкосновенность. Относительный характер обусловлен тем, что человек, например, сам добровольно выбирает работу, которая может быть связана с биологической опасностью, или же принимает (субъективное) решение, исходя из своего усмотрения, использовать биотехнологии, или, исходя из своего гражданского долга, осуществляет спасение людей, в том числе и в определенных ситуациях, связанных с биологическим риском.

В-третьих, данное право имеет особую взаимосвязь с правами на жизнь, на охрану здоровья, на неприкосновенность, так как служит их правовой гарантией.

В-четвертых, очевидна взаимосвязь права на биологическую безопасность с правом на благоприятную окружающую среду и другими экологическими правами, обусловленными притязаниями на качественную среду обитания человека, особо значимую для жизни и здоровья человека.

В-пятых, проглядывается определенная связь права на биобезопасность с социальными правами, обеспечивающими социальную среду для воспроизводства и развития человека как биосоциального существа, т.е. его благополучия.

Структурные характеристики права на биологическую безопасность человека включают по меньшей мере четыре ключевых компонента: наличие комплекса мер, обеспечивающих защищенность генотипа, организма и биологических функций человека; устойчивость допустимого уровня биологического риска; доступность значимых для существования человека ресурсов (воды, питания, тепла, света, воздуха и др.), обеспечивающих биологическое благополучие человека; достоверность и своевременность информации в области обеспечения биологической безопасности.

Основными объектами права на биобезопасность выступают следующие ценности: жизнь и здоровье, личная неприкосновенность и идентичность человека, благоприятная окружающая среда как среда обитания и условия жизнедеятельности человека. Данные объекты традиционно признаются на конституционном уровне высшей ценностью, рассматриваются как первооснова целой группы личных прав человека, подразумевающих защищенность физической, физиологической, психической и биологической природы человека.

В контексте взаимосвязи с правами на жизнь и на охрану здоровья право на биологическую безопасность выступает одной из гарантий названных фундаментальных прав.

Выполнение задачи по защите и реализации прав на жизнь и на охрану здоровья осуществляется с помощью комплекса мер, направленных на обеспечение в том числе и биологической безопасности человека. При этом выполняются функции, значимые не только для человека, но и для его потомства и будущих поколений.

В условиях стремительного развития биотехнологий, а также возрастающего влияния биологических рисков на жизнь и здоровье человека происходит расширение перечня притязаний человека.

Определяя элементы, составляющие содержание права на биологическую безопасность, следует выделить четыре блока правомочий, взаимосвязанных с правами на жизнь и на охрану здоровья:

1) на охрану и защиту жизни человека (не причинять вреда организму и здоровью; обеспечить защищенность жизни от биологических угроз и факторов; оказать помощь по спасению жизни и др.);

2) на неприкосновенность человека как биологического существа (не причинять вреда телу и биологическим показателям человека; не предпринимать действий, способствующих появлению угрозы жизни и здоровью; не нарушать биологические характеристики человека, определяющие его биологическую идентичность и др.);

3) на свободное распоряжение собственной жизнью в установленных пределах (возможность добровольно поставить собственную жизнь под угрозу при отсутствии намерения привести к смерти и при наличии условий реализации права, исключающих угрозу жизни других лиц; занятие некоторыми видами деятельности, предполагающими угрозу жизни; отказ от медицинской помощи, если в случае такого отказа возникает угроза жизни; трансплантация органов и (или) тканей, представляющая опасность для жизни; участие в медико-биологических испытаниях и экспериментах генной инженерии, создающих риск для жизни и здоровью и др.);

4) по защите от действующих и новых вызовов и угроз биобезопасности, вызываемых бактериологическим, вирусным и иным патогенным, паразитическим и прочим биологическим загрязнением, способным привести к массовой гибели и/или нанести вред жизни

и здоровью людей. Реализация данного правомочия подразумевает обоснованное гигиеническое и санитарно-эпидемиологическое нормирование содержания вредных веществ, вирусов, бактерий, грибов и других патогенов в окружающей среде.

Пандемия COVID-19, с одной стороны, показала связанность всех людей как «био»существ, зависящих в том числе от ответственного отношения к устанавливаем в области биобезопасности требованиям, с другой – подтвердила неразрывность общественного здоровья с биобезопасностью[10]. Исходя из этого, полагаем, что в целях обеспечения их эффективной реализации государствам необходимо принимать соответствующие меры, направленные на устранение причин плохого здоровья; предоставление консультативных и образовательных услуг для укрепления здоровья; поощрение индивидуальной ответственности в вопросах здоровья; предотвращение, насколько это возможно, эпидемических, эндемических и других заболеваний.

Целый ряд гарантий правовой защиты жизни и здоровья человека уже сформирован и определен на международном и внутригосударственном правовом уровнях. Однако появление новых биотехнологических вызовов и угроз обусловливает потребность расширения перечня правовых гарантий. Представляется, что на государственном уровне необходимо создание таких условий, при которых должным образом будут спрогнозированы, минимизированы, предупреждены и устранены угрозы биологических рисков, а также обеспечены правовые гарантии, сочетающие защищенность генотипа, человеческого организма и биологических функций человека.

Право на биологическую безопасность в системе прав человека нового поколения

В современной научной литературе все больше внимания обращается не только на взаимосвязь универсальных фундаментальных прав человека, но и на права человека нового поколения[11]. Каталог универсальных (основных) прав человека существенно расширяется[12]. Обусловлено это стремительным развитием биотехнологического прогресса, создающего биологически опасные факторы, способные оказать влияние как на жизнь человека в целом, так и на его генетику, от которой зависят жизненно важные функции организма и продолжение рода человеческого.

В научной литературе к числу новых личных прав относят такие, как право на гендерную идентичность (в ряде случаев отмеченное право определяется как право на уважение гендерной идентичности)[13], право на генетическую идентичность[14], право на неприкосновенность генома человека[15]. К новым правам следует отнести и право на биологическую безопасность (на биобезопасность).

В условиях появления новых личных прав взаимосвязь права на биологическую безопасность с правом на неприкосновенность личности может быть рассмотрена более широко и в новых интерпретациях. Важно учитывать, что само право на неприкосновенность личности имеет комплексный характер и зачастую рассматривается учеными как межотраслевая категория[16].

Само право на биологическую безопасность относится уже к правам четвертого поколения. Поколенческая характеристика данного права производна от его принадлежности к группе биоправ, большинство из которых также относится именно к правам четвертого поколения.

В корреляции права на биологическую безопасность с неприкосновенностью индивида речь идет о защите биологической идентичности человека. Среди условий этой идентичности на первое место правоведы сегодня ставят генетическую неприкосновенность как часть физической целостности и индивидуальности человека. При этом право на физическую неприкосновенность и право на неприкосновенность генома человека в научной литературе рассматриваются с точки зрения

---

[10] См.: *Цомартова Ф.В., Путило Н.В.* Общественное здоровье: от принципа управления здравоохранением до конституционно-правовой ценности // Журнал росс. права. 2023. Т. 27. № 1. С. 93–109.

[11] См.: *Сазин С.Т.* Понятие, сущность и взаимосвязь конституционных прав на жизнь и на охрану здоровья // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 39; *Умнова-Конюхова И.А.* Право быть человеком – фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 41.

[12] См.: *Никитина Е.Е.* Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал росс. права. 2020. № 8. С. 27–44.

[13] См.: *Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.* Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // Актуальные проблемы росс. права. 2022. № 10. С. 34–45.

[14] См.: *Богданова Е.Е.* Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex russica. 2019. № 6. С. 18–29.

[15] См.: Физические лица как субъекты российского гражданского права / отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. М., 2022.

[16] См.: *Никитина В.С.* Неприкосновенность личности как межотраслевая категория права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 41–53; *Кравец И.А.* Биоэтические векторы достоинства и культурного разнообразия в конституционной и международной биоюриспруденции: перспективы конституционализации биобезопасности и достижения биоэтического благополучия // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 7–17; и др.

особенностей как клеток человека, так и его организма в целом[17].

В условиях развития биотехнологий новое содержание получает взаимосвязь права на биологическую безопасность с правом на благополучие. Эта взаимосвязь характеризуется потребностью обеспечить качественный уровень жизни человека и создать правовую основу для возмещения вреда (с учетом его тяжести), причиненного здоровью человека злоупотреблениями в биотехнологиях. В современном понимании права на благополучие в нем выделяются такие правомочия, как возможность здорового или полноценного питания, доступ к источникам чистой воды, защищенность от эпидемий и пандемий и др. Внедрение технологий по производству ГМО, биодобавок, БАДов, т.н. полезных бактерий и пр. создают риски благополучию, здоровью и жизни человека при использовании названных правомочий.

Следует отметить, что вопрос о праве на благополучие давно привлекает исследователей[18]. Изначально доминировал взгляд на понимание благополучия как психологического восприятия факторов, из которых складывается состояние ощущений и общих чувств. В современной интерпретации выделяют различные формы выражения благополучия: физическое, духовное, социальное, материальное, профессиональное, финансовое благополучие, благополучие в среде проживания[19] и др.

Несмотря на то что право на благополучие только начинает развиваться в рамках современной юридической науки как самостоятельное[20], в научных публикациях уже отмечают его непосредственную взаимосвязь с правом на безопасность в целом и на биологическую безопасность в частности.

Составной частью благополучия является состояние защищенности от опасных биологических факторов и обеспеченность права на охрану здоровья и медицинскую помощь. По определению Всемирной организации здравоохранения, «здоровье – это не только отсутствие болезни или физических дефектов, но и состояние полного физического, духовного и социального благополучия»[21]. Ряд западных авторов включают в содержание права на благополучие необходимость медицинской помощи и гарантии дохода в случае возникновения различных рисков жизненного цикла[22].

На наш взгляд, право на благополучие сложносоставное и включает как естественные биологические, так и социальные аспекты. Исследователи подчеркивают, что важной является роль системы социальной защиты в решении проблемы неравенства в отношении здоровья. Так, специалист Центра по правам человека Сеульского национального университета (Южная Корея) и член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам Д.Я. Ли обращает внимание на то, что система социальной защиты, основанная на правах человека, требует комплексной защиты от основных социальных рисков и проблем на протяжении всего жизненного цикла[23].

Еще один актуальный аспект права на благополучие касается пищевой безопасности. Сбалансированное по качеству, количеству и ассортименту продовольственное обеспечение населения любого государства служит основой его жизнеобеспечения, здоровья и благополучия. Среди множества потребностей человека, потребность в здоровой и безопасной пище относится к основополагающей. В этой связи важными являются нормативы качества продуктов, контроль реализации ГМО-продукции и другие меры, обеспечивающие пищевую безопасность в биологическом контексте, что подразумевает корреляцию права на биологическую безопасность с правом на здоровое питание и вытекающим из него правом на безопасность пищевых продуктов[24].

Существенным проявлением благополучия является взаимосвязь права на биологическую безопасность с правом на доступ к источникам чистой воды. Государства и международные организации частично регулируют эту взаимосвязь в своих основных

---

[17] См.: *Карамышева М.С.* Конституционно-правовое обеспечение физической неприкосновенности человека в условиях применения генетической диагностики в Российской Федерации // Актуальные проблемы росс. права. 2022. № 10. С. 54–63.

[18] См.: *Peffer R.* A Defense of Rights to Well-Being // Philosophy & Public Affairs. 1978. Vol. 8. No. 1. Pp. 65–87.

[19] См.: *Черников В.В., Чечельницкий И.В.* Обеспечение права на благополучие личности как теоретическая и практическая проблема // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 187.

[20] См.: *Варламова Н.В.* Право на благополучие как следствие применения идеографической методологии постмодернизма в юриспруденции // Роль права в обеспечении благополучия человека: сб. докладов XI Московской юридической недели: в 5 ч. Москва, 23–26 ноября 2021 года. М., 2022. Ч. 1. С. 273–277.

[21] Устав Всемирной организации здравоохранения. Женева. М., 1968. С. 83.

[22] См.: *Razavi S.* Making the Right to Social Security a Reality for All Workers // The Indian Journal of Labour Economics. 2022. Vol. 65 (2). Pp. 269–294.

[23] См.: *Lee J.-Y.* Economic Inequality, Social Determinants of Health, and the Right to Social Security // Health and Human Rights Journal. 2023. Vol. 25 (2). Pp. 155–169.

[24] См.: *Славова Н.А.* Права граждан на безопасность пищевых продуктов и здоровое питание // Дельта науки. 2020. № 1. С. 89–92; *Хасанова А.Р.* Право на здоровое питание как элемент конституционного права на охрану здоровья // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2020. № 1. С. 77–85; и др.

нормативно-правовых актах. Так, в Конституции Эквадора закреплено право на доступ к источникам воды и здоровое питание, о праве на доступ к чистой питьевой воде говорится в конституциях ряда африканских стран, а Европейский комитет социальных прав (European Committee of Social Rights (ECSR)) в 2021 г. предложил добавить в Европейскую социальную хартию такие новые права, как право на здоровую окружающую среду, право на здоровое питание и чистую воду[25]. Представляется целесообразным расширить эту практику и добиться признания названных прав основными правами человека в универсальном международном праве и в конституциях государств.

Право на биологическую безопасность в системе биоправ

Биоправа человека как права четвертого поколения, являясь сложным и постоянно развивающимся многомерным явлением, носят универсальный характер и содержатся во многих международных и внутригосударственных нормативных правовых актах. Можно выделить как минимум четыре вида биоправ:

1) соматические права, связанные непосредственно с человеческим организмом (права на смерть, на тело, на органы, на криоконсервацию, на защиту от ГМО и т.д.);

2) репродуктивные права (права на искусственное оплодотворение, на клонирование, на трансплантацию, на аборт, на стерилизацию, на перемену пола и др.);

3) идентификационные права, направленные на защиту от вызовов и угроз экологической и биологической идентичности человека (права на биологическую безопасность, на биологическую идентичность, на биологическое существование, на гендерную идентичность, на генетическую идентичность, на генетическую безопасность и др.).

4) биоэтические права (права на противодействие содомии, на защиту общественной нравственности от пропаганды гомосексуализма и однополых браков и пр.).

На наш взгляд, право на биологическую безопасность относится к третьей и четвертой группе биоправ и направлено на защиту человека от опасных для него биологических объектов, факторов и рисков.

Особая взаимосвязь права на биобезопасность в третьей группе прав прослеживается с генетическими правами. Активно проводимая государственная политика по развитию генных технологий в медицине, а также реализация проектов генетической паспортизации населения России, актуализирует проблему сохранения конфиденциальности генетических данных и защиты прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, которые гарантированы ст. 23 и 24 Конституции РФ.

Что касается взаимосвязи права на биобезопасность с другими биоэтическими правами, то в научной литературе высокий резонанс получила дискуссия относительно допустимости разрешения смены пола. В этой связи представляется важным учитывать тот факт, что остаются малоизученными правовые последствия трансгендерной трансформации и связанные с этим явлением изменения социально-правового статуса гражданина[26].

Среди новых прав человека вот уже несколько десятилетий особый интерес вызывают репродуктивные и соматические права. Их реализация и развитие без установления биоэтических границ в праве способны создать угрозу трансформации, мутации и исчезновения человека как такового. В этом контексте взаимосвязь права на биологическую безопасность с названными правами подразумевает ответственное и сдержанное отношение к принимаемым решениям по улучшению функций организма и изменению внешнего облика человека.

С одной стороны, некоторые государства расширяют систему репродуктивных и соматических прав человека (например, Франция закрепила на конституционном уровне право на аборт), с другой – в Европе, в частности ЕСПЧ, проявляют сдержанность в этом вопросе и выводят смысл репродуктивных и соматических возможностей из содержания универсальных прав, не допуская формулировок новых прав.

Прорыв в биоинженерии позволяет совершать невероятное с телом и организмом человека. Совершенствование персональных характеристик человека в разных сферах не исключает улучшения физических характеристик (использование пластической хирургии) и репродуктивных функций (суррогатное материнство, ЭКО, редактирование генома и пр.), что требует учета каждым возможных рисков[27].

Ученых привлекают новизна и сложность клинических исследований и результирующих методов

[25] См.: *Косоруков К.А.* Новая реформа Европейской социальной хартии в Совете Европы // Социальное и пенсионное право. 2022. № 1. С. 29–36.

[26] См.: *Ворожевич А.С., Гентовт О.И., Козлова Н.В.* Физические лица как субъекты российского гражданского права / отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. М., 2022.

[27] См., напр.: *Троицкая А.А.* Наследуемое редактирование генома человека: компаративный анализ российского и зарубежного правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 69–81.

лечения, которые порождают сложные и резонансные этические и юридические проблемы прав человека и требуют интенсивного взаимодействия биологов и генетиков с правоведами в поисках их правового решения в законодательстве и судебных актах[28]. Ученые допускают геномную терапию и геномные методы лечения наследственных заболеваний, но обращают внимание на то, что нормативные рамки должны формироваться на универсальном международно-правовом и национальном законодательном уровнях, а не только в судах и в правительственных подзаконных актах, что является сегодня преимущественной правовой практикой[29].

Система взаимодействия права на биобезопасность с репродуктивными и соматическими правами обусловливает необходимость решения целого ряда проблем, представляющих различные аспекты защиты основных прав на жизнь, здоровье и биологическую неприкосновенность (например, неприкосновенность частной жизни против научных исследований в области обработки генетических данных, защита жизни, здоровья, биологической неприкосновенности и биологической идентичности в трансплантационной и репродуктивной медицине, при осуществлении генетического редактирования и других генных преобразований и пр.). Важное значение имеет установление ограничений на исследования и медицинскую практику для защиты человеческого достоинства и других его био-социальных ценностей в области клинических испытаний.

Значительный пласт смежных биомедицинских правил должен быть установлен в отношении деятельности научно-исследовательских и коммерческих организаций (университеты, научно-исследовательские институты, клиники, больницы и пр.), а также отдельных экспертов и экспертных групп в государственном и в частном секторах в сфере трансплантологии и лечения бесплодия, создания и использования биобанков, репродуктивной медицины и т.д.

Результаты биотехнологий широко внедряются в гражданский оборот: услуги по проведению добровольной государственной геномной регистрации и использованию геномной информации, по проведению медико-генетического консультирования и диагностики, по оказанию медицинской помощи с использованием генной терапии и репродуктивных технологий. Вместе с тем возникают вопросы обеспечения контроля и ответственности за ненадлежащее качество оказанных услуг, защиты прав граждан при использовании биотехнологий[30].

Отечественные ученые отмечают, что при использовании биотехнологий, типичными способами защиты прав граждан являются взыскание убытков в случае причинения вреда здоровью, компенсация морального вреда в связи с нарушением таких нематериальных благ, как жизнь, здоровье, физическая неприкосновенность, тайна частной жизни. Особого внимания, по их мнению, требует защита прав ребенка при использовании геномных технологий, в том числе обеспечение его права на естественное биологическое происхождение, права знать своих биологических родителей и семейную (генетическую) историю[31].

Право на биологическую безопасность как предпосылка формирования обязанности заботиться о своем здоровье

В обеспечительном механизме реализации права на биологическую безопасность важно обратить внимание на его взаимосвязь с негативными и позитивными обязанностями государства и человека.

Среди негативных обязательств государства следует назвать, например:

невмешательство в выбор человека способа и формы реализации права на биологическую безопасность;

недопустимость запрета применения биотехнологий в жизни человека, вне рамок процедур и оснований, установленных законодательством Российской Федерации.

К наиболее существенным позитивным обязательствам государства целесообразно отнести:

контроль вмешательства в биологическую природу человека;

устранение различных форм неравенства при реализации права на биологическую безопасность.

Обязанности по обеспечению права на биобезопасность разграничиваются также на основные и дополнительные.

К основным относится обязанность каждого соблюдать правовые принципы и нормы в области

[28] См.: Regulation of Genome Editing in Human iPS Cells. A Comparative Legal Analysis of National Regulatory Frameworks for iPSC-based Cell/Gene Therapies. Hans-Georg Dederer and Gregor Frenken Editors. Springer Nature Switzerland AG, 2022.

[29] См.: ibid.

[30] См.: *Кручинина Н.В.* Гражданско-правовая защита прав граждан при использовании биотехнологий // Цивилизация знаний: российские реалии: XXIII Междунар. науч. конф. в Российском новом ун-те (РосНОУ). 8–29 апр. 2022 г. М., 2022. С. 49, 50.

[31] См.: *Богданова Е.Е., Малеина М.Н., Ксенофонтова Д.С.* Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex russica. 2020. № 5. С. 129–142.

обеспечения биологической безопасности, примером дополнительной обязанности можно рассматривать ответственное отношение к своему здоровью.

Обязанность человека ответственно относиться к своему здоровью основывается не только на принципе «не навреди сам себе», но и на конституционном постулате о том, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). Если человек не заботится о своем здоровье, то он может стать источником опасности для других, если является носителем инфекции, болезней, вирусов, от которых могут заразиться другие люди. Внесенные в 2020 г. изменения в п. «ж» ст. 72 Конституции РФ, особенно в части формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью, могут стать существенной первоосновой для понимания круга обязанностей, связанных с обеспечением права на биологическую безопасность.

Заключение

В современных реалиях интенсивного развития биотехнологий особую актуальность имеет создание правовых гарантий защищенности от биологических рисков и угроз генотипа человека, человеческого организма и биологических функций человека. Право на биологическую безопасность обеспечивает такую защищенность в непосредственной взаимосвязи как с универсальными правами человека на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность, так и с правами нового поколения, к числу которых относятся право на благополучие, на здоровое питание, на доступность к чистой воде и др. Особо тесная взаимосвязь наблюдается с биоправами, в том числе с репродуктивными и соматическими правами, где право на биобезопасность выступает ограничителем злоупотреблений биотехнологиями.

Необходимость совершенствования правовой формализации права на биологическую безопасность обусловлена множеством факторов. В научно-правовом контексте стоят задачи надлежащего учета значимости взаимосвязи права на биологическую безопасность как с другими правами человека, так и с обязанностями, направленными на гарантирование реализации установленных прав (в частности, обязанность заботиться о своем здоровье). Институционализация права на биологическую безопасность в итоге будет способствовать обеспечению баланса законных интересов личности, общества и государства, повышению гарантированности прав человека и его защиты как высшей ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белялетдинов Р.Р.* Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ. М., 2019.
2. *Богданова Е.Е.* Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex russica. 2019. № 6. С. 18–29.
3. *Богданова Е.Е., Малеина М.Н., Ксенофонтова Д.С.* Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex russica. 2020. № 5. С. 129–142.
4. *Варламова Н.В.* Право на благополучие как следствие применения идеографической методологии постмодернизма в юриспруденции // Роль права в обеспечении благополучия человека: сб. докладов XI Московской юридической недели: в 5 ч. Москва, 23–26 ноября 2021 года. М., 2022. Ч. 1. С. 273–277.
5. *Варламова Н.В., Васильева Т.А.* Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2023. № 3. С. 165–187.
6. *Ворожевич А.С., Гентовт О.И., Козлова Н.В.* Физические лица как субъекты российского гражданского права / отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. М., 2022.
7. *Карамышева М.С.* Конституционно-правовое обеспечение физической неприкосновенности человека в условиях применения генетической диагностики в Российской Федерации // Актуальные проблемы росс. права. 2022. № 10. С. 54–63.
8. *Карташкин В.А.* Права человека и принципы международного права в XXI веке. М., 2018.
9. *Клеандров М.И.* Иной Разум и право // Государство и право. 2021. № 10. С. 41–61.
10. *Козлова Н.В., Филиппова С.Ю.* Общее благо и частный интерес: к вопросу о сущности, значении и соотношении при решении отдельных гражданско-правовых споров // Хозяйство и право. 2023. № 6. С. 13–39.
11. *Косоруков К.А.* Новая реформа Европейской социальной хартии в Совете Европы // Социальное и пенсионное право. 2022. № 1. С. 29–36.
12. *Кравец И.А.* Биоэтические векторы достоинства и культурного разнообразия в конституционной и международной биоюриспруденции: перспективы конституционализации биобезопасности и достижения биоэтического благополучия // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 7–17.
13. *Кручинина Н.В.* Гражданско-правовая защита прав граждан при использовании биотехнологий // Цивилизация знаний: российские реалии: XXIII Междунар. науч. конф. в Российском новом ун-те (РосНОУ). 8–29 апр. 2022 г. М., 2022. С. 49, 50.
14. *Лихтер П.Л.* Правовая категория «общее благо» в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // Lex russica. 2019. № 4 (149). С. 78–84.
15. *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009.

16. *Мохов А.А.* Биоэтические принципы и биологическая безопасность // Медицинское право. 2021. № 4. С. 16–21.

17. *Никитина В.С.* Неприкосновенность личности как межотраслевая категория права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 41–53.

18. *Никитина Е.Е.* Безопасность личности в конституционно-правовом измерении // Журнал росс. права. 2022. № 8. С. 33–46.

19. *Никитина Е.Е.* Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал росс. права. 2020. № 8. С. 27–44.

20. Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации: науч.-практ. пособие / отв. ред. Л.К. Терещенко. М., 2023.

21. Права человека: между прошлым и будущим / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой, Н.В. Колотовой. М., 2021.

22. Право и биомедицина / отв. ред. Ф.В. Цомартова. М., 2021.

23. *Савенков А.Н., Колотова Н.В.* Цивилизационный подход к правам человека: к 75-летию Всеобщей декларации прав человека // Государство и право. 2023. № 11. С. 108–123.

24. *Сазин С.Т.* Понятие, сущность и взаимосвязь конституционных прав на жизнь и на охрану здоровья // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 39.

25. *Славова Н.А.* Права граждан на безопасность пищевых продуктов и здоровое питание // Дельта науки. 2020. № 1. С. 89–92.

26. *Талапина Э.В., Антопольский А.А., Монахов В.Н.* Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект / отв. ред. Э.В. Талапина. М., 2021.

27. Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018.

28. *Троицкая А.А.* Наследуемое редактирование генома человека: компаративный анализ российского и зарубежного правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 69–81.

29. Труды ИГП РАН. 2013. № 1. Тема номера – «Права человека и национальная безопасность» / отв. ред. Е.А. Лукашева.

30. *Умнова-Конюхова И.А.* Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии. М., 2021.

31. *Умнова-Конюхова И.А.* Право быть человеком – фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 41.

32. *Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.* Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // Актуальные проблемы росс. права. 2022. № 10. С. 34–45.

33. *Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.* Права человека и этика в условиях развития информационных цифровых технологий и биоинженерии // Государство и право. 2021. № 9. С. 75–89.

34. Физические лица как субъекты российского гражданского права / отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. М., 2022.

35. *Хасанова А.Р.* Право на здоровое питание как элемент конституционного права на охрану здоровья // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2020. № 1. С. 77–85.

36. *Цомартова Ф.В., Путило Н.В.* Общественное здоровье: от принципа управления здравоохранением до конституционно-правовой ценности // Журнал росс. права. 2023. Т. 27. № 1. С. 93–109.

37. *Черников В.В., Чечельницкий И.В.* Обеспечение права на благополучие личности как теоретическая и практическая проблема // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 187.

38. *Brysk A.* The future of human rights: A research agenda // Journal of Human Rights. 2022. Vol. 21. Iss. 2. P. 117.

39. *Forman L.* From the Universal Declaration of Human Rights to a Pandemic Treaty: Will a Right to Medicines Forever be 'Under Construction'? // Journal of Human Rights Practice. 2023. Vol. 15. Iss. 3. Pp. 715–726.

40. *Heri C.* Deference, Dignity and "Theoretical Crisis": Justifying ECtHR Rights between Prudence and Protection // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24. Iss. 1. URL: https://academic.oup.com/hrlr/article/24/1/ngad032/7456742 (дата обращения: 02.06.2024).

41. *Lee J.-Y.* Economic Inequality, Social Determinants of Health, and the Right to Social Security // Health and Human Rights Journal. 2023. Vol. 25 (2). Pp. 155–169.

42. *Peffer R.* A Defense of Rights to Well-Being // Philosophy & Public Affairs. 1978. Vol. 8. No. 1. Pp. 65–87.

43. *Razavi S.* Making the Right to Social Security a Reality for All Workers // The Indian Journal of Labour Economics. 2022. Vol. 65 (2). Pp. 269–294.

44. *Smith J., Goodhart M.* Human rights globalization: How local and global actions institutionalize human rights // Journal of Human Rights. 2024. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 125–133.

REFERENCES

1. *Belyaletdinov P.P.* Risks of modern biotechnologies: socio-humanitarian analysis. M., 2019 (in Russ.).

2. *Bogdanova E.E.* Legal problems and risks of the genetic revolution: genetic information and discrimination // Lex russica. 2019. No. 6. Pp. 18–29 (in Russ.).

3. *Bogdanova E.E., Maleina M.N., Ksenofontova D.S.* Selected problems of protecting citizens' rights when using genomic technologies // Lex russica. 2020. No. 5. Pp. 129–142 (in Russ.).

4. *Varlamova N.V.* The right to well-being as a consequence of the application of the ideographic methodology of postmodernism in jurisprudence // The Role of Law in ensuring human well-being: collection of reports of the XI Moscow Legal Week: in 5 parts. Moscow, November 23–26, 2021. M., 2022. Part 1. Pp. 273–277 (in Russ.).

5. *Varlamova N.V., Vasilieva T.A.* Human rights: traditional values, universal standards, new challenges (All-Russian Scientific Conference with international

participation) // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 165–187 (in Russ.).

6. *Vorozhevich A.S., Gentovt O.I., Kozlova N.V.* Individuals as subjects of Russian Civil Law / res. ed. N.V. Kozlova, S. Yu. Filippova. M., 2022 (in Russ.).
7. *Karamysheva M.S.* Constitutional and legal provision of human physical integrity in the context of the use of genetic diagnostics in the Russian Federation // Actual problems of Russ. law. 2022. No. 10. Pp. 54–63 (in Russ.).
8. *Kartashkin V.A.* Human rights and principles of International Law in the XXI century. M., 2018 (in Russ.).
9. *Kleandrov M.I.* Other Reason and law // State and Law. 2021. No. 10. Pp. 41–61 (in Russ.).
10. *Kozlova N.V., Filippova S. Yu.* The common good and private interest: on the question of the essence, meaning and correlation in solving individual civil law disputes // Economy and Law. 2023. No. 6. Pp. 13–39 (in Russ.).
11. *Kosorukov K.A.* New reform of the European Social Charter in the Council of Europe // Social and pension law. 2022. No. 1. Pp. 29–36 (in Russ.).
12. *Kravets I.A.* Bioethical vectors of dignity and cultural diversity in constitutional and international bio-jurisprudence: prospects for constitutionalization of biosafety and achievement of bioethical well-being // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 1. Pp. 7–17 (in Russ.).
13. *Kruchinina N.V.* Civil protection of citizens' rights when using biotechnologies // Civilization of knowledge: Russian realities: XXIII International Scientific Conference in the Russian New University (RosNOU). 8–29 Apr. 2022. M., 2022. Pp. 49, 50 (in Russ.).
14. *Likhter P.L.* Legal category of "common good" in the interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation // Lex russica. 2019. No. 4 (149). Pp. 78–84 (in Russ.).
15. *Lukasheva E.A.* Man, law, civilization: the normative-value measurement. M., 2009 (in Russ.).
16. *Mokhov A.A.* Bioethical principles and biological safety // Medical Law. 2021. No. 4. Pp. 16–21 (in Russ.).
17. *Nikitina E.E.* Personal security in the constitutional and legal dimension // Journal of Russ. law. 2022. No. 8. Pp. 33–46 (in Russ.).
18. *Nikitina E.E.* The system of human rights and freedoms in the conditions of the technological revolution // Journal of Russ. law. 2020. No. 8. Pp. 27–44 (in Russ.).
19. *Nikitina V.S.* Personal inviolability as an intersectoral category of law // Herald of the RUDN. Ser.: Legal Sciences. 2023. Vol. 27. No. 1. Pp. 41–53 (in Russ.).
20. Human rights in the information sphere in the context of digitalization: scientific and practical. handbook / ed. by L.K. Tereshchenko. M., 2023 (in Russ.).
21. Human rights: between the past and the future / ed. by T.A. Vasilieva, N.V. Varlamova, N.V. Kolotova. M., 2021 (in Russ.).
22. Law and biomedicine / res. ed. F.V. Tsomartova. M., 2021 (in Russ.).
23. *Savenkov A.N., Kolotova N.V.* Civilizational approach to human rights: on the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights // State and Law. 2023. No. 11. Pp. 108–123 (in Russ.).
24. *Sazin S.T.* The concept, essence and interrelation of constitutional rights to life and health protection // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 4. P. 39 (in Russ.).
25. *Slavova N.A.* The rights of citizens to food safety and healthy nutrition // Delta nauki. 2020. No. 1. Pp. 89–92 (in Russ.).
26. *Talapina E.V., Antopolsky A.A., Monakhov V.N.* Human rights in the Internet era: a public legal aspect / ed. by E.V. Talapina. M., 2021 (in Russ.).
27. Transformations of human rights in the modern world / res. ed. A.N. Savenkov. M., 2018 (in Russ.).
28. *Troitskaya A.A.* Heritable editing of the human genome: a comparative analysis of Russian and foreign legal regulation // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 69–81 (in Russ.).
29. Proceedings of the IGP RAS. 2013. No. 1. The topic of the issue is "Human rights and national security" / ed. by E.A. Lukasheva (in Russ.).
30. *Umnova-Konyukhova I.A.* Constitutional futurist law and constitutional futurology in the XXI century. M., 2021 (in Russ.).
31. *Umnova-Konyukhova I.A.* The right to be human – fundamental law and constitutional narrative in the system of personal rights and freedoms in the paradigm of humanism // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 11. P. 41 (in Russ.).
32. *Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A.* The impact of scientific and technological progress in biotechnology on human rights and principles of law // Actual problems of Russ. law. 2022. No. 10. Pp. 34–45 (in Russ.).
33. *Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A.* Human rights and ethics in the context of the development of information digital technologies and bioengineering // State and Law. 2021. No. 9. Pp. 75–89 (in Russ.).
34. Individuals as subjects of Russian Civil Law / res. ed. N.V. Kozlova, S. Yu. Filippova. M., 2022 (in Russ.).
35. *Khasanova A.R.* The right to healthy nutrition as an element of the constitutional right to health protection // Scientific Almanac of the Association France-Kazakhstan. 2020. No. 1. Pp. 77–85 (in Russ.).
36. *Tsomartova F.V., Putilo N.V.* Public health: from the principle of healthcare management to constitutional and legal value // Journal of Russ. law. 2023. Vol. 27. No. 1. Pp. 93–109 (in Russ.).
37. *Chernikov V.V., Chechelnitsky I.V.* Ensuring the right to personal well-being as a theoretical and practical problem // Herald of Lobachevsky Nizhny Novgorod University. 2021. No. 6. P. 187 (in Russ.).
38. *Brysk A.* The future of human rights: A research agenda // Journal of Human Rights. 2022. Vol. 21. Iss. 2. P. 117.
39. *Forman L.* From the Universal Declaration of Human Rights to a Pandemic Treaty: Will a Right to Medicines Forever be 'Under Construction'? // Journal of Human Rights Practice. 2023. Vol. 15. Iss. 3. Pp. 715–726.
40. *Heri C.* Deference, Dignity and "Theoretical Crisis": Justifying ECtHR Rights between Prudence and Protection // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24. Iss. 1.

URL: https://academic.oup.com/hrlr/article/24/1/ngad032/7456742 (accessed: 02.06.2024).

41. *Lee J.-Y.* Economic Inequality, Social Determinants of Health, and the Right to Social Security // Health and Human Rights Journal. 2023. Vol. 25(2). Pp. 155–169.
42. *Peffer R.* A Defense of Rights to Well-Being // Philosophy & Public Affairs. 1978. Vol. 8. No. 1. Pp. 65–87.
43. *Razavi S.* Making the Right to Social Security a Reality for All Workers // The Indian Journal of Labour Economics. 2022. Vol. 65(2). Pp. 269–294.
44. *Smith J., Goodhart M.* Human rights globalization: How local and global actions institutionalize human rights // Journal of Human Rights. 2024. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 125–133.

Сведения об авторах

УМНОВА-КОНЮХОВА Ирина Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН; 117418 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21 ORCID: 0000-0001-6400-851X

АЛЕШКОВА Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН; 117418 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21 ORCID: 0000-0001-5054-5939

Authors' information

UMNOVA-KONYUKHOVA Irina A. – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Law Department, INION RAS; 51/21 Nakhimovsky Ave., 117418 Moscow, Russia

ALESHKOVA Irina A. – PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Law Department, INION RAS; 51/21 Nakhimovsky Ave., 117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 103–113
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 103–113

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 347

НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОТРАЖЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© 2024 г. В. В. Кресс

Арбитражный суд Московского округа, г. Москва

E-mail: 5777433@inbox.ru

Поступила в редакцию 09.11.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу положений действующего гражданского законодательства о недвижимых вещах. В статье дается оценка последних нововведений, а также рассматриваются спорные вопросы, связанные с определением признаков недвижимых вещей, с целесообразностью отнесения к недвижимости участков недр, объектов незавершенного строительства. Особое внимание в статье уделено вопросу реализации в отечественном законодательстве концепции «единого объекта недвижимости». Автор пришел к выводу о том, что внесение последних изменений в гражданское законодательство в части расширения перечня объектов недвижимых вещей обусловлено комплексом причин, в первую очередь сохранением господствующей роли государственной собственности на землю, а также современным социально-экономическим состоянием рынка недвижимости и никак не свидетельствует об отказе законодателя от внедрения в отечественную правовую систему концепции единого объекта недвижимости.

Ключевые слова: недвижимое имущество, признаки недвижимых вещей, государственная регистрация, земельные участки, участки недр, объект незавершенного строительства, концепция «единого объекта недвижимости».

Цитирование: *Кресс В. В.* Недвижимое имущество как объект гражданских прав: проблемы формирования и отражения в российском законодательстве // Государство и право. 2024. № 11. С. 103–113.

DOI: 10.31857/S1026945224110098

REAL ESTATE AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS: PROBLEMS OF FORMATION AND REFLECTION IN RUSSIAN LEGISLATION

© 2024 V. V. Kress

Arbitration Court of the Moscow District, Moscow

E-mail: 5777433@inbox.ru

Received 09.11.2024

Abstract. The article is devoted to the analysis of the provisions of the current civil legislation on immovable property. The article provides an assessment of the latest innovations, as well as discusses controversial issues related to the definition of signs of immovable things, the expediency of classifying subsurface areas and unfinished construction sites as real estate. Special attention is paid to the issue of the implementation of the concept of a "single real estate object" in domestic legislation. The author came to the conclusion that the introduction of recent changes to civil legislation in terms of expanding the list of objects of immovable things is due to a complex of reasons, primarily, the preservation of the dominant role of state ownership of land, as well as the current socio-economic state of the real estate market and does not indicate the refusal of the legislator to introduce the concept of a single real estate object into the domestic legal system.

Key words: immovable property, signs of immovable things, state registration, land plots, subsoil plots, an object of unfinished construction, the concept of a "single real estate object".

For citation: *Kress, V.V. (2024).* Real estate as an object of civil rights: problems of formation and reflection in Russian legislation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 103–113.

Вещи как объекты гражданских прав подразделяются в законе на движимые и недвижимые, при этом движимыми являются по остаточному принципу все вещи, не отнесенные в силу закона к недвижимости. В этой связи, учитывая особенности правового режима последних, четкие критерии отнесения объектов к недвижимым вещам приобретают особое значение.

Конструкция ст. 130 ГК РФ позволяет классифицировать названные в ней недвижимые вещи следующим образом.

Первую группу составляют объекты, перечисленные в п. 1 указанной нормы[1]. Применительно к данной группе недвижимых вещей законодатель установил критерии, в первую очередь обусловленные естественными свойствами недвижимости. Речь в этом случае идет о земельном участке и об участках недр, при этом следует поддержать применяемую законодателем терминологию. Недвижимой вещью в гражданском праве не могут являться земля и недра в принципе – это сфера действия земельного законодательства. В отличие от последнего гражданское законодательство рассматривает любой объект с точки зрения реализации прав на него и вовлечения в гражданский оборот, участвовать в котором может не земля, а только ее обособленная часть – земельный участок или участок недр.

Вторым критерием отнесения к рассматриваемой группе категории «недвижимой вещи» является прочная связь вещей с землей, причем такая связь обладает собственной характеристикой (третьим законодательным критерием) – невозможностью перемещения такого объекта в пространстве без несоразмерного ущерба его назначению[2]. Следует отметить, что признак прочной связи с землей вызывает немало споров в научной доктрине[3].

Стоит отметить, что в научной доктрине критика установленных в законе признаков недвижимых вещей преимущественно сопровождается предложением новых критериев[4]. Так, по пути

[1] Первую группу объектов недвижимости составляют земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

[2] Можно предположить, что данный признак заимствован русской цивилистикой из зарубежного законодательства. Статья 525 Кодекса Наполеона в состав недвижимого имущества включает движимые вещи, прикрепленные к земле собственником. Именно в отношении таких вещей устанавливается признак «не могут быть отделены без повреждения или ухудшения части имения, к которой они прикреплены». В этом случае движимая вещь прикрепляется к земле так, что она не может быть отделена без ущерба, причем не для себя, а для имения (недвижимого имущества). Как отмечает Е.М. Тужилова-Орданская, «в российском же законодательстве первый признак не называется, а второй – распространен на более широкий круг вещей. В результате потеряна четкость в определении» (см.: *Тужилова-Орданская Е.М.* Понятие и особенности недвижимости как объекта прав по Гражданскому кодексу РФ // Журнал росс. права. 2014. № 6).

[3] Еще Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «вопрос о прочности и связи строения с землею не может быть решен принципиально с полной точностью» (см.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 96). Современные авторы, ставя под сомнение данный признак, аргументируют свою позицию тем, что современные технологии позволяют перемещать даже монументальные здания на значительные расстояния не только без «несоразмерного», но и без всякого ущерба их назначению. Об этом говорит Н.А. Сыродоев, добавляя, что «если следовать букве закона, то здание, перемещенное не только на соседний участок, но и в соседний район, сохраняет качество недвижимого объекта, если не причинен несоразмерный ущерб его назначению» (см.: *Сыродоев Н.А.* Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество // Государство и право. 1998. № 8. С. 93). Подобной позиции придерживается также Е.А. Дорожинская (см.: *Дорожинская Е.А.* Правовое регулирование сделок с недвижимостью. Новосибирск, 1999. С. 15, 16).

[4] В числе таких критериев названы, в частности, индивидуальный характер, статичность, возможность многократного использования, сохранение первоначальной формы в течение длительного времени, полезность, фундаментальность, тенденция к росту стоимости, необходимость постоянного

расширения признаков недвижимости идет А.Н. Лужина, которая говорит о признании недвижимой вещи объектом капитального строительства[5]. Примечательно, что данная позиция находит отражение и в судебной практике[6].

При оценке критерия «связи с землей» В.В. Кулаков предлагает принимать во внимание связанность здания или сооружения с земельным участком капитальным фундаментом, следует также учитывать долговечность постройки (временные постройки, по его мнению, не подпадают под категорию недвижимой вещи), ее капитальность[7]. При этом к юридическим признакам недвижимой вещи автор относит такие, как законность возведения, наличие кадастрового учета и государственной регистрации прав в ЕГРН[8].

Однако регистрация объекта в ЕГРН, равно как и постановка на кадастровый учет, не является отличительным признаком недвижимой вещи. Это скорее элементы правового режима объекта недвижимости, что также можно сказать и о регистрации прав на недвижимую вещь. Об этом свидетельствует и судебная практика[9]. Как в свое время указал Пленум Верховного Суда РФ, по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости[10]. В целом же следует отметить довольно частое использование судебной практикой не только законодательно установленных критериев, но и сформулированных в доктрине[11].

Вторую группу объектов недвижимых вещей составляют движимые по своей физической природе вещные объекты, которые законодатель прямо отнес к недвижимым вещам в целях распространения на них особого правового режима недвижимости[12].

Третью группу объектов составляют жилые и нежилые помещения, а также машино-места. И если

управления, низкий уровень ликвидности, значительная ценность (существенная значимость) (см.: *Болтанова Е.С.* Операции с недвижимостью: купля-продажа. Дарение. Наследование. Налогообложение. Ростов н/Д., 2002).

[5] По словам А.Н. Лужиной, «для признания объекта недвижимым необходимо подтверждение того, что данный объект был создан именно как недвижимость в установленном законом и иными правовыми актами порядке, с получением необходимой разрешительной документации и с соблюдением градостроительных норм и правил» (см.: *Лужина А.Н.* Понятие недвижимого имущества и отдельные объекты недвижимого имущества. М., 2013. С. 6).

[6] Так, по мнению Санкт-Петербургского городского суда, «для признания гаража объектом недвижимости необходимы наличие отвода земельного участка непосредственно для строительства гаража, соблюдение разрешительного порядка возведения гаража, наличие акта приемки объекта в эксплуатацию (см.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.01.2011 № 33-302/2011 // https://sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru/).

[7] При этом, по его мнению, само по себе наличие капитального фундамента не может свидетельствовать, что постройка является недвижимой. Здесь нужно учитывать не только возможность ее перемещения без несоразмерных затрат, но и назначение, которое можно установить из соответствующих административных разрешений.

[8] См.: *Кулаков В.В.* К вопросу о признаках недвижимости как критериев ее государственной регистрации // Современный юрист. 2020. № 2. С. 21–32.

[9] При разрешении вопроса о признании вещи недвижимостью независимо от осуществления кадастрового учета или государственной регистрации права собственности на нее следует устанавливать наличие у вещи признаков, способных относить ее в силу природных свойств или на основании закона к недвижимым объектам. Постановке на кадастровый учет, государственной регистрации прав в ЕГРН должна предшествовать проверка наличия у объекта признаков недвижимого имущества (см.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10).

[10] Поэтому, по утверждению Пленума Верховного Суда РФ, являются недвижимыми вещами здания и сооружения, построенные до введения системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, даже в том случае, если ранее возникшие права на них не зарегистрированы. Равным образом правомерно возведенное здание или сооружение является объектом недвижимости, в том числе до регистрации на него права собственности лица, в законном владении которого оно находится (см.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8).

[11] Судебной практикой уточняются факультативные признаки недвижимости, которые восприняты как обязательные, но не названы непосредственно законом (самостоятельное хозяйственное значение, создание объекта как недвижимости с соблюдением обязательных правил и требований, подключение к инженерной инфраструктуре и др.) (см.: *Синицын С.А.* Некоторые общие особенности развития категории «недвижимость» в российском гражданском праве // Гражданское право. 2023. № 2. С. 30–34). Так, например, в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 01.07.2011 г. по делу № А26-6171/2010 указано, что объект недвижимого имущества, тесно связанный с землей, должен соответствовать следующим критериям: 1) обладание объектом полезными свойствами, которые могут быть использованы независимо от земельного участка, на котором он находится; 2) обладание объектом полезными свойствами, которые могут быть использованы независимо от других находящихся на общем земельном участке зданий, сооружений, иных объектов недвижимого имущества в предпринимательской или иной экономической деятельности собственника такого имущественного комплекса; 3) невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба его назначению (см.: СПС «КонсультантПлюс»).

[12] В их числе законодатель называет подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Примечательно, что данную группу объектов законодатель оставил открытой для дополнения: законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество. Следует отметить, что такой подход также поддерживается не всеми авторами. Как отмечает С.А. Синицын, «вне связи с потребностями гражданского оборота самим понятием недвижимости является нормативная возможность причисления к недвижимым вещам иного имущества по прямому указанию закона, что существенным образом размывает индивидуальность недвижимости как объекта гражданских прав» (см.: *Синицын С.А.* Указ. соч. С. 30–34).

жилые и нежилые помещения всегда были названы в числе объектов жилищного права и их включение в состав недвижимых вещей, по сути, было вопросом времени, то отнесение машино-мест к недвижимости в качестве самостоятельного объекта стало новацией гражданского законодательства. Очевидно, что по своей физической природе перечисленные объекты являются частями объектов первой группы (а именно зданий).

В результате можно утверждать, что законодатель установил критерии отнесения «рукотворных» объектов к недвижимости только в отношении первой группы недвижимых вещей, объекты третьей группы подпадают под перечисленные признаки недвижимости опосредованно, как являющиеся составными частями объекта первой группы – зданий. Считаем, что перечисленные в ст. 130 ГК РФ критерии отнесения к недвижимым вещам иных объектов являются достаточными, их смысловая нагрузка не утратила своей актуальности и в настоящее время. В этом вопросе видится возможным согласиться с Е.А. Сухановым, по мнению которого буквальное толкование установленных в законе признаков недвижимости с позиции их физических свойств искажает смысл и значение данной правовой категории[13]. Соглашаясь в целом с таким выводом, С.А. Синицын добавляет, что законодательные признаки недвижимости являются техническими, экономическими, но не юридическими, позволяющими идентифицировать недвижимость как особый объект[14]. Примечательно, что Росреестром было предложено в принципе отказаться от установления в законе признаков недвижимой вещи[15], однако данная инициатива к настоящему времени не нашла поддержки.

Рассматривая актуальные вопросы, связанные с правовым режимом недвижимых вещей, нельзя обойти вниманием один из дискуссионных вопросов науки гражданского права – о необходимости реализации в отечественном законодательстве концепции «единого объекта недвижимости»[16]. При этом сторонники и противники данной концепции говорят как о ее минусах, так и о плюсах[17]. Одно из неоспоримых преимуществ концепции единого объекта недвижимости – возможность свободной и беспрепятственной реализации правомочий собственника земельного участка и находящихся на нем построек, использование которых без земельного участка не представляется возможным. Из чего логично вытекает вывод о предоставлении лицу права прежде всего на земельный участок, из которого вытекает соответствующее право и на находящиеся на нем постройки[18].

Так, по мнению Е.А. Суханова, «собственник строения в идеале должен быть собственником земельного участка, на котором оно находится. Без этого не будет нормального оборота, и не только

---

[13] По словам Е.А. Суханова, возможность и допустимость изменения географического места нахождения объекта недвижимости также подтверждается тем обстоятельством, что недвижимость – категория юридическая, а не физическая, и главное ее свойство – не физическая «неотрывность» от земли, а юридически необходимая государственная регистрация правового режима соответствующей вещи. Физические/природные свойства вещи не составляют идентификационные признаки и свойства недвижимости как объекта гражданских прав, всецело концентрируясь на внешних описательных характеристиках свойств предметов материального мира (см.: *Суханов Е.А.* О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Проблемы реформирования Гражданского кодекса России. М., 2013. С. 420).

[14] При этом, по мнению С.А. Синицына, «используемый российским законодательством (п. 1 ст. 130 ГК РФ) признак причинения несоразмерного ущерба назначению недвижимой вещи при ее перемещении в пространстве как критерий идентификации недвижимости изначально предполагает и допускает комбинированное использование и оценку экономических и технических характеристик объекта. Обусловленные перемещением объекта недвижимости бремя и затраты могут рассматриваться в значении несоразмерного ущерба объекту недвижимости, если, например, влекут за собой неэквивалентные или неразумные расходы собственника, вызванные перемещением, демонтажем, сборкой, реконструкцией объекта, а также изменение его изначальных качественных характеристик вследствие изменения места нахождения» (см.: *Синицын С.*А. Указ. соч. С. 30–34).

[15] См.: проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования законодательства о недвижимом имуществе» (подготовлен Росреестром) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 31.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Суть концепции «единого объекта недвижимости» заключается в классическом понимании недвижимости как исключительно земельного участка, существующего в установленных границах, в рамках которых все, что находится под земной поверхностью и над ней с улучшениями (составными частями) в виде построек, насаждений и т.д., выступает в качестве единого объекта гражданских прав.

[17] См., напр.: *Калиниченко К.С.* Здания и сооружения как составные части земельного участка. Сравнительный анализ по российскому и германскому праву // Закон. 2014. № 12. С. 121–131; *Чаплин Н.Ю.* Концепция единого объекта недвижимости: к вопросу о целесообразности и возможности ее реализации в российском законодательстве // Журнал росс. права. 2019. № 1. С. 150–158; *Псел О.П.* Правовые проблемы реализации принципа единой судьбы земельного участка и расположенного на нем строения при их наследовании // Право и политика. 2008. № 1. С. 208–211.

[18] Более того, в соответствии с законодательством, например, Германии, где реализована концепция единого объекта недвижимости, «составные части недвижимого имущества (земельного участка) по праву ФРГ являются его частью, а такие существенные составные части земельного участка, как здания, строения, сооружения и пр., в отличие от законодательства России, даже не рассматриваются по общему правилу в качестве самостоятельных объектов гражданских прав» (см.: *Волочай Ю.А.* Приобретение права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительный анализ законодательства России и Германии. М., 2013. С. 26).

недвижимости ...»[19]. Примечательно также толкование ученым п. 1 ст. 130 ГК РФ: по его мнению, земельный участок и есть недвижимость, а все, что на нам находится, представляет собой составную часть земельного участка, «причем в отличие от принадлежности составная часть вещи лишена качеств отдельной, самостоятельной вещи»[20]. Формально такой подход, о котором говорили еще дореволюционные юристы[21], также имеет право на существование, если понимать «неразрывную связь с землей» не в качестве критерия отнесения к недвижимости иных объектов, а как неразрывный характер связи, указывающий на целостность вещи. Интересно отметить, что в судебной практике уже есть прецеденты, когда суды рассматривают возведенные на земельном участке постройки в качестве его составной части[22].

Вместе с тем неоднократно в научной литературе были отмечены проблемы, препятствующие внедрению в российскую правовую систему концепции «единого объекта недвижимости». В числе таких проблем называют нахождение преимущественного числа земельных участков в публичной собственности, в то время как пользование находящимися на них постройками реализуется в соответствии с договорами[23]. Говоря о негативных последствиях внедрения рассматриваемой концепции, отмечают неминуемое удорожание застроенного земельного участка как единственного объекта права, проблемы с определением объекта права в отношении жилых помещений, находящихся в многоквартирных домах, поскольку в гражданский оборот будет включена доля в праве собственности на земельный участок, занятый многоквартирным домом[24].

Следует отметить, что отечественный законодатель предрасположен к внедрению в российском законодательстве конструкции единого объекта недвижимости. Данный термин используется им в ряде программных документов[25]. По мере нормального развития гражданского оборота, когда собственник земельного участка и собственник находящихся на нем построек будет совпадать в одном лице, предполагается запретить дальнейшее разделение права собственности на земельный участок и находящееся на нем строение[26]. В целях реализации рассматриваемой концепции Гражданский кодекс РФ был дополнен новой ст. 133.1 о едином недвижимом комплексе, который может быть зарегистрирован как одна неделимая недвижимая вещь[27].

---

[19] *Суханов Е.А.* Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал росс. права. 2021. № 1. С. 16–22.

[20] Там же.

[21] См., напр.: *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М., 2002. С. 127 (Серия «Классика российской цивилистики»). Ю.С. Гамбаров также отмечал, что даже «в средневековом и новом праве это противоположение определяется уже не физическими свойствами вещей, а их общественно-экономическими функциями и сопровождается такими важными различиями, которые проводят резкую грань между институтами, имеющими место не столько в недвижимых и движимых имуществах, сколько в имуществах, принимаемых за недвижимые или движимые по их общественным функциям» (см.: *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 610 (Серия «Русское юридическое наследие»).

[22] Так, в информационном письме Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» указано следующее: «Собственник земельного участка имеет право на защиту своего права не только на земельный участок, но и на возведенное на нем здание, являющееся по существу составной частью принадлежащего ему на праве собственности земельного участка» (п. 7) (см.: Вестник ВАС РФ. 2013. № 4). В некоторых случаях суды приходят к выводу, что в качестве составных частей земельного участка должны расцениваться и всевозможные инженерные усовершенствования, которые не имеют самостоятельного функционального назначения, создаются исключительно в целях улучшения качества земель и обслуживания земельного участка, где они расположены (см., напр.: постановления Президиума ВАС РФ: от 28.05.2013 № 17085/12 (Вестник ВАС РФ. 2013. № 12); от 17.01.2012 № 4777/08 (Вестник ВАС РФ. 2012. № 5); от 26.01.2010 № 11052/09 (Вестник ВАС РФ. 2010. № 5); от 20.10.2010 № 6200/10 (Вестник ВАС РФ. 2011. № 1).

[23] См.: *Суханов Е.А.* Недвижимость в системе объектов гражданских прав. С. 16–22.

[24] Более подробно см.: *Чаплин Н.Ю.* Указ. соч. С. 150–158.

[25] В частности, переход на классическую модель в регулировании прав на объекты недвижимости предусмотрен в Распоряжении Правительства РФ от 10.07.2001 № 910-р (ред. от 06.06.2002) «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)» (см.: СЗ РФ. 2001. № 31, ст. 3295). О классической теории единого объекта недвижимости говорится и в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г. (см.: Вестник ВАС РФ. 2009. № 11). Согласно п. 3.6.3 указанного документа, в Гражданском кодексе РФ должна быть реализована модель единого объекта недвижимости, которая возникает при совпадении в одном лице собственника земельного участка и собственника находящегося на нем недвижимого имущества. Дальнейшее отчуждение земельного участка без находящегося на нем объекта недвижимости не допускается.

[26] Более подробно см.: *Суханов Е.*А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав. С. 16–22.

[27] Согласно указанной норме, если строения находятся на одном земельном участке, весь этот комплекс можно зарегистрировать в качестве одной вещи, которая в силу прямого указания в законе является неделимой. В научной доктрине данное нововведение было подвергнуто критике. Так, по мнению В.В. Витрянского, «признание единого недвижимого комплекса (технологического имущественного комплекса недвижимости) самостоятельным объектом недвижимости было обусловлено необходимостью исключения из перечня объектов недвижимого имущества предприятий, за которыми, однако, предлагалось сохранить статус особого вида имущества

Вместе с тем на фоне тенденции к неспешному переходу от множественности объектов недвижимости к концепции единства земельного участка и расположенных на нем объектов нелогичным представляется решение законодателя о расширении перечня недвижимых вещей – в разные годы к таким объектам прямо были отнесены объекты незавершенного строительства, жилые и нежилые помещения, машино-места[28].

Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ[29] часть первая Гражданского кодекса РФ была дополнена двумя новыми главами, детализирующими положения о недвижимых вещах в развитие положений ст. 130 ГК РФ и об особенностях права собственности на них[30]. Анализ данных нововведений позволяет прийти к выводу о том, что законодатель медленно, но последовательно идет по пути внедрения концепции единого объекта недвижимости – об этом свидетельствует установление двух разных правовых режимов для строящихся зданий[31].

На реализацию теории единой недвижимости, на наш взгляд, также в определенной степени направлена новая норма, устанавливающая возможность запрета или ограничения на образование отдельных видов недвижимых вещей либо условия, при соблюдении которых допускается образование таких недвижимых вещей. Такой запрет, в частности, установлен в отношении единого недвижимого комплекса, который в силу императивной нормы является неделимой вещью. В этой связи противоречивой является норма ст. 141.3 ГК РФ, допускающая образование зданий и сооружений (в качестве отдельных объектов недвижимых вещей) в результате раздела единого недвижимого комплекса.

Очевидно, что новые нормы, касающиеся создания новых объектов т.н. рукотворной недвижимости и возникновения на нее права собственности, в том числе правила, устанавливающие возможность раздела такой недвижимости, продиктованы социально-экономическими реалиями современного состояния рынка недвижимости, и прежде всего строительной сферы. Безусловно, одномоментное внедрение в отечественное законодательство рассматриваемой концепции – это утопия. Вместе с тем считаем возможным сократить перечень объектов недвижимости.

Так, неизменно с 1994 г. к самостоятельным объектам недвижимости законодатель относит участки недр, которые физически неразрывно связаны с земельным участком. В связи с этим в научной доктрине обсуждаются такие вопросы, как разграничение недр и земли[32] и объем полномочий правообладателей на эти объекты[33]. Но особое внимание ученых уделяется анализу того, что же выступает непосредственным объектом прав – недра или их участки, недра как природный объект или как природный ресурс[34] и т.д.

Первое, на что следует обратить внимание, – отсутствие легальной дефиниции понятия «участок недр» в отличие от участка земли, дефиницию которой законодатель закрепил в нормах гражданского законодательства в 2021 г. (когда был принят Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 25.12.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) «О недрах»[35] (далее – Закон о недрах)). Соответственно, по аналогии с земельным участком понятие

и самостоятельного объекта гражданских прав и гражданско-правовых сделок» (см.: *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд. М., 2018).

[28] По мнению Е.А. Суханова, ситуация с множественностью «объектов недвижимости в российских условиях доведена до абсурда», к счастью, что такие инициативы Минэкономразвития России, как отнесение к недвижимости еще «площадок» (крыш и стен домов), не была реализована в законодательстве (см.: *Суханов Е.А.* Недвижимость в системе объектов гражданских прав. С. 16–22).

[29] См.: Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52, ст. 8989.

[30] Глава 6.1 «Недвижимые вещи» ГК РФ включает новые ст. 141.2–141.5, гл. 17.1 «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места» ГК РФ соответственно ст. 287.1–287.7.

[31] По общему правилу право собственности на созданные здание, сооружение, объект незавершенного строительства, помещение, машино-место возникает у собственника земельного участка, на котором расположены указанные объекты. Второй режим предполагает возникновение права собственности у застройщика на созданные им здание, сооружение, объект незавершенного строительства, помещение, машино-место при строительстве на земельном участке, находящимся в государственной или муниципальной собственности.

[32] См.: *Алланина Л.М.* Гражданско-правовое регулирование отношений недропользования. Тюмень, 2011. С. 140; *Димитриев М.А.* К вопросу об участках недр как объектах гражданских прав // Росс. судья. 2011. № 12. С. 17–20; *Калиниченко К.С.* Правовой режим земельного участка и расположенных на нем зданий, сооружений в России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С. 22; и др.

[33] См., напр.: *Камышанский В.П.* О праве пользования участками недр в науке гражданского права // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 15–21.

[34] См.: *Прокаев А.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере недропользования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 26; *Воронина А.А.* Недра как объект гражданских правоотношений // Известия РПГУ. 2008. С. 68–72; и др.

[35] См.: СЗ РФ. 1995. № 10, ст. 823. Закон о недрах определяет недра как часть земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения.

«недра» относится к объекту экологических (природоохранных) отношений, в то время как «участок недр» как объект недвижимости является индивидуально-определенной вещью с установленными географическими границами[36]. Более того, как справедливо указывает Е.Г. Семенова, «индивидуализация участка недр не может быть осуществлена в отрыве от земельного участка над ним»[37].

В соответствии с действующим законодательством участки недр исключены из свободного оборота[38]. По сути же, режим их использования практически исчерпывается административными разрешениями и лицензированием. Вместе с тем использование участка недр невозможно без использования соответствующего земельного участка[39]. Следует отметить, что такая связь земельного участка и участка недр стала основанием для доктринальной дискуссии о возможности включения участка недр в гражданский оборот как самостоятельного объекта гражданских прав[40].

Выделение в качестве объекта недвижимости участка недр основано на положении ч. 2 ст. 9 Конституции РФ, допускающей их нахождение в частной собственности. Однако действующее законодательство признает недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, государственной собственностью (ст. 1.2 Закона о недрах). Это, по справедливому утверждению Е.А. Суханова, лишает отнесение участков недр к недвижимым вещам юридического смысла[41].

Напомним, что в свое время к недвижимости относились также леса и многолетние насаждения, которые были исключены[42] из ст. 130 ГК РФ в связи с введением в действие Лесного кодекса РФ[43].

Учитывая изложенное, считаем возможным сократить перечень объектов недвижимых вещей, исключив из ст. 130 ГК РФ упоминание об участках недр.

Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 213-ФЗ[44] была решена доктринальная дискуссия о правовом режиме объекта незавершенного строительства. По мнению Е.А. Суханова, такая недвижимая вещь не известна ни одному, кроме российского, правопорядку[45]. До законодательного решения указанной проблемы на правоприменительную практику существенное влияние оказала позиция Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, который в своем постановлении от 25 февраля 1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (утратило силу) отнес к недвижимому имуществу «не завершенные строительством объекты, не являющиеся предметом договора строительного подряда»[46]. Данной позиции и следовали суды нижестоящих инстанций.

Включив объекты незавершенного строительства в перечень недвижимых вещей, законодатель по какой-то причине не дал его определения, а самое главное, не установил критерии его признания недвижимостью, оставив решение данного вопроса на усмотрение правоприменительной практики.

---

[36] Как справедливо отмечает И.П. Писков, «только путем установления границ участок недр может быть обособлен от окружающих его недр и индивидуализирован. И только получив эти свойства – свойства вещи, участок недр может сделаться объектом права собственности и других гражданских прав» (см.: *Писков И.П.* Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М., 2008. С. 382, 383).

[37] *Семенова Е.Г.* Правовой режим участка недр как объекта гражданских прав // Власть Закона. 2017. № 2. С. 177–189.

[38] Участки недр в силу прямого указания закона не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Данные объекты могут передаваться только в пользование и только в той мере, в какой их оборот допускается федеральными законами (ст. 1.2 Закона о недрах).

[39] В силу чего Законом о недрах (ст. 25.1, 25.2) устанавливаются основания возникновения у пользователей участков недр прав на земельные участки, необходимые для ведения работ, связанных с пользованием недрами. Одновременно закрепляются права правообладателей земельных участков на использование для собственных нужд имеющихся в границах земельных участков общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод (ст. 19).

[40] См.: *Димитриев М.А.* Указ. соч. С. 18.

[41] См.: *Суханов Е.А.* О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4.

[42] Согласно действующему законодательству использование, охрана, защита и воспроизводство лесов осуществляются исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе.

[43] См.: Федеральный закон от 04.12.2006 № 201-ФЗ (ред. от 13.06.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 50, ст. 5279.

[44] См.: Федеральный закон от 30.12.2004 № 213-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1, ст. 39.

[45] По словам ученого, «в оправдание законодателя можно лишь заметить, что особый правовой режим этих “полузастроенных” или “недозастроенных” земельных участков, в большинстве случаев находящихся к тому же в государственной (публичной) собственности, представляет собой типичное “наследие” прежнего правопорядка (в котором “котлован” или “коробка” здания считались самостоятельными имущественными ценностями)» (см.: *Суханов Е.А.* О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4).

[46] См.: Вестник ВАС РФ. 1998. № 10.

Высказывая свою позицию на этот счет в 2015 г., Пленум Верховного Суда РФ руководствовался, по всей вероятности, общими признаками «рукотворной» недвижимости – «прочной связью с землей». По мнению Пленума, разрешение вопроса о признании строящегося объекта недвижимой вещью следует исходить из того, завершены ли работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы. При этом «замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (пункт 1 статьи 133 ГК РФ)»[47].

Подобная неопределенность с критериями признания рассматриваемого объекта недвижимой вещью негативно отражается и на судебной практике. В ряде случаев суды признают фундамент в качестве достаточного основания для признания объекта незавершенного строительства недвижимой вещью[48], а в иных случаях отказывают в таком признании при наличии бетонного фундамента[49].

Насколько же оправдано наделение данного объекта самостоятельным статусом и отвечает ли это современным социально-экономическим реалиям?

Рыночная стоимость такого объекта на уровне «завершения работ по сооружению фундамента или аналогичных им работ» значительно меньше затрат на осуществление работ по строительству самого объекта и на введение его в эксплуатацию. Кроме того, нельзя рассматривать объект незавершенного строительства и как имущественное благо, поскольку фундамент сам по себе не имеет целевого назначения. Более того, как показал обзор судебной практики, не могут быть введены в гражданский оборот объекты незавершенного строительства, права на которые не зарегистрированы в установленном законом порядке[50]. При этом регистрации права предшествует регистрация самого объекта незавершенного строительства. Данный процесс осложняется тем, что при рассмотрении споров, связанных с объектами незавершенного строительства, суды руководствуются тем, что «факт регистрации объекта незавершенного строительства в качестве недвижимости не лишает суд права иначе оценить правовой режим этой вещи»[51].

Далее исходим из следующего. Признание объекта незавершенного строительства возможно только в отсутствие действующего договора строительного подряда, а само строительство должно быть приостановлено, законсервировано или окончательно прекращено[52]. Если строительство велось собственником земельного участка (но по какой-то причине «законсервировано»), то, принимая во внимание концепцию единства земельного участка и возведенных на нем зданий, сооружений и т.п., выделение объекта незавершенного строительства в качестве самостоятельного объекта недвижимости нецелесообразно, но в любом случае это никак не ограничивает собственника земельного участка распорядиться им по своему усмотрению.

Иная ситуация складывается, когда собственник земельного участка предоставил его третьему лицу под капитальное строительство. Гипотетически можем представить, что по какой-то причине строительство застройщиком было «законсервировано», договор строительного подряда истек, объект не завершен и не может использоваться по его прямому назначению, застройщик в силу определенных причин не способен или не заинтересован в возобновлении строительства, при этом не осуществляет государственную регистрацию объекта и не оформляет право собственности на него. В этом случае и по истечении договора аренды

---

[47] См.: постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

[48] Результат незавершенных строительных работ признают недвижимостью, если у него есть фундамент (см.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.11.2019 № Ф04-5052/2019 по делу № А46-1191/2019 // СПС «КонсультантПлюс»).

[49] В частности, как отметил в своем постановлении Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа, «спорная постройка не относится к объектам недвижимого имущества, поскольку наличие у спорного объекта мелкозаглубленного бетонного фундамента само по себе не позволяет отнести его с учетом требований статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации к объекту недвижимости (установка временного сооружения на капитальном фундаменте не влечет отнесения такой постройки к объектам недвижимости; возведение бетонного фундамента не может рассматриваться как доказательство строительства капитального здания, поскольку такого рода фундамент часто используется также и для возведения временных сооружений)» (см.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13.11.2019 № Ф02-5324/2019 по делу № А19-27336/2017 // СПС «КонсультантПлюс»).

[50] Более подробно см.: *Лужина А.Н.* Недвижимое имущество: понятие и отдельные виды: учеб. пособие. М., 2017.

[51] См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.11.2018 № Ф08-9608/2018 по делу № А63-3439/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; постановления Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа: от 16.01.2018 № Ф02-7424/2017 по делу № А33-3574/2017; от 15.03.2018 № Ф02-705/2018 по делу № А19-19762/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[52] Из сложившейся судебной практики также следует, что для государственной регистрации необходимо, чтобы строительство объекта было приостановлено, законсервировано или окончательно прекращено (см.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.03.2018 № Ф05-2605/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2016 № 19АП-3642/2016 // https://19aas.arbitr.ru/).

собственник земельного участка ограничен в использовании и распоряжении земельным участком, занятым объектом незавершенного строительства.

Примечательно, что законодатель предусмотрел на этот счет последствия только в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности – их суть заключается в возможности изъятия такого объекта в установленном законом порядке (посредством продажи с торгов и только по решению суда). Аналогичных правил в отношении «частного» собственника земельного участка в действующем гражданском законодательстве нет.

Учитывая изложенное, в целях обеспечения защиты прав собственника земельного участка, занятым объектом незавершенного строительства, а также в целях реализации концепции единства земельного участка и возведенных на нем объектов целесообразным видится исключение из перечня недвижимых вещей объекта незавершенного строительства, отнеся его к составной части земельного участка.

По мнению Е.А. Суханова, «недвижимость – категория юридическая, а не физическая и главное ее свойство – не физическая "неотрывность" от земли, а юридически необходимая государственная регистрация правового режима соответствующей вещи»[53].

Однако государственная регистрация как один из основных элементов правового режима недвижимости предусмотрена и в отношении движимых вещей, например автомобилей[54], ряд из которых имеет более высокую рыночную стоимость в сравнении, в частности, с жилыми помещениями. Несмотря на это законодатель совершенно справедливо, на наш взгляд, не торопится относить их к недвижимым вещам. Вместе с тем становится очевидным, что государственная регистрация объекта не является ни признаком недвижимого имущества, ни уникальной характеристикой ее правового режима. При этом следует обратить внимание на указание в абз. 2 п. 1 ст. 130 ГК РФ, в соответствии с которым к недвижимости относятся только те воздушные и морские суда, а также суда внутреннего плавания, которые в силу законодательства подлежат государственной регистрации[55]. Отметим, что стоимость отдельных премиальных автомобилей существенно превышает стоимость среднестатистического, к примеру, воздушного судна.

Учитывая изложенное, считаем возможным исключить из состава недвижимых вещей также воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания и отнести их к движимому имуществу с сохранением их государственной регистрации по аналогии с автомобильным транспортом.

В результате к недвижимым вещам предлагаем относить земельные участки и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, единые недвижимые комплексы, а также помещения (жилые и нежилые) и машино-места в редакции ст. 130 ГК РФ.

* * *

Таким образом, внесение последних изменений в гражданское законодательство в части расширения перечня объектов недвижимых вещей обусловлено комплексом причин, в первую очередь сохранением господствующей роли государственной собственности на землю, а также современным социально-экономическим состоянием рынка недвижимости и никак не свидетельствует об отказе законодателя от внедрения в отечественную правовую систему концепции единого объекта недвижимости. Такой вывод нам позволяют сделать новации гражданского законодательства о принципе приращения – право собственности на созданные здание, сооружение, объект незавершенного строительства, помещение, машино-место возникает у собственника земельного участка, на котором расположены указанные объекты.

Как отмечает Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, принятый в 2021 г. Закон «оставляет открытым вопрос о том, предлагается ли при дальнейшем развитии гражданского законодательства придерживаться концепции единого объекта недвижимости»[56].

---

[53] *Суханов Е.А.* О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4.

[54] См.: Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I), ст. 5076. Данный Закон определяет правовую и организационные основы, цели государственной регистрации транспортных средств, права и обязанности участников отношений, возникающих в связи с государственной регистрацией транспортных средств.

[55] См.: ст. 33 Воздушного кодекса РФ от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. 1997. № 12, ст. 1383; ст. 16 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СЗ РФ. 2001. № 11, ст. 1001; ст. Кодекса торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2207.

[56] Экспертное заключение по проекту федерального закона № 47538-6/5.1 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 21.10.2021 № 212-1/2021) // СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алланина Л.М.* Гражданско-правовое регулирование отношений недропользования. Тюмень, 2011. С. 140.
2. *Болтанова Е.С.* Операции с недвижимостью: купля-продажа. Дарение. Наследование. Налогообложение. Ростов н/Д., 2002.
3. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд. М., 2018.
4. *Волочай Ю.А.* Приобретение права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительный анализ законодательства России и Германии. М., 2013. С. 26.
5. *Воронина А.А.* Недра как объект гражданских правоотношений // Известия РПГУ. 2008. С. 68–72.
6. *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 610 (Серия «Русское юридическое наследие»).
7. *Димитриев М.А.* К вопросу об участках недр как объектах гражданских прав // Росс. судья. 2011. № 12. С. 17–20.
8. *Дорожинская Е.А.* Правовое регулирование сделок с недвижимостью. Новосибирск, 1999. С. 15, 16.
9. *Калиниченко К.С.* Здания и сооружения как составные части земельного участка. Сравнительный анализ по российскому и германскому праву // Закон. 2014. № 12. С. 121–131.
10. *Калиниченко К.С.* Правовой режим земельного участка и расположенных на нем зданий, сооружений в России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С. 22.
11. *Камышанский В.П.* О праве пользования участками недр в науке гражданского права // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 15–21.
12. *Кулаков В.В.* К вопросу о признаках недвижимости как критериев ее государственной регистрации // Современный юрист. 2020. № 2. С. 21–32.
13. *Лужина А.Н.* Недвижимое имущество: понятие и отдельные виды: учеб. пособие. М., 2017.
14. *Лужина А.Н.* Понятие недвижимого имущества и отдельные объекты недвижимого имущества. М., 2013. С. 6.
15. *Писков И.П.* Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М., 2008. С. 382, 383.
16. *Прокаев А.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере недропользования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 26.
17. *Псел О.П.* Правовые проблемы реализации принципа единой судьбы земельного участка и расположенного на нем строения при их наследовании // Право и политика. 2008. № 1. С. 208–211.
18. *Семенова Е.Г.* Правовой режим участка недр как объекта гражданских прав // Власть Закона. 2017. № 2. С. 177–189.
19. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М., 2002. С. 127 (Серия «Классика российской цивилистики»).
20. *Синицын С.А.* Некоторые общие особенности развития категории «недвижимость» в российском гражданском праве // Гражданское право. 2023. № 2. С. 30–34.
21. *Суханов Е.А.* Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал росс. права. 2021. № 1. С. 16–22.
22. *Суханов Е.А.* О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4.
23. *Суханов Е.А.* О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Проблемы реформирования Гражданского кодекса России. М., 2013. С. 420.
24. *Сыродоев Н.А.* Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество // Государство и право. 1998. № 8. С. 93.
25. *Тужилова-Орданская Е.М.* Понятие и особенности недвижимости как объекта прав по Гражданскому кодексу РФ // Журнал росс. права. 2014. № 6.
26. *Чаплин Н.Ю.* Концепция единого объекта недвижимости: к вопросу о целесообразности и возможности ее реализации в российском законодательстве // Журнал росс. права. 2019. № 1. С. 150–158.
27. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 96.

REFERENCES

1. *Allanina L.M.* Civil law regulation of subsoil use relations. Tyumen, 2011. P. 140 (in Russ.).
2. *Boltanova E.S.* Real estate transactions: purchase and sale. Donation. Inheritance. Taxation. Rostov-on-Don, 2002 (in Russ.).
3. *Vitryansky V.V.* Reform of Russian civil legislation: interim results. 2nd ed. M., 2018 (in Russ.).
4. *Volochay Yu. A.* Acquisition of ownership of real estate under a contract: a comparative analysis of the legislation of Russia and Germany. M., 2013. P. 26 (in Russ.).
5. *Voronina A.A.* Subsoil as an object of civil relations // News of the Russian State University. 2008. Pp. 68–72 (in Russ.).
6. *Gambarov Yu. S.* Civil Law. General part. M., 2003. P. 610 (Series "Russian legal heritage") (in Russ.).
7. *Dimitriev M.A.* On the issue of subsurface areas as objects of civil rights // Russ. judge. 2011. No. 12. Pp. 17–20 (in Russ.).
8. *Dorozhinskaya E.A.* Legal regulation of real estate transactions. Novosibirsk, 1999. Pp. 15, 16 (in Russ.).
9. *Kalinichenko K.S.* Buildings and structures as components of a land plot. Comparative analysis of Russian and German law // Law. 2014. No. 12. Pp. 121–131 (in Russ.).
10. *Kalinichenko K.S.* The legal regime of a land plot and buildings and structures located on it in Russia and Germany: abstract ... PhD in Law. SPb., 2016. P. 22 (in Russ.).
11. *Kamyshansky V.P.* On the right to use subsoil plots in the science of Civil Law // The Power of Law. 2016. No. 2 (26). Pp. 15–21 (in Russ.).

12. *Kulakov V.V.* On the question of the signs of real estate as criteria for its state registration // Modern lawyer. 2020. No. 2. Pp. 21–32 (in Russ.).

13. *Luzhina A.N.* Real estate: the concept and certain types: textbook. M., 2017 (in Russ.).

14. *Luzhina A.N.* The concept of immovable property and individual objects of immovable property. M., 2013. P. 6 (in Russ.).

15. *Piskov I.P.* Property right: actual problems / res. ed. V.N. Litovkin, E.A. Sukhanov, V.V. Chubarov. M., 2008. Pp. 382, 383 (in Russ.).

16. *Prokaev A.V.* Civil law regulation of relations in the field of subsoil use: abstract ... PhD in Law. Saratov, 2010. P. 26 (in Russ.).

17. *Psel O.P.* Legal problems of implementing the principle of a single fate of a land plot and a building located on it during their inheritance // Law and Politics. 2008. No. 1. Pp. 208–211 (in Russ.).

18. *Semenova E.G.* The legal regime of a subsoil plot as an object of civil rights // The Rule of Law. 2017. No. 2. Pp. 177–189 (in Russ.).

19. *Sinaisky V.I.* Russian Civil Law. M., 2002. P. 127 (Series "Classics of Russian Civil Law") (in Russ.).

20. *Sinitsyn S.A.* Some general features of the development of the category "real estate" in Russian Civil Law // Civil Law. 2023. No. 2. Pp. 30–34 (in Russ.).

21. *Sukhanov E.A.* Real estate in the system of objects of civil rights // Journal of Russ. law. 2021. No. 1. Pp. 16–22 (in Russ.).

22. *Sukhanov E.A.* On the concept of real estate and its impact on other civil law categories // Herald of Civil Law. 2008. No. 4 (in Russ.).

23. *Sukhanov E.A.* On the concept of real estate and its impact on other civil law categories // Problems of reforming the Civil Code of Russia. M., 2013. P. 420 (in Russ.).

24. *Syrodoev N.A.* Registration of rights to land and other immovable property // State and Law. 1998. No. 8. P. 93 (in Russ.).

25. *Tuzhilova-Ordanskaya E.M.* The concept and features of real estate as an object of rights under the Civil Code of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2014. No. 6 (in Russ.).

26. *Chaplin N. Yu.* The concept of a single real estate object: on the question of expediency and the possibility of its implementation in Russian legislation // Journal of Russ. law. 2019. No. 1. Pp. 150–158 (in Russ.).

27. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian Civil Law (ed. 1907). M., 1995. P. 96 (in Russ.).

Сведения об авторе

КРЕСС Вячеслав Викторович –
кандидат юридических наук,
Председатель Арбитражного суда
Московского округа;
127994 г. Москва, ул. Селезневская, д. 9

Authors' information

KRESS Vyacheslav V. –
PhD in Law,
Chairman of the Arbitration Court
of the Moscow District;
9 Seleznevskaya str., 127994 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 114–124
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 114–124

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ ГИБРИДНЫХ И ПОСТГЛОБАЛЬНОГО ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ: СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ АСПЕКТ

© 2024 г. С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Поступила в редакцию 27.10.2024 г.

Аннотация. В статье на основе выявления и анализа историографического контекста моделируется концептуальный проект развития правового регулирования социально-трудовых отношений посредством исторической реконструкции отечественных доктринальных подходов формирования теории трудовых правоотношений. Предпринятый обзор истории права иллюстрирует объективную обусловленность возникновения частно-публичных социальных отраслей права, включая трудовое. Показаны определяющее влияние отечественной науки и практики регулирования труда на глобальное развитие трудового права в XX веке, а также встречная имплементация норм и особенности трудового права России переходного периода. Анализ историографии и основных источников позволил обосновать необходимость конвергенции отечественных теоретических моделей трудовых правоотношений. Это делает доктринально возможным адаптацию к предмету трудового права регулирования возникающих и меняющихся форм организации труда, занятости и социальной защиты в условиях переходных гибридных и постглобального правовых режимов и сохранение исторически обусловленных традиционно-ценностных конституализированных фундаментальных трудовых и социальных прав и институтов охраны труда, социального страхования и социального партнерства.

Ключевые слова: история права, историография трудовых правоотношений, доктрина, конвергенция, гибридный правовой режим, гибридное правоприменение, традиционные духовно-нравственные ценности, охрана труда, социальное страхование, социальное партнерство.

Цитирование: *Чуча С.Ю.* Историографические контексты концептуализации и применения гибридных и постглобального правовых режимов: социально-трудовой аспект // Государство и право. 2024. № 11. С. 114–124.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S10269452241100109

HISTORIOGRAPHICAL CONTEXTS OF CONCEPTUALIZATION AND APPLICATION OF HYBRID AND POST-GLOBAL LEGAL REGIMES: THE SOCIO-LABOR ASPECT

© 2024 S. Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Received 27.10.2024

Abstract. In the article based on the identification and analysis of the historiographic context, a conceptual project for the development of legal regulation of social and labor relations is modeled through the historical reconstruction of domestic doctrinal approaches to the formation of the theory of labor relations. The undertaken review of the history of law illustrates the objective determinacy of the emergence of private-public social branches of law, including Labor. The decisive influence of domestic science and practice of labor regulation on the global development of labor law in the twentieth century, as well as the counter-implementation of norms and features of labor law in Russia in the transitional period are shown. The analysis of the historiography and main sources made it possible to substantiate the need for convergence of domestic theoretical models of labor relations. This makes it doctrinally possible to adapt to the subject of Labor Law the regulation of emerging and changing forms of labor organization, employment and social protection in the context of transitional hybrid and post-global law enforcement and legal regimes and the preservation of historically conditioned traditional-value constitutionalized fundamental labor and social rights and institutions of labor protection, social insurance and social partnership.

Key words: history of law, historiography of labor relations, doctrine, convergence, hybrid legal regime, hybrid law enforcement, traditional spiritual and moral values, labor protection, social insurance, social partnership.

For citation: *Chucha, S. Yu. (2024).* Historiographical contexts of conceptualization and application of hybrid and post-global legal regimes: the socio-labor aspect // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 114–124.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Историко-теоретическое осмысление достижений правовой науки, особенно национальных достижений – самый верный путь движения в будущее, поскольку именно отечественные наработки, даже основанные на имплементации зарубежного опыта, в наибольшей степени отвечают духовно-нравственным ценностям нашего народа. В России активно ведется дискуссия о трудоправовом статусе платформенных занятых и самозанятых, имеющих исключительно налоговый статус. Но если оглянуться даже в недавнее наше прошлое, мы найдем прямую аналогию самозанятых – это кустари, труд которых был урегулирован в СССР и элементы этого регулирования, можно заимствовать для формирования правового статуса новых субъектов в цифровую эпоху, когда использование для организации масс самозанятых цифровых платформ и средств контроля с применением технологий искусственного интеллекта для обработки данных обеспечивает такую хозяйскую власть над этими внешне как бы самостоятельными субъектами, которая была недостижима ранее, позволяя не только фиксировать, но уже и прогнозировать отступление от выполнения распоряжений организатора бизнеса, превращая этих «новых пролетариев» в прекариат. В этом смысле выяснение историографического контекста позволяет разработать концептуальный проект рекомендаций по развитию правового регулирования социально-трудовых отношений через историческую реконструкцию доктринальных подходов формирования теории трудовых отношений.

Римское частное и римское публичное право как протоотрасли права на протяжении тысячелетий своего становления экзистенциально не воспринимались как некие относительно самостоятельные комплексы норм и развивались, реагируя на постоянные и постепенные изменения окружающей действительности, усложнение общества, технологий, географии торговли и производственных отношений, посредством совершенствования уже имеющихся нормативных предписаний и привычных для каждой из них методов правового регулирования, лишь в ограниченных масштабах подвергаясь взаимной диффузии. К разной жизненной ситуации применялись разные, но в каждом случае – соответствующие с позиции современников правовые инструменты. Картина резко изменилась с вступлением человечества в эпоху капиталистических отношений, машинного производства и углубления разделения труда, требующего привлечения значительных масс работников, обладающих каждый лишь своей частью компетенции по производству товарного продукта. Во-первых, это повлекло развитие имеющихся институтов в рамках частного и публичного права и их усложнение. Итогом стало такое увеличение объема правовой материи и такое ее разнообразие, которые уже не могли существовать в рамках одной отрасли. Следствием этих процессов стало, например, формирование из обособленных групп норм новых отраслей в рамках публичного права: уголовного, административного. Во-вторых, ряд этих изменений, реагируя на революционные перемены технологии (например, появление сети железных дорог), имели столь же революционный, но внутриотраслевой характер. В нашем примере реакцией стало обособление в рамках частноправовой ответственности института, который позднее в отечественной юриспруденции получил название ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, наступающей без вины, т.е., согласно действующей доктрине, в отсутствие необходимого элемента состава правонарушения, иными словами – без правонарушения. И наконец, в-третьих, изменения организации производства, вызванные ускоренным технологическим прогрессом, потребовали адекватного правового регулирования организации труда, что вызвало взрывной процесс конвергенции частного и публичного права и, как следствие, полную невозможность правового регулирования этой уже почти системы общественных отношений, сложившейся внутри или частного, или публичного права, исключительно частно- или публично-правовыми отраслевыми методами. Неприменимость же к этой взаимосвязанной группе общественных отношений отраслевых принципов правового регулирования препятствовала ее дальнейшему развитию в рамках материнской отрасли, одновременно разрушая и саму выверенную отраслевую интегративную структуру – систему отрасли. Результатом стало строительство из элементов, отторгнутых частным и публичным правом, но тяготеющих друг к другу вследствие регулирования ими единой группы общественных отношений – производственных отношений, которые позволяли добиться оконченного цикла создания товаров с участием значительных коллективов работников, участвующих в разделении труда по правилам, установленным работодателем, – новой – частно-публичной – отрасли, которую мы называем трудовым правом.

Она стала первой из возникших таким образом сложно структурированных из публичных и частных элементов отраслей. В самом начале своего формирования трудовое право напоминало отрасль публичного права (Устав о промышленном труде[1] – нормативный акт, в целом относящийся к административному с элементами частного), но почти сразу стало рассматриваться как институт права гражданского, поскольку в основе трудовых правоотношений лежал цивилистический договор найма труда, очень быстро названный трудовым[2].

Труд на промышленных предприятиях в XIX в. (как и тысячелетиями ранее – договоры найма вещи (рабов) и услуг – *locatio-conductio rei* и *locatio-conductio operarum* соответственно) регламентировался гражданским правом – на основании договоров подряда, возмездного оказания услуг (ныне эти договоры регламентируются гл. 37 (ст. 702–768), 39 (ст. 779–783[1]) Гражданского кодекса РФ), личного найма, а впоследствии – и найма труда. Почему в России на рубеже XIX–XX вв. начали рассуждать о договоре найма труда в качестве института гражданского права, а не административного? Фабричное (промышленное) право включало в себя законодательство, ограничивавшее хозяйскую власть работодателя (охрана труда, ограничение продолжительности рабочего времени), законодательство о социальном страховании от несчастных случаев на производстве и законодательство о нормативных (тарифных) соглашениях. Оно было на порядок объемнее норм Гражданского кодекса РФ, составляющих институт найма, в них была сведена к минимуму диспозитивность – по современным критериям их с полным правом следовало относить к административному праву. Третьей «инъекцией» в тело договора найма стало законодательство о профсоюзах для отстаивания работниками своих интересов во взаимоотношениях с работодателями при заключении тарифных соглашений

[1] См.: Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. II.

[2] См.: *Таль Л.С.* Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. 1: Общие учения. Ярославль, 1913; 1918. Ч. 2: Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. С. 9–12.

(то, что сегодня мы называем социальным партнерством), по сути, поддерживающее монополию на стороне работников, в отличие от гражданского права, не приемлющего монополии как разрушающей диспозитивность и равенство сторон.

Исторический процесс способствовал становлению новой отрасли – уже в 1918 г. был принят первый Кодекс законов о труде РСФСР[3] («Кодекс военного коммунизма»), в 1922 г. за ним последовал новый («Кодекс НЭПа»)[4], десятилетиями изменявшийся и дополнявшийся, обраставший массой подзаконных актов. Накопленный нормативный материал позволил теоретически обосновать формирование самостоятельной отрасли советского права – трудового[5].

С этого момента отечественные трудоправовая наука и практика регулирования трудовых отношений, возникнув изначально на западном цивилизационном фундаменте, частично имплементированном в российское дореволюционное законодательство, стали ориентиром развития трудового права во всем мире и для развитых, и для развивающихся стран, хотя теоретические конструкции далеко не всегда находили реализацию в реальных правоотношениях внутри СССР, а реализованные зачастую носили идеологизированный характер. Понятно, что в период военного коммунизма с его трудовой мобилизацией многие прогрессивные нормы КЗоТ РСФСР 1918 г. не применялись и не могли быть применены. Постулаты марксистской теории о постепенном отмирании государства по мере движения к коммунизму воплощались на практике через довольно широко распространенное нормотворчество профсоюзов в трудовой и социальной сфере – через постановления ВЦСПС. Обстановка осажденной крепости в предвоенные, военные и последовавшие годы противостояния с вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции гипертрофированно развили производственную функцию профсоюзов в ущерб защитной, которая впоследствии также приобрела чрезмерный характер, вплоть до согласования работодателем с профсоюзом всякого увольнения работника.

Созданные на пике развития советской школы трудового права, в том числе и непосредственно представителями академической школы Института государства и права АН СССР во главе с проф. С.А. Ивановым[6], законы о труде ряда развивающихся государств в ходе своего совершенствования превзошли по уровню гарантий и сбалансированности в регулировании трудовых отношений материнскую правовую систему, усредненную заимствованием современных западных моделей, и сегодня уже сами становятся образцом правового регулирования[7].

Зарубежными исследователями трудовые правоотношения не рассматриваются в качестве самостоятельного предмета познания: их содержание совпадает с трудовым договором, который и подвергается изучению[8]. В России термин «трудовое правоотношение» в научный оборот ввел И.С. Войтинский[9], проследив преобразование трудовых отношений в трудовое правоотношение при заключении трудового договора и под воздействием норм трудового права – «при наемном труде трудовое отношение облекается в договорную форму трудового договора»[10].

За прошедшие с тех пор десятилетия немало ученых-трудовиков обращалось к этой теме, в том числе и на уровне специальных монографических исследований[11]. По мнению, сформулированному в 1948 г. проф. Н.Г. Александровым, трудовое правоотношение является единым[12] по своей природе и сущности и представляет собой характерный для трудового права структурный тип правоотношений и главное средство действия норм в механизме правового регулирования труда[13] в условиях индустриального производства.

Развитие и модификация теории связаны с установлением проф. В.Н. Скобелкиным существования системы трудовых правоотношений, элементы

---

[3] См.: СУ РСФСР. 1918. № 87/88, ст. 905.

[4] См.: Кодекс законов о труде РСФСР // СУ РСФСР. 1922. Отд. 1. № 70, ст. 903.

[5] См.: *Александров Н.Г.* Трудовое правоотношение. М., 1948.

[6] См.: *Иванов С.А.* Проблемы международного регулирования труда. М., 1964; *Его же.* О правовом регулировании труда в молодых суверенных государствах Африки // Сов. государство и право. 1962. № 1. С. 86–97; и др.

[7] См.: *Дзюбак А.В., Чуча С.Ю.* Правовое регулирование трудовой миграции: перспективы внедрения восточной модели // Закон. 2024. № 3. С. 27–37. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37

[8] См.: *Casale G., Davulis T., Petrylaite D.* The Labour Law Challenges: In Search of a Balance Between Flexibility and Security. Hard vs. Soft Law? // Labour and Social Security Law in the XXI Century: Challlenges and Perspectives. Vilnius, 2007. Pp. 131–144.

[9] См.: *Лушников А.М., Лушникова М.В.* Очерки теории трудового права. СПб., 2006. С. 522.

[10] *Войтинский И.С.* Трудовое право СССР. М.; Л., 1925. С. 122–124.

[11] См.: *Шебанова А.И.* Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1957; *Карпушин М.П.* Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1958; *Гинцбург Л.Я.* Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977; *Скобелкин В.Н.* Трудовые правоотношения. М., 1999; и др.

[12] См.: *Лушников А.М., Лушникова М.В.* Курс трудового права: учеб.: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 708–716.

[13] См.: *Раманкулов К.С.* Трудовое правоотношение как правовая структура // Актуальные проблемы росс. права. 2015. № 1. С. 89.

которой могут существовать независимо от трудового договора[14]. Он описывал ситуацию, фактически сложившуюся в период попыток проведения в СССР экономической реформы в 70-е годы прошлого века, повлекшей возникновение новых форм организации труда. А последовавшие фундаментальные исследования[15] были посвящены регулированию труда в совершенно новых условиях многообразия форм собственности, конкуренции способов организации труда на предприятиях разных организационно-правовых форм и наличия рынка труда. И его теория, соответствуя экономическим реалиям и воспринятая законодателем при принятии Трудового кодекса РФ, одновременно закладывала основу формирования новой доктрины трудового права периодов гибридного и постглобального правоприменения.

Можно сказать, что Н.Г. Александров и В.Н. Скобелкин исследовали трудовые правоотношения под разными углами зрения. Если первый создал абстрактную модель, расценивая все исключения как подтверждающие правильность его теоретической модели, то второй использовал и правила, и исключения из них как равноценный строительный материал в своих теоретических построениях. Один исследовал правовые нормы, а второй – и их реализацию. Получившиеся теории можно условно назвать статической и динамической соответственно. Но обе созданные теоретические модели имели универсальный характер и могли быть применены в любой точке мира в отличие от исследований конкретно-исторического и идеологизированного характера, описывающих регулирование труда в государствах развитого социализма[16] и применимых в своей оригинальной части лишь локально и исключительно в этот исторический период.

Представляется, что сегодня нет практического смысла «цементировать» теорию единого неделимого трудового правоотношения. Н.Г. Александров обосновывал создание отрасли права и неделимостью правоотношения «прикреплял» к трудовому праву правовые связи из смежных отраслей. Сейчас о самостоятельности трудового права дискуссия на сколь-нибудь серьезном теоретическом уровне не ведется. Важно попытаться решить проблемы, с которыми столкнулось трудовое право в современных быстро меняющихся условиях деглобализации, четвертой промышленной революции, смены и смешения технологических укладов и, как следствие, способов организации труда.

Для этого следует наряду с теорией единого трудового правоотношения Н.Г. Александрова взять на вооружение доктрину В.Н. Скобелкина и, исходя из того, что трудоправовых договоров так же немало, как и гражданско-правовых, если вместо особенностей говорить о самостоятельных видах трудоправовых договоров, в которых классический индустриальный трудовой договор существует наряду с трудоправовым договором в профессиональном спорте[17], трудоправовым договором на сезонные работы, платформенным трудоправовым договором и т.д., разработать теорию множественности единых трудовых правоотношений, возникающих на основании открытого перечня видов трудоправовых договоров и недоговорных оснований (например, обязательный труд в порядке исполнения наказания), предполагающую, что исключение из единого трудоправового отношения определенного вида отдельных правовых связей не только не разрушит его, превратив в гражданско-правовое, но лишь трансформирует в другой трудоправовой договор из длинного и открытого перечня, закрепленного в измененном Трудовом кодексе РФ.

Конвергенция конкурирующих теорий трудового правоотношения возможно позволит завершить начатый полтора столетия назад процесс и окончательно изъять из предмета гражданского права все договоры, предусматривающие наем труда[18], оставив ему только договор личного найма между физическими лицами, предполагающий равенство сторон, если это не несамостоятельный (т.е. самостоятельный) труд не у единственного работодателя.

Для этого трудовое право, нацеленное на один определенный тип организации труда (с нюансами и существенной дифференциацией) – труда коллективов работников на индустриальных предприятиях, технологически относимых к третьему и четвертому технологическим укладам – и выработавшее оптимальную систему защиты слабой стороны трудовых отношений, отдельными своими институтами распространялось и на другие новые и возможные формы организации труда, которые возникли и еще возникнут в будущем как наиболее

[14] См.: *Скобелкин В.Н.* Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих: Нормы и правоотношения. М., 1982.

[15] См.: *Скобелкин В.Н.* Трудовые правоотношения; Трудовое процедурно-процессуальное право: учеб. пособие / под ред. В.Н. Скобелкина. Воронеж, 2002.

[16] См.: *Гинцбург Л.Я.* Указ. соч.; *Шебанова А.И.* Указ. соч.; *Карпушин М.П.* Указ. соч.; и др.

[17] См.: *Дзюбак А.В., Летова Н.В., Соколова Т.В. и др.* Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта» // Государство и право. 2021. № 6. С. 205–208. DOI: 10.31857/S102694520015036-0

[18] См.: *Чуча С.Ю.* К вопросу о «новом социальном праве» и предмете гражданского права // Закон. 2022. № 4. С. 113–122. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-113-122

соответствующие организации производства в условиях пятого и шестого технологических укладов.

Представляется, что этими институтами, как и в начале XX в., должны стать охрана труда, социальное страхование и социальное партнерство. В практическом плане модернизация теории трудовых правоотношений позволит не только распространить нормы трудового права незамедлительно на обусловленные технологическими изменениями новые формы организации труда, но и избежать необходимости в «обходных маневрах» для включения, скажем, в отношения социального партнерства и предмет трудового права уже возникших отношений, связанных с трудом, или их легализации с предоставлением хотя бы минимальной защиты слабой стороне.

Процесс включения норм о занятости на основе интернет-платформ в трудовое законодательство уже идет, хотя государства решают эту проблему по-разному[19]. Одни включают в законы о труде нормы, распространяющие действие и на наемных работников, и на зависимых самозанятых (ФРГ, Швеция), другие формируют систему судебных прецедентов, позволяющую квалифицировать отношения как трудовые (США). Тем не менее «во всех случаях фактически расширяется действие трудового права, хотя и с помощью различных средств»[20]. Теория комплекса единых трудовых правоотношений открывает широкий горизонт возможностей регулирования платформенного труда нормами отдельного трудоправового договора, включенными в Трудовой кодекс РФ.

Полное поглощение со временем правового регулирования новых форм организации предметом трудового права – один вариант развития событий. Второй: появление новых отраслей – права занятости или социального права, – как и выход в начале века на арену истории трудового права как комплексной отрасли, впитавшей в себя институты права гражданского и административного с единственным отличием: теперь и трудовое право может стать донором[21]. Но и в этом случае на все новые формы занятости в той или иной мере должны распространяться в первую очередь нормы об охране труда, социальном страховании и социальном партнерстве.

Расширение содержания понятия «социальное партнерство» поправками в Конституцию РФ (ст. 75^{1})[22] позволяет распространить на все отношения занятости нормы разд. II ТК РФ с минимальной их адаптацией. Согласование интересов социальных партнеров позволит в дальнейшем максимально приблизить уровень гарантий лиц, участвующих в новых формах занятости, к гарантиям, предоставляемым работникам законодательством о труде.

Крупнейшая геополитическая катастрофа XX в.[23] изменила российское трудовое право, приблизив его к западной модели, лишив конфронтационной идеологии, снизив гарантии прав работников и расширив полномочия работодателя по организации труда. Теоретически и практически эти изменения в свое время были также разработаны в Институте государства и права АН СССР под руководством проф. С.А. Иванова[24]. Переходный период[25] продлился с конца 1980-х годов и закончился с введением в действие Трудового кодекса РФ[26] 1 февраля 2002 г. В этот период трудовое право в России стало догоняющим в рамках сложившейся глобальной прозападной модели, реакция на новые заимствованные формы организации труда не критично, но замедлилась. Тем не менее, несмотря на высокие стандарты, отечественному трудовому праву на то, чтобы соответствовать не столь уж принципиально отличной модели, впитавшей в себя многие советские наработки и практики, потребовалось более десяти лет.

На рубеже 2020-х годов процесс деглобализации – глобальный процесс – начал оказывать воздействие на все правовые системы мира, включая Россию. И если в переходный период 1990-х годов имелась созданная не без участия отечественных юристов модель, на которую ориентировалось

[19] См.: *Birk R., Davulis T., Petrylaite D.* Globale Entwicklungen des Arbeitsrechts aus deutscher Perspektive // Labour and Social Security Law in the XXI Century: Challenges and Perspectives. Vilnius, 2007. Pp. 121–130.

[20] См.: *Зайцева Л.В.* Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 446. С. 212–222. DOI: 10.17223/15617793/446/28

[21] См.: *Чуча С.Ю.* К вопросу о «новом социальном праве». С. 113–122.

[22] См.: *Чуча С.Ю.* Конституционализация и расширение юридического содержания понятия социального партнерства в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 249–261. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).249-261

[23] См.: Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931 (дата обращения: 18.10.2024).

[24] См.: *Иванов С.А.* На пути к новой концепции трудового права: о коллективных трудовых спорах и забастовках // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 57–65; *Его же.* Трудовое право переходного периода: некоторые проблемы // Государство и право. 1994. № 4. С. 53–60; *Его же.* Трудовое право переходного периода: проблемы использования зарубежного опыта // Государство и право. 1995. № 3. С. 30–39; *Лившиц Р.З.* Трудовое законодательство: настоящее и будущее / отв. ред. В.И. Никитинский. М., 1989; и др.

[25] См.: *Савенков А.Н., Горбань В.С.* В.С. Нерсесянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому // Государство и право. 2023. № 9. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520027731-5

[26] См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 3.

меняющееся советское трудовое право, то сегодня такой модели нет – нормы и институты имплементируются из разных моделей или формируются внутри правовой системы, причем далеко не всегда комплексно, не успевая реагировать на вызовы, не имеющие прямых аналогов в прошлом.

Избежание использования традиционных правовых режимов – отличительная черта современного правоприменения в мировом масштабе. Предполагается, что именно она будет сопровождать процессы деглобализации и определит особенности правового регулирования ближайших десятилетий. В России оно проявляется в ускорении создания правил поведения посредством повышения роли Правительства РФ и процесса законотворчества, а также расширении регионального нормотворчества, придании большей легитимности указаниям должностных лиц. Сформированные таким образом правовые режимы – направленный на противодействие распространению коронавируса, сопровождающий проведение СВО и др., можно назвать гибридными – собранными из элементов разных правовых режимов. Причем для такой конструкции используются элементы ординарного и нормативно закрепленных особых правовых режимов, но не в комплексе, избегая крайних мер, влекущих радикальное и тотальное нарушение гражданских прав и свобод, подвергшихся существенной трансформации – режим самоизоляции вместо императивных карантинных мероприятий, специальные меры в сфере экономики вместо специальных экономических мер, устанавливаемых Указом Президента РФ[27].

Такова особенность гибридного правоприменения и формируемых при этом ситуационно гибридных правовых режимов. И этот переход от глобального будет по логике длиннее, чем переход от советской к современной российской правовой модели регулирования в целом и регулирования труда, занятости и социальной защиты в частности, поскольку текущие изменения глобальны, а модель строительства новой системы отсутствует.

В периоды чрезвычайных обстоятельств гражданские права безусловно ограничиваются. Но если это неизбежно, то лучше осуществлять такое ограничение в соответствии с тщательно проработанными заранее, а возможно, и апробированными в меньшем масштабе нормами права с тем, чтобы нарушение гражданских прав носило объективный и ограниченный характер, основываясь при этом на фундаментальных правилах, а не на произволе, неизбежном в отсутствие качественного правового регулирования.

Какие же фундаментальные правила мы можем положить в фундамент правового регулирования с тем, чтобы в переходный период господства гибридных правовых режимов и в его результате сохранить, а возможно, и преумножить достижения человечества в деле справедливого регулирования трудовых, производственных и социально-защитных отношений, когда принцип законности в экстраординарных обстоятельствах перехода этого вовсе не гарантирует? Такими элементами фундамента могли бы стать базирующиеся на закрепленных в Конституции РФ традиционных духовно-нравственных ценностях институты, исторически присущие правовому регулированию труда и, собственно, обусловившие возникновение трудового права как самостоятельной частно-публичной отрасли со своим предметом и методом правового регулирования, распространяя их на новые формы организации труда.

В развитие положений Стратегии национальной безопасности[28], в которой защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти как национальному интересу (п/п. 7 п. 25 Стратегии) посвящен отдельный объемный подраздел с открытым перечнем таких ценностей (п. 91), Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809[29] были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

После придания содержанию традиционных ценностей правовой формы[30] трудовые отношения начали попадать в сферу специальных научных разработок в контексте нахождения традиционно-ценностных оснований[31]. Ведь по степени вовлеченности, ценности созидательного труда уступают, пожалуй, только семейным[32], в которых каж-

[27] См.: *Чуча С.Ю.* Занятость, труд и социальная защита в режиме гибридного правоприменения // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 3. С. 44–52. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52; *Габов А.В.* Специальные меры в сфере экономики: цели, структура и содержание регулирования // Право и экономика. 2024. № 7. С. 5–16.

[28] См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

[29] См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

[30] См.: *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7

[31] См.: *Чуча С.Ю.* Правовые средства защиты созидательного труда как традиционной российской духовно-нравственной ценности // Государство и право. 2024. № 6. С. 111–119. DOI: 10.31857/S1026945224060096

[32] См.: *Летова Н.В.* Традиционные семейные ценности как объект защиты государством, их значение в формировании духовно-нравственной основы российского общества // Государство и право. 2024. № 4. С. 159–166. DOI: 10.31857/S10269452240401

дый человек играет ту или иную роль, как правило, всю свою жизнь. Поэтому не случайно созидательный труд отнесен п. 5 Основ к числу традиционных духовно-нравственных ценностей россиян.

Предпочтение при определении традиционных ценностей нам следует отдавать закрепленным в праве и Конституции РФ прежде всего основным началам. Применительно к трудовым отношениям особо следует выделять принципы социального партнерства и уважения человека труда, закрепленные прямо и косвенно в Конституции РФ[33] и Основах государственной политики[34] как непосредственные спутники ценности созидательного труда, учитывающие социальную направленность отрасли и личностные качества работника, его подчиненное положение в отношениях с работодателем и право участия в переговорном процессе с работодателем по всему спектру связанных с трудом проблем в ходе совместной созидательной деятельности.

Стремление выразить уважение к работающим людям исторически характерно для России. В разные периоды нашей истории, в зависимости от политической системы, Россия объявлялась государством рабочих и крестьян и даже диктатурой пролетариата. Хотя Конституция РФ в то время не содержала прямого указания на уважение трудящихся, сам по себе смысл ее норм свидетельствовал об этом[35]. Конституционное закрепление в ст. 75^1 соответствующая норма получила только в 2020 г.[36]

Следует различать внешнюю (формальную) и внутреннюю (содержательную) стороны реализации принципа уважение человека труда в отраслевом законодательстве. Пример формальной стороны мы обнаруживаем в ст. 57 ТК РФ, посвященной содержанию трудового договора, в котором первой должна указываться информация о работнике, а уже затем – о работодателе, что встречает на удивление активное сопротивление со стороны работодателей и органов управления трудом[37]. Как пример внутренней стороны реализации конституционной гарантии можно привести множество норм, включенных в разделы Трудового кодекса РФ, которые обеспечивают стабильность трудовых отношений, гарантии и компенсации работникам, охрану труда и др.[38]

Для традиционного российского правопонимания, в том числе и трудовых отношений, характерна этатистская картина мира[39]. Именно поэтому в российских условиях важно прямое и недвусмысленное государственное признание социального партнерства, уважения человека труда в качестве конституционной гарантии и принципа, а также правовых средств защиты созидательного труда как традиционной духовно-нравственной ценности российского общества.

Полагаться при этом на принципы права, особенно отраслевые, как на фундамент отрасли гибридного и постгибридного (вероятно, постглобального) периода, следует крайне осторожно. Система принципов права сложна и многогранна, в ней по сфере действия и способу легализации выделяют до шести групп[40]. Все мы были свидетелями недавнего отказа от принципа непрерывности в гражданском процессе[41], вызванном, в общем-то, конъюнктурными обстоятельствами – ростом судебной нагрузки и попыткой хоть как-то снизить ее посредством усиления диспозитивности планирования рассмотрения дел.

Именно поэтому традиционные духовно-нравственные ценности, сохраняемые и укрепляемые государством, должны получить отражение в правовых нормах, и прежде всего, конституционных, для придания им признака всеобщности. Эти не противоречащие религиозным и нравственным

---

[33] «Уважение к человеку труда, социальное партнерство, экономическая солидарность – важнейшие принципы, которые мы заложили в обновленную Конституцию»: выступление Президента РФ на церемонии подписания Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством России на 2021–2023 годы. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65257 (дата обращения: 02.04.2023).

[34] «Коллективизм», «взаимопомощь и взаимоуважение», «созидательный труд» – п. 5 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809; распространение деструктивной идеологии влечет за собой риски снижения «роли социального партнерства», обесценивания идей «созидательного труда и взаимопомощи» – п/п. «б» п. 17 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

[35] Например, ст. 1 Конституции СССР 1977 г. (см.: Правда. 1977. 8 окт.).

[36] См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003140001 (дата обращения: 02.08.2023).

[37] См.: *Чуча С.Ю.* Конституционный принцип уважения человека труда: проблемы реализации в российском законодательстве и правоприменительной практике // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2022. № 44. С. 163–167. DOI: 10.17223/22253513/44/14

[38] См.: там же. С. 160–162.

[39] См.: *Демидов Н.В.* Закономерности практической реализации норм трудового права: историко-правовой аспект // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2020. № 35. С. 172, 173. DOI: 10.17223/22253513/35/15

[40] См.: *Скобелкин В.Н.* Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. М., 1969.

[41] См.: статья 157 ГПК РФ; Федеральный закон от 29.07.2017 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I), ст. 4809.

закрепленные в Конституции РФ ценности могут и должны конкретизироваться в отраслевых принципах и нормах. Признак системности совокупность традиционных ценностей приобретает благодаря Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Для того, чтобы получить охрану и укрепление со стороны государства, эти сформированные в том числе и в ходе религиозного развития нравственные ориентиры, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа Российской Федерации, должны быть нормативно закреплены в законодательстве, прежде всего в Конституции РФ.

Не претендуя на полный охват традиционных духовно-нравственных ценностей созидательного труда, исходя из этих критериев, следует особо выделить в их ряду социальное партнерство и уважение человека труда, в том числе и как правовые средства защиты. Наряду с иными конституционными нормами они охватывают и охрану труда, и социальное страхование утраты трудоспособности.

При таком подходе есть предпосылки приступить к формированию стабильной системы на фундаменте, составляющем эти исторически верифицированные традиционные духовно-нравственные и уже конституционные ценности, в период нестабильных гибридных правовых режимов. И эта же нормативная база позволит обеспечить историческую преемственность отечественных теоретических моделей и сохранить фундаментальные трудовые и социальные права, транспортируя их сквозь годы турбулентности общественных отношений в нарождающийся постглобальный и постгибридный стабильный мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Н.Г.* Трудовое правоотношение. М., 1948.
2. *Войтинский И.С.* Трудовое право СССР. М.; Л., 1925. С. 122–124.
3. *Габов А.В.* Специальные меры в сфере экономики: цели, структура и содержание регулирования // Право и экономика. 2024. № 7. С. 5–16.
4. *Гинцбург Л.Я.* Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977.
5. *Демидов Н.В.* Закономерности практической реализации норм трудового права: историко-правовой аспект // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2020. № 35. С. 172, 173. DOI: 10.17223/22253513/35/15
6. *Дзюбак А.В., Летова Н.В., Соколова Т.В. и др.* Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта» // Государство и право. 2021. № 6. С. 205–208. DOI: 10.31857/S102694520015036–0
7. *Дзюбак А.В., Чуча С.Ю.* Правовое регулирование трудовой миграции: перспективы внедрения восточной модели // Закон. 2024. № 3. С. 27–37. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37
8. *Зайцева Л.В.* Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 446. С. 212–222. DOI: 10.17223/15617793/446/28
9. *Иванов С.А.* На пути к новой концепции трудового права: о коллективных трудовых спорах и забастовках // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 57–65.
10. *Иванов С.А.* О правовом регулировании труда в молодых суверенных государствах Африки // Сов. государство и право. 1962. № 1. С. 86–97.
11. *Иванов С.А.* Проблемы международного регулирования труда. М., 1964.
12. *Иванов С.А.* Трудовое право переходного периода: некоторые проблемы // Государство и право. 1994. № 4. С. 53–60.
13. *Иванов С.А.* Трудовое право переходного периода: проблемы использования зарубежного опыта // Государство и право. 1995. № 3. С. 30–39.
14. *Карпушин М.П.* Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1958.
15. *Летова Н.В.* Традиционные семейные ценности как объект защиты государством, их значение в формировании духовно-нравственной основы российского общества // Государство и право. 2024. № 4. С. 159–166. DOI: 10.31857/S10269452240401
16. *Лившиц Р.З.* Трудовое законодательство: настоящее и будущее / отв. ред. В.И. Никитинский. М., 1989.
17. *Лушников А.М., Лушникова М.В.* Курс трудового права: учеб.: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 708–716.
18. *Лушников А.М., Лушникова М.В.* Очерки теории трудового права. СПб., 2006. С. 522.
19. *Раманкулов К.С.* Трудовое правоотношение как правовая структура // Актуальные проблемы росс. права. 2015. № 1. С. 89.
20. *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7
21. *Савенков А.Н., Горбань В.С.* В.С. Нерсесянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому // Государство и право. 2023. № 9. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520027731-5
22. *Скобелкин В.Н.* Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих: Нормы и правоотношения. М., 1982.
23. *Скобелкин В.Н.* Трудовые правоотношения. М., 1999.
24. *Скобелкин В.Н.* Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. М., 1969.
25. *Таль Л.С.* Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. 1: Общие учения. Ярославль, 1913; 1918. Ч. 2: Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. С. 9–12.
26. Трудовое процедурно-процессуальное право: учеб. пособие / под ред. В.Н. Скобелкина. Воронеж, 2002.

27. *Чуча С. Ю.* Занятость, труд и социальная защита в режиме гибридного правоприменения // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 3. С. 44–52. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52

28. *Чуча С. Ю.* К вопросу о «новом социальном праве» и предмете гражданского права // Закон. 2022. № 4. С. 113–122. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-113-122

29. *Чуча С. Ю.* Конституционализация и расширение юридического содержания понятия социального партнерства в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 249–261. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).249-261

30. *Чуча С. Ю.* Конституционный принцип уважения человека труда: проблемы реализации в российском законодательстве и правоприменительной практике // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2022. № 44. С. 163–167. DOI: 10.17223/22253513/44/14

31. *Чуча С. Ю.* Правовые средства защиты созидательного труда как традиционной российской духовно-нравственной ценности // Государство и право. 2024. № 6. С. 111–119. DOI: 10.31857/S1026945224060096

32. *Шебанова А. И.* Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1957.

33. *Birk R., Davulis T., Petrylaite D.* Globale Entwicklungen des Arbeitsrechts aus deutscher Perspektive // Labour and Social Security Law in the XXI Century: Challlenges and Perspectives. Vilnius, 2007. Pp. 121–130.

34. *Casale G., Davulis T., Petrylaite D.* The Labour Law Challenges: In Search of a Balance Between Flexibility and Security. Hard vs. Soft Law? // Labour and Social Security Law in the XXI Century: Challlenges and Perspectives. Vilnius, 2007. Pp. 131–144.

REFERENCES

1. *Aleksandrov N. G.* Labor relations. M., 1948 (in Russ.).

2. *Voitinsky I. S.* Labor Law of the USSR. M.; L., 1925. Pp. 122–124 (in Russ.).

3. *Gabov A. V.* Special measures in the field of economics: goals, structure and content of regulation // Law and Economics. 2024. No. 7. Pp. 5–16 (in Russ.).

4. *Ginzburg L. Ya.* Socialist labor relations. M., 1977 (in Russ.).

5. *Demidov N. V.* Patterns of practical implementation of Labor Law norms: historical and legal aspect // Herald of the Tomsk State University. Law. 2020. No. 35. Pp. 172, 173. DOI: 10.17223/22253513/35/15 (in Russ.).

6. *Dzyubak A. V., Letova N. V., Sokolova T. V. et al.* Review of the "Round Table" on the topic "Actual problems of legal regulation of relations in the field of sports" // State and Law. 2021. No. 6. Pp. 205–208. DOI: 10.31857/S102694520015036-0 (in Russ.).

7. *Dzyubak A. V., Chucha S. Yu.* Legal regulation of labor migration: prospects for the introduction of the Eastern model // Law. 2024. No. 3. Pp. 27–37. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37 (in Russ.).

8. *Zaitseva L. V.* Economically dependent self-employed: differences in national approaches to determining legal status // Herald of the Tomsk State University. 2019. No. 446. Pp. 212–222. DOI: 10.17223/15617793/446/28 (in Russ.).

9. *Ivanov S. A.* On the way to a new concept of Labor Law: on collective labor disputes and strikes // Soviet State and Law. 1989. No. 9. Pp. 57–65 (in Russ.).

10. *Ivanov S. A.* On the legal regulation of labor in the young sovereign states of Africa // Soviet State and Law. 1962. No. 1. Pp. 86–97 (in Russ.).

11. *Ivanov S. A.* Problems of international labor regulation. M., 1964 (in Russ.).

12. *Ivanov S. A.* Labor Law of the transitional period: some problems // State and Law. 1994. No. 4. Pp. 53–60 (in Russ.).

13. *Ivanov S. A.* Labor Law of the transition period: problems of using foreign experience // State and Law. 1995. No. 3. Pp. 30–39 (in Russ.).

14. *Karpushin M. P.* Socialist labor relations. M., 1958 (in Russ.).

15. *Letova N. V.* Traditional family values as an object of protection by the state, their importance in the formation of the spiritual and moral basis of Russian society // State and Law. 2024. No. 4. Pp. 159–166. DOI: 10.31857/S10269452240401 (in Russ.).

16. *Livshits R. Z.* Labor legislation: present and future / res. ed. V. I. Nikitinsky. M., 1989 (in Russ.).

17. *Lushnikov A. M., Lushnikova M. V.* Course of Labor Law: textbook: in 2 vols. 2nd ed., reprint and add. M., 2009. Vol. 1. Pp. 708–716 (in Russ.).

18. *Lushnikov A. M., Lushnikova M. V.* Essays on the theory of Labor Law. SPb., 2006. P. 522 (in Russ.).

19. *Ramankulov K. S.* Labor relations as a legal structure // Actual problems of Russ. law. 2015. No. 1. P. 89 (in Russ.).

20. *Savenkov A. N.* The global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // State and Law. 2019. No. 4. Pp. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7 (in Russ.).

21. *Savenkov A. N., Gorban V. S.* V. S. Nersesyants as a philosopher of transitional law: from Soviet to post-Soviet // State and Law. 2023. No. 9. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520027731-5 (in Russ.).

22. *Skobelkin V. N.* Ensuring the labor rights of workers and employees: Norms and legal relations. M., 1982 (in Russ.).

23. *Skobelkin V. N.* Labor relations. M., 1999 (in Russ.).

24. *Skobelkin V. N.* Legal guarantees of labor rights of workers and employees. M., 1969 (in Russ.).

25. *Tal L. S.* Labor contract: a civilistic study. Part 1: General teachings. Yaroslavl, 1913; 1918. Part 2: Internal legal order of economic enterprises. Pp. 9–12 (in Russ.).

26. Labor Procedural Law: textbook / ed. by V. N. Skobelkin. Voronezh, 2002 (in Russ.).

27. *Chucha S. Yu.* Employment, labor and social protection in the mode of hybrid law enforcement // Law enforcement. 2024. Vol. 8. No. 3. Pp. 44–52. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3) .44-52 (in Russ.).

28. *Chucha S. Yu.* On the issue of "new social law" and the subject of Civil Law // Law. 2022. No. 4. Pp. 113–122. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-113-122 (in Russ.).

29. *Chucha S. Yu.* Constitutionalization and expansion of the legal content of the concept of social partnership in the Russian Federation // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 3. Pp. 249–261. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3). 249-261 (in Russ.).

30. *Chucha S. Yu.* The constitutional principle of respect for a person at work: problems of implementation in Russian legislation and law enforcement practice // Herald of the Tomsk State University. Law. 2022. No. 44. Pp. 163–167. DOI: 10.17223/22253513/44/14 (in Russ.).

31. *Chucha S. Yu.* Legal means of protecting creative work as a traditional Russian spiritual and moral value // State and Law. 2024. No. 6. Pp. 111–119. DOI: 10.31857/S1026945224060096 (in Russ.).

32. *Shebanova A.I.* Socialist labor relations. M., 1957 (in Russ.).

33. *Birk R., Davulis T., Petrylaite D.* Globale Entwicklungen des Arbeitsrechts aus deutscher Perspektive // Labour and Social Security Law in the XXI Century: Challlenges and Perspectives. Vilnius, 2007. Pp. 121–130.

34. *Casale G., Davulis T., Petrylaite D.* The Labour Law Challenges: In Search of a Balance Between Flexibility and Security. Hard vs. Soft Law? // Labour and Social Security Law in the XXI Century: Challlenges and Perspectives. Vilnius, 2007. Pp. 131–144.

Сведения об авторе

ЧУЧА Сергей Юрьевич –
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
сектора процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHA Sergey Yu. –
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Procedural Law Department,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 125–138
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 125–138

ВОЕННОЕ ПРАВО

УДК 347.4(075.32)

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ «ВОЕННЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2024 г. А. В. Кудашкин[1, 2, *], И. В. Холиков[3, 4, **]

[1]Академия военных наук Российской Федерации, г. Москва
[2]АО «Объединенная двигателестроительная корпорация», г. Москва
[3]Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
[4]Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России, г. Москва

**E-mail: kud64@mail.ru*
***E-mail: iv_kholik@mail.ru*

Поступила в редакцию 29.08.2024 г.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правового положения «военных добровольцев» с учетом последних изменений в военном законодательстве Российской Федерации. На основе системного и сравнительно-правового анализа определена правовая природа контракта о пребывании в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации).

Ключевые слова: Вооруженные Силы РФ, специальная военная операция, контракт о пребывании в добровольческом формировании, контракт о прохождении военной службы, гражданско-правовой договор.

Цитирование: *Кудашкин А.В., Холиков И.В.* Правовое положение «военных добровольцев» в Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 11. С. 125–138.

DOI: 10.31857/S1026945224110118

LEGAL STATUS OF "MILITARY VOLUNTEERS" IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2024 A. V. Kudashkin[1, 2, *], I. V. Kholikov[3, 4, **]

[1]Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Moscow
[2]JSC "United Engine Corporation", Moscow
[3]Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow
[4]Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense, Moscow

**E-mail: kud64@yandex.ru*
***E-mail: iv_kholik@mail.ru*

Received 29.08.2024

Abstract. The article deals with the issues of the legal status of "military volunteers" taking into account the recent changes in the military legislation of the Russian Federation. On the basis of system and comparative legal analysis the legal nature of the contract on staying in a volunteer formation (on voluntary assistance in fulfilment of tasks assigned to the Armed Forces of the Russian Federation) is determined.

Key words: Armed Forces of Russia, special military operation, contract on staying in volunteer formation, contract on military service, civil law contract.

For citation: *Kudashkin, A.V., Kholikov, I.V. (2024).* Legal status of "military volunteers" in the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 125–138.

Введение

Военное право представляет собой систему установленных государством военно-правовых норм, закрепляющих правила подготовки и урегулирования войны (вооруженных конфликтов), правила ведения боевых действий, правовое положение (статус) участников военной деятельности, а также правовые основы военной деятельности государства в целях обеспечения его военной безопасности. В современных геополитических условиях актуальность военно-правовых исследований неизмеримо возрастает в интересах как боевой составляющей военной организации государства (Вооруженных Сил РФ), так и всех других ее компонентов[1].

С началом специальной военной операции (СВО) особую актуальность приобрел вопрос о правовом положении граждан Российской Федерации, которые добровольно участвуют в боевых действиях на Украине. Прежде всего это касается прав, обязанностей и ответственности различных категорий добровольцев, к числу которых относятся:

граждане, не получившие после объявления частичной мобилизации повестки, но при этом отвечающие критериям для призыва в Вооруженные Силы РФ и изъявившие в военных комиссариатах желание добровольно поступить на военную службу[2] (добровольно мобилизованные);

граждане, вступившие в сформированные по инициативе общественных, ветеранских организаций для участия в боевых действиях по защите населения Донбасса, более 50 добровольческих батальонов и отрядов, такие как «Русский легион» БАРС-13 (Боевой Армейский Резерв Специальный), «Кубань» БАРС-16, «Орел» БАРС-9, «Рюрик» БАРС-13 и «Гром» БАРС-20, казачий корпус «Дон», батальон «Ахмад» и др.[3], которые, как

[1] См.: *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 29. DOI: 10.31857/S102694520014362-9; *Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М.* Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5

[2] Согласно информации Минобороны России, их численность превысила 20 тыс. человек (см.: Шойгу назвал число добровольцев – участников СВО [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1444315/2022-12-21/shoigu-nazval-chislo-dobrovoltcev-uchastnikov-svo (дата обращения: 19.03.2023)).

[3] Так, к настоящему времени в составе 13 войсковых добровольческих казачьих отрядов участвуют в СВО более 16 тыс. казаков, для убытия в зону СВО формируются еще три добровольческих казачьих отряда (см.: *Степанов А.* В специальной военной операции участвуют более 16 тысяч казаков // Росс. газ. 2023. 19 февр.).

правило, набираются из добровольцев конкретных регионов страны;

лица, заключившие контракты в т.н. штурмовых добровольческих воинских формированиях, финансируемых в частном порядке (частные военные компании (ЧВК) «Вагнер», «Редут», «РСБ-Групп», «Патриот», Cossaks Moran Security Group, «Антитеррор-Орел» и подобные добровольческие подразделения)[4].

В соответствии с нормами международного гуманитарного права присутствующие в вооруженных конфликтах добровольцы считаются их законными участниками при вступлении в вооруженные силы воюющих сторон[5].

Созданные (с 2014 г.) в связи с вооруженным конфликтом на территориях Донецкой и Луганской народных республик добровольческие подразделения действуют в составе их вооруженных формирований, в настоящее время интегрированы в состав Вооруженных Сил РФ вследствие принятия в Российскую Федерацию четырех новых субъектов[6]. Добровольцы, прибывшие на Донбасс из России и других государств и вступившие в находящиеся под ответственным командованием вооруженные ополчения (народную милицию) Донецкой и Луганской народных республик, которые вели непрерывные и согласованные военные действия на контролируемой ими части территории Украины с соблюдением при этом норм международного гуманитарного права (что соответствует ст. 1 Дополнительного протокола II 1977 г.), являются законными комбатантами.

При этом, поскольку добровольцы не имеют цели становиться профессиональными военнослужащими и, реализуя свое право на труд через заключение контракта, руководствуются прежде всего мотивами патриотизма, защиты своего народа и Отечества в трудный период его истории, их деятельность не является военной службой, а правовой статус существенно отличается от правового статуса военнослужащих по призыву и контракту. Кроме того, нередко добровольцами становятся люди, которые не смогли заключить контракт о прохождении военной службы вследствие, например, наличия проблем со здоровьем или ввиду возрастных ограничений.

Как известно, военная служба является особым видом государственной службы, которому свойственно непрерывное и автоматическое выполнение военнослужащими комплекса мероприятий, направленных на решение законодательно закрепленных задач. Она формирует базис для успешного функционирования Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, входящих в военную организацию государства, которое обеспечивают миллионы граждан нашей страны. Федеральное законодательство определяет порядок прохождения военной службы, комплектования Вооруженных Сил РФ, правовой статус военнослужащих, характер взаимоотношений между военнослужащими и многие другие вопросы[7].

Так, Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О статусе военнослужащих»[8] (далее – Федеральный закон № 76-ФЗ) устанавливает, что военнослужащие реализуют свое конституционное право на труд посредством прохождения военной службы. Таким образом, поступление гражданина на военную службу по контракту является его осознанным выбором профессии, в то время как призыв на военную службу есть реализация воинской обязанности граждан[9]. Соответственно, профессиональными

---

[4] См.: *Нойманн Н.* Минобороны хочет сделать ЧВК «Вагнер» частью ВС РФ. 2023. 18 янв. [Электронный ресурс]. URL: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/minoborony-hochet-sdelat-chvk-vagner-chastyu-vs-rf/ (дата обращения: 19.02.2023); *Лазарева Е.* Путин меняет отношение государства и общества к бойцам ЧВК [Электронный ресурс]. URL: https://ura.news/articles/1036286251 (дата обращения: 19.03.2023).

[5] См.: *Холиков И.В.* Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях: сб. науч. ст. Междунар. конф. «Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования». Оренбург, 2014. С. 299.

[6] См.: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики»; Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики»; Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области»; Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области».

[7] См.: *Кудашкин А.В.* Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. М., 2001. С. 22–44; Военное право: учеб. / под ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. С. 223–266.

[8] См.: СЗ РФ. 1998. № 22, ст. 2331.

[9] См.: *Холиков И.В., Лапина О.А.* Правовые основы исполнения воинской обязанности гражданами Российской Федерации, в том числе имеющими двойное гражданство, прошедшими военную службу в иностранном государстве // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 5 (274). С. 12–17.

военнослужащими могут считаться только те, кто поступил на военную службу по контракту[10].

При этом Федеральный закон № 76-ФЗ (п. 2 ст. 1) предписывает военнослужащим неукоснительное выполнение задач по вооруженной защите Российской Федерации в любых условиях обстановки, в том числе связанных с риском для жизни.

Федеральный законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «О воинской обязанности и военной службе»[11] (далее – Федеральный закон № 53-ФЗ), Положение о порядке прохождения военной службы[12] (далее – Положение), а также ряд других нормативных правовых актов регламентируют правовой статус добровольно мобилизованных граждан.

Ввиду необходимости определения правового статуса добровольческих формирований и их участников в рамках отечественного законодательства в связи с массовым вступлением российских граждан в добровольческие подразделения после начала проведения с 24 февраля 2022 г. СВО[13] в Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «Об обороне» (далее – Федеральный закон № 61-ФЗ) внесена ст. 22.1 «Добровольческие формирования»[14], согласно которой они могут создаваться Минобороны России и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) по решению Президента РФ. Численность добровольческих формирований, их организация, районы действий, задачи, порядок управления, срок использования, а также порядок прекращения и иные вопросы их деятельности определяются Минобороны России исходя из задач, стоящих перед ВС России.

В состав добровольческих формирований входят граждане Российской Федерации, добровольно заключившие контракт о пребывании в указанных формированиях, т.е. собственно «военные добровольцы», кроме того, в них могут входить и военнослужащие, направленные Минобороны России и Росгвардией[15].

Материалы и методы

Для раскрытия предмета исследования в статье применен сравнительно-правовой метод, позволивший комплексно познать правовой статус «военных добровольцев» в России, принимающих участие в СВО, и соотнести его сущность и содержание с правовым статусом военнослужащих и иных участников вооруженных конфликтов. Авторами также был использован системный метод познания правовых явлений, с помощью которого были установлены сущность, структура, содержание и функции нормативных правовых актов, регулирующих деятельность добровольцев и их правовой статус. Целью исследования явилось комплексное изучение правового положения «военных добровольцев» с учетом актуальных изменений отечественного законодательства.

Результаты исследования

В соответствии с Федеральным законом № 61-ФЗ (п. 5, 6 ст. 22.1) Минобороны России является федеральным органом исполнительной власти, определяющим порядок поступления, пребывания граждан в добровольческих формированиях, исключения из них, а также требования, предъявляемые к добровольцам.

Контракт о пребывании в добровольческом формировании заключается между гражданином и Минобороны России в письменном виде по типовой форме и в установленном военным ведомством порядке. В данном документе фиксируется добровольный характер поступления гражданина в добровольческое формирование, конкретный срок и условия пребывания в нем. Контракт вступает в силу с момента подписания соответствующим уполномоченным должностным лицом и действует до того дня, когда гражданин исключается из добровольческого формирования по одному из следующих оснований:

1) истечение срока действия контракта;

2) несоответствие требованиям к состоянию здоровья, установленным для добровольцев;

3) вступление в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы;

4) поступление добровольца на военную службу;

5) в связи с прекращением деятельности добровольческого формирования;

---

[10] См. подр.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М., 2022; Военно-административное право (Военная администрация): учеб. / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]. М., 2022.

[11] См.: СЗ РФ. 1998. № 13, ст. 1475.

[12] Утв. Указом Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 (ред. от 22.12.2022).

[13] См.: *Сибилева О.П.* Правовой статус добровольцев, участвующих в специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 57–62.

[14] См.: Федеральный закон от 04.11.2022 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[15] Термины «контракт о пребывании в добровольческом формировании» и «контракт о содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» в федеральных законах используются в одном значении.

6) невыполнение добровольцем условий контракта.

Кроме того, доброволец имеет право на досрочное исключение из добровольческого формирования по собственному желанию в порядке и на условиях, которые предусмотрены контрактом.

Федеральным законом от 7 октября 2022 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» Трудовой кодекс РФ был дополнен ст. 351.7, регламентирующей, среди прочего, обеспечение трудовых прав работников, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ[16]. В этом случае предусматривается приостановка действия трудового договора между работником и работодателем на время нахождения работника в добровольческом формировании.

Отдельно следует рассмотреть вопросы поступления на работу в российские ЧВК, куда принимаются как граждане Российской Федерации, так и иностранцы. Для этого они заключают контракт о работе в ЧВК, который, как показывает анализ открытых источников информации[17], заключается добровольно, письменно и в определенном руководителем компании порядке. Контракт о работе в ЧВК является срочным и, как правило, заключается на шесть месяцев, в нем определены условия работы, размер заработной платы и иных выплат. Например, в глобальной информационной сети Интернет размещена информация для желающих поступить на работу в ЧВК «Вагнер», касающаяся возраста (22–50 лет), гражданства (любой страны, кроме стран ЕС, стран, входящих в НАТО, и Украины), ежемесячного оклада (240 тыс. руб. на должности бойца) и премий (до трех окладов), отпусков, вещевого обеспечения, питания, проживания, компенсации при ранении или гибели сотрудника (5 млн руб.) и других вопросов[18].

Поскольку контракт о пребывании в добровольческом формировании регламентирует специфические отношения между гражданином Российской Федерации, не являющимся военнослужащим, и государством в сфере обороны и безопасности, то для определения его правовой природы представляется необходимым в рамках настоящего исследования провести сравнительно-правовой анализ указанного документа, гражданско-правового договора, контракта о прохождении военной службы и трудового договора.

Согласно ст. 420 ГК РФ гражданско-правовой договор – соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, отличительными признаками которого являются свобода волеизъявления, диспозитивность, равноправие сторон и ряд других признаков[19].

Объектом гражданского правоотношения являются материальные (имущество) и идеальные блага либо процесс их создания (результаты интеллектуальной деятельности, личные неимущественные и иные нематериальные блага), которые составляют предмет деятельности субъектов гражданского права[20]. Объектом военно-служебных отношений выступает публичный интерес в сфере обороны и безопасности государства, который составляет предмет деятельности военнослужащих[21]. Представляется, что объектом добровольного содействия в выполнении задач, возложенных на ВС России, является частная гражданская инициатива в сфере обороны и безопасности государства, которая составляет предмет деятельности добровольцев.

Предметом гражданско-правового договора, чаще всего, выступает овеществленный результат исполненного обязательства, при этом в процессе его исполнения регулирование отношений сторон носит вспомогательный характер. Предметом контракта о прохождении военной службы является регулирование отношений в процессе прохождения военнослужащим военной службы, а предметом контракта о пребывании в добровольческом формировании – регулирование отношений в процессе добровольного содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ.

Необходимо отметить, что при заключении рассматриваемых видов соглашений свобода волеизъявления их сторон имеет разное содержание. Так, в гражданско-правовом договоре она заключается и в добровольности, и в согласовании его вида, формы и содержания[22], а в контракте о прохождении военной службы и контракте о пребывании

[16] Под содействием понимается участие в деятельности добровольческих подразделений в составе Вооруженных Сил РФ.

[17] См.: Частные военные компании в России [Электронный ресурс]. URL: https://top10a.ru/chastnye-voennye-kompanii-v-rossii.html (дата обращения: 14.03.2023).

[18] См.: Как попасть в ЧВК «Вагнер». 22 февраля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Y_ZMQR51HBhrz1cQ (дата обращения: 04.03.2023).

[19] См. подр.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. М., 1998. С. 121, 122; *Денисов С.А.* Некоторые общие вопросы о порядке заключения договора // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. / под ред. М.И. Брагинского. М., 1998. С. 231–236; Гражданское право: учеб. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1999. Т. 1. С. 440–444.

[20] См.: Гражданское право: учеб. / под ред. Е.А. Суханова. М., 1998. С. 294.

[21] См.: *Кудашкин А.В.* Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. С. 89.

[22] См.: *Денисов С.А.* Указ. соч. С. 231–236.

в добровольческом формировании – только в добровольности их заключения.

Диспозитивность и свобода согласования условий, характерные для гражданско-правового договора, практически не применимы к контракту о прохождении военной службы, за исключением случаев, прямо указанных в Федеральном законе № 53-ФЗ и Положении. Так, единственным условием, которое может выбрать военнослужащий, является срок, на который заключается контракт о прохождении военной службы (три, пять и 10 лет). В силу особой публично-правовой природы отношений, регулируемых контрактом о прохождении военной службы, внесение в его типовую форму[23] каких-либо дополнительных условий, кроме предусмотренных законодательством Российской Федерации и обусловленных спецификой военной службы конкретных прав и обязанностей военнослужащих, не предусмотрено.

Более того, применительно к контракту о прохождении военной службы принцип формально-юридического равноправия договаривающихся сторон действует только на стадии его заключения, так как в последующем возникают военно-служебные отношения, являющиеся разновидностью административных правоотношений, которые не предполагают равенства сторон и осуществляются на основе метода власти и подчинения. В связи с этим контракт о прохождении военной службы не является разновидностью гражданско-правового договора и, следовательно, к нему не применимы последствия, вытекающие из нарушения договорных обязательств[24].

Отметим, что контракт о прохождении военной службы также нельзя отнести к виду трудового договора (контракта).

Далее перейдем к рассмотрению соотношения трудового договора и контракта о пребывании в добровольческом формировании. Согласно ч. 2 ст. 56 ТК РФ сторонами трудового договора являются работодатель и работник. Сторонами контракта о пребывании в добровольческом формировании являются Минобороны России и гражданин, изъявивший желание оказать добровольное содействие в выполнении задач, возложенных на ВС России, и отвечающий требованиям, установленным Федеральным законом № 419-ФЗ[25]. Специфический характер обязанностей добровольца определяется указанным Законом и нормативными правовыми актами Минобороны России, а не трудовым договором (контрактом). При этом в настоящее время участие в добровольческих формированиях ВС России иностранных граждан и лиц с двойным гражданством нормативно не урегулировано[26].

Степень диспозитивности трудового договора и контракта о пребывании в добровольческом формировании также различна. Статья 57 ТК РФ определяет, что стороны трудового договора вправе договориться о любых его условиях, не ухудшающих положения работника, предусмотренных трудовым законодательством, в то время как Типовая форма контракта о пребывании в добровольческом формировании (приложение № 3 к Приказу Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67 (Приказ))[27] содержит императивно установленные условия, не подлежащие изменению его сторонами, за исключением срока действия и возможности его досрочного расторжения по инициативе добровольца.

Еще одним отличием трудового договора (контракта) от контракта о пребывании в добровольческом формировании является их разная нормативная основа: Трудовой кодекс РФ – для трудового договора, Федеральный закон № 419-ФЗ и нормативные правовые акты военного ведомства – для контракта о пребывании в добровольческом формировании.

Поскольку, как упоминалось ранее, ст. 351.7 ТК РФ предусмотрена возможность заключения контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на ВС России, что влечет приостановление действия трудового договора на период оказания работником добровольного содействия в выполнении указанных задач, то он не регулирует трудовые отношения и не может быть отнесен к разновидности трудового договора.

Необходимо также учитывать, что контракт о прохождении военной службы и контракт о пребывании в добровольческом формировании

---

[23] См.: Приложение № 1 к Положению о порядке прохождения военной службы, утв. Указом Президента РФ от 16.09.1999 № 1237.

[24] См.: *Кудашкин А.В.* Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. С. 89.

[25] Гражданами, призванными по частичной мобилизации, объявленной 21 сентября 2022 г., контракт не подписывается, а срок их военной службы ограничен временем проведения специальной военной операции.

[26] См.: *Холиков И.В., Лапина О.А.* Указ. соч. С. 12.

[27] См.: приказ Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303070007?ysclid=lf7qatahwk368663165 (дата обращения: 14.03.2023).

являются формой закрепления специфической деятельности граждан в сфере обороны и безопасности государства, связанной с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях обстановки, в том числе с риском для жизни. Однако их правовая природа различна, поскольку добровольцы не являются профессиональными комбатантами и не стремятся стать военнослужащими, для которых требования общевоинских уставов ВС России обязательны, что предопределяет особенности заключения и расторжения указанных контрактов.

Соглашение о добровольном поступлении на военную службу оформляется контрактом о прохождении военной службы со всеми категориями и составами военнослужащих, за исключением, как указано выше, призванных после 21 сентября 2022 г. в рамках частичной мобилизации.

Анализ Типовой формы контракта о пребывании в добровольческом формировании показывает, что для него характерно формально-юридическое равноправие договаривающихся сторон, которое действует и на стадии его заключения, и на стадии его исполнения, к нему применимы вытекающие из нарушения договорных обязательств последствия, например, возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ). Так, доброволец может выбрать не только срок заключения контракта (на шесть, восемь или 12 месяцев), но и расторгнуть контракт по собственному желанию в порядке и на условиях, предусмотренных в нем. В случае расторжения контракта по собственному желанию до срока его окончания доброволец обязан сдать все полученное им ранее имущество и возместить стоимость причиненного по его вине ущерба (при наличии). Если доброволец расторг контракт до начала выполнения задач в составе добровольческого формирования, то с него вычитается стоимость проезда от места заключения контракта до места дислокации воинской части-формирователя (п. 4, 14 Типовой формы контракта).

Причины для досрочного расторжения добровольцем контракта о пребывании в добровольческом формировании законодателем не указаны, что еще раз подтверждает юридическое равноправие договаривающихся сторон.

Порядок поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требования, предъявляемые к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, определены в приложении № 1 к Приказу (Порядок).

Гражданин, пребывающий в добровольческом формировании, обязан соблюдать распорядок дня (регламент служебного времени, правила внутреннего распорядка), установленный в воинской части-формирователе и добровольческом формировании, выполнять указания командования воинской части-формирователя, отдаваемые в связи с пребыванием в добровольческом формировании, подчиняться лицам, исполняющим в добровольческом формировании административно-распорядительные функции (п. 19 Порядка).

В соответствии с российским законодательством содержание и объем прав, обязанностей и ответственности добровольцев зависят от того, находятся ли они при исполнении обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании или нет.

Согласно п. 20 Порядка доброволец считается исполняющим обязанности по контракту о пребывании в добровольческом формировании в случае:

1) участия в боевых действиях, выполнения задач в период мобилизации, в условиях военного положения, вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании добровольческих формирований за пределами территории Российской Федерации;

2) исполнения должностных обязанностей в соответствии с временным штатно-должностным расчетом;

3) выполнения приказа (приказания, распоряжения или указания), отданного старшими должностными лицами добровольческого формирования и командованием воинской части-формирователя;

4) нахождения в расположении добровольческого формирования на территории воинской части-формирователя в течение установленного распорядком дня (регламентом) служебного времени;

5) нахождения на лечении, следования к месту лечения и обратно;

6) следования к месту формирования добровольческого формирования, месту выполнения задач по предназначению и обратно;

7) нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированного;

8) безвестного отсутствия – до признания гражданина, пребывающего в добровольческом формировании, в установленном законодательством Российской Федерации порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим;

9) защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности;

10) совершения иных действий, признанных судом совершенными в интересах личности, общества и государства.

По приказу лица, исполняющего в добровольческом формировании административно-распорядительные функции, доброволец обязан приступить к исполнению обязанностей, возложенных на него контрактом о пребывании в добровольческом формировании.

Доброволец не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании, если это явилось следствием: самовольного нахождения вне расположения добровольческого формирования (воинской части-формирователя) или установленного за пределами воинской части-формирователя места исполнения обязанностей, за исключением случаев, предусмотренных п/п. 7–10 п. 20 Порядка; нахождения в состоянии опьянения; нахождения на отдыхе в соответствии с абзацем вторым п. 27 Порядка[28]; совершения им общественно опасного деяния.

В соответствии с п. 21 Порядка в период выполнения задач по предназначению доброволец может быть переназначен на иную должность или переведен в другое добровольческое формирование по письменному ходатайству командира добровольческого формирования приказом командира воинской части-формирователя.

Следует отметить, что денежное содержание добровольца устанавливается в соответствии с Федеральным законом № 76-ФЗ (ст. 13.2).

При поступлении на военную службу по контракту военнослужащий обязуется проходить ее в течение установленного контрактом срока в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах. При этом он не имеет права самовольно отказаться от исполнения обязанностей военной службы, изменить место военной службы, кроме случая заключения контракта о прохождении военной службы с другим федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба.

За уклонение от исполнения обязанностей военной службы военнослужащий в зависимости от характера и тяжести совершенного правонарушения несет дисциплинарную или уголовную ответственность (ст. 337–339 УК РФ).

В отношении граждан Российской Федерации, заключивших контракт о пребывании в добровольческом формировании, такие ограничения не установлены. Как справедливо отмечает Я.Н. Ермолович, в современном российском уголовном законодательстве до сих пор не является преступлением отказ от военной службы или исполнения отдельных обязанностей по военной службе. Так, вновь введенный в Уголовный кодекс РФ состав неисполнения приказа[29] предусматривает ответственность только за отказ от участия в военных или боевых действиях и только военнослужащих[30].

Военнослужащие привлекаются к дисциплинарной ответственности в порядке, определенном Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил РФ (ДУ ВС РФ). При этом военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, могут быть досрочно уволены в запас за совершение дисциплинарного проступка (п. «и» ст. 55, «д» ст. 61, «д» ст. 67 ДУ ВС РФ).

Анализ условий контракта о прохождении военной службы показал, что он является юридическим актом, посредством которого оформляется лишь соглашение о добровольном поступлении гражданина на определенный срок на военную службу, при этом иные условия ее исполнения определены законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 8 Типовой формы контракта добровольцы привлекаются к материальной, уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности в зависимости от характера и тяжести совершенного ими правонарушения в соответствии с российским законодательством.

За противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении порядка пребывания в добровольческом формировании, установленного контрактом о пребывании в добровольческом формировании, которое не влечет за собой уголовную или административную ответственность, добровольцы привлекаются к дисциплинарной ответственности (п. 9 Типовой формы контракта).

Поскольку требования ДУ ВС РФ не распространяются на добровольцев, то можно предположить,

[28] При заключении нового контракта гражданину, пребывающему в добровольческом формировании, приказом командира воинской части-формирователя предоставляются 15 суток отдыха с правом убытия из воинской части-формирователя, о чем делается отметка в удостоверении гражданина, пребывающего в добровольческом формировании.

[29] Лица, подлежащие призыву на военную службу, в том числе и по мобилизации, ответственности по указанной статье не несут и не являются субъектами преступлений, предусмотренных ст. 337–339 УК РФ, а следовательно, все нововведения не касаются лиц, уклоняющихся от призыва по мобилизации, объявленной Указом Президента РФ от 21.09.2022 № 647.

[30] См.: *Ермолович Я.Н.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 1. С. 51, 52.

что перечень дисциплинарных проступков для данной категории граждан будет определен либо отдельным ведомственным нормативным правовым актом, либо указан в приложении к Типовой форме контракта о пребывании в добровольческом формировании.

За совершение дисциплинарного проступка к добровольцам применяются такие виды дисциплинарных взысканий, как понижение в должности, занимаемой согласно временному штатно-должностному расчету, и исключение из добровольческого формирования в связи с невыполнением условий контракта. При этом за совершение одного дисциплинарного проступка доброволец может быть привлечен только к одному виду наказания.

За ущерб имуществу Вооруженных Сил РФ, причиненный по вине добровольца, он привлекается к материальной ответственности в размере причиненного ущерба (п. 11 Типовой формы контракта).

Добровольцы, причинившие ущерб не при исполнении обязанностей по контракту о пребывании в добровольческих формированиях, несут гражданско-правовую ответственность в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

За совершение правонарушений, предусмотренных уголовным или административным законодательством Российской Федерации, добровольцы привлекаются к уголовной и административной ответственности.

В случаях, установленных ч. 7 ст. 22.1 Федерального закона № 61-ФЗ, доброволец подлежит исключению из добровольческого формирования (п. 23 Порядка).

В сравнении с контрактом о прохождении военной службы, гражданско-правовым договором и трудовым договором контракт о пребывании в добровольческом формировании обладает существенной спецификой:

регламентирует специфические отношения между гражданином, не состоящим на военной службе, и государством в сфере обороны и безопасности;

объектом добровольного содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, следует считать частную гражданскую инициативу в сфере обороны и безопасности государства, составляющую предмет деятельности добровольцев;

предметом контракта о пребывании в добровольческом формировании является регулирование отношений в процессе добровольного содействия в выполнении задач, возложенных на ВС России;

сторонами контракта о пребывании в добровольческом формировании являются, с одной стороны, Минобороны России, с другой – гражданин, изъявивший желание оказать добровольное содействие в выполнении задач, возложенных на ВС России;

добровольцы не являются профессиональными комбатантами и не стремятся стать военнослужащими, обязанными соблюдать требования общевоинских уставов ВС России.

Таким образом, правомерно предположить, что контракт о пребывании в добровольческом формировании является разновидностью гражданско-правового договора с исключительно сильными административно-правовыми признаками с учетом особенностей регулируемых им частно-публичных отношений в сфере обороны и безопасности государства.

Вместе с тем, как было особо подчеркнуто Президентом РФ В.В. Путиным в послании к Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г., все категории защитников Родины должны иметь равные социальные гарантии[31].

Как следствие такого подхода, в Российской Федерации принят пакет нормативных правовых актов, направленных на поддержку граждан, с оружием в руках отстаивающих интересы Отечества, и членов их семей, согласно которым:

добровольцы получили статус лиц, поступивших в созданные по решению органов государственной власти Российской Федерации добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на ВС России в ходе СВО на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 г., а также на территориях Запорожской и Херсонской областей с 30 сентября 2022 г., и на них распространен статус ветеранов боевых действий[32], а также определен порядок получения соответствующих удостоверений[33];

---

[31] См.: Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1473623/2023-02-21/poslanie-putina-federalnomu-sobraniiu-21-fevralia-glavnoe?ysclid=leemu7yj613280214 (дата обращения: 21.03.2023).

[32] См.: Федеральный закон от 21.11.2022 № 450-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах».

[33] См.: постановление Правительства РФ от 04.03.2023 № 342 «О порядке выдачи удостоверения ветерана боевых действий единого образца лицам, поступившим в созданные по решению органов государственной власти Российской Федерации добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции

установлен особый порядок приема членов семей военнослужащих и добровольцев, принимающих участие в СВО, на обучение в вузы страны и в довузовские образовательные организации силовых ведомств, имеющие целью подготовку несовершеннолетних граждан к военной службе и иной государственной службе[34];

утвержден порядок оказания медицинской помощи гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях[35];

установлен порядок выплаты единовременных пособий гражданам, пребывавшим в добровольческих формированиях, или членам семей погибших (умерших) граждан, пребывавших в добровольческих формированиях[36];

Добровольцы могут воспользоваться бесплатным проездом при следовании к месту нахождения добровольческого формирования, в связи с выполнением возложенных на добровольческое подразделение задач, к месту лечения, реабилитации или медосвидетельствования и обратно, при сопровождении отдельных категорий добровольцев, к месту жительства в случае исключения из формирования[37].

Приказом Министра обороны РФ от 15 февраля 2023 г. № 68 «Об определении порядка обеспечения добровольческих формирований вооружением, военной техникой, материально-техническими средствами и порядка продовольственного, вещевого и иных видов обеспечения, оказания медицинской помощи гражданам, пребывающим в них» установлен порядок обеспечения граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, указанными видами обеспечения.

Вместе с тем представляется назревшей необходимость законодательного урегулирования вопросов, связанных с правовым статусом добровольцев иностранцев и лиц без гражданства[38] в созданных по решению органов государственной власти России добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ в рамках СВО, а также бойцов ЧВК «Вагнер»[39] и других штурмовых добровольческих воинских формирований, финансируемых в частном порядке[40].

Актуальным вопросом также видится обоснование необходимости проведения в отношении добровольцев медицинского обследования и освидетельствования для установления их пусть и минимальной годности к выполнению возлагаемых задач. В данном аспекте есть работы, которые

на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 г., а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г.».

[34] См.: Федеральный закон от 29.12.2022 № 641-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”».

[35] См.: постановление Правительства РФ от 16.02.2023 № 245 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

[36] См.: Приказ Министра обороны Российской Федерации от 17 февраля 2023 № 72 «О внесении изменений в приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 мая 2012 г. № 1100 “О Порядке выплаты в Министерстве обороны Российской Федерации единовременных пособий, предусмотренных частями 8 и 12 статьи 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ ‘О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат’”».

[37] См.: приказ Министра обороны РФ от 10.02.2023 № 50 «Об установлении случаев и порядка предоставления гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, права на проезд на безвозмездной основе железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным (за исключением такси) транспортом».

[38] Так, по словам врио губернатора Запорожской области Е. Балицкого, в состав батальона им. Судоплатова, сформированного в области, вошли и проходят боевое слаживание представители Сербии, Турции и скандинавских стран, которые составляют 12–15% от общей численности личного состава формирования (около 600 чел.) (см.: Балицкий: в составе батальона Судоплатова есть сербы, турки и скандинавы. 18 февраля 2023 г. // Федеральное агентство новостей [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/incidents/balickiy_v_batalon_im_sudoplatova_voshli_serby_turki_i_skandinavy?utm_source=smi2&utm_medium=cpc&utm_content=12997313 (дата обращения: 24.03.2023)).

[39] До настоящего времени деятельность организаций этого типа российским законодательством не предусмотрена и не урегулирована.

[40] См. подр.: *Кудашкин А.В., Холиков И.В.* Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47; *Сибилева О.П.* Актуальные проблемы международно-правовой защиты гражданского населения в условиях современных вооруженных конфликтов. СПб., 2021 (Наука побеждать; вып. 6). С. 63–76; *Сайфуллин Э.К., Холиков И.В., Окоча В.А.* Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (264). С. 65–71; *Наумов П.Ю.* Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218; *Zemlin A., Kholikov I., Mamedova I.* Current Issues of Metro Safety Technical Regulations // Proceedings of the XIII International Scientific Conference on Architecture and Construction 2020. Lecture Notes in Civil Engineering. 2021. Vol. 130. Springer, Singapore. Pp. 236–247. DOI: 10.1007/978-981-33-6208-6_24; *Окоча В.А., Холиков И.В.* Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал росс. права. 2020. № 12. С. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154; *Сазонова К.Л., Холиков И.В.* Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 8. С. 51–57.

могут выступать методологической платформой для дальнейших результативных рассуждений[41].

Заключение

Рассмотренные вопросы правового положения «военных добровольцев» с учетом последних изменений в военном законодательстве Российской Федерации наглядно свидетельствуют о стремлении законодателя адекватно реагировать на актуальные вызовы и требования времени с целью формирования правовой базы, позволяющей регламентировать правовой статус различных участников СВО. Представляется вместе с тем возможным констатировать, что за пределами внимания разработчиков указанных актов осталось правовое регулирование статуса сотрудников ЧВК, принимающих непосредственное участие в вооруженных столкновениях в ходе СВО наравне с добровольцами, в том числе вопросы правовой регламентации оказания им медицинской помощи.

В этой связи актуализируется потребность в продолжении работы по формированию нормативного правового аппарата в интересах всех лиц, принимающих участие в операции, как для определения принципиальных подходов к вопросам правового регулирования исследуемых отношений, так и для более качественного выполнения задач, решаемых в ходе СВО[42].

Наблюдаемая сегодня трансформация глобального правопорядка отразилась и на динамике изменений внутреннего законодательства в отношении участников вооруженных конфликтов. Одним из примеров такового явилось перестроение правового положения «военных добровольцев» с конкретизацией их правового статуса в системе российского права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю.* Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. № 14 (1). С. 103–127. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127
2. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. М., 1998. С. 121, 122.
3. *Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю.* Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», ответственный ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, – материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. № 63 (1). С. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73
4. Военно-административное право (Военная администрация): учеб. / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]. М., 2022.
5. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М., 2022.
6. Военное право: учеб. / под ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. С. 223–266.
7. Гражданское право: учеб. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1999. Т. 1. С. 440–444.
8. Гражданское право: учеб. / под ред. Е.А. Суханова. М., 1998. С. 294.
9. *Денисов С.А.* Некоторые общие вопросы о порядке заключения договора // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. / под ред. М.И. Брагинского. М., 1998. С. 231–236.
10. *Ермолович Я.Н.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 1. С. 51, 52.
11. Как попасть в ЧВК «Вагнер». 22 февраля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Y_ZMQR51HBhrz1cQ (дата обращения: 04.03.2023).
12. *Кудашкин А.В.* Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. М., 2001. С. 22–44, 89.
13. *Кудашкин А.В., Холиков И.В.* Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47

[41] См.: *Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю.* Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», ответственный ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, – материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. № 63 (1). С. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73; *Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю.* Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. № 14 (1). С. 103–127. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127; *Холиков И.В.* Международно-правовые аспекты реализации транспортной стратегии Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4 (28). С. 93–99; *Наумов П.Ю., Холиков И.В.* Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493; *Мельниченко П.И., Дамаскин О.В., Холиков И.В., Паршин М.Ж.* Организационно-правовые аспекты противодействия распространению ВИЧ/СПИДа среди военнослужащих // Военно-медицинский журнал. 2005. Т. 326. № 2. С. 50–54; *Шафалинов В.А., Холиков И.В., Волгин А.Р., Яковлев С.В.* Деятельность сил и средств медицинской службы в условиях ликвидации последствий чрезвычайной ситуации (Опыт работы российского военно-медицинского контингента в Республике Индонезия) // Военно-медицинский журнал. 2007. № 328 (3). С. 10–13.

[42] См., напр.: Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / авт. кол. под рук. А.В. Кудашкина. М., 2024.

14. *Лазарева Е.* Путин меняет отношение государства и общества к бойцам ЧВК [Электронный ресурс]. URL: https: //ura.news/articles/1036286251 (дата обращения: 19.03.2023).

15. *Мельниченко П.И., Дамаскин О.В., Холиков И.В., Паршин М.Ж.* Организационно-правовые аспекты противодействия распространению ВИЧ/СПИДа среди военнослужащих // Военно-медицинский журнал. 2005. Т. 326. № 2. С. 50–54.

16. *Наумов П.Ю.* Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218

17. *Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М.* Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5

18. *Наумов П.Ю., Холиков И.В.* Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493

19. *Нойманн Н.* Минобороны хочет сделать ЧВК «Вагнер» частью ВС РФ. 2023. 18 янв. [Электронный ресурс]. URL: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/minoborony-hochet-sdelat-chvk-vagner-chastyu-vs-rf/ (дата обращения: 19.02.2023).

20. *Окоча В.А., Холиков И.В.* Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал росс. права. 2020. № 12. С. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154

21. Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / авт. кол. под рук. А.В. Кудашкина. М., 2024.

22. *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 29. DOI: 10.31857/S102694520014362-9

23. *Сазонова К.Л., Холиков И.В.* Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 8. С. 51–57.

24. *Сайфуллин Э.К., Холиков И.В., Окоча В.А.* Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (264). С. 65–71.

25. *Сибилева О.П.* Актуальные проблемы международно-правовой защиты гражданского населения в условиях современных вооруженных конфликтов. СПб., 2021 (Наука побеждать; вып. 6). С. 63–76.

26. *Сибилева О.П.* Правовой статус добровольцев, участвующих в специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 57–62.

27. *Степанов А.* В специальной военной операции участвуют более 16 тысяч казаков // Росс. газ. 2023. 19 февр.

28. *Холиков И.В.* Международно-правовые аспекты реализации транспортной стратегии Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4 (28). С. 93–99.

29. *Холиков И.В.* Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях: сб. науч. ст. Междунар. конф. «Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования». Оренбург, 2014. С. 299.

30. *Холиков И.В., Лапина О.А.* Правовые основы исполнения воинской обязанности гражданами Российской Федерации, в том числе имеющими двойное гражданство, прошедшими военную службу в иностранном государстве // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 5 (274). С. 12–17.

31. Частные военные компании в России. [Электронный ресурс]. URL: https://top10a.ru/chastnye-voennye-kompanii-v-rossii.html (дата обращения: 14.03.2023).

32. *Шафалинов В.А., Холиков И.В., Волгин А.Р., Яковлев С.В.* Деятельность сил и средств медицинской службы в условиях ликвидации последствий чрезвычайной ситуации (Опыт работы российского военно-медицинского контингента в Республике Индонезия) // Военно-медицинский журнал. 2007. № 328 (3). С. 10–13.

33. *Zemlin A., Kholikov I., Mamedova I.* Current Issues of Metro Safety Technical Regulations. In: Proceedings of the XIII International Scientific Conference on Architecture and Construction 2020. Lecture Notes in Civil Engineering. 2021. Vol. 130. Springer, Singapore. Pp. 236–247. DOI: 10.1007/978-981-33-6208-6_24

REFERENCES

1. *Bolshakova V.M., Kholikov I.V., Naumov P. Yu.* Medical support of the judicial system of the Russian Federation // Siberian Bulletin of Natural Sciences and agriculture. 2022. No. 14 (1). Pp. 103–127. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127 (in Russ.).

2. *Braginsky M.I., Vitryansky V.V.* Contractual law. M., 1998. Pp. 121, 122 (in Russ.).

3. *Bukhtiyarov I.V., Kholikov I.V., Bolshakova V.M., Naumov P. Yu.* Experience in conceptualizing military aspects of Medical Law (discussion of chapter 14 of the textbook "Medical Law of Russia", responsible editor A.A. Mokhov, publishing house "Prospect", 2022, – discussion materials) // Occupational Medicine and Industrial Ecology. 2023. No. 63 (1). Pp. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73 (in Russ.).

4. Military Administrative Law (Military Administration): textbook / M.M. Barannikov, O.G. Bezbabnov, P.I. Gavryushenko [et al.]. M., 2022 (in Russ.).

5. Military Law: in 3 vols. / under the general ed. of A.N. Savenkov, A.V. Kudankin. Vol. III. The main problems and promising areas of military legal research. M., 2022 (in Russ.).

6. Military Law: textbook / ed. by A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. M., 2021. Pp. 223–266 (in Russ.).
7. Civil Law: textbook / ed. by A.P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. M., 1999. Vol. 1. Pp. 440–444 (in Russ.).
8. Civil Law: textbook / ed. by E.A. Sukhanov. M., 1998. P. 294 (in Russ.).
9. *Denisov S.A.* Some general questions about the procedure for concluding contract // Actual problems of Civil Law: collection of articles / ed. by M.I. Braginsky. M., 1998. Pp. 231–236 (in Russ.).
10. *Ermolovich Ya.N.* Scientific and practical commentary on the Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Code-the Procedural Code of the Russian Federation" dated September 24, 2022 No. 365-FZ // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2023. No. 1. Pp. 51, 52 (in Russ.).
11. How to get into the Wagner PMCs. February 22, 2023 [Electronic resource]. URL: https://dzen.ru/a/Y_ZMQR51HBhrz1cQ (accessed: 04.03.2023) (in Russ.).
12. *Kudashkin A.V.* Military service and military personnel in the Russian Federation: constitutional and legal regulation. M., 2001. Pp. 22–44, 89 (in Russ.).
13. *Kudashkin A.V., Kholikov I.V.* Experience of conceptualization of special military operations in modern law // Paths to peace and security. 2023. No. 1(64). Pp. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47 (in Russ.).
14. *Lazareva E.* Putin is changing the attitude of the state and society towards PMCs fighters [Electronic resource]. URL: https://ura.news/articles/1036286251 (accessed: 19.03.2023) (in Russ.).
15. *Melnichenko P.I., Damaskin O.V., Kholikov I.V., Parshin M.J.* Organizational and legal aspects of countering the spread of HIV/AIDS among military personnel // Military Medical Journal. 2005. Vol. 326. No. 2. Pp. 50–54 (in Russ.).
16. *Naumov P. Yu.* Social functions of private military companies in the context of the transformation of the modern world order // Paths to peace and security. 2023. No. 2 (65). Pp. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218 (in Russ.).
17. *Naumov P. Yu., Zakhartsev S.I., Kholikov I.V., Bolshakova V.M.* The value of law and legal values in a globalizing world (An axiological review of the book "State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law") // State and Law. 2023. No. 9. Pp. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5 (in Russ.).
18. *Naumov P. Yu., Kholikov I.V.* Characteristics of the legal foundations of military medical examination in the troops of the National Guard of the Russian Federation // Siberian Bulletin of Natural Sciences and Agriculture. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493 (in Russ.).
19. *Noimann N.* The Ministry of Defense wants to make the PMCs Wagner part of the Armed Forces of the Russian Federation. 2023. 18 Jan. [Electronic resource]. URL: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/minoborony-hochet-sdelat-chvk-vagner-chastyu-vs-rf/ (accessed: 19.02.2023) (in Russ.).
20. *Okocha V.A., Kholikov I.V.* The use of armed force by private marine security companies: dynamics of borders and specifics of legal regulation in the modern world // Journal of Russ. law. 2020. No. 12. Pp. 147–158. DOI: 10.12737/Jr.2020.154 (in Russ.).
21. The law of military conflicts: basic concepts and paradigmatic genesis in the name of victory / author. col. under the direction of A.V. Kudashkin. M., 2024 (in Russ.).
22. *Savenkov A.N., Kudankin A.V.* Legal law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. P. 29. DOI: 10.31857/ S102694520014362-9 (in Russ.).
23. *Sazonova K.L., Kholikov I.V.* International legal aspects of the responsibility of States and international organizations for the spread of epidemics, pandemics and mass diseases // Military Medical Journal. 2015. Vol. 336. No. 8. Pp. 51–57 (in Russ.).
24. *Saifullin E.K., Kholikov I.V., Okocha V.A.* Modern trends in legal regulation of the activities of private military and security companies // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2019. No. 12 (264). Pp. 65–71 (in Russ.).
25. *Sibileva O.P.* Actual problems of international legal protection of civilians in modern armed conflicts. SPb., 2021 (Science to win; iss. 6). Pp. 63–76 (in Russ.).
26. *Sibileva O.P.* The legal status of volunteers participating in a special military operation in Ukraine // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2022. No. 12. Pp. 57–62 (in Russ.).
27. *Stepanov A.* More than 16 thousand Cossacks are participating in a special military operation // Ross. gaz. 2023. February 19 (in Russ.).
28. *Kholikov I.V.* International legal aspects of the implementation of the transport strategy of the Russian Federation in the field of medical support in transport // Transport Law and security. 2018. No. 4 (28). Pp. 93–99 (in Russ.).
29. *Kholikov I.V.* Norms of International Humanitarian Law and the practice of their implementation in modern conditions: collection of scientific articles of the International Conference "The State policy of reforming social and humanitarian education". Orenburg, 2014. P. 299 (in Russ.).
30. *Kholikov I.V., Lapina O.A.* The legal basis for the performance of military duty by citizens of the Russian Federation, including those with dual citizenship who have completed military service in a foreign state // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2020. No. 5 (274). Pp. 12–17 (in Russ.).
31. Private military companies in Russia [Electronic resource]. URL: https://top10a.ru/chastnye-voennye-kompanii-v-rossii.html (accessed: 14.03.2023) (in Russ.).
32. *Shafalinov V.A., Kholikov I.V., Volgin A.R., Yakovlev S.V.* The activities of the forces and means of the medical service in the aftermath of an emergency (Experience of the Russian military medical contingent in the Republic of Indonesia) // Military Medical Journal. 2007. No. 328 (3). Pp. 10–13 (in Russ.).
33. *Zemlin A., Kholikov I., Mamedova I.* Current Issues of Metro Safety Technical Regulations. In: Proceedings of the XIII International Scientific Conference on Architecture and Construction 2020. Lecture Notes in Civil Engineering. 2021. Vol. 130. Springer, Singapore. Pp. 236–247. DOI: 10.1007/978-981-33-6208-6_24

Сведения об авторах

КУДАШКИН Александр Васильевич –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
руководитель отделения военного права
Академии военных наук
Российской Федерации; 119330 г. Москва,
Университетский проспект, д. 14;
заместитель генерального директора
по правовым вопросам
и корпоративному управлению
АО «Объединенная двигателестроительная
корпорация»; 109147 г. Москва,
пер. Маяковского, д. 11

ХОЛИКОВ Иван Владимирович –
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
центра международного права
и сравнительно-правовых исследований
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации;
117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34;
профессор 25 кафедры Военного университета
им. князя Александра Невского
Минобороны России; 123001 г. Москва,
ул. Б. Садовая, д. 14
ORCID: 0000-0003-0421-5829

Authors' information

KUDASHKIN Aleksandr V. –
Doctor of Law, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Head of Section of Military Law,
Academy of Military Sciences
of the Russian Federation;
14 Universitetsky Ave., 119330 Moscow, Russia;
Deputy General Director for Legal Affairs
and Corporate Governance
of JSC "United Engine Corporation";
11 Mayakovsky Lane, 109147 Moscow, Russia

KHOLIKOV Ivan V. –
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the Center of International Law
and Comparative Law Studies,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation;
34 B. Cheremushkinskaya str.,
117218 Moscow, Russia;
Professor of the 25th Department
of Prince Alexander Nevsky Military University
of the Russian Ministry of Defense;
14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 139–151
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 139–151

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

УДК 342.9

ФИНАНСОВЫЙ МЕХАНИЗМ КАК ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

© 2024 г. С. В. Запольский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: zpmoscow@mail.ru

Поступила в редакцию 22.08.2024 г.

Аннотация. В период обострения экономических и политических противостояний с коллективным Западом, вызванного наложением множества экономических санкций на нашу страну и совершением других крайне недружелюбных действий, рассчитанных на подрыв российской экономики, согласованные действия различных финансовых институтов приобретают особо важное значение. В статье анализируются правовые проблемы осуществления единой национальной финансовой политики. Предлагается рассматривать совокупность публичных финансовых институтов как единый финансовый механизм, действующий во имя общих социально-экономических задач государства и общества. По мнению автора, финансовый механизм есть обобщенный подход к юридически самостоятельным правовым институтам национальных финансов, что требует дополнительных усилий и решений для гармонизации их взаимодействия.

Ключевые слова: финансы, публичная власть, финансовый механизм, бюджет, бюджетный процесс, налогообложение, банковский кредит, финансовый контроль, финансовая дисциплина.

Цитирование: *Запольский С. В.* Финансовый механизм как основа российской государственности // Государство и право. 2024. № 11. С. 139–151.

DOI: 10.31857/S1026945224110127

FINANCIAL MECHANISM AS A BASIS OF THE RUSSIAN STATEHOOD

© 2024 S. V. Zapolsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: zpmoscow@mail.ru

Received 22.08.2024

Abstract. During the period of aggravation of economic and political confrontations with the collective West, caused by the imposition of many economic sanctions on our country and the commission of other extremely hostile actions designed to undermine the Russian economy, the concerted actions of various financial institutions are becoming particularly important. The article analyzes the legal problems of the implementation of a unified national financial policy. It is proposed to consider the totality of public financial institutions as a single financial mechanism acting in the name of common socio-economic tasks of the state and society. According to the author, the financial mechanism is a generalized approach to legally independent legal institutions of national finance, which requires additional efforts and solutions to harmonize their interaction.

Key words: finance, public authority, financial mechanism, budget, budget process, taxation, bank loan, financial control, financial discipline.

For citation: *Zapolsky, S.V. (2024).* Financial mechanism as a basis of the Russian statehood // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 139–151.

В условиях обострения политического и экономического противостояния государств Запада и Российской Федерации возросла функциональная нагрузка на финансовую систему, которая призвана не только обеспечить многие возросшие в ходе СВО оборонные расходы, но и создать опережающие резервы для будущих расходов как в сфере бюджета, так и децентрализованных финансов. Более недопустимо использование одних финансовых инструментов контрпродуктивно для других, бегство капиталов за границу в офшоры, злоупотребления в сфере госзакупок. Речь прежде всего идет о перенастройке финансового механизма на удовлетворение национальных потребностей и интересов.

Финансы как особая категория экономических отношений охватывают широкий спектр форм взаимодействия публичной власти с участниками хозяйственного оборота. Со времени возникновения финансов как относительно стабильного понятия и в законодательном и в правоприменительном смыслах стоит задача ограничения финансов от близких к ним экономических отношений и систематизации финансов как большой группы юридических инструментов управления экономикой.

Государство, действуя в качестве публичной власти, нуждается в специальных средствах материализации своей роли в экономике. Часть этих средств относится к мерам по упорядочению гражданского оборота, по формированию юридического облика его участников и его объектов, по установлению порядка разрешения споров и конфликтов, возникающих между субъектами хозяйствования. Реализации этих мер служит большой юридический массив, в котором ведущую роль играет гражданское право.

Другая часть представляет собой инструменты, созданные для участия публичной власти в экономическом обороте самостоятельно, в качестве отдельного правосубъекта – носителя собственного имущественного интереса. Эту сферу отношений «обслуживает» иной юридический массив, в котором наряду с административным правом важнейшую роль играет право финансовое как особый метод регулирования экономических отношений. Особая черта, точнее – сущностная характеристика финансового права в том, что финансово-правовыми средствами финансовые отношения не только регулируются, но и изначально создаются, инициируются к возникновению, порождаются. Это обстоятельство недооценивается многими учеными, включающими финансовое право в тот или иной круг отраслей права наряду с другими отраслями с использованием критериального аппарата, неприемлемого в данном случае[1].

Сложность понимания существа финансового права происходит из того, что финансово-правовой

[1] См., напр.: *Сулейменов М.* Право как система. Алматы, 2011. С. 131.

инструментарий состоит из общеправовых, свойственных любой сфере и отрасли регулирования, приемов, механизмов и правовых конструкций. Зачастую схожесть или же различие технико-юридических приемов, таких как договор, обязательство, те или иные юридические факты, исследователи ошибочно воспринимают как сущностные характеристики.

Финансовый механизм, олицетворяя собой динамику финансового права, включает систему институтов, однородных между собой прежде всего по признаку особого воздействия на регулируемую среду – создание технических отношений, которые следует урегулировать. Эта роль возложена на отдельные институты финансового права, которые хотя бы для целей настоящей работы, можно приравнять к отдельным «финансам». Очевидно, потребность в существовании тех или иных имущественных отношений с участием публичной власти вызывает к жизни соответствующий институт права – элемент финансового механизма. При этом правовое опосредование реализации публичного интереса не ограничивается (и не может ограничиться) только материально-правовым формированием отношений, возникает потребность в организационно-правовом опосредовании как неотъемлемом следствии влияния правовой формы на экономическое содержание.

Из этого следует, что финансовый механизм есть не только совокупность финансовых материально-правовых институтов, таких как бюджет, налоги, страхование, государственный кредит и публичный долг, финансирование социальных программ, но и ряд правообеспечительных институтов – бухгалтерского учета, финансового контроля и мониторинга, аудита, финансово-плановых процедур.

Нельзя не заметить, что формирование финансового (финансово-кредитного) механизма является значительным цивилизационным достижением общества. В начале XX в. агрегатированное существование национальных финансов только предполагалось реализовать в качестве одной из самых сложных задач хозяйственного строительства[2]. Последующие исторические события, связанные с многократным изменением социально-экономической обстановки, привели к необходимости понимания финансов как единого экономико-правового механизма со свойственными ему принципами функционирования. В конечном счете стабильность этих принципов, проверка их действенности и эффективности, как писала Н.И. Химичева, и предопределяют существо финансового права как юридического массива синтетической природы, не сводимого ни к административному, ни к гражданско-правовому регулированию[3].

Комплексность финансово-правового регулирования, понимание его как действия единого механизма еще – от конкретной законодательной и правоприменительной реализации. Достаточно сказать, что даже официальный словарь-справочник «Финансовое законодательство в терминах, понятиях и определениях»[4] вообще не содержит определения финансового механизма. Недооценка комплексности финансов как единой правовой материи зачастую приводит к принятию решений без учета всего финансового контекста и лишь путем «выхватывания» возможностей осуществления оперативных мер, нередко в ущерб всей системе. Поэтому систематизация финансово-правового инструментария, определение места каждого института в едином финансовом механизме представляется необходимым условием обеспечения эффективности финансовой политики государства и его экономической деятельности в целом.

Проблема систематизации финансовых институтов, агрегатного исследования их взаимодействия продолжительное время стоит как перед учеными-экономистами, так и в особенности перед специалистами финансового права. Основы такого анализа были заложены еще в 1940 г. с выходом первого учебника по финансовому праву[5], ставшего значимым событием не только в образовательном, но и в научном смысле – своеобразной матрицей отдельного направления научных правовых исследований.

В условиях возрастания роли интегрального понимания сущности права, углубления взаимопроникновения отраслей права между собой, достаточно важно сохранить методологическую чистоту анализа финансовой системы как отражения структуры финансового права. В противном случае может произойти растворение теории финансового права в юридических концепциях иного происхождения, следующих идеологии, заимствованной из англо-саксонской, романо-германской и других правовых систем. При всей ценности учета иностранного опыта следование национальным правовым традициям выступает гарантией в конечном счете суверенности финансовой системы, ее сохранения и развития как важнейшего национального механизма экономического управления.

Подход к финансам как к целостному механизму управления не нов для отечественной

[2] См., напр.: Финансы и налоги. Очерки теории и политики. Золотые страницы финансового права России. М., 2004.

[3] См.: Словарь-справочник. М., 2009.

[4] См.: там же.

[5] См.: Финансовое право: учеб. М., 1940.

экономической и правовой науки. Достаточно упомянуть работы В.П. Дьяченко[6] и Д.А. Аллахвердяна[7]. Вместе с тем заметно, что финансовый (финансово-кредитный) механизм рассматривается как данность, возникшая в ходе совершенствования отдельных элементов финансовой системы. Такой подход делает бессмысленной любую попытку проанализировать эффективность финансового механизма в целом, поскольку предполагает возможность оценки его отдельных элементов. В итоге при совершенной налоговой системе, эффективном эмиссионном аппарате, отлаженной банковской системе, мобильном бюджетном устройстве и развитом финансовом контроле страна не имеет финансового механизма, отвечающего вызовом нестабильной мировой экономической ситуации, равно как и обеспечивающего устойчивое экономическое развитие регионов наряду с выполнением федеральных инвестиционных и других программ.

Нынешний этап развития мировой экономики, сопряженный с нестабильностью, периодически возникающими дисбалансами и кризисами, как никогда ранее требует согласованного применения средств экономического управления как в национальном, так и в межнациональном масштабе. Не являются в этом смысле и финансы, концентрирующие, с одной стороны, большую часть инструментария государственного управления производством и распределением, а с другой – отражающие в монетарной форме состояние дел в любой национальной экономике, в регионах мира и в мире в целом. Согласованное действие всех финансовых инструментов – гарантия предотвращения экономических кризисов или их преодоления с наименьшими потерями.

Исторически финансы развивались и развиваются как отдельные самостоятельные институты, ограниченные в своем взаимодействии национальными границами, специальными функциями и правовыми рамками. Как трансграничное, так и функциональное взаимопроникновение носит фрагментарный характер. Бюджетные отношения, собирание госдоходов, кредитование народного хозяйства, выполнение социальных обязательств государства, финансирование госаппарата, монетарная политика, страхование, финансы хозяйствующих субъектов и другие финансовые институты существуют, как правило, в виде отдельного направления законотворчества и правоприменения каждого государства, регионов или даже муниципалитетов. Для подчинения их действия единому плану требуются каждый раз экстраординарные противокризисные меры, которые не могут не запаздывать, поскольку требуют отработки особых юридических конструкций, законодательного оформления, подготовки к применению.

Автономность финансовых институтов, отражая их экономическую и правовую природу, в конечном счете их достоинство, нежели недостаток. Государство, воздействуя на экономическую жизнь многоканально и инвариантно, обладает большими возможностями для регулирующего воздействия. В то же время задача координации финансовых институтов, действующих самостоятельно, но согласованно, приобретает все большее значение. Далеко не случайно все крупные межнациональные объединения и союзы создаются под флагом координации финансово-таможенной, кредитно-денежной, торгово-экономической политики. ШОС, БРИКС, ВТО и другие международные организации провозглашают финансовую согласованность как приоритетную задачу их формирования для создания единообразной (сопоставимой) среды существования хозяйствующих субъектов и проведения крупных межгосударственных мероприятий.

Будучи обобщенным понятием, финансы объединяют в себе не только различные, но и разнородные экономические и правовые институты, отношения, возникающие в сфере финансов, приобретают ту юридическую фазу, которая предопределена ролью и функциями соответствующего финансового института. Речь, таким образом, должна вестись о соотношении различных средств и методов правового регулирования экономических отношений, представляющих собой широкую палитру конкретных юридических инструментов – от жестких, обеспеченных мерами принуждения и наказания запретов через позитивные обязанности и долженствования к диспозитивному регулированию путем дозволений и предоставлений возможности действия путем компетенциональной свободы.

Широта этого инструментария далеко не всегда служит добрую службу теории права. Выступая как единый комплекс экономических отношений, финансы, с позиций юридического анализа, поляризуются вокруг императивного метода регулирования либо противоположного ему – диспозитивного.

Нередко учеными допускается дихотомический подход к существу финансов как комбинации публичных финансов (бюджета, налогов и др.) и финансов частных – кредита, ценных бумаг, правил расчетов между хозорганами и других сфер применения диспозитивного регулирования. Если в сфере неспециализированного анализа такой подход, возможно, приемлем, то с позиций права следует признать его значительную вредоносность,

[6] См.: *Дьяченко В.П.* Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. М., 1974.

[7] См.: *Аллахвердян Д.А.* Финансово-кредитный механизм развитого социализма. М., 1976.

порождающую терминологическую сумятицу в законодательстве, попытки регулирования гражданско-правовыми методами императивных, в своей сущности отношений, отстаиванию в научной дискуссии существования правовых фантомов типа т.н. частных финансов и другие контрпродуктивные тенденции.

Следует признать, что ни в теории, ни в практике правового регулирования «стыки» финансов с гражданским (с частноправовым) и с административным регулированием глубоко не исследованы, что в зависимости от той или иной потребности, а то и просто желания, позволяет каждый раз по-новому определять грани размежевания этих трех отдельных сфер правового регулирования.

Возможно ли административно-правовое регулирование финансовых «отношений»? Поставленные выше кавычки при ответе на этот вопрос просто необходимы, поскольку соответствующие имущественные отношения будут при положительном ответе не чем иным, как квазифинансами, лишенными финансово-правовой формы. Так, возложение взимания налогов на полицейские службы, происходившее в прошлом России и некоторых других государств, каждый раз приводило к возникновению юридического «уродца», быстро дискредитировавшего саму идею – достаточно вспомнить судьбу налоговой полиции РФ... На память приходит и пресловутое взимание в бюджет свободного остатка прибыли государственных предприятий, фактически нуллифицировавшие и без того слабые хозрасчетные стимулы в деятельности первичного звена экономики социализма.

Во всех подобных предпринятых и ждущих своего опробирования схемах и решениях главная беда – недооценка природы финансовых отношений и соответствующих правоотношений, а именно – отчуждение и приобретение соответствующего экономического блага по финансовым основаниям требует совершения гражданско-правовой сделки между правосубъектом, осуществляющим или представляющим публичную власть, и хозяйствующим субъектом – юридическим лицом или лицом физическим. Конфискационная или благотворительная деятельность государства и его органов не может регулироваться финансовым правом ввиду ее односторонности. Иными словами, административное распорядительство в области имущественных отношений должно иметь жесткие границы применения, исключающие интервенцию в сферу финансов.

Говоря об особых сделках, наличие которых дает основания считать отношения финансовыми и регулируемыми финансовым правом, следовало бы, в первую очередь, ограничить их от гражданско-правовых сделок. При наличии целого ряда экономических и юридических отличий одних от других будет достаточно упомянуть, пожалуй, главное – отсутствие у финансовых сделок такого важного гражданско-правового признака, как встречное удовлетворение. Финансово-правовые сделки совершаются либо без встречного удовлетворения вообще (налогообложение, межбюджетные трансферты, финансирование бюджетного учреждения), либо со встречным удовлетворением, обусловленным возникновением права, отсутствующего на данный момент (социальное страхование, финансирование государственных капитальных вложений, страхование рисков, эмиссия платежных инструментов). Поскольку реципиент денежных средств не связан с донором обязанностью по встречному удовлетворению, классическое гражданско-правовое отношение подвергается в сфере финансов ряду метаморфоз – возникновению обязанности совершения финансово-правовой сделки для обоих участников (сторон), подконтрольность сделки специально создаваемым органам государства – органам финансового контроля, полная, исчерпывающая бланкетность условий взаимоотношений сторон этих отношений, безальтернативность контрагента и т.д.

Если взглянуть на сферу финансов непредвзятым цивилистическим взглядом, то можно обнаружить особую область имущественных отношений, регулируемых в ином правовом порядке, но на тех же общих юридических принципах, что и сфера гражданского оборота. Более того, граница между финансами и «нефинансами» достаточно подвижна и даже не вполне точно проведена. Так, добыча полезных ископаемых в Российской Федерации вызывает возникновение как фискальных обязательств, так и гражданско-правовых обязательств по уплате средств в бюджет по однотипным основаниям, порядку исчисления и взимания[8].

Как известно, возникновение и становление финансов всецело связано с возникновением государств, расширением их функций, участием публичной власти в экономическом обороте. В конечном счете финансы – это совокупность форм и методов участия государств в гражданском обороте с присущими им (государствам) экстраординарными возможностями по формированию «собственной» национальной экономической среды и определению особой правосубъектности своих органов хозяйственных структур, установления и обеспечения правового режима экономической деятельности, ориентированного на удовлетворение публичных интересов. При этом инструменты гражданско-правового регулирования становятся

[8] См.: *Васянина Е.Л.* Фискальное право России. М., 2013. С. 115.

строительным материалом для создания финансовой системы. Элементы последней – не что иное, как подвергнутые коренной трансформации или приспособлению гражданско-правовые средства регулирования имущественных отношений. В тех же случаях, когда требуется императивная технология, субсидиарному применению подвергается соответствующий административно-правовой инструмент, адаптируемый для использования в области финансов.

Так, область финансового контроля являет собой пример адаптации информационного права для целей получения сведений о деятельности подконтрольного субъекта, в том числе и путем обязывания последнего отчитываться перед органом финансового контроля. Важно подчеркнуть, что трансформация гражданско-правовых инструментов в инструменты финансовые имеет свои пределы, что позволяет государству, выступающему в роли законодателя, в нередких случаях абстрагируясь от финансовой формы, использовать гражданско-правовую сущность соответствующего экономического отношения. Примером может служить преобразование налоговой задолженности юридического лица – банкрота в ходе конкурсного производства в задолженность по сделке.

Есть достаточные основания считать относящимися к финансовому механизму лишь те правовые связи, которые, являясь результатом намеренной трансформации или приспособления к финансам, сохраняют, тем не менее, свою родовую принадлежность к гражданскому или административному праву. В свою очередь, их правовое регулирование носит двухслойный характер – специальный (финансово-правовой) и при наличии специально оговоренных законом условий допускает применение родового юридического инструментария – гражданско-правового или административно-правового. Вполне допустимо полагать, что финансовое право есть надотраслевое по отношению к системе отраслей права образование, гармонически объединяющее правовые инструменты регулирования расчетов, кредитования, денежного оборота в целом, характерные во многом гражданско-правовой природой, и публично-правового воздействия на эти отношения со стороны государства в целях достижения соответствующих публичных целей.

Не менее важной функцией финансового права является приведение к общим юридическим «знаменателям» различных по своему действию финансовых инструментов, превращение их из простой совокупности в стройную систему. Действительно, только правовым путем осуществляется корреспондирование кредитования и налогообложения, государственного долга и бюджетного финансирования, иных разнородных, но функционально связанных между собой финансовых инструментов.

Многочисленные попытки ученых, пытавшихся и пытающихся доказать существование особого вида правоотношений, не являющихся ни административными, ни гражданско-правовыми, а финансово-правовыми, будут успешны настолько, насколько будет принята во внимание надотраслевая природа финансового права как синтетической сферы правового регулирования, адаптирующей гражданско-правовые либо административно-правовые конструкции для использования в регулировании особых имущественных отношений. Собственно, последние возникают не иначе как в результате этой адаптационной деятельности. Абстрагируясь от социально-исторической обстановки, мы должны исходить из того, что налог отличается от дани, бюджет от казны, а бюджетное финансирование от жалований воеводам или генерал-губернатора именно тем, что современные юридические конструкции, сохраняя гражданско-правовую сущность, вбирают в себя одновременно новую форму и содержание как финансово-правовые конструкции.

Не являются ли многочисленные коррупционные проявления путем свободного манипулирования доходами или расходами бюджета рецидивом средневековой «традиции» бесконтрольного распоряжения царскими (государственными) деньгами как собственными – чем грешили чиновники в XIX в., тем и грешат в веке XXI? Ведь нередко оправданием хищений бюджетных средств или недовнесения налогов и других платежей в бюджетные фонды служит именно «финансовость» соответствующих средств и как бы нераспространимость на них ни вещных, ни обязательственных прав публичной власти. В этом свете понимание финансовых отношений как имущественных сделок, вызывающих эффект отчуждения имущества или его приобретения, а равно выступление публичной власти в роли должника или кредитора носит принципиальный характер для укрепления правопорядка в экономике в целом. Отличие финансовых операций от гражданско-правовых сделок видится в другом – в основаниях возникновения прав и обязанностей. В процедуре совершения этих операций, характере и процедуре возложения ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, т.е. в технико-юридических деталях. Отсюда должен следовать вывод и о том, что финансовые отношения, будучи не только инициированными, но и прямо порожденные государством как особым участником гражданского оборота, в юридическом отношении регулируются всем комплексом находящихся

у публичной власти правовых средств, а не только финансовым правом, как нередко об этом пишут специалисты этого научного направления. Роль финансового права в другом – в создании процедурно-процессуальной среды возникновения и прекращения имущественных отношений, связанных с деятельностью государственного аппарата и выполнения государством и органами муниципальной власти своих задач и функций.

Ценность автономного функционирования финансового механизма, не обремененного необходимостью подсудного решения различных социальных и политических задач, скорее всего перевешивает возможность универсального использования финансов публичной властью. Достаточно напомнить недавний водевильный опыт взимания налога на холостяков, малосемейных и бездетных граждан в СССР для решения демографических проблем, чтобы не повторять подобных ошибок в Российской Федерации.

Если финансы есть система отношений, порожденных государством в целях регулирования имущественного оборота с его непосредственным участием, то, очевидно, созидательный продукт, привносимый государством в сферу имущественного оборота с той или иной долей основательности, можно считать совокупностью элементов финансового механизма. При этом невозможно игнорирование и правовых критериев – товарно-денежные институты, строящиеся на основе диспозитивности участников соответствующих отношений, всегда оказываются в положении «белых ворон». И хотя вопрос об относимости к кругу финансов тех или иных юридических конструкций носит вкусовой характер, и каждый исследователь волен самостоятельно определять этот круг в зависимости от собственных взглядов, попытки доказывания финансовой природы ценообразования, корпоративного регулирования, антимонопольных мер, регулирования несостоятельности и банкротства контрактной системы, невзирая на значительную близость этих и ряда других инструментов экономического управления, вряд ли увенчаются успехом. Скорее наоборот, близость к финансам только доказывает взаимосвязь финансового механизма с другими частями экономического управления без растворения в них.

Будучи подсистемой национальной экономики, финансовый механизм выступает одновременно комбинацией правовых средств регулирования имущественных отношений разной отраслевой принадлежности. Следует предположить, что эффективность действия финансового механизма предопределяется степенью органического слияния гражданско-правовых и административно-правовых начал и выработки юридических конструкций синтетического типа[9].

Произошедшая в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века либерализация банковского кредитования, вызванная отказом государства от банковской монополии, не приведя к обещанным позитивным результатам, обратила кредит в источник неосновательного, но вполне правомерного обогащения банков за счет хозяйствующих субъектов. Параллельно банковский кредит как финансовый инструмент утратил ряд уникальных свойств и достоинств, присущих ему в условиях плановой экономики, – здесь достаточно упомянуть режим дифференцированного кредитования банками предприятий в зависимости от результатов их хозяйственной деятельности. Более того, в современных условиях банковский кредит играет нередко контрпродуктивную роль. Так, например, автокредитование существенно искажает структуру покупательных возможностей граждан, создавая к тому же искусственную излишнюю нагрузку на дорожную сеть, ремонтный сектор и сферу торговли горюче-смазочными материалами.

Немало претензий у специалистов к организации ипотечного кредитования, к ссудам промышленности, строительству и транспорту, к выдаче т.н. стартаповских ссуд. Поэтому-то предложения отдельных экономистов и юристов о возвращении банковскому кредиту его финансово-правового лица представляются и актуальными, и своевременными, особенно в свете возникновения новых волн мирового экономического кризиса.

Что представляют из себя правоотношения, образующие в своем развитии и взаимодействии финансовый механизм национальной экономики? Достаточно ли они специализированы, чтобы составлять особую категорию (вид) правоотношений? Ответы на эти вопросы нужны нам для признания финансового механизма не только особым экономическим явлением, но и особым правовым феноменом. Для чистоты анализа исключим из него большую группу организационных правоотношений, которые становятся финансовыми в явочном порядке. К ним относятся процедурно-процессуальные отношения, финансовый контроль, аудит, бухгалтерский учет и иные крайне важные, но обслуживающие прежде всего информационно финансовую систему институты.

Что же касается материально-правовых финансовых отношений, то по молчаливому уговору специалистов-ученых выявление их природы

[9] Так, банковский кредит, внешне напоминая ссудные отношения (в том числе и терминологически), представляет собой, в сущности, амальгаму вышеназванных начал и только в этом качестве может использоваться в экономическом управлении.

сводится к классификации и разграничению, скажем, бюджетных правоотношений от налоговых, кредитных – от расчетных, страховых – от каких-то иных и т.д. Возникает стойкая презумпция отсутствия у финансовых правоотношений общего лица и единой природы, презумпция невозможности выделить финансовое правоотношение в чистом, абстрактном виде.

Между тем наши возможности с типизацией условий возникновения, субъектного состава, особенностей юридических фактов, порождающих правоотношения разных видов, но относящихся к финансам, далеко не так жестко ограничены и позволяют предположить, что финансовыми материальными правоотношениями должны быть признаны те из них, которые опосредствуют движение капитала в денежной форме, связанное с финансированием одним субъектом другого субъекта. Именно финансирование, понимаемое как особое правовое состояние двух и более субъектов, в различных видах осуществляемое, и создает тело и дух финансового механизма. Оно может осуществляться в зависимости от обстоятельств в императивной форме (правоотношения в области государственных доходов), в форме законотворчества (бюджетное планирование, межбюджетные трансферты), в форме одностороннего волеизъявления (эмиссия платежных средств), в форме выполнения добровольно принятых на себя обязательств (бюджетное финансирование), в форме договора (банковское кредитование) и, наконец, в форме исполнения гражданско-правового обязательства (факторинг, некоторые природоохранные платежи). При этом далеко не всегда сильная сторона выступает в роли донора, а слабая – реципиентом. Роли могут меняться на противоположные, но всегда сохраняются неизменными ряд признаков юридического свойства, таких как отсутствие встречного удовлетворения, особый субъектный состав, высокая степень бланкетности прав и обязанностей сторон.

Пока понимание финансового правоотношения как финансирования – не более чем приглашение к дискуссии, но саму проблему отыскания юридической модели всех финансов и отдельно взятого финансового отношения трудно переоценить. Возможно, с решения этой задачи начнется отсчет времени существования принципиально нового финансового права...

Фондовая теория финансов и финансового права в немалой степени отразилась и на научных представлениях о финансовом механизме, что, в свою очередь, породило трудно-исправимые последствия в построении системы финансового законодательства и государственных органов управления в области финансов. Гипертрофирование роли бюджета, традиционно понимаемого центром финансового механизма, обрекает все иные инструменты управления финансами на «ранжирование» в зависимости от близости и связи с бюджетной деятельностью; все то, что содействует мобилизации денежных средств в бюджет приобретает приоритет перед исполнением бюджета, в расходной части. Финансовые отношения, удаленные от бюджета, автоматически приобретают меньшую значимость. Вспомогательные инструменты управления финансами становятся объектами публичного внимания только при экстраординарных обстоятельствах.

Обслуживание бюджета как смысл и цель функционирования финансового механизма получило распространение и принятие как среди ученых, так и практических работников, и нередко такое понимание переносится на всю экономику в целом – нередко народное хозяйство рассматривается как «бюджетно-организованное». Соответственно, роль любого товаропроизводителя в этом случае сводится к выполнению обязанностей по исполнению доходной части бюджета.

Подобная этатическая философия, не находящая, казалось бы, основы ни в современном законодательстве, ни в реальной экономической политике, продолжает подсудно управлять финансовой жизнью страны и процессами принятия управленческих решений. В результате финансовый механизм, призванный стимулировать экономическую активность, содействовать развитию первичного звена народного хозяйства и всего хозяйственного комплекса, во многих своих проявлениях и ипостасях действует контрпродуктивно[10].

Есть глубокая убежденность, что балансировку экономики нужно начинать не с размеров ассигнований и фондов заработной платы, а с выравнивания наших собственных представлений о том, что первично и что вторично в экономике. Считая, что преувеличение роли государства наносит экономике серьезный ущерб, следовало бы отказаться и от приоритета бюджета над иными финансовыми механизмами, тем более что когда-то монопольно-функционирующий бюджет получил серьезных конкурентов в лице внебюджетных фондов, а также нефтегазовых доходов, хотя и учитываемых в бюджете, но находящихся в особом правовом режиме.

Подобно приоритету бюджета неизменным постулатом неписаной финансовой философии выступает размежевание финансового механизма

[10] Достаточно вспомнить, что вследствие неэффективности правового режима, санирования промышленных предприятий финансовые органы вынуждены выступать в роли инициаторов банкротства многих экономически состоявшихся производств, попадающих в режим конкурсного производства вопреки интересам народного хозяйства и даже интересам бюджета.

и регулирования денежного обращения, отказ в признании эмиссионно-денежной системы – инструментом финансового управления экономикой. С точки зрения ортодоксальных воззрений на соотношение финансов, с одной стороны, денег и кредита – с другой, последние, не будучи бюджетными инструментами, опосредствуя экономические отношения, построенные на началах эквивалентности и встречного удовлетворения, сами по себе не являются финансами, а лишь содержат финансовую составляющую. Что же касается практики, то скорее всего деньги, кредит, новые платежные средства, ценные бумаги, валютное регулирование заполняют почти всю нишу, отводимую общественным мнением под понятие финансов. Парадоксально, что финансы в бытовом и общественном понимании означают совершенно иное, нежели значение этого термина в научном обороте[11].

Не требует отдельного доказывания то, что в основе финансов лежит тот или иной вид расчетов, платежей – отчуждение денег в любой их форме, на возмездных или безвозмездных началах, т.е. денежный оборот, так же, как и факт расщепления понятия денег на деньги как таковые и производные от денег платежные средства – векселя, ценные бумаги, электронные деньги и др. Решающим моментом становится разделение денежных потоков на налоги, иные фиски, выплаты из бюджета, либо бюджетные трансферты, и ветвь к этим отношениям не относящуюся; различия между ними заключаются прежде всего в формах и методах их правового регулирования. Первые подчиняются финансовому законодательству, вторые – гражданскому законодательству. Именно здесь закладывается причина неполноты раздела Гражданского кодекса РФ, посвященного безналичным расчетам и кредитованию, но игнорирующего большую группу кредитно-расчетных отношений, складывающихся в сфере финансов.

Но что представляют собой сами деньги и иные платежные средства, обращающиеся в одном или другом из названных правовых режимов? Во-первых, как деньги или как производные от денег они эмитированы государством в виде специфического обязательства; во-вторых, хождение этого платежного средства возможно не иначе как с волеизъявления государства; в-третьих, допуская национальные платежные средства, государство ограничивает, специализирует либо запрещает движение иностранных платежных средств, денежных или иных платежных суррогатов; в-четвертых, хождение того или иного платежного средства сопряжено с установленными публичной властью правилами по сфере применения, кругу лиц, правилам конвертации в иные платежные средства.

Деньги и их производные – продукт многовековой деятельности государства по формированию публично управляемого денежного оборота, и то, что эта деятельность протекает в автоматическом режиме, есть всего лишь свидетельство высокой ее цивилизованности, складывавшейся в предшествующие нашей эре века и тысячелетия и доставшейся нам как естественная данность.

Представляется, что первичным элементом финансового механизма не может служить ничто иное, кроме комплекса правовых средств управления эмиссией и обращением платежных средств. Долгий период времени эмиссионно-денежное регулирование находилось в положении Золушки в экономической и правовой науке. Плановая экономика оставляла денежному обращению абсолютно служебную роль по доведению до хозяйствующих субъектов их национального дохода. Денежное регулирование и ценообразование выступали как инструменты трансформации плановых показателей в стоимостные; ни потребности, ни возможности придания им формы правового института в то время не имелось. Весьма показательно, что целый ряд ведущих ученых – специалистов финансового права после реформы экономики и зарождения рынка в нашей стране инициировали обсуждение возможности формирования эмиссионного (эмиссионно-денежного) права[12]. Дело в том, что если обращение денег как таковых – давно сложившийся институт, и можно говорить об «юстировке» некоторых спорных вопросов, то в отношении производных от денег и выраженных в них производных платежных средств, включая т.н. электронные деньги, в лучшем случае следует констатировать пребывание регулирования их оборота в «правовой тени». Речь может идти о систематизации применяемых в российской национальной экономике платежных инструментов, установлении правил их взаимной конвертации, четких прав и обязанностей эмитентов этих инструментов. Воспоминания о расчетах с применением налоговых освобождений или же железнодорожного тарифа в относительно недалеком прошлом не могут не убеждать в актуальности этой задачи.

Становление эмиссионного права как научного феномена и предмета законоговорения создаст в будущем возможность включения в эту сферу валютного права и регулирования экспортно-импортных операций.

[11] Англосаксонская правовая школа под финансами понимает движение капитала в форме денег, выпуска ценных бумаг, облигаций, залога, в виде займа в целях обеспечения бизнеса (см.: Black's Law Dictionary. West Publishing co., термин "finance").

[12] См., напр.: *Артемов Н.М., Арзуманова Л.Л., Ситник А.А.* Денежное право. М., 2011.

Полагаем, что ситуация, при которой обращение национальной валюты и валюты иностранной разведены в отдельные и самостоятельно существующие правовые институты, далеко не украшает российское законодательство и создает излишний дуализм регулирования сходных экономических отношений. В будущем гипотетический пока эмиссионный кодекс мог бы охватить все многообразие расчетно-платежных отношений под едиными принципами регулирования.

Весьма специфическое место занимает в финансовом механизме банковская система. Сама по себе сфера торговли деньгами и оказания услуг своим клиентам в виде безналичных расчетов довольно далека от финансов. В то же время коммерческие банки наделены и публично-правовой компетенцией, позволяющей рассматривать их в качестве носителей валютных полномочий в отношении валютного и экспортно-импортного контроля, кассового регулирования, противодействия легализации доходов, полученных противоправным путем, а также адресата императивных требований, исходящих от Центрального банка РФ (создание финансовых резервов, пруденциальное регулирование, обязательное страхование вкладов физических лиц).

В юридической литературе эта характеристика правосубъектности коммерческих банков получила название особого режима банковского кредитования, синтетически сочетающего в себе предпринимательскую деятельность с участием в государственном управлении[13]. Следует присоединиться к мнению Е.В. Черниковой о финансово-правовой природе банковской деятельности и вхождении ее в финансовый механизм управления экономикой. Банковская система страны не может не выступать как организатор эмиссионно-денежного обращения, и, следовательно, юридическое поле, именуемое банковским правом, следует отнести к сфере финансового права. Это ни в коей мере не противоречит статусу банка как правосубъекта, вступающего в расчетно-кредитные, залоговые, факторинговые и другие коммерческие отношения, регулируемые гражданско-правовыми средствами. Интервенция публично-правового начала в банковскую сферу осуществляется государством по большей части не материально-правовыми путями, а в форме компетенционального регулирования и обременения банков финансовыми функциями в «обмен» на возможность ведения предпринимательской деятельности. Очевидно, такое положение вещей не вполне соответствует высшим идеалам либеральной экономики – в их свете банковский бизнес есть разновидность предпринимательства и не может быть вовлечен в публично-правовую деятельность, но реалии таковы, что воздействие на банковскую систему с целью стабилизации денежного оборота и предотвращения сползания национальной экономики в очередной кризис. Все дело в том, что экономические кризисы есть порождение падения качества услуг, оказываемых банковской системой субъектам хозяйственной деятельности. Меры публичного регулирования банковской деятельности преследуют в первую очередь цель восстановления качества банковских услуг и только затем могут использоваться для решения макроэкономических задач. Именно этой идеологией пронизаны меры по формированию мегарегулятора на базе Центрального банка РФ. По общему замыслу, мегарегулятор призван обеспечить стабильность функционирования теперь уже не только банковской системы, но и всей сферы финансовых отношений, не состоящей под непосредственным контролем государственных органов управления экономикой.

Таким образом, эмиссионно-денежное регулирование в условиях экономических реалий XXI в. следует рассматривать основополагающим элементом финансового механизма, а правовое регулирование эмиссионно-денежных отношений – как своеобразный «генетический код» для всей системы финансово-правового регулирования. Как замечено многими исследователями, центр научной дискуссии и центр законодательного внимания в области финансов смещается в сторону эмиссии и управления движением платежных средств, инвестиционных отношений, страхования, т.е. к финансовым отношениям с акцентированием гражданско-правовых элементов.

В известном смысле эта тенденция угадывается и в развитии традиционных финансово-правовых институтов, прежде всего сферы государственных доходов. Возникновение налогового права стало историческим событием по многим аспектам; в юридическом смысле регулирование мобилизации доходов хозяйствующих субъектов в бюджет посредством налогов оказало глубокое реформирующее влияние на всю систему экономических отношений. Главный канал взаимодействия государства и бизнеса обрел нормативно-правовое регулирование взамен плановому формированию отчислений в бюджет.

Придется рискнуть и предложить парадоксальный вывод о том, что становление налоговой системы явилось торжеством гражданско-правового регулирования имущественных «вертикальных» отношений – государство своими налоговыми законами поставило жесткий барьер аппетитам налоговых, финансовых и иных органов. Даже то,

[13] См.: *Черникова Е.В.* Публично-правовое регулирование деятельности кредитных организаций в Российской Федерации. М., 2009. С. 93.

что бизнес не получил ожидаемого эффекта и налоговая нагрузка по сравнению с дореформенными годами даже увеличилась, не девальвирует значимости принципа нормативного регулирования доходов в бюджет как главной гарантии финансовой самостоятельности субъекта экономической деятельности.

В противовес механизму распределения доходов и прибыли государственных предприятий, действовавшему до начала девяностых годов XX в. и ставившему товаропроизводителя под глобальный контроль государства, налоговая схема построена на принципе автономии интересов налогоплательщика от публичных имущественных интересов. Это размежевание позволяет сформировать не только систему налогов как таковых, но и самостоятельную подотрасль российского финансового права – правовое регулирование государственных доходов. Фискальная деятельность государства и муниципалитетов включает в себя: налоги и специальные налоговые режимы, фискальные сборы, парафискалитеты, страховые взносы во внебюджетные фонды, природоресурсные платежи, платежи за негативное воздействие на окружающую среду. Есть смысл дополнить этот круг специальным упоминанием таможенной и государственной пошлинами, а также нефтегазовыми доходами, взимаемыми в режиме, отличном от налогообложения. Их совокупность представляет собой отдельную подотрасль финансового права именно потому, что правовая идеология, породившая возникновение налоговой системы, способствовала установлению и иных фискальных обязательств налогового типа. Благодаря этому, например, страховые платежи по обязательному страхованию за непродолжительное время дважды меняли свою внешнюю форму – из неналоговых платежей были преобразованы в единый социальный налог и обратно в прежнее правовое состояние и испытывают тенденцию к очередной реконструкции – возврату к налоговому администрированию.

Для признания фискального права отдельным инструментом финансового механизма, помимо общей для всех функции – мобилизации денежных средств в бюджет и особого предназначения в экономике – опосредствовать преуменьшение имущества плательщика и приращение публичного имущества, важнейшим аргументом служит наличие, в сущности, единой юридической конструкции (модели), состоящей из жестко взаимосвязанных элементов, образующих тот или иной налог, сбор или иное фискальное обременение.

Представляется, что фискальное право далеко не достигло своего юридического совершенства – остается неразработанной идеология возникновения соответствующих обязательств, допускается повторное обложение ранее уже обремененного платежом дохода, остается открытым вопрос о распространении фискальных обязательств на иные платежные инструменты кроме национальной валюты, отсутствуют правовые основания тех или иных ставок обложения, нечетко демаркированы границы между фискальными платежами и возмещением ущерба в гражданско-правовом порядке и другое. Система фискальных обязательств нуждается в унификации, а соответствующее законодательство – в кодификации. Именно в решении этих научно-теоретических и законотворческих задач видится высший смысл выделения госдохода в отдельный элемент финансового механизма, а фискального права – в самостоятельную подотрасль финансового права.

Переходя к третьему элементу финансового механизма – к бюджету и государственным расходам, необходимо отметить, что при всем внимании к этой важнейшей и смысловой сфере финансов, она в наименьшей степени сформирована юридическими средствами и представляет собой во многом «желеобразное» образование. Бюджетный кодекс РФ – один из самых невразумительных нормативных актов и представляет довольно странную комбинацию политических деклараций и технико-юридических норм. Вследствие этого главную регулятивную нагрузку по бюджетированию несут на себе акты Правительства РФ и Министерства финансов РФ, а также утверждаемый ежегодно бюджет Российской Федерации. При этом традиции и деловые обыкновения, свойственные в свое время процессу бюджетирования и исполнения бюджета в советские времена, оказались настолько живучи и сильны, что способны противостоять не только текущему законодательству, но и Конституции РФ, в частности в области финансов муниципальных образований.

Несовершенство бюджетной техники – вот что бросается в глаза в этой сфере действия финансового механизма. Так, ставившийся еще в 70-е годы прошлого века М.И. Пискотиным вопрос об отказе от принципа единства бюджета как юридического акта так и не решен и даже не обсуждался. Между тем опыт парламентской деятельности многих стран мира говорит о необходимости принятия отдельных законов, определяющих объекты налогового и иного обложения и ставки платежей в соответствующем финансовом году, а также устанавливающих объемы финансирования отраслей народного хозяйства. Практика показывает, что качество финансовых решений, принимаемых по одиночке и вне связи с решениями по другим вопросам, на порядок выше, нежели утверждение всех параметров нового финансового года в одном акте – федеральном бюджете или бюджете субъекта Российской Федерации.

Предельно сложна в правовом отношении сфера исполнения бюджета. Исполнение доходной части сопряжено с подчас (и далеко не случайно) не вызывающим благоговейного трепета эффектом – трансформацией части доходов юридических и физических лиц, а также и собственных доходов государства от принадлежащих ему монополий и регалий в доходы бюджета как непосредственную собственность государства.

Превращение каждого мобилизованного в бюджет рубля в доход бюджета достоинством в один рубль – событие сакрального характера. Оно означает, что этот рубль (в действительности миллиарды и триллионы рублей) может быть израсходован не иначе как в особом, весьма сложном правовом режиме, с соблюдением ряда условий и предосторожностей, свод которых должен быть изложен в Бюджетном кодексе РФ. Мало того, что в действительности этого нет, общественное мнение волнуют странные планы по коммерциализации исполнения расходной части Федерального бюджета путем передачи специально созданному хозоргану части доходов бюджета в доверительное управление, исходящие от Министерства финансов РФ. Логика правового регулирования здесь неумолима и состоит в том, что категорическая императивность мобилизации средств в бюджет предопределяет предельную транспарентность и целевую предназначенность бюджетных средств на финансирование государственных программ, принятых к осуществлению Федеральным Собранием РФ или же законодательным органом субъекта Российской Федерации.

В этой области существуют и другие насущные правовые проблемы. Известно, что финансирование народного хозяйства, обороны и управления страной основывается на целой системе специализированных, отличных друг от друга процессуальных механизмов, число которых составляет от восьми до 14 и варьирует в зависимости от отрасли и субъектов финансирования. Несомненно, что процессуальная организация исполнения расходной части федерального бюджета относится к предмету законоговорения, т.е. должна быть отражена в Бюджетном кодексе РФ или ином законе. Однако такого законодательства не существует, что не может не сказываться на защите экономических интересов субъектов бюджетных средств и на эффективности государственного и общественного контроля за расходованием средств бюджета.

Учеными высказываются заслуживающие внимания предложения, касающиеся сферы расходов бюджета и их правового регулирования. Так, в частности, интересна мысль руководителя Федерального казначейства Р.Е. Артюхина, высказанная на одной из научных конференций, о необходимости разграничения собственно бюджетного права, границами которого должна стать юридическая жизнь денежных средств от момента зачисления в бюджет до момента передачи их соответствующему главному распорядителю. Что же касается отраслевого распоряжения бюджетными средствами, то эти отношения служат предметом отдельного от бюджетного права института – права публичных расходов. В пользу этого предложения говорит прежде всего неспособность учесть в рамках одного института бюджетного права все многообразие форм и методов финансирования публичных расходов в условиях необходимости повышения эффективности контроля за их использованием.

* * *

Таким образом, архитектуру финансового механизма можно сформулировать в виде замкнутого треугольника, состоящего из: 1) блока эмиссионного денежного регулирования, охватывающего эмиссию денег и других платежных средств, выпуск ценных бумаг, кредитование и расчеты, банковское право, валютное право; 2) фискального права, составленного из налогового права, регулирования страховых платежей, природоохранных платежей, таможенного обложения, пошлинного обложения и других госрасходов; 3) бюджетного права как совокупности институтов бюджетного регулирования, межбюджетных трансфертов, доходов от монополий, регалий и государственных займов, а также расходов по государственному долгу, с выделением права государственных расходов как отдельного, находящегося в периоде формирования института финансового права, а также 4) блока организационного регулирования – бухгалтерского учета, финансового контроля и мониторинга, а также планово-финансовых процедур.

Нет сомнений в том, что любая, в том числе и предлагаемая классификация и систематизация такого сложного и противоречивого правового поля, каким является финансовый механизм, будет страдать условностью и недоговоренностью.

Есть, однако, уверенность в том, что для законодателя настало время отойти от безучастного следования традициям экономического анализа и изыскать правовые критерии как для размежевания финансов и «нефинансов», так и для построения системы финансовых институтов и, соответственно, системы финансового права. Решение этой задачи предопределит возможность разработки давно предлагаемого для принятия федерального закона «О финансах» или же Основ финансового законодательства Российской Федерации[14]. Как представляется, путем

[14] См.: *Горбунова О.Н.* Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М., 2003.

концентрации внимания ученых на этой проблематике удастся придать динамику развития законодательства в этой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердян Д.А.* Финансово-кредитный механизм развитого социализма. М., 1976.
2. *Артемов Н.М., Арзуманова Л.Л., Ситник А.А.* Денежное право. М., 2011.
3. *Васянина Е.Л.* Фискальное право России. М., 2013. С. 115.
4. *Горбунова О.Н.* Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М., 2003.
5. *Дьяченко В.П.* Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. М., 1974.
6. Словарь-справочник. М., 2009.
7. *Сулейменов М.* Право как система. Алматы, 2011. С. 131.
8. Финансовое право: учеб. М., 1940.
9. Финансы и налоги. Очерки теории и политики. Золотые страницы финансового права России. М., 2004.
10. *Черникова Е.В.* Публично-правовое регулирование деятельности кредитных организаций в Российской Федерации. М., 2009. С. 93.

REFERENCES

1. *Allakhverdyan D.A.* Financial and credit mechanism of developed socialism. M., 1976 (in Russ.).
2. *Artemov N.M., Arzumanova L.L., Sitnik A.A.* Monetary Law. M., 2011 (in Russ.).
3. *Vasyanina E.L.* Fiscal law of Russia. M., 2013. P. 115 (in Russ.).
4. *Gorbunova O.N.* Financial Law and financial monitoring in modern Russia. M., 2003 (in Russ.).
5. *Dyachenko V.P.* Commodity-money relations and finance under socialism. M., 1974 (in Russ.).
6. Dictionary. M., 2009 (in Russ.).
7. *Suleimenov M.* Law as a system. Almaty, 2011. P. 131 (in Russ.).
8. Financial Law: textbook. M., 1940 (in Russ.).
9. Finance and taxes. Essays on theory and politics. Golden Pages of Financial Law of Russia. M., 2004 (in Russ.).
10. *Chernikova E.V.* Public law regulation of credit institutions in the Russian Federation. M., 2009. P. 93 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЗАПОЛЬСКИЙ Сергей Васильевич –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
главный научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса
Института государства и права РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZAPOLSKY Sergey V. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher of the Sector of Administrative
Law and Administrative Procedure,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 152–162
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 152–162

УДК 342.9

САНКЦИОННЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2024 г. О. А. Тарасенко

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

E-mail: olga201175@gmail.com

Поступила в редакцию 13.06.2023 г.

Аннотация. В статье представлен критический анализ современного состояния теории, законодательства и практики действия санкционного правового режима банковской деятельности. По результатам исследования аргументирована допустимость использования термина «санкции» для обозначения принудительных мер, вводимых отдельными государствами или их союзами в одностороннем порядке. Далее представлена дефиниция категории «санкционный правовой режим банковской деятельности». Санкции иностранных государств и их союзов в зависимости от их адресата и содержания дифференцированы на персональные (блокирующие или платежные), в отношении сектора государственных банков (финансовые), региональные (эмбарго Крыма) и страновые. Предложена классификация санкций в зависимости от характера юрисдикции на территориальные и экстерриториальные. Выявлены различия санкционной политики ЕС и США. Определены негативные последствия воздействия санкционного давления на банковскую систему России, заключающиеся в ограничении ее доступа к иностранным рынкам капитала, блокировании международных активов, разрушении платежной инфраструктуры, ограничении свободного обращения наличной валюты: евро и долларов. В завершении обоснована необходимость разработки концепции противодействия санкционному давлению в отношении национальной банковской системы и сформулированы ее основные постулаты.

Ключевые слова: санкции, принудительные меры, банковская система, правовой режим, персональные санкции, финансовые санкции, региональные санкции, страновые санкции, экстерриториальные санкции, противодействие санкциям.

Цитирование: *Тарасенко О.А.* Санкционный правовой режим банковской деятельности // Государство и право. 2024. № 11. С. 152–162.

DOI: 10.31857/S1026945224110136

SANCTIONS LEGAL REGIME OF BANKING ACTIVITY

© 2024 O. A. Tarasenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: olga201175@gmail.com

Received 13.06.2023

Abstract. The article presents a critical analysis of the current state of the theory, legislation and practice of the sanctioned legal regime of banking activities. According to the results of the study, it is being analysed and concluded that the term "sanctions" can be used to determine compulsory measures imposed unilaterally by individual states or their unions. The definition of the category "sanctions legal regime of banking activities" is also being presented. The sanctions of foreign states and their unions, depending on their addresses and content, are differentiated into personal (blocking or payment), in relation to the sector of state banks (financial), regional (the Crimea embargo) and country. The classification of sanctions according to the nature of jurisdiction into territorial and extraterritorial is proposed. The differences between the EU and U.S. sanctions policies are being revealed. The negative consequences of the impact of sanctions pressure on the Russian banking system were identified, which include limiting its access to foreign capital markets, blocking international assets, destroying the payment infrastructure, restricting the free circulation of cash currency: euros and dollars. In conclusion, the need to develop the concept of countering the sanctions pressure on the national banking system is justified and its main postulates are formulated.

Key words: sanctions, banking system, legal regime, personal sanctions, sectoral sanctions, regional sanctions, extraterritorial sanctions, countering the sanctions, sanctions compliance.

For citation: *Tarasenko, O.A. (2024).* Sanctions legal regime of banking activity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 152–162.

Введение

Санкционный правовой режим – тематика, которая в последнее время активно разрабатывается представителями частноправовых наук[1]. Ее особая актуальность проявилась в последние месяцы в ходе беспрецедентного усиления ***политики санкционного давления*** в отношении Российской Федерации и постоянного объявления все новых и новых мер ограничительного характера, объединяемых в пакеты, что вынуждает государство к поиску адекватных ответных мер.

Санкции, затрагивающие банковский сектор, введены в действие США, Европейским Союзом и отдельными поддержавшими их государствами (например, Швейцарией и Лихтенштейном). Многие из них применяются уже 10 лет. За это время санкции разрослись как количественно, так и качественно, и это нашло свое отражение в соответствующем правовом поле. Появилась и обширная правоприменительная практика, в том числе по искам граждан Российской Федерации уже рассматриваются дела о снятии персональных мер ограничительного характера как безосновательно введенных.

Признание ключевой роли банковского сектора в экономической стабильности России объясняет необходимость выработки правовых подходов к снижению негативного санкционного воздействия. Отечественный законодатель предпринимает определенные шаги в этом направлении, однако принимаемые меры сегментарны и не покрывают всех нужд как банковской системы в целом, так и подсанкционных банков, и клиентов в частности.

Имеющиеся в юридической литературе работы сконцентрированы на санкционном и антисанкционном регулировании в целом, либо на тех его аспектах, которые не имеют отношения к банковской деятельности. Соответственно, анализ банковских санкций не мог ставиться в них во главу угла, и если и осуществлялся, то на относительно поверхностной, чаще иллюстративной основе. Большее внимание этой теме уделено в трудах экономистов и публицистов.

В этой связи представляется важным, опираясь на арсенал методологии юридической науки (методы анализа и синтеза, обобщения, индукции и дедукции, интерпретации, моделирования, классификации, а также сравнительный, компаративистский, исторический, статистический и иные методы исследования), предложить новые, перспективные подходы к формированию теории, законодательства и практики его применения в рассматриваемой сфере отношений. При этом с учетом результатов предыдущих исследований предполагается, что преломление сложившейся ситуации возможно лишь путем изменения конститутивных характеристик банковской системы России.

О термине «санкции» и его соотношении со смежным понятием «односторонние принудительные меры»

Понятие «***санкции***» в юриспруденции является межотраслевым и широко используется в международном, конституционном, гражданском, уголовном, предпринимательском и других отраслях права. Однако единая парадигма о содержании этого термина в науке отсутствует.

С позиции общей теории права ***санкция*** – структурный элемент правовой нормы, определяющий неблагоприятные последствия для участников общественных отношений, наступающие в случае

[1] См.: *Тарасенко О.А.* Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 105.

нарушения последними предписаний диспозиции[2]. Таким образом, в юридическом языке термин «санкция» употребляется так же, как и в обыденном смысле, так как основной момент права предполагается в том, что люди воздерживаются от некоторых поведенческих актов в связи с опасением применения к ним ***мер принуждения***.

Между тем для международного права изначально и до определенного времени (до 1985 г.) было характерно использование понятия «санкции» во множественном числе и в более узком смысле: как «политических или экономических мер, принимаемых Советом Безопасности в соответствии с гл. VII Устава ООН и обеспеченных системой гарантий, не позволяющих использовать их для получения односторонних преимуществ»[3]. Однако впоследствии термином «санкции» стали охватываться и принудительные меры, вводимые отдельными государствами или их союзами в одностороннем порядке. Такая тенденция прослеживается сегодня в отечественной и западной юридической литературе. Например, Кристина Экес использует подход, согласно которому под ограничительными мерами ЕС против физических и юридических лиц понимаются как меры, направленные на борьбу с терроризмом, так и санкции в отношении третьих государств[4].

Вместе с тем существует позиция, в соответствии с которой между терминами «санкции» и «односторонние принудительные меры» (как вариант: «односторонние меры ограничительного характера») есть существенные отличия. Наиболее выпукло они очерчены специальным докладчиком ООН И. Джазаири, который указал на следующее. Согласно Резолюции Совета по правам человека ООН № A/HRC/RES/27/21 от 3 октября 2014 г. «односторонними принудительными мерами являются, среди прочего, но не исключительно, принимаемые государством или группой государств по отношению к другому государству экономические и политические меры, направленные на ущемление его суверенных прав с целью добиться какого-то конкретного изменения в проводимой им политике». При этом с точки зрения ООН, действительно, международными являются только те ***меры***, что принимаются Советом Безопасности на основании ст. 41 Устава ООН. Следует осознавать, что термин «односторонние ограничительные меры» не имеет нравственной коннотации и карательного смысла в отличие от термина «санкции». Однако при использовании термина «санкции» вместо термина «односторонние принудительные меры» исчезает «односторонность», а ведь именно это понятие увязывает такие меры с вопросом об их ***легитимности.*** Таким образом, любая односторонняя принудительная мера идет вразрез с рядом положений Международного билля о правах человека или императивных норм и иных требований обычного права. Кроме этого, идея о том, что одни государства могут налагать санкции на другие, предполагает наличие определенной иерархии среди государств, которые в таком случае делятся на тех, кто «налагает санкции», и тех, кто «подвергается санкциям». Это противоречит духу Устава ООН, в частности п. 1 ст. 2, в котором говорится о суверенном равенстве всех государств[5].

Схожие доводы о соотношении рассматриваемых терминов приводятся и отечественными правоведами. Например, С.В. Бахин и И.Ю. Еременко отмечают, что «неправомерно называть санкциями односторонние принудительные меры, которые используются для политического или экономического давления, ущемления суверенитета, извлечения выгоды...»[6].

В то же время зарубежные и отечественные законодатели и правоприменители разделяют подход к взаимозаменяемости терминов «санкции» и «односторонние принудительные меры». Кроме того, зачастую синонимичный ряд еще и расширяется за счет включения таких в него категорий, как «ограничительные меры», «односторонние ограничительные меры» или даже «ограничительные меры (санкции)» и т.п.

Так, на официальном сайте ЕС указывается, что «ограничительные меры (санкции) являются важным инструментом политики, не носящим карательного характера, с помощью которого ЕС может вмешиваться, когда это необходимо, для предотвращения конфликтов или реагирования на возникающие кризисы путем направленного воздействия на государства, не входящие в ЕС, а также на юридических и физических лиц, ответственных за злонамеренное поведение»[7].

В законодательстве США термин «санкции» встречается в специальных законах, вводящих

---

[2] См.: *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учеб. М., 2017. С. 202.

[3] *Бахин С.В., Еременко И.Ю.* Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 162–175.

[4] См.: *Eckes C.* EU restrictive measures against natural and legal persons: from counterterrorist to third country sanctions // Common Market Law Review. 2014. No. 51 (3). Pp. 869–905.

[5] *Jazairy I.* Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2015. 10 August. Pp. 5–7.

[6] *Бахин С.В., Еременко И.Ю.* Указ. соч. С. 162–175.

[7] Restrictive measures (sanctions). An essential tool through which the EU can intervene where necessary to prevent conflict or respond to emerging or current crises. Available at: URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/international-relations/restrictive-measures-sanctions_en (дата обращения: 11.11.2024).

принудительные меры против отдельных стран, например в принятом 2 августа 2017 г. Акте «О противодействии противникам США посредством введения санкций» (далее – CAATSA)[8].

В отечественном правопорядке используется широкий ряд терминов: «меры ограничительного характера, которые введены иностранным государством, объединением иностранных государств или международной организацией»[9], «односторонние меры ограничительного характера»[10], «односторонние экстерриториальные санкции»[11], «недружественные действия», «политические или экономические санкции»[12], «незаконные односторонние принудительные меры»[13]. Хотя дефиниции данных понятий и не раскрываются, на первом примере заметно, что законодатель нередко увязывает их с инициатором введения мер (или санкций), что, на наш взгляд, и играет или будет впоследствии играть ключевую роль при решении вопроса об их легитимности.

Судебная практика, преломив законодательную терминологию, применяет термины «санкции» и «односторонние ограничительные меры» в качестве равнозначных. Например, Конституционный Суд РФ указал на то, что *в настоящее время достаточно распространенным явлением является установление иностранным государством в ненадлежащей процедуре и в противоречии с многосторонними международными договорами, в которых участвует Россия, против нее и ее хозяйствующих субъектов ограничительных мер, в частности блокирующих санкций США*[14].

Суммируя вышеизложенное, можно отметить реперные точки соотношения понятия «санкции» и «односторонние принудительные меры» в зарубежном и отечественном правопорядках: данные понятия используются синонимично в законодательстве и судопроизводстве; в доктрине допускается как их равнозначное использование, так и отмечается недопустимость такого некорректного смешения.

Оценивая сложившееся положение вещей, представляется, что с помощью лингвистики и логики есть возможность аргументации ***использования понятий «санкции» и «односторонние принудительные меры» в качестве взаимозаменяемых***.

Прежде всего, изначально ***термин «санкция»*** выступал лишь в ***качестве синонима*** части структуры нормы, закрепляющей ***меры принуждения*** за нарушение диспозиции. Далее он также стал использоваться в качестве синонима международных принудительных мер. Дело в том, что в тексте Устава ООН не используется термин «санкции», в его гл. VII употребляются словосочетания: «временные меры» (ст. 40), «меры, не связанные с использованием вооруженных сил» (ст. 41) и «превентивные или принудительные меры» (ст. 50). Таким образом, термин «санкции» явился удачным выражением понятия «принудительные меры», которые уже могли быть дифференцированы в зависимости от процедуры их принятия и сферы распространения. Далее, термин «санкции» накладывается на односторонние меры ограничительного характера, что, в принципе, вполне логично, поскольку и они являются его сообразом. Таким образом, на настоящем этапе бурного роста санкций, или иначе принудительных мер, вероятно, назрела необходимость их упорядочивания с помощью деления на виды. Представляется, исходя из вышеописанной полемики, что в практическом аспекте есть смысл ***градации санкций*** на принятые международными организациями либо введенные государствами или их союзами в одностороннем порядке.

О категории «санкционный правовой режим»

В науке применительно к принудительным мерам международных организаций, отдельных иностранных государств и их союзов используются как термин «санкции», так и «санкционный правовой режим», которые в принципе представляют собой узкое и широкое значение этого явления. Например, И.Н. Тимофеев понимает под санкциями «односторонние ограничительные меры в отношении отдельных государств, физических лиц или организаций с целью решения тех или иных внешнеполитических задач»[15]. Как полагает А.Р. Рязанова, под

---

[8] См.: Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. Available at: URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/hr3364_pl115-44.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

[9] См.: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (п. 8 ст. 20) // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1918.

[10] См.: Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (п. 4 ст. 18.2) // СЗ РФ. 2015. № 1, ст. 41.

[11] См.: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» (п. «и» ст. 1) // СЗ РФ. 2012. № 19, ст. 2342.

[12] См.: Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (ст. 1) // СЗ РФ. 2018. № 24, ст. 3394.

[13] См.: Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» (п. «д» ст. 26) // СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6886.

[14] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 34-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 15.25 и пункта 2 части 1 статьи 25.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 6 части 1 статьи 1, частей 4 и 5 статьи 12 Федерального закона "О валютном регулировании и валютном контроле", а также части 2 статьи 2 Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон 'О валютном регулировании и валютном контроле' в связи с жалобой гражданина Н.В. Кузнецова"» // СЗ РФ. 2021. № 29, ст. 5752.

[15] *Тимофеев И.Н.* Политика санкций Европейского союза. Опыт событийного анализа // Современная Европа. 2021. № 2. С. 17.

санкционным режимом предпринимательской деятельности в целом следует понимать совокупность правил, устанавливаемых государством с целью привлечения другого государства к ответственности за предполагаемое международно-правовое нарушение или в целях реализации внешней политики[16].

Представляется, что вышеуказанные определения резонно уточнить и дополнить несколькими атрибутивными признаками. Прежде всего указанием на форму выражения таких правил: санкции – ***принудительные меры ограничительного или даже запретительного характера***. Применение санкций обеспечивается силой государственного принуждения, что выражается в установлении ***ответственности за их несоблюдение***. Например, запретительный характер санкций закреплен в п/п. (e) и (f) ст. 1 Регламента ЕС № 269/2014 от 17 марта 2014 г.,[17] а согласно абз. 1 ст. 15 Регламента государства-члены вправе вводить штрафы за несоблюдение мер ограничительного характера.

Примечательно, что воздействие санкций производится ***не только по государствам, регионам, секторам экономики, но и относительно физических и юридических лиц,*** отвечающих установленным критериям. Кроме этого, ограничительные меры имеют ***срочный характер действия***, вместе с тем потенциально тяготеющим к неоднократному продлению.

При этом привлечение государства к ответственности, по замыслу авторов санкционных ограничений, также может проявляться в виде побуждения к инициированию самим гражданским обществом смены официальной политической повестки или же выражения мнения в ходе выборов в законодательные органы на федеральном или региональном уровне. Совет ЕС прямо указывает на то, что санкции ЕС не являются карательными; «они предназначены для того, чтобы вызывать изменения в политике или деятельности соответствующей страны, юридических или физических лиц». В то же время ЕС заявляет, что «прилагает все усилия для того, чтобы минимизировать неблагоприятные последствия таких мер для гражданского населения или для правоправных действий»[18].

Изложенное позволяет заключить, что под **санкционным правовым режимом** следует понимать совокупность срочных принудительных правил ограничительного и (или) запретительного характера, устанавливаемых международными организациями, отдельными иностранными государствами и их союзами в отношении физических и юридических лиц, регионов или государств в целом и обеспеченных мерами ответственности за их несоблюдение с целью защиты норм международного права, реализации внешней политики и (или) побуждения гражданского общества к инициированию смены официальной политической повестки.

Виды санкций, принятых в отношении банковской системы России

Применительно к национальной банковской системе санкции в зависимости от их адресата и конкретного содержания возможно дифференцировать на ***персональные (блокирующие или платежные), санкции в отношении сектора государственных банков (финансовые), региональные (эмбарго Крыма) и страновые.*** Точкой отсчета для их введения ЕС и США послужило присоединение Крыма к Российской Федерации в 2014 г. и дестабилизация ситуации на Востоке Украины. В дальнейшем санкции были расширены, в том числе в связи с обвинениями России в поддержке правительств Сирии и Венесуэлы, начале специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г.

Рассмотрим «санкционное меню» подробнее.

Персональные (блокирующие или платежные) санкции изначально были применены в отношении нескольких банков (АО АБ «Россия», АО «СМП Банк») и выразились в остановке обслуживания эмитированных ими банковских карт международных платежных систем Visa и MasterCard, а также в запрете проводить с указанными банками все операции. В дальнейшем списки таких банков (ведущиеся отдельно США и ЕС) постоянно дополнялись, и по состоянию на 2024 год в них попали и крупные частные банки, и банки с государственным участием.

Попадание в блокирующий список может быть обусловлено не только непосредственной деятельностью самого банка, но и его афилляцией с физическими лицами, к которым применены персональные санкции. В частности, с А. и Б. Ротенбергами, В. Вексельбергом, О. Дерипаской и др.

Главным последствием попадания банка в блокирующий список является невозможность совершения им трансграничных операций и заморозка его зарубежных активов. Такой банк де-факто признается токсичным, число его российских инвесторов и контрагентов резко сокращается.

---

[16] См.: Актуальные проблемы российского права: учеб. / отв. ред. И.В. Ершова. М., 2021. С. 212.

[17] См.: Council Regulation (EU) No. 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures. In respect of actions. Undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine (current consolidated version 14 September 2021). Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/search.html?scope=EURLEX&text=269%2F2014&lang=en&type=quick&qid=1636093317208 (дата обращения: 11.11.2024).

[18] Нота Совета ЕС № 5664/18 от 4 May 2018 по предмету актуализации санкций. Available at: URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5664-2018-INIT/en/pdf (дата обращения: 11.11.2024).

Помимо блокирующих персональные санкции имеют более мягкую разновидность, которая выражается в ***запрете предоставления услуг обмена финансовыми сообщениями.*** Такая мера была применена, в частности, ЕС в отношении таких крупных российских банков, как Банк ВТБ (ПАО), ВЭБ.РФ и др.[19]

Здесь уместно проинформировать, что за весь период существования SWIFT[20] отключение от нее пользователей, попавших под санкции, ранее осуществлялось лишь в единичных случаях. Так, в соответствии с международными и многосторонними действиями по усилению финансовых санкций против Ирана Совет ЕС принял Регламент № 267/2012 от 23 марта 2012 г. «Об ограничительных мерах против Ирана и отмене Постановления ЕС № 961/2010»[21], во исполнение которого SWIFT отключил от системы обмена сообщениями иранские подсанкционные банки[22].

Санкции в отношении сектора государственных и квазигосударственных банков (финансовые) действуют с 2014 г. и включают:

запреты ЕС в отношении осуществления с российскими государственными и квазигосударственными банками, а также с *не находящимися в ЕС* их дочерними банками с долевым участием капитала материнских организаций более 50%: выпуска, покупки и торговли на международных рынках акциями и иными финансовыми инструментами денежного рынка сроком обращения свыше 90 дней, а также прямого или непрямого участия европейских компаний или банков в соглашениях о предоставлении вышеназванным российским банкам новых займов или кредитов на срок, превышающий 30 дней. Правовая основа их введения – Регламент ЕС № 833/2014 от 31 июля 2014 г.[23];

запреты США на осуществление с вышеуказанными банками и их дочерними кредитными организациями операций по предоставлению финансирования на срок более чем 14 дней, а также запрет проведения всех транзакций с новыми акциями, собственностью или долями в собственности названных банков. Меры ограничительного характера принимались указами президента США и были опубликованы в Акте 2017 г. «О противодействии российскому влиянию в Европе и Евразии»[24], предусматривающем даже создание специального фонда с целью борьбы с российским влиянием и поддержки демократических процессов в ряде государств Восточной Европы.

Таким образом, кредитные организации, находящиеся только под финансовыми санкциями, лишились возможностей привлечения инвестиций и долгосрочных кредитов на финансовых рынках США и ЕС, однако они могут проводить свои трансграничные платежи и платежи своих клиентов. При этом очевидно, что ***финансовые санкции ЕС более мягкие***, нежели вводимые США. Различия заключаются в следующем:

срок предоставления возможного краткосрочного финансирования фигурантам секторального списка в США в два раза короче, чем в ЕС;

ЕС допускает возможность приобретения у банков, находящихся под секторальными санкциями, акций и производных финансовых инструментов сроком обращения менее 90 дней, а США нет;

ограничительные и запретительные меры ЕС не затрагивают дочерние банки материнских кредитных организаций санкционного списка, находящиеся на его территории.

В группу попавших под финансовые санкции банков входят: АО «Газпромбанк», АО «Россельхозбанк», ПАО «Сбербанк России», АО «МСП Банк» и др.

Особо следует отметить, что конкретные кредитные организации подверглись воздействию как персональных (платежных), так и секторальных (финансовых) санкций.

Что касается ***региональных санкций – эмбарго Крыма,*** введенных Регламентом ЕС № 692/2014 от 23 июня 2014 г.,[25] то они применяются к товарам, работам и услугам, ввозимым с территории Крыма или Севастополя или поставляемым туда, и заключаются ***в запретах*** на торговлю, инвестиции,

---

[19] См.: Council Decision (CFSP) 2022/346 of 1 March 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. Available at: URL: http://data.europa.eu/eli/dec/2022/346/oj (дата обращения: 11.11.2024).

[20] Аббревиатура от Общества всемирных межбанковских телекоммуникаций.

[21] См.: Verordnungen (EU) No. 267/2012 Des Rates vom 23 March 2012 über restriktive Maßnahmen gegen Iran und zur Aufhebung der Verordnung (EU) No. 961/2010. Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32012R0267&from=DE (дата обращения: 11.11.2024).

[22] См.: SWIFT and sanctions. Available at: URL: https://www.swift.com/about-us/legal/compliance-0/swift-and-sanctions (дата обращения: 11.11.2024).

[23] См.: Verordnung Des Rates EU No. 833/2014 vom 31 July 2014 über restriktive Maßnahmen angesichts der Handlungen Russlands, die die Lage in der Ukraine destabilisieren. Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0833&from=GA: (дата обращения: 11.11.2024).

[24] См.: Countering Russian Influence in Europe and Eurasia Act of 2017. Available at: URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/1221/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22russia%22%5D%7D&r=65 (дата обращения: 11.11.2024).

[25] См.: Council Regulation (EU) No. 692/2014 of 23 June 2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol. Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014R0692 (дата обращения: 11.11.2024).

использование технологий и др. Все локальные кредитные организации вносятся в блокирующий список и, соответственно, исключаются из системы SWIFT, что не позволяет им проводить трансграничные платежи. В этой связи круг их операций сильно сокращен. Так, они могут осуществлять переводы по клиентским счетам, но только лишь в пределах Российской Федерации, распространять платежные карты, но эмитированные лишь российскими банками, за исключением крымских.

В Крыму также невозможно «расплатиться телефоном», как это до недавнего времени было распространено в крупных городах России. В частности Apple Pay: мобильный платежный сервис, который оцифровывает и заменяет банковскую карту в POS-терминалах, не работает в Республике Крым.

Более того, региональные санкции ударили по внутрироссийским межбанковским отношениям, так как крымские банки оказались “persona non grata” и в отечественных кредитных организациях, которые из-за возможных осложнений в бизнесе не желают открывать им корреспондентские счета.

В связи с этим можно констатировать определенную «усеченность» крымской банковской индустрии и ее изоляцию от национальной банковской системы России.

Позднее всех возникли ***страновые санкции***. Полагаем, что к таковым можно отнести, во-первых, заморозку резервов и активов Центрального банка РФ[26] (на сумму около 300 млрд долл., что составляет почти половину российских резервов); во-вторых, ограничение Центрального банка РФ на доступ к рынку капиталов[27]; в-третьих запрет на продажу, поставку, передачу или экспорт в России банкнот, номированных в евро[28] и долларах[29]. Страновые санкции купировали финансовые рычаги Центрального банка РФ и, по сути, запретили в Российской Федерации свободное хождение наиболее устойчивых мировых валют в наличной форме.

Видовой анализ санкций не будет полным, если мы не осветим так называемые ***«вторичные» санкции.*** Их правовой основой стал CAATSA, который распространяет свое действие в том числе в отношении «лиц, не являющихся гражданами США». Таким образом, санкционное законодательство США приобрело экстерриториальную юрисдикцию и может быть применено против компаний и физических лиц во всем мире. Соответственно данные санкции грозят определенными последствиями ***любым партнерам российских подсанкционных лиц***, осуществляющим в их интересах существенные финансовые транзакции или содействующим им. «Существенность» финансовой транзакции будет оцениваться в каждом случае индивидуально по совокупности фактов и обстоятельств, что подразумевает анализ масштаба сделок, оснований транзакции, наличия обманных схем и т.п. «Содействие» в транзакции также понимается широко и включает предоставление финансовых инструментов, валюты, передачу ценностей, а также оказание услуг любого рода: предоставление специалистов, технологий и т.п.[30]

Штрафы за нарушение CAATSA весьма значительны и могут достигать 250 000 долл. за одно нарушение. За умышленное нарушение CAATSA предусматривается уголовное наказание и штраф до 1 млн долл.[31]

Отметим, что к настоящему времени в США уже сложилась тенденция к расширению оснований экстерриториальной юрисдикции, что проявляется в ориентировании реализации их законодательных, судебных, исполнительных полномочий в отношении других государств[32]. В связи с этим юристы растолковали CAATSA консервативным и расширительным образом: то, что было запрещено изначально лишь для США, теперь запрещено и всем другим государствам. В зоне риска оказались инвесторы, которые не просто буквально следуют этому закону, но даже и перестраховываются. В настоящее время показателен пример, казалось бы, отдаленного от США партнера, но вызвавший резонанс в обществе. Два

[26] См. п. 4 ст. 5a Council Regulation (EU) No. 833/2014 of 31 July 2014 (version 13 September 2024) concerning restrictive measures in view of Russia’s actions destabilising the situation in Ukraine. Available at: URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2014/833/2022-03-16 (дата обращения: 11.11.2024).

[27] См.: Council Decision (CFSP)2022/264 of 23 February 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia’s actions destabilising the situation in Ukraine. Available at: URL: http://data.europa.eu/eli/dec/2022/264/oj (дата обращения: 11.11.2024).

[28] См.: Council Regulation (EU) 2022/345 of 1 March 2022 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia’s actions destabilising the situation in Ukraine. Available at: URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2022/345/oj (дата обращения: 11.11.2024).

[29] См.: Presidential Actions of 11 March 2022 “Executive Order on Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression”. Available at: URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/03/11/executive-order-on-prohibiting-certain-imports-exports-and-new-investment-with-respect-to-continued-russian-federation-aggression/ (дата обращения: 11.11.2024).

[30] См.: США начнут по всему миру преследовать за помощь россиянам под санкциями. Экономика. 01.11.2017. Available at: URL: https://www.rbc.ru/economics/01/11/2017/59f995d19a79477abe151714 (дата обращения: 11.11.2024).

[31] См.: OFAC. Ukraine/Russia-related sanctions program. Available at: URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/ukraine_overview_of_sanctions.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

[32] См.: *Терентьева Л.В.* Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его государственных границ // Право. Журнал ВШЭ. 2019. № 3. С. 167.

видных сенатора США в октябре 2021 г. попросили президента Джо Байдена не применять ряд положений CAATSA против Индии за приобретение ею в 2018 г. российской зенитно-ракетной системы С-400[33].

В завершение исследования санкций представляется необходимым добавить, что они затронули не только сущность собственно банковской деятельности, но и секвестировали возможности осуществления банками сопутствующей деятельности на рынках золота[34] и ценных бумаг[35].

Последствия санкционного давления

Учитывая степень огосударствления банковской системы России, ***под санкционную колесницу попало $^{3}/_{4}$ банковского капитала.*** При этом статистика демонстрирует, что, например, США в финансовый перечень включили в пять раз больше банков, чем ЕС, что обусловлено как жесткостью проводимой ими политики санкционного давления, так и отсутствием на их территории дочерних организаций госбанков России. Отметим, что у части попавших под финансовые санкции банков были отозваны или аннулированы лицензии либо они были переименованы или проданы в виду невозможности работы в условиях санкций. Например, ПАО «Сбербанк» продал свою «турецкую дочку» Denizbank арабской банковской группе, что позволило ему покинуть турецкий рынок относительно без убытка[36]. А уже в мае 2022 г. под влиянием принятых в начале 2022 г. санкций после отзыва лицензии ликвидируемый Sberbank Europe AG (SBAG) начал распродажу большей части своего портфеля активов и процесс ликвидации банка головного офиса в Вене[37].

В руководстве в отношении санкций ЕС разъясняется, что любые варианты обхода санкций тщательно отслеживаются. В связи с этим государства – члены объединения предпринимают определенные усилия, в том числе законодательного характера, в целях следования вектору санкционной политики. Например, в Австрии 1 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон № 36/2010 «О применении международных мер санкционного характера» (*SanktG*), который в § 2 абз. 1 закрепляет за Австрийским Национальным Банком совместно с органами внутренних дел обязанность по внедрению и контролю за соблюдением в Австрии санкционного режима ЕС и ООН[38]. В практической сфере это выявляется в отслеживании нарушителей правового режима и привлечению их к ответственности. Так, *в августе 2021 г. Управление по осуществлению финансовых санкций вынесло в отношении ранее подконтрольной Банку ВТБ (ПАО) платежной системе "TransferGo Limited" штраф за нарушение санкций Великобритании по Крымскому пакету в связи с проведением ею платежей по счетам подсанкционного РНКБ Банк (ПАО) в период с марта 2018 г. по декабрь 2019 г.*[39]

Следует отметить, что отдельные банки секторального списка, в частности *ПАО «Сбербанк», Банк ВТБ (ПАО), ВЭБ.РФ, Проминвестбанк и DenizBank, подавали заявления в Суд ЕС об отмене наложенных на них санкций, в том числе ссылаясь на принцип свободы ведения бизнеса как абсолютного права, не подлежащего ограничению, однако их требования были отклонены. Аргументы отказа Судом ЕС в принятии жалоб на действие санкций состоят в том, что такие фундаментальные права, как свобода ведения хозяйственной деятельности или право собственности, не являются абсолютными и могут быть ограничены в целях общественного интереса при условии, что такие ограничения не представляют собой несоразмерного и недопустимого вмешательства*[40].

Эксперты полагают, что и у других фигурантов российского санкционного списка также нет никаких шансов на исключение из него в судебном порядке[41]. Совсем иное дело, когда присутствует воля

---

[33] Available at: URL: https://newsable.asianetnews.com/us/dont-impose-caatsa-sanctions-on-india-for-buying-russian-s-400-us-senators-to-joe-biden-gcw-r1mvaq (дата обращения: 11.11.2024).

[34] С 22 июля 2022 г. вступил в силу седьмой пакет санкций ЕС, запрещающий прямой или косвенный импорт, покупку или передачу золота из Российской Федерации в соответствии со ст. 3 Регламента (ЕС) № 833/2014. Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20220722 (дата обращения: 11.11.2024).

[35] Воздействию шестого пакета санкций ЕС подвергся Национальный расчетный депозитарий, играющий ключевую роль в функционировании рынка ценных бумаг в России и его взаимосвязи с международной финансовой системой. Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R0878&from=EN (дата обращения: 11.11.2024).

[36] См.: Available at: URL: https://www.kommersant.ru/doc/3675566 (дата обращения: 11.11.2024).

[37] См.: Available at: URL: https://www.rbc.ru/finances/14/06/2023/64887b5f9a794769f1d432bb (дата обращения: 11.11.2024).

[38] См.: Bundesgesetz über die Durchführung internationaler Sanktionsmaßnahmen No. 36/210 (fassung vom 09.11.2021). Available at: URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung/Bundesnormen/20006805/SanktG%2c%20Fassung%20vom%2008.11.2021.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

[39] См.: Report of Penalty for Breach of Financial Sanctions Regulations. Available at: URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1008859/050821_-_TransferGo_Penalty_Report.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

[40] См.: Judgment of the Court (Seventh Chamber) in Case C-729/18 P of 25 June 2020. Available at: URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=227736&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=6731587 (дата обращения: 11.11.2024).

[41] Практически прецедентным является отклонение требований группы компаний Роснефть из санкционного списка Решением Суда ЕС (см.: Judgment of the Court (Seventh Chamber) in Case C-732/18 P of 17 September 2020. Available at: URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=231202&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=4400092 (дата обращения: 11.11.2024)).

подсанкционного государства на изменение политической повестки. Ярким примером тому является тот факт, что даже ***при частичном снятии ЕС экономических санкций с Ирана***[42] сразу же были внесены заметные упрощения в деятельность иранских банков. Вместе с тем снятие запретов не является полным: по ряду сделок условия получения разрешения до сих пор применимы. Но даже в таких случаях Bank Saderat Iran и Bank Sepah удалось добиться исключения из санкционного списка по мотиву незаконности внесения в него[43].

Слабость российского банковского сектора на мировом уровне, значительная доля в нем государственного участия делает его привлекательной мишенью для санкционного воздействия.

Введенные на уровне Европы и США ***санкции*** замораживают резервы и активы Центрального банка РФ, лишают его доступа к иностранному фондированию, ограничивают государственные банки в доступе к иностранному капиталу, блокируют активы и отключают от международных платежных систем отдельные кредитные организации[44], разрушают платежную банковскую инфраструктуру, секвестируют возможности работы банков на рынках золота и ценных бумаг, ограничивают свободное обращение в Российской Федерации наличной иностранной валюты: евро и долларов.

Отсюда следует, что действующие в отношении национальной банковской системы санкции еще не носят ***тотального характера*** и оставляют российским банкам определенный люфт для финансового маневрирования. Вместе с тем их введение вызывает негативные цепные последствия. Речь идет об изменении условий ведения бизнеса с российским финансовым сектором в целом, в удлинении сроков исполнения платежей, в пристальном внимании к структуре кредитного портфеля российских банков. Произошел отказ от многих намеченных программ сотрудничества. Упавшая на европейские банки нагрузка в виде санкционного комплаенса привела к тому, что им выгоднее закрыть счета всем российским клиентам без проверки наличия установленных законом исключений, нежели держать их на постоянном контроле. В частности, таким образом поступил нидерландский ABN AMRO Bank и ряд иных западноевропейских банков. Как следствие, деловая активность российских клиентов в Европе и США снижалась после 2014 г. и практически остановилась после февраля 2022 г. Заморозка международных резервов и активов Банка России мешает мегарегулятору использовать их для ослабления воздействия западных санкций.

Косвенно санкции наносят ущерб российским физическим и юридическим лицам, не попавшим ни в один санкционный список[45]. Это находит свое отражение, например, в запрете кредитным учреждениям ЕС на прием вкладов от граждан России, проживающих в Российской Федерации, или юридических лиц или органов, учрежденных в России, на сумму свыше 100 тыс. евро[46]. А страновые санкции, выражающиеся в запрете поставок в Россию наличных банкнот, номинированных в евро и долларах, привели к ограничениям для физических лиц на снятие в российских банках наличной иностранной валюты на сумму, превышающую 10 тыс. долл.

В этой связи также печальную известность приобрело т.н. ***дело Кузнецова****, чьи денежные средства (свыше 615 тыс. долл.), подлежащие перечислению на счет подсанкционного ПАО «Мособлбанк», были ошибочно заблокированы по указанию США в 2014 г. После многократных и многолетних обращений Н.В. Кузнецова к уполномоченным государственным органам США денежные средства разблокировали, но при этом перечислили на счет Н.В. Кузнецова, открытый в Barclays Bank (Великобритания). Однако на этом злоключения Н.В. Кузнецова не закончились, так как уже в мае 2017 г. он был признан виновным в административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, и ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 75% от суммы незаконной валютной операции, так как он перевел иностранную валюту со счета в банке, расположенном за пределами России, на свой счет, открытый в банке, также находящемся за ее пределами, минуя свои счета в российских уполномоченных банках. Н.В. Кузнецов, считающий, что к нему было применено чрезмерное наказание, был вынужден дойти до Конституционного Суда РФ. В своем Постановлении от 9 июля 2021 г. № 34-П Конституционный Суд РФ указал, что система действующего правового регулирования не предполагает привлечения к административной ответственности валютного резидента в связи с тем, что иностранное государство применило ограничительные меры против России и ее хозяйствующих*

[42] См.: Durchführungsverordnung (EU) 2016/74 des Rates vom 22 January 2016 zur Durchführung der Verordnung (EU) No. 267/2012 über restriktive Maßnahmen gegen Iran. Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0074&from=DE (дата обращения: 11.11.2024).

[43] См.: Judgment of the Court (Fifth Chamber) in Case C-200/13 P of 21 April 2016. Available at: URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=176801&pageIndex=0&doclang=DE&mode=req&dir=&occ=first&part=1 (дата обращения: 11.11.2024).

[44] См.: *Лаутс Е.Б.* Антикризисное законодательство и законодательство в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности // Юрист. 2017. № 15. С. 10.

[45] См.: *Johnston C.* Sanctions against Russia: Evasion, compensation and overcompliance // European Union Institute for Security Studies. 2015. No. 5. P. 3.

[46] См.: Verordnung (EU) 2022/328 Des Rates vom 25 February 2022 zur Änderung der Verordnung (EU) No. 833/2014 über restriktive Maßnahmen angesichts der Handlungen Russlands, die die Lage in der Ukraine destabilisieren. Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:32022R0328 (дата обращения: 11.11.2024).

субъектов, которые воспрепятствовали валютному резиденту совершить законную валютную операцию. Более того, Конституционный Суд РФ указал, что деятельность органов публичной власти не должна усугублять положение российских граждан и организаций, которых затронули соответствующие санкции. Наиболее приемлемой и ожидаемой в этих случаях реакцией органов власти является принятие решений, направленных на содействие таким лицам, как попавшим в тяжелую ситуацию из-за противоправных, по сути, обстоятельств[47].

В целом санкции оказывают беспрецедентное давление на курс рубля, что влечет повышение процентных ставок, инфляционных рисков и усиливает и без того высокую роль Центрального банка РФ на рынке банковских услуг[48]. Значительная концентрация ресурсов в государственных банках и вовлечение Банка России в рефинансирование банковской системы через множественные инструменты угрожают макроэкономической стабильности[49].

Снятие санкций (за исключением редких случаев, связанных с персональными ограничениями) может быть осуществлено посредством выполнения требований ЕС и США или политических переговоров на высшем уровне. Однако зарубежные исследователи отмечают выработку российскими активами определенного иммунитета по отношению к санкциям и в целом их недостаточно значительные экономические последствия для того, чтобы повлиять на российскую политику[50], несмотря на потерю 50 млрд долл. только за 2014–2019 гг., о которой сказал Президент РФ В.В. Путин[51]. В связи с этим в обозримой перспективе вряд ли стоит рассчитывать на их отмену.

Заключение

Банковская система Российской Федерации относительно локальна, характеризуется высокой степенью огосударствления и имеет слабую взаимосвязь с мировыми финансовыми рынками. Ввиду этого она является идеальным объектом политики санкционного прессинга.

Применяемые по отношению к ней **санкции можно определить** как совокупность срочных правил запретительного и ограничительного характера, установленных международными организациями, ЕС и США, и обеспеченных мерами ответственности за их несоблюдение в связи с дестабилизацией ситуации на Украине и оказанием Российской Федерацией поддержки правительствам Венесуэлы и Сирии.

В зависимости от адресата и содержания санкции можно подразделить на персональные (блокирующие или платежные); санкции в отношении сектора государственных банков (финансовые); региональные (эмбарго Крыма) и страновые. При этом указанные санкции, принятые США, жестче в качественном отношении и применяются к большему количеству банку. «Вторичные» санкции США имеют экстерриториальный характер действия, запрещая иностранным лицам (в том числе и российским) осуществлять с фигурантами санкционных списков существенные финансовые транзакции или содействовать им.

Несмотря на то что данные санкции не носят всеобъемлющего характера, они отсекают национальную банковскую систему от мирового финансового рынка, довлеют над курсом валюты и макроэкономической стабильностью Российской Федерации.

Реагируя на санкционное воздействие, государство предприняло ряд шагов в целях поддержки подсанкционных банков и повышения экономической стабильности. Однако эти меры в принципе являются защитными, а не упреждающими. В связи с этим представляется, что в целях предотвращения новых попыток санкционного давления на российский банковский сектор целесообразна разработка соответствующей ***правовой концепции***. Кроме Российской Федерации мишенями санкций также являются Иран и КНР, в связи с чем компаративистский взгляд на проблему помог бы найти решения, модальные для адаптации в нашей стране.

Глобальным «противоядием» видится преодоление национального характера банковской системы России, ориентированной на отечественный, а не на иностранный капитал. Отрадно, что Центральному банку РФ и Правительству РФ удалось пересмотреть свой взгляд на допуск прямых филиалов иностранных банков[52], а также внешних иностранных провайдеров платежных услуг на российский банковский рынок. Нужна сильная степень интеграции отечественной банковской системы с мировыми финансовыми рынками.

---

[47] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 34-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 15.25 и пункта 2 части 1 статьи 25.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 6 части 1 статьи 1, частей 4 и 5 статьи 12 Федерального закона “О валютном регулировании и валютном контроле”, а также части 2 статьи 2 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон ‘О валютном регулировании и валютном контроле’ в связи с жалобой гражданина Н.В. Кузнецова”» // СЗ РФ. 2021. № 29, ст. 5752.

[48] См.: *Тарасенко О.А.* Предпринимательская активность Банка России // Актуальные проблемы росс. права. 2020. № 6. С. 81.

[49] См.: *Пехтерева Е.А.* Влияние санкций на банковский сектор России // Экономические и социальные проблемы России. 2016. № 2. С. 96.

[50] См.: *Welt C., Archick K., Nelson R.M., Rennack D.E.* U.S. Sanctions on Russia: Congressional Research Service. 2020. P. 45.

[51] См.: URL: https://1prime.ru/state_regulation/20190620/830091739.html (дата обращения: 11.11.2024).

[52] См.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О банках и банковской деятельности” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33, ст. 4971.

Настало время умерить предпринимательский «аппетит» государства, в том числе Центрального банка РФ, в отношении активов банковского сектора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы российского права: учеб. / отв. ред. И.В. Ершова. М., 2021. С. 212.
2. *Бахин С.В., Еременко И.Ю.* Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 162–175.
3. *Лаутс Е.Б.* Антикризисное законодательство и законодательство в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности // Юрист. 2017. № 15. С. 10.
4. *Пехтерева Е.А.* Влияние санкций на банковский сектор России // Экономические и социальные проблемы России. 2016. № 2. С. 96.
5. *Тарасенко О.А.* Предпринимательская активность Банка России // Актуальные проблемы росс. права. 2020. № 6. С. 81.
6. *Тарасенко О.А.* Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 105.
7. *Терентьева Л.В.* Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его государственных границ // Право. Журнал ВШЭ. 2019. № 3. С. 167.
8. *Тимофеев И.Н.* Политика санкций Европейского союза. Опыт событийного анализа // Современная Европа. 2021. № 2. С. 17.
9. *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учеб. М., 2017. С. 202.
10. *Eckes C.* EU restrictive measures against natural and legal persons: from counterterrorist to third country sanctions // Common Market Law Review. 2014. No. 51 (3). Pp. 869–905.
11. *Jazairy I.* Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2015. 10 August. Pp. 5–7.
12. *Johnston C.* Sanctions against Russia: Evasion, compensation and overcompliance // European Union Institute for Security Studies. 2015. No. 5. P. 3.
13. *Welt C., Archick K., Nelson R.M., Rennack D.E.* U.S. Sanctions on Russia: Congressional Research Service. 2020. P. 45.

REFERENCES

1. Actual problems of Russian law: textbook / ed. by I.V. Ershova. M., 2021. P. 212 (in Russ.).
2. *Bakhin S.V., Eremenko I. Yu.* Unilateral economic “sanctions” and International Law // Law. 2017. No. 11. Pp. 162–175 (in Russ.).
3. *Lauts E.B.* Anti-crisis legislation and legislation in the field of state regulation of entrepreneurial activity // Lawyer. 2017. No. 15. P. 10 (in Russ.).
4. *Pekhtereva E.A.* The impact of sanctions on the banking sector of Russia // Economic and social problems of Russia. 2016. No. 2. P. 96 (in Russ.).
5. *Tarasenko O.A.* Entrepreneurial activity of the Bank of Russia // Actual problems of Russ. law. 2020. No. 6. P. 81 (in Russ.).
6. *Tarasenko O.A.* Formation of the doctrine and legislation on legal regimes of banking activity // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2021. Iss. 51. P. 105 (in Russ.).
7. *Terentieva L.V.* Extraterritorial manifestation of state jurisdiction in the context of transformation of perception of its state borders // Law. HSE Journal. 2019. No. 3. P. 167 (in Russ.).
8. *Timofeev I.N.* The policy of sanctions of the European Union. Experience in event analysis // Modern Europe. 2021. No. 2. P. 17 (in Russ.).
9. *Tsechoev V.K., Shvanderova A.R.* Theory of state and law: textbook. M., 2017. P. 202 (in Russ.).
10. *Eckes C.* EU restrictive measures against natural and legal persons: from counterterrorist to third country sanctions // Common Market Law Review. 2014. No. 51 (3). Pp. 869–905.
11. *Jazairy I.* Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2015. 10 August. Pp. 5–7.
12. *Johnston C.* Sanctions against Russia: Evasion, compensation and overcompliance // European Union Institute for Security Studies. 2015. No. 5. P. 3.
13. *Welt C., Archick K., Nelson R.M., Rennack D.E.* U.S. Sanctions on Russia: Congressional Research Service. 2020. P. 45.

Сведения об авторе

ТАРАСЕНКО Ольга Александровна –
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского
и корпоративного права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
123995 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Authors’ information

TARASENKO Olga A. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Entrepreneurial
and Corporate Law Chair,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
123995 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 163–173
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 163–173

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 341.9

КАТЕГОРИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ К СИСТЕМАМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2024 г. С. С. Зенин*, И. М. Япрынцев, Л. В. Иванова*****

Тюменский государственный университет

**E-mail: s.s.zenin@utmn.ru*
***E-mail: i.m.yapryncev@utmn.ru*
****E-mail: l.v.ivanova@utmn.ru*

Поступила в редакцию 10.09.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается категория «юридическая ответственность» с точки зрения отечественной и зарубежной юридической науки, а также оценивается возможность ее применения к характеристикам искусственного интеллекта как автономного волевого субъекта и возможности его наделения деликтоспособностью. Исследователи практически не рассматривают искусственный интеллект как самостоятельный деликтоспособный субъект права, притом что прогнозы развития данной сферы общественных отношений на ближайшие десятилетия (в частности, создание и внедрение сильного искусственного интеллекта) говорят о необходимости рассмотрения такой категории и ее потенциального юридического закрепления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право, цифровые технологии, юридическая ответственность, правонарушение, санкция, наказание, информация, информационное общество.

Цитирование: *Зенин С.С., Япрынцев И.М., Иванова Л.В.* Категория «юридическая ответственность» в контексте ее применения к системам искусственного интеллекта // Государство и право. 2024. № 11. С. 163–173.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01112, https://rscf.ru/project/24-28-01112/

DOI: 10.31857/S1026945224110145

CATEGORY OF “LEGAL RESPONSIBILITY” IN THE CONTEXT OF ITS APPLICATION TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

© 2024 S. S. Zenin*, I. M. Yapryntsev, L. V. Ivanova*****

Institute of State and Law of Tyumen State University

**E-mail: s.s.zenin@utmn.ru*
***E-mail: i.m.yapryncev@utmn.ru*
****E-mail: l.v.ivanova@utmn.ru*

Received 10.09.2024

Abstract. The article examines the category of "legal responsibility" from the point of view of domestic and foreign legal science, and also assesses the possibility of its application to the characteristics of artificial intelligence as an autonomous volitional subject and the possibility of endowing it with delinquency. Researchers practically do not touch on artificial intelligence as an independent delinquent subject of law, despite the fact that forecasts of the development of this sphere of public relations for the coming decades (in particular, the creation and implementation of strong artificial intelligence) indicate the need to consider such a category and its potential legal consolidation.

Key words: artificial intelligence, law, digital technologies, legal liability, offence, sanction, punishment, information, information society.

For citation: *Zenin, S.S., Yapryntsev, I.M., Ivanova, L.V. (2024).* Category of "legal responsibility" in the context of its application to artificial intelligence systems // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 163–173.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01112, https://rscf.ru/project/24-28-01112/

Юридическая ответственность является неотъемлемой частью правовой культуры и юридической практики всех государств на всех этапах их исторического развития. В научных исследованиях, а также в правоприменительной практике сложилось относительно устойчивое понимание этого института, однако отдельные его аспекты продолжают исследоваться и оспариваться. Появление и активное внедрение в современную жизнь технологий искусственного интеллекта вывело данный вопрос на совершенно новый уровень, поскольку современные системы искусственного интеллекта представляют собой уникальную технологию, способную не только улучшать и развивать отдельные сферы человеческой деятельности, но и менять привычную картину современного общества в целом. Если рассматривать искусственный интеллект сквозь призму правового поля, очевиден процесс отставания развития общественных отношений и механизма их регулирования от технологических планок и соответствующих социальных вызовов, которые диктует в своем развитии искусственный интеллект. Одной из таких критически важных правовых проблем является юридическая ответственность, представляющая собой устоявшийся во времени и на практике механизм обеспечения правопорядка и социальной справедливости в русле закона и правовых ценностей общества.

В юридической научной литературе нет единого понимания юридической ответственности: она интерпретируется через понятие ответственности в общем, философском и социальном смыслах. В то же время, рассматривая различные точки зрения, можно сложить единую картину представления о юридической ответственности как эффективном инструменте регулирования общественных отношений. Как правило, ответственность предполагает элемент правосубъектности. Однако этот вопрос существенно осложняется новым для права понятием «искусственный интеллект».

Так, в частности, с точки зрения Г. Кельзена, автора «Чистого учения о праве», ответственность предусматривает обязанность индивида «вести себя определенным образом, если его противоположное поведение обуславливает акт принуждения в качестве санкции как меры воздействия»[1].

Г. Кельзен выделял: а) уголовно-правовую и гражданско-правовую ответственность; б) ответственность индивидуальную и коллективную; в) виновную ответственность (за преднамеренное деяние и за неосторожность); г) ответственность независимо от вины[2].

Г.Л. Харт рассматривает юридическую ответственность как отношение между возможным действием субъекта и представлением им последующего развития события и потенциальным действием субъекта, который тот должен или готов осуществить в целях предотвращения нежелательных вариантов развития событий и имеет место, когда мотивация одного из них обращена в будущее, хотя это и не означает, что она не может распространяться и на настоящее и прошлое (проспективная юридическая ответственность).

Ретроспективная же, по мнению Харта, обращена в прошлое как отношение между потенциальным действием субъекта, который тот должен или готов осуществить в целях предотвращения нежелательных вариантов развития событий, и уже наступившим событием от поступка[3].

---

[1] Чистое учение о праве Ганса Кельзена // К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987): сб. переводов / пер. С.В. Лезова; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М., 1987. Вып. 1. С. 161.

[2] См.: там же. С. 164–166.

[3] См.: *Hart H.L.A.* The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 1949. Vol. 49. Pp. 171–194 (см.: *Харт Г.Л.А.* Приписывание ответственности и прав / пер. с англ. В.В. Оглезнева // Правоведение. 2010. № 5 (292). С. 116–135).

Обобщая западноевропейский подход к теории юридической ответственности, в литературе представлена следующая классификация ее видов по различным основаниям[4]: темпоральный, показывающий время совершения действия с формулированием мотивации для его совершения или его легитимацией; прагматический, указывающий на основание возникновения отношения ответственности; субъектный, специфицирующий границы универсализации отношения ответственности; агентный, определяющий основной коррелят мотивации агента к совершению поступка[5].

В отечественной юридической литературе признаки и принципы юридической ответственности расширяются и конкретизируются, однако на сегодняшний день их также недостаточно для полноценного их применения по отношению к действиям ИИ.

В.С. Нерсесянц понимает юридическую ответственность как меру правового принуждения за правонарушение, предусмотренную санкцией нарушенной нормы, и применяемую к правонарушителю компетентным государственным органом или должностным лицом в надлежащем процессуально-правовом порядке[6].

Н.В. Витрук определяет юридическую ответственность как обратную сторону свободы. Автор подчеркивает, что, обладая избирательной активностью, определяя характер своего поведения, индивид постоянно должен соотносить его с социальными требованиями. Не подавляя личность, необходимость ставит ее в такое положение, когда она должна выбирать, решать самостоятельно. Необходимость выступает объективной предпосылкой ответственности, субъективной же предпосылкой служит свобода воли[7].

В.М. Сырых среди признаков юридической ответственности в качестве ключевых выделяет следующие: это – вид государственного принуждения, реализуемого уполномоченными на то государственными органами (т.е. исходящий от государства); единственным основанием наступления юридической ответственности является правонарушение; выражается в применении к правонарушителю негативной санкции[8].

Такую же точку зрения поддерживает О.Э. Лейст, понимая правонарушение как отступление не от любой юридической обязанности, а только от той, которая носит императивный характер, снабжена юридической санкцией[9] (в противовес иным нормонарушениям).

При рассмотрении положений о юридической ответственности важным является вопрос основания, при наличии которого ее применение допустимо. Следует согласиться, что такого рода основанием является юридический факт (либо их совокупность), представляющий собой правонарушение. Данная категория исследователями традиционно определяется как противоправное, виновное, наказуемое, общественно опасное деяние вменяемого лица, причиняющее вред интересам государства, общества и граждан[10]. Исходя из этого, правонарушение как правовая категория и как юридический факт имеет ряд признаков, а именно: противоправность; общественная опасность; виновность; интеллектуально-волевой характер; наказуемость.

Соответственно, верхнеуровневый[11] анализ подходов к пониманию такой категории, как «юридическая ответственность», в зарубежном и отечественном правопорядке позволяет выделить ряд ее признаков: закрепление в действующем законодательстве; наличие полного состава правонарушения; обеспеченность государственным принуждением; выражение в виде неблагоприятных для лица отрицательных последствий (лишение личных имущественных и неимущественных социальных благ); возложение и реализация в установленном законодательством порядке; наказание от имени государства уполномоченными компетентными органами и должностными лицами; выражение в виде санкции применительно к конкретному лицу в определенной ситуации (при этом не будучи тождественной самой санкции, которая может носить положительный характер, например, поощрение).

Наличие данных критериев и их социально-историческая устойчивость позволяет их соотнести с существующими подходами в контексте применения к системам искусственного интеллекта.

---

[4] См.: *Савельев Ю.М.* О понятии юридической ответственности // Юрид. исследования. 2015. № 10. С. 61–80.

[5] См.: *Йонас Г.* Принцип ответственности. М., 2004; *Харт Г.* Понятие права. СПб., 2003; *Ingarden R.* Über die Verantwortung. Ihre ontischen Fundamente. Stuttgart, 1970; *Ingarden R.* Książeczka o człowieku. Kraków, 1972.

[6] См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999.

[7] См.: *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. М., 2008.

[8] См.: *Сырых В.М.* Теория государства и права: учеб. М., 2012.

[9] См.: *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. М., 1962. С. 47, 48.

[10] См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. М., 2001. С. 432.

[11] Представляется, что сама по себе возможность распространения юридической ответственности на системы искусственного интеллекта не предполагает пересмотра фундаментальных основ данного юридического института.

С учетом обозначенных подходов к пониманию юридической ответственности, а также основываясь на уже имеющихся научных подходах к юридической ответственности в сфере искусственного интеллекта, допустимо выделение нескольких вариантов решения проблемы определения ответственного субъекта: ответственность создателя/разработчика искусственного интеллекта; ответственность конкретного пользователя или группы пользователей; ответственность самого искусственного интеллекта как субъекта права (в случае появления на научно-технологической арене «сильного» искусственного интеллекта).

Первые два подхода широко обсуждаются в научной сфере как в отечественной практике, так и за рубежом, и в своей основе связаны с определением того, кто или чьи действия являются первопричиной правонарушения с участием ИИ либо совершенного им самим, влекущего соответствующий вид юридической ответственности.

В качестве примера можно привести использование дипфейк-технологии для совершения мошеннических действий, когда присутствует конкретный деликтоспособный субъект, их совершающий, и установить личность которого возможно на практике. В этом случае ответственность лежит на пользователе, поскольку его как субъекта правонарушения можно идентифицировать (что упирается лишь в существующие технологические ограничения), а в его действиях есть прямой или косвенный умысел.

Ответственность разработчика может наступить в случае, если он преднамеренно либо в силу легкомыслия или небрежности оставил в разработанных алгоритмах существенные недоработки, которые привели к общественно опасным последствиям даже вследствие отсутствия противоправного умысла у пользователя (например, утечка персональных данных и нарушение медицинской тайны пациентов при использовании систем искусственного интеллекта для разработки медицинских рекомендаций). Сюда же можно отнести ошибки при диагностике заболеваний, следствием которых может быть причинение вреда здоровью или даже смерть пациента в случае, когда медицинский работник не имел возможности предотвратить такой вред и в его действиях/бездействии не было состава правонарушения.

Примером более сложного распределения юридической ответственности является использование алгоритмов искусственного интеллекта для выборки кандидатов при трудоустройстве на определенные должности. Российское трудовое законодательство запрещает дискриминацию по половому, расовому, национальному и иному признакам, однако искусственный интеллект в процессе выборки потенциального кандидата может поступиться данной нормой и, например, ограничить выборку кандидатов для занятия определенной должности, убрав из нее женщин, представителей определенной нации или этноса, либо, наоборот, выбрав их в качестве предпочтительных кандидатур, тем самым отсекая потенциальную возможность трудоустройства другим кандидатам[12]. В данном случае, установить ответственность не представляется возможным ни для одной из сторон, поскольку разработчик не закладывал подобного алгоритма и не имел умысла на дискриминацию тех или иных лиц, а работодатель, используя его продукт, не задавал условий для подобной выборки кандидата.

Искусственный интеллект же, в свою очередь, в своем выборе руководствовался поиском в массиве данных с огромным количеством параметров, а также цифровых следов различных пользователей, включающих в себя господствующие стереотипы и массовые представления о представителях конкретной профессии, и, поскольку ограничить искусственный интеллект в данном случае затруднительно, его выборка носит дискриминирующий характер. Ответственность должна логически лежать на миллионах пользователей, оставлявших в сети информацию, на основании которой и были сделаны подобные выводы, поскольку именно их данные явились полем для его обучения и формирования выборки. Однако такого рода модель юридической ответственности не допустима.

Рассматривая вопрос об ответственности при использовании искусственного интеллекта, нельзя не упомянуть тот факт, что данное технологическое решение многими исследователями и практикующими специалистами позиционируется как источник повышенной опасности, концепция которого в этом контексте также рассматривается в работах отечественных и зарубежных ученых.

В частности, О.А. Ижаев, Д.Л. Кутейников, исследуя вопросы гражданско-правовой ответственности ИИ, предлагают деятельностный подход к определению источников повышенной опасности, суть которого изложена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1, согласно которому по смыслу ст. 1079 ГК РФ источником повышенной опасности следует признавать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов

[12] См.: *Новиков Д.А.* Трудовое право и искусственный интеллект: точки соприкосновения и расхождения // Ежегодник трудового права. 2024. № 14. С. 156–174.

производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами[13].

Авторы отмечают, что подобная интерпретация дает возможность суду определять в каждом конкретном случае, является ли та или иная система искусственного интеллекта источником повышенной опасности[14]. Заметим, что по умолчанию они таковыми не являются, поскольку большинство из них (по крайней мере тех, что используются чаще всего в повседневной жизни, например, голосовых помощников) не несет подобного рода рисков и не используется в рамках риск-ориентированного подхода к правовому регулированию. При этом среди недостатков такого подхода следует отметить факт наличия у большинства систем искусственного интеллекта автономности и способности к самообучению, что ставит безопасность их использования в прямую зависимость от действий разработчика, нежели пользователя (владельца) системы[15]. Необходимо также указать, что если искусственный интеллект не находится под контролем со стороны пользователя или владельца, то безусловное возложение на него ответственности не достигает одной из своих главных целей – побудить пользователей к поведению, обеспечивающему безопасность соответствующих систем[16].

Концепция источника повышенной опасности не может отразить всю многогранность общественных отношений, которые складываются вокруг использования искусственного интеллекта, включающую в себя широкий круг субъектов, их различный вклад в его функционирование, определенный уровень автономности и возможность к самообучению, сложность технической конструкции и т.д.

В случаях, когда в действиях кого-либо (например, пользователь, генерирующий противоправный визуальный контент без его дальнейшего распространения) отсутствует состав правонарушения и отсутствовала возможность повлиять на алгоритм работы искусственного интеллекта в противоправных целях, вопрос ответственности должен рассматриваться индивидуально.

При этом стоит учитывать степень потенциальной повышенной опасности использования той или иной системы искусственного интеллекта вне зависимости от того, повлекло ли данное использование общественно опасные последствия. Суды при определении степени опасности использования системы искусственного интеллекта (и сообразно ответственности) также должны учитывать возможность владельца или пользователя системы контролировать и оперативно устранять потенциальные пробелы в ее деятельности, способные нанести общественно опасный вред на основании специфики той или иной системы ИИ, а также ее функционала.

При этом в сфере применения искусственного интеллекта уже выделяются наиболее критические и разрушительные риски в различных сферах – например, представленные в исследовании Центра безопасности в сфере ИИ (Cornell University)[17]. Карта таких рисков, представляется, может быть использована и для формирования правовых конструкций составов правонарушений с использованием ИИ-систем, а также конкретизации юридической ответственности за их противоправное с точки зрения национального и международного права применение.

В частности, выделяются следующие «серые зоны» в разработке и использовании систем искусственного интеллекта:

1. «ИИ-гонка» («гонка вооружений» среди государств и корпораций в целях технологического развития и автоматизации процессов), способствующая развитию конкуренции в сфере ИИ-технологий, а значит, и их совершенствованию. При этом возникает риск значительного увеличения их влияния на общество при стремлении государств и корпораций максимизировать выгоду в конкурентной борьбе.

К способам уменьшения рисков относительно данного сценария авторы относят: проактивное нормативное регулирование в сфере ИИ-безопасности, кибербезопасность, прозрачность и подотчетность данных и алгоритмов, контроль со стороны человека за решениями, принимаемыми подобными системами, в том числе общественный контроль над их функционированием, международное сотрудничество.

В то же время следует отметить, что возникает целый ряд вопросов, которые требует соответствующего решения: какие стандарты кибербезопасности будут применяться для предотвращения негативного воздействия такой конкуренции на общественную жизнь? Как будет обеспечиваться

---

[13] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) (дата обращения: 14.07.2024).

[14] См.: *Ижаев О.А., Кутейников Д.Л.* Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 23–34.

[15] См.: там же.

[16] См.: *Buiten M., Streel A., Peitz M.* The law and economics of AI liability // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. P. 9.

[17] См.: *Hendrycks D., Mazeika M., Woodside T.* An Overview of Catastrophic AI Risks [Электронный ресурс]. URL: https://arxiv.org/pdf/2306.12001 (дата обращения: 15.07.2024).

подотчетность данных, когда речь идет о гонке технологий между двумя суверенными государствами, конкурирующими на ИИ-рынке? Кто и в каком порядке в этом случае будет осуществлять общественный контроль? В том числе остается не решенным вопрос и в части юридической ответственности: какой вид юридической ответственности применим к государствам или корпорациям, в действиях которых в условиях развития систем искусственного интеллекта усматриваются признаки тех или иных правонарушений?

2. Угрозы биобезопасности, среди возможных путей уменьшения которых авторы выделяют удаление из базовых моделей всей релевантной биоинформации, а также контроль за их утечками, ограничение доступа к наиболее продвинутым моделям и их инфраструктуре со стороны пользователя, выявление аномалий в функционировании систем ИИ, установление юридической ответственности для разработчиков систем ИИ общего назначения.

3. Организационные риски, которые могут приводить к разного рода катастрофическим событиям (техногенные катастрофы, крушения космических кораблей, самолетов, судов). В сфере использования искусственного интеллекта опасность возможной ошибки куда больше, нежели в поле деятельности человека, ввиду недостаточной проработанности правил поведения и протоколов безопасности систем ИИ в данной сфере деятельности.

Уменьшение рисков возникновения данного рода негативных последствий авторы предлагают за счет установления комплексных мер безопасности и, в том числе, введения обязательных экспертных проверок, внешнего независимого аудита и систем управления рисками. Следует отметить, что проблема прозрачности функционирования искусственного интеллекта является одной из наиболее сложных в части его нормирования и применения[18]. В этом случае возникает вопрос об ответственности аудиторов и экспертов, действия/бездействие которых могут допустить возникновение подобных рисков, а также о том, кем и как будут оцениваться такие системы управления рисками.

4. «Бунт» со стороны систем ИИ. Это может произойти через постепенное размывание и смещение заложенных человеком целей их функционирования или же в результате резкой потери контроля или обмана со стороны систем ИИ.

Данные риски можно уменьшить, например, за счет ограничения наиболее высокорисковых сценариев их использования, существования «красной кнопки», а также открытого допуска исследователей к базовым моделям.

При этом возникает новый риск – риск недобросовестного или противоправного допуска к таким моделям и их попадание в руки физических или юридических лиц, способных использовать данные модели и их модификации для совершения правонарушений. Наличие «красной кнопки» также подразумевает ответственность за ее противоправное использование, например, с целью сознательной остановки функционирования системы и ее развития в своих интересах с тем, чтобы выиграть время либо ресурсы для недобросовестной конкуренции в рамках «ИИ-гонки». Актуальным также остается вопрос о необходимости разработки протоколов и порядка применения «права красной кнопки» с закреплением этих моментов в национальном и международном законодательстве.

5. Вредное использование, заключающееся в возможности целенаправленно злонамеренно использовать системы ИИ. Среди таких выделяется биотерроризм (создание новых вирусов, химического и биологического оружия), создание опасных ИИ-агентов, использование системы ИИ для манипуляции людьми, дезинформации и захвата власти. Данный список можно продолжить, поскольку категория «злонамеренного использования» может быть применена к работе практически любой системы искусственного интеллекта и будет отличаться лишь масштабом его последствий и уровнем их общественной опасности, а значит, и уровнем ответственности лица или группы лиц.

Отметим также, что указанные риски, последствия и пути их преодоления носят наднациональный характер, поскольку корпорации (а тем более государства) взаимодействуют на рынке ИИ-технологий на международном уровне, что порождает как конкуренцию, так и возможность сотрудничества. Но так или иначе, все эти процессы касаются не только внутринационального, но и наднационального, международно-правового регулирования, а значит, вопрос ответственности необходимо рассматривать также и на этом уровне.

При этом самым спорным и дискуссионным на данный момент является *вопрос о применении юридической ответственности к самому искусственному интеллекту как к субъекту права.* Здесь вопрос однозначно выходит за пределы правового исследования, затрагивая философские, социологические, психологические и иные научные проблемы, рассматриваемые в рамках общественных наук.

С учетом обозначенных выше подходов отметим, что в контексте исследования возможности применения юридической ответственности к системам искусственного интеллекта целесообразно говорить о таких важных для понимания ответственности

[18] См., напр.: *Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А.* Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к разрешению проблемы «черного ящика» // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6 (163). С. 139–148.

аспектов, как мотивация и целеполагание. Оба аспекта свойственны человеку, при этом не являются очевидными для систем искусственного интеллекта, действия которого изначально алгоритмизированы и определены человеком.

В то же время целеполагание в функционировании подобных систем нельзя отрицать, поскольку любой закладываемый в него алгоритм имеет конечную оформленную цель. Что касается мотивации, то ее спорность у искусственного интеллекта предопределена отсутствием биологических и социальных потребностей, обуславливающих мотивационный механизм на уровне психики. При этом здесь возникает «проблема согласования», о которой речь пойдет ниже.

Кроме того, говоря о предпосылках юридической ответственности в отношении систем искусственного интеллекта, следует остановиться на вопросе об основаниях юридической ответственности. Как было отмечено ранее, среди такого рода оснований очевидно к системам ИИ применимы общественная опасность и противоправность. При этом оставшиеся – виновность, интеллектуально-волевой характер и наказуемость – вызывают определенного рода сомнения.

Правонарушение – результат деятельности деликтоспособного субъекта, способного направлять и контролировать свою волю и поведение, рефлексируя и отдавая себе отчет в своих действиях, будучи способным нести ответственность за их пагубные последствия.

В условиях развития и жизнедеятельности «слабого» ИИ, выполняющего лишь узкий круг задач под руководством человека согласно заданным алгоритмам (голосовые и виртуальные помощники, автоматизированные системы, чат-боты, роботизированная техника, системы «умный дом» и др.), нельзя говорить об ответственности ИИ как деликтоспособного субъекта, поскольку в его действиях отсутствуют такие компоненты, как свобода воли, эмоциональный интеллект, понимание противоправности своих действий.

Наказуемость «слабого» ИИ как субъекта также не представляется возможной, поскольку он неспособен осознавать и принимать негативные последствия от применяемых санкций, не имея, к тому же, для этого устойчивой ценностной почвы, на которую эти санкции могут потенциально воздействовать. Соответственно, рассматривая категорию юридической ответственности в отношении искусственного интеллекта, можно говорить только об ответственности «сильного» искусственного интеллекта (artificial general intelligence, artificial super intelligence), который помимо общих признаков также обладает возможностью автономного принятия решений и способностью к самосовершенствованию и самовоспроизводству. Данный процесс может быть оценен в качестве некой правовой фикции свободы воли, имеющей внешние формальные признаки, но отличные от человеческой воли (детерминированное психическими и нейронными процессами) происхождение и природу.

Поскольку на данный момент к ИИ невозможно применить традиционную для отечественного и зарубежного права модель юридической ответственности, мы видим необходимым рассматривать данные системы в качестве принципиально иного субъекта, для которого категория «ответственность» и механизм ее реализации будут носить отличный с точки зрения своей сущности и назначения характер.

Здесь следует отметить, что ряд исследователей относят ИИ к т.н. квазисубъектам права (наравне с семьей, нацией, трудовым коллективом). Так, Е.В. Пономарева полагает, что роботизированные автономные системы не способны быть субъектами права, так как они «не обладают волей в правовом смысле, не имеют собственных интересов, не могут формировать субъективное отношение к совершаемым деяниям, нести юридическую ответственность по причине отсутствия чувства вины»[19]. При этом автор указывает, что «акт признания законодателем их правоспособности не сделает их настоящими субъектами права, но может причинить вред праву как коммуникативной системе», поскольку такой квазисубъект так или иначе является стороной общественных отношений как источник возникновения юридического факта, в частности правонарушения.

Среди перечисленных автором подходов к понимаю субъекта прав (а значит, и юридической ответственности как части правового статуса такого субъекта) наиболее актуальным относительно исследования ответственности ИИ нам представляется постмодернистский подход, основанный на трудах Р. Барта, П. Бурдье и М. Фуко, получивший продолжение в отечественных работах В.И. Павлова, А.В. Полякова, И.Л. Честнова.

С их точки зрения, субъект права, с одной стороны, – это центр социальной реальности и объективного права, наделяющего его право- и дееспособностью. Он есть часть социального конструкта, вследствие чего является «неустойчивым, нецелостным и неразумным». С другой стороны, современный субъект права сам является создателем правовой реальности, будучи способным создавать и изменять ее своими действиями. Недостаток такого подхода, по мнению

[19] *Пономарева Е.В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 11.

Е. В. Пономаревой, – отождествление субъекта права исключительно с человеком и, как следствие, отсутствие в праве рациональности[20]. Причину возникновения категории «квазисубъект права» автор видит в размытости представлений о субъекте права в общественном сознании, их недостаточной детализации, а также доминировании в правовой науке формально-юридического подхода, не учитывающего сущностные и содержательные признаки данного явления.

Применение к системам искусственного интеллекта категории юридической ответственности осложняется отсутствием у последнего такого критерия определения субъекта права, как «правовая индивидуализация», представляющая собой требование к лицу для его распознаваемости, препятствующие отождествлению разных субъектов права, а именно определение имени, возраста для физических лиц, фирменного наименования, организационно-правовой формы, регистрации товарных знаков, местонахождения для юридических лиц[21].

Краеугольным камнем современных исследований ИИ в сфере юридической ответственности является *«проблема согласования»*. Ник Бостром описывает ее как способность «искусственного суперинтеллекта», будучи автономным и саморазвивающимся, достигать формально поставленных человеком целей при помощи нестандартных и изначально не предусмотренных человеком решений, способных нести общественно вредный противоправный характер (т.н. проблема извращенной реализации)[22].

Следствием решения данной проблемы должно быть соответствие представлений о правовых нормах со стороны систем искусственного интеллекта аналогичным представлениям, принятым в обществе и государстве. В то же время на современном этапе это трудно реализуемо ввиду гибкости и приспосабливаемости общественного и индивидуального человеческого сознания к изменяющимся внешним условиям с пониманием контекста происходящих событий и отсутствия такового у искусственного интеллекта.

При этом ряд исследователей прогнозируют возможность избежать эффекта «извращенной реализации» с помощью точной алгоритмизации ИИ и максимально детализированной постановки задачи, однако на практике это не представляется возможным ввиду: а) непонимания глубоких внутренних алгоритмов работы ИИ и ее принципов в условиях самообучения; б) неспособности согласовать понимание потребностей человека с потребностями ИИ ввиду отсутствия таковых у последнего; в) невозможности централизованно и согласованно контролировать данные процессы, особенно на международном уровне.

В совместном отчете «Злонамеренное использование ИИ: прогнозирование, предотвращение и смягчение последствий» (2018) был проанализирован спектр потенциальных угроз безопасности от злонамеренного использования технологий ИИ, где прямо было заявлено, что, если в ближайшее время не будут разработаны адекватные средства защиты, ИИ будет угрожать нашей цифровой, физической и политической безопасности. Американские специалисты Венделл Уоллах и Колин Аллен предположили, что по мере того, как роботы будут брать на себя все большую ответственность, они должны быть запрограммированы на способность принимать моральные решения ради нашей собственной безопасности[23]. Авторы отчета говорят именно о перспективной юридической ответственности, требующей осознания и волевого анализа собственного потенциального правомерного поведения, при этом умалчивая о том, каким образом будет формироваться «моральность» таких решений у роботов, чем и как она будет обеспечена и каким образом будет караться нарушение подобной установки.

Оппоненты же данного подхода исключают возможность наделения ИИ и его носителей правосубъектностью. Согласно п. 3.2 Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, принятого в России Альянсом в сфере искусственного интеллекта и носящего рекомендательный характер, «акторы ИИ не должны допускать передачи полномочий ответственного нравственного выбора СИИ (систем искусственного интеллекта. – *Прим. авт.*), делегировать ответственность за последствия принятия решений СИИ – за все последствия работы СИИ всегда должен отвечать человек (физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации). Акторам ИИ рекомендуется принимать все меры для определения ответственности конкретных участников жизненного цикла СИИ с учетом их роли и специфики каждого этапа»[24].

Представляется, что сама по себе возможность применения юридической ответственности к системам искусственного интеллекта, тем более в условиях стремительно развивающихся технологий, связана с отступлением от устоявшегося концептуального подхода в классической юридической науке,

[20] См.: *Пономарева Е.В.* Указ. соч. С. 33.

[21] См.: там же. С. 70.

[22] См.: *Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. First. Oxford, 2014.

[23] См.: *Гранин Р.С.* Реф. ст.: Сутроп М. Проблемы согласования искусственного интеллекта с человеческими ценностями // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. Реферативный журнал. 2021. № 3.

[24] Кодекс этики в сфере ИИ [Электронный ресурс]. URL: https://ethics.a-ai.ru (дата обращения: 14.07.2024).

который предполагает применение уже устоявшихся категориально-критериальных матриц к новым явлением объективной реальности. В этом смысле нарастающая необходимость решения вопроса о применении к системам искусственного интеллекта юридической ответственности предполагает необходимость выработки и нормативно-правового закрепления формально-определенных критериев такой ответственности.

В этой связи для наделения искусственного интеллекта возможностью быть субъектом юридической ответственности необходимо выполнение следующих условий[25]:

1. Наличие алгоритма, наделяющего системы искусственного интеллекта возможностью осознавать причиняемый им вред и его характер. Важно понимать ключевые характеристики такого алгоритма: а) такое осознание должно коррелировать с моральными, этическими и правовыми нормами, действующими в обществе; б) понимание противоречия своих действий должно быть автономным, не требующим постоянного контроля со стороны человека и (или) какого-либо вмешательства или корректировок с его стороны; в) алгоритм должен давать понимание контекста ситуации с тем, чтобы обеспечить гибкость его действий в конкретных ситуациях: ИИ должен понимать, когда причинение вреда человеку является нарушением прав, а когда – крайней необходимостью, с полным пониманием ее границ, вне пределов которых наступает юридическая ответственность. При этом самосовершенствование без участия человека (как характеристика сильного искусственного интеллекта) также должно соответствовать развитию общественных норм (включая правовые) и принципам их понимания и соблюдения.

2. Наличие алгоритма, наделяющего системы искусственного интеллекта осознаваемой системой индивидуальных ценностей, доступных к стремлению их оберегать согласованными способами. В этом случае угроза таким ценностям (коими для человека являются жизнь, свобода, собственность, индивидуальные достижения и др.) дает возможность воздействия на искусственный интеллект со стороны человека и (или) правоприменительных органов через обратную связь. Однако данный вопрос упирается в невозможность применения человеческих ценностей, обусловленных биологической и социальной природой человека, к юридическому статусу ИИ, имеющего цифровую природу, к тому же до конца не изученную.

Однако следует отметить, что в настоящее время все алгоритмы создаются человеком (даже если код «пишет» ИИ, он делает это на основании заложенных человеком исходных данных). Соответственно, алгоритмы, наделяющие системы искусственного интеллекта возможностью осознавать причиняемый им вред и его характер и наделяющие системы искусственного интеллекта осознаваемой системой индивидуальных ценностей, доступных к стремлению их оберегать согласованными способами, также будут кем-то изначально созданы, и на данном этапе развития технологий не снимает суждения о том, что за действиями ИИ всегда стоит человек.

Несмотря на то что появление ИИ подобного типа учеными прогнозируется лишь к 2040–2050 гг.[26], необходимость выработки концепции регуляторного воздействия на него есть уже сейчас, поскольку развитие права и институтов его применения будет заметно отставать от развития ИИ, алгоритмы и принципы которого даже сейчас до конца не изучены, а представления о них не систематизированы. Самым действенным способом контролировать развитие ИИ (помимо протоколов безопасности, утверждаемых его разработчиками) на данный момент с точки зрения права является выработка принципиально новой юридической модели наделения его способностью нести ответственность и претерпевать негативные санкции со стороны человека.

Следует отметить, что внедрение подобных ценностей для его нормативного контроля является, по сути, юридическим конструктом, поскольку понимание ценностей человека и общества неприменимо к искусственно созданным системам, которым природа данных ценностей (свобода, социальное одобрение, материальные ценности) несвойственна.

3. Определение субъекта, управомоченного на применение юридической санкции. Говоря о традиционном понимании этой категории, нет сомнений в том, что санкцию к правонарушителю может применить только уполномоченный государственный орган. Такой порядок обусловлен тем, что государство обладает исключительной монополией на применение принудительных мер ввиду того, что оно представляет собой устойчивый институциональный механизм, обладающий равнодействующими инструментами и механизмами принуждения и осуществляющий его в установленных законом рамках.

Это направлено на недопущение общественного произвола и социального хаоса, вызванного неоднозначностью понимания социальных ценностей разными людьми, каждый из которых в своем желании установить или восстановить социальную справедливость может использовать совершенно разные, как аморальные, так и откровенно противоправные,

[25] Такого рода критерии применяются к системам сильного искусственного интеллекта, которые рассматриваются в качестве потенциальных субъектов юридической ответственности.

[26] См.: *Bostrom N.* Op. cit.

способы. Таким образом реализуется принцип равенства граждан перед законом и правосудием, а спектр санкций при этом также исчерпывающе установлен законодательством. Данное положение уравнивает граждан в парадигме «человек – государство», не допуская общественный произвол.

В то же время в отношении систем искусственного интеллекта допустимо говорить о возможности быть подвергнутыми санкции не только со стороны государства, но и со стороны других субъектов (физических и юридических лиц: компании разработчика в лице ее руководящего органа, уполномоченного специалиста по машинному обучению и др.). Квазисубъектная сущность искусственного интеллекта вызывает необходимость создания специального органа, уполномоченного применять санкцию, тем самым оказывая сдерживающее воздействие на его деятельность. И если в системе взаимодействия «человек – человек» применение такого института невозможно (в противном случае государство потеряет свою монополию на правоприменение) ввиду равенства физической природы и природы потребностей сторон, то в случае с ИИ такое представляется допустимым и даже разумным, поскольку даст специалистам в области ИИ и руководителям компаний определенные полномочия, сняв необходимость их реализации с органов государства и судебной системы.

Так или иначе, модель взаимодействия «человек – ИИ» в контексте наделения последнего правосубъектностью и полноценным правовым статусом будет так или иначе носить квазисубъектный характер в силу того, что юридическая ответственность человека связана с воздействием государства на его социальную и природную составляющую, в то время как для ИИ такая составляющая (даже при ее успешном внедрении в технологии работы ИИ) будет носить искусственный характер и будет ограничена технологическими возможностями в конкретный момент исторического развития технологий, науки и общества.

Юридической науке и практике предстоит решить множество юридических коллизий и нюансов, касающихся как правосубъектности систем искусственного интеллекта, так и возможной их деликтоспособности. Обозначенные критерии нуждаются в дальнейшей детализации с учетом поступательного развития общественных отношений в сфере применения ИИ, а также с учетом специфики различной отраслевой принадлежности. Тем не менее подобные критерии могут использоваться в качестве юридических оснований, позволяющих так или иначе говорить о применении юридической ответственности к искусственному интеллекту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. М., 2008.
2. *Гранин Р.С.* Реф. ст.: Сутроп М. Проблемы согласования искусственного интеллекта с человеческими ценностями // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. Реферативный журнал. 2021. № 3.
3. *Ижаев О.А., Кутейников Д.Л.* Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 23–34.
4. *Йонас Г.* Принцип ответственности. М., 2004.
5. *Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А.* Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к разрешению проблемы «черного ящика» // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6 (163). С. 139–148.
6. *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. М., 1962. С. 47, 48.
7. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. М., 2001. С. 432.
8. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999.
9. *Новиков Д.А.* Трудовое право и искусственный интеллект: точки соприкосновения и расхождения // Ежегодник трудового права. 2024. № 14. С. 156–174.
10. *Пономарева Е.В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 11, 33, 70.
11. *Савельев Ю.М.* О понятии юридической ответственности // Юрид. исследования. 2015. № 10. С. 61–80.
12. *Сырых В.М.* Теория государства и права: учеб. М., 2012.
13. *Харт Г.* Понятие права. СПб., 2003.
14. *Харт Г.Л.А.* Приписывание ответственности и прав / пер. с англ. В.В. Оглезнева // Правоведение. 2010. № 5 (292). С. 116–135.
15. Чистое учение о праве Ганса Кельзена // К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987): сб. переводов / пер. С.В. Лезова; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М., 1987. Вып. 1. С. 164–166.
16. *Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. First. Oxford, 2014.
17. *Buiten M., Streel A., Peitz M.* The law and economics of AI liability // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. P. 9.
18. *Hart H.L.A.* The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 1949. Vol. 49. Pp. 171–194.
19. *Hendrycks D., Mazeika M., Woodside T.* An Overview of Catastrophic AI Risks [Электронный ресурс]. URL: https://arxiv.org/pdf/2306.12001 (дата обращения: 15.07.2024).
20. *Ingarden R.* Książeczka o człowieku. Kraków, 1972.
21. *Ingarden R.* Über die Verantwortung. Ihre ontischen Fundamente. Stuttgart, 1970.

REFERENCES

1. *Vitruk N.V.* The general theory of legal responsibility. M., 2008 (in Russ.).
2. *Granin R.S.* Ref. art.: Sutrop M. Problems of matching artificial intelligence with human values // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 3. Philosophy. An abstract journal. 2021. No. 3 (in Russ.).
3. *Izhaev O.A., Kuteynikov D.L.* Artificial intelligence systems and non-contractual civil liability: a risk-oriented approach // Lex russica. 2024. Vol. 77. No. 6. Pp. 23–34 (in Russ.).
4. *Jonas H.* The principle of responsibility. M., 2004 (in Russ.).
5. *Kuteynikov D.L., Izhaev O.A., Zenin S.S., Lebedev V.A.* Algorithmic transparency and accountability: legal approaches to solving the problem of the "black box" // Lex russica. 2020. Vol. 73. No. 6 (163). Pp. 139–148 (in Russ.).
6. *Leist O.E.* Sanctions in the Soviet Union law. M., 1962. Pp. 47, 48 (in Russ.).
7. *Matuzov N.I., Mal'ko A.V.* Theory of state and law. M., 2001. P. 432 (in Russ.).
8. *Nersesyants V.S.* General theory of law and state. M., 1999 (in Russ.).
9. *Novikov D.A.* Labor Law and artificial intelligence: points of contact and discrepancies // Yearbook of Labor Law. 2024. No. 14. Pp. 156–174 (in Russ.).
10. *Ponomareva E.V.* Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of differentiation: dis. ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2019. Pp. 11, 33, 70 (in Russ.).
11. *Saveliev Yu. M.* On the concept of legal responsibility // Legal researches. 2015. No. 10. Pp. 61–80 (in Russ.).
12. *Syrykh V.M.* Theory of state and law: textbook. M., 2012 (in Russ.).
13. *Hart H.* The concept of law. SPb., 2003 (in Russ.).
14. *Hart H.L.A.* Attribution of responsibility and rights / transl. from English by V.V. Oglezneva // Law studies. 2010. No. 5 (292). Pp. 116–135 (in Russ.).
15. The pure doctrine of law by Hans Kelsen // To the XIII Congress of the International Association of Legal and Social Philosophy (Tokyo, 1987): collection of translations / transl. S.V. Lezova; res. ed. V.N. Kudryavtsev, N.N. Razumovich. M., 1987. Iss. 1. Pp. 164–166 (in Russ.).
16. *Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. First. Oxford, 2014.
17. *Buiten M., Streel A., Peitz M.* The law and economics of AI liability // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. P. 9.
18. *Hart H.L.A.* The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 1949. Vol. 49. Pp. 171–194.
19. *Hendrycks D., Mazeika M., Woodside T.* An Overview of Catastrophic AI Risks [Электронный ресурс]. URL: https://arxiv.org/pdf/2306.12001 (accessed: 15.07.2024).
20. *Ingarden R.* Książeczka o człowieku. Kraków, 1972.
21. *Ingarden R.* Über die Verantwortung. Ihre ontischen Fundamente. Stuttgart, 1970.

Сведения об авторах

ЗЕНИН Сергей Сергеевич –
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теоретических
и публично-правовых дисциплин,
директор Института государства и права
Тюменского государственного университета;
625000 г. Тюмень, ул. Ленина, д. 38
ORCID: 0000-0002-4520-757X

ЯПРЫНЦЕВ Иван Михайлович –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теоретических и
публично-правовых дисциплин
Института государства и права
Тюменского государственного университета;
625000 г. Тюмень, ул. Ленина, д. 38

ИВАНОВА Лилия Викторовна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института государства и права
Тюменского государственного университета;
625000 г. Тюмень, ул. Ленина, д. 38
ORCID: 0000-0001-5255-3182

Authors' information

ZENIN Sergey S. –
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor
of Theoretical and Public Law Disciplines,
Head of Institute of State and Law
of Tyumen State University;
38 Lenina str., 625000 Tyumen, Russia

YAPRYNTSEV Ivan M. –
PhD in Law,
Associate Professor
of Theoretical and Public Law Disciplines,
Institute of State and Law of Tyumen State University;
38 Lenina str., 625000 Tyumen, Russia

IVANOVA Liliya V. –
PhD in Law,
Associate Professor of Criminal Law Disciplines
of Institute of State and Law
of Tyumen State University;
38 Lenina str., 625000 Tyumen, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 174–183
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 174–183

ЗА РУБЕЖОМ

УДК 340.1

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: ТРУДНОСТИ И РЕШЕНИЯ

© 2024 г. Н. В. Колотова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: kolotova.n@gmail.com

Поступила в редакцию 15.10.2024 г.

Аннотация. В статье ставится вопрос о том, насколько правовые средства по урегулированию вопросов, касающихся политики памяти, являются подходящими для того, чтобы построить социальный и политический консенсус вокруг воспоминаний о прошлом, касающихся национальной идентичности. На опыте законодательного регулирования политики памяти в Испании, а также отдельных примерах судебных решений Европейского Суда по правам человека показана трудность, а иногда и бесперспективность попыток отделить сугубо правовую проблематику от сложной исторической эволюции рассматриваемой ситуации.

Ключевые слова: политика памяти, законодательство Испании об исторической памяти, судебное разрешение конфликтов исторического прошлого.

Цитирование: *Колотова Н. В.* Правовые средства регулирования политики памяти: трудности и решения // Государство и право. 2024. № 11. С. 174–183.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224110154

LEGAL MEANS OF REGULATION OF MEMORY POLICY: DIFFICULTIES AND SOLUTIONS

© 2024 N. V. Kolotova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: kolotova.n@gmail.com

Received 15.10.2024

Abstract. The article raises the question of whether legal means to resolve issues related to memory policy are appropriate in order to build a social and political consensus around memories of the past related to national identity. Based on the experience of legislative regulation of memory policy in Spain, as well as individual examples of judicial decisions of the European Court of Human Rights, the difficulty and sometimes futility of attempts to separate purely legal issues from the complex historical evolution of the situation under consideration is shown.

Key words: memory policy, Spanish legislation on historical memory, judicial resolution of conflicts of the historical past.

For citation: *Kolotova, N.V. (2024).* Legal means of regulation of memory policy: difficulties and solutions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 174–183.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

В большинстве государств споры и конфликты по поводу трагических событий прошлого с течением времени не утихают, а становятся еще более интенсивными. Не оправдались прогнозы, что по мере ухода поколений, переживших Вторую мировую войну, дискуссии на эту тему будут восприниматься менее остро и болезненно[1]. Политика памяти быстро эволюционирует при изменении исторического контекста, трансформациях политических режимов или смене поколений, повсеместно становясь ареной борьбы для обеспечения сегодняшних политических интересов.

Практически все государства активно используют средства правового регулирования для того, чтобы установить определенную интерпретацию событий прошлого как доминирующую версию истории. Этот процесс сам по себе далеко не новый: государства всегда обращались к праву для того, чтобы распространить свое влияние на прошлое[2]. Однако исследователи считают, что современные стратегии использования права для воздействия на коллективную память отличаются особой глубиной и интенсивностью, а также расширением арсенала правовых средств, задействованных для осуществления политики памяти[3]. Эти процессы выражают общую тенденцию, которую можно назвать «политизацией права» или «юридизацией политики»[4] (а по отношению к судам также применим термин «политическая юстиция», который подчеркивает, что при помощи судебной

[1] См.: *Вельцер Х.* Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html

[2] См.: *Чарнота А.* Право, память и забвение: регулирование коллективной памяти квазисудебными институтами // Общество и право: исследовательские перспективы: сб. ст. / ред.-сост. А. Кондаков. СПб., 2015. С. 187.

[3] Как пишет А. Чарнота, испанский исследователь, специализирующийся в социологии права, «сегодня право, видимо, расширяет свою экспансию на прошлое, потому что чтобы контролировать будущее, надо хотя бы частично контролировать прошлое» (см.: там же. С. 194).

[4] См.: *Гальперин М.* Политизация права или легализация политики? О justibility и доктрине «политического вопроса» // Международное правосудие. 2020. № 4 (36). С. 45–58.

процедуры достигаются политические цели)[5]. В конце XX в. такое воздействие привело к тому, что «право и правовые институты стали играть значительную роль во всем, что касается коллективной памяти» в самых разных обществах[6].

Исследователи обращаются к изучению стратегий взаимодействия права и коллективной памяти с тем, чтобы найти ответы на вопросы, каким образом правовые нормы могут задавать параметры «правильной» коллективной памяти и влиять на групповую идентичность, при помощи каких правовых институтов эффективнее решать проблемы сохранения доминирующих версий исторических событий, как найти оптимальный баланс между установлением общественного согласия и справедливым воздаянием за преступления прошлого и пр. На эти вопросы найти ответы, каждое государство по-своему решает проблемы, касающиеся истории, поддерживая определенные формы коллективной памяти, в том числе при помощи своей правовой системы. Опыт каждого государства в этой связи является уникальным и заслуживает изучения.

Особенно значим опыт государств, прошедших длинный путь осмысления своего трагического прошлого в острой внутренней и внешней полемике. К числу таких стран, несомненно, принадлежит Испания – государство – член ЕС, которое продолжает на практике и в теоретических исследованиях искать эффективные правовые способы преодоления последствий тяжелых конфликтов прошедших событий, связанные с гражданской войной и диктатурой Франко.

Преобразования в Испании были начаты политической элитой, которая после смерти диктатора Ф. Франко своей задачей считала вхождение в общий европейский рынок и дальнейшую экономическую интеграцию[7]. Проведение всеобщих выборов в 1975 г. и принятие новой Конституции в 1978 г. ознаменовали начало переходного периода (или «транзита») к демократическому режиму со свойственным ему «транзитивным правосудием»[8] – комплексной стратегией институциональной трансформации функций государственных органов под новые задачи. Их деятельность в переходный период не может считаться политически нейтральной; в качестве общего контекста в ней присутствует определенная политическая интерпретация исторических событий[9]. В Испании переходный период отличался тем, что здесь задача демократизации с самого начала сопровождалась задачей консолидации общества, что требовало колоссальных усилий из-за глубоких внутренних противоречий и сепаратистских движений, которые разобщали общество[10].

Транзитивные преобразования опираются на соответствующее законодательство, при помощи которого определяется общая стратегия обращения с прошлым и процедурное регулирование политики памяти. Варианты стратегий транзита, применяемые национальными государствами, могут быть довольно разнообразны. Чаще всего политика памяти выражается в сочетаниях форм карательного, реабилитационного и рестутивного правосудия[11] в диапазоне от замалчивания до активной деятельности под девизом «больше никогда!»[12]. В Испании стратегией первого этапа переходного периода стала политика замалчивания и отказа от карательных мер ради обеспечения мира и социального порядка, без которых сама демократизация была бы невозможна. Политика замалчивания предполагает, что ради национального примирения и общей нормализации деятельности общество не должно останавливаться на сведении старых счетов между сторонами конфликта, а также проводить расследования о степени вины конкретных групп и лиц[13].

Такая стратегия осуществления политики памяти в Испании получила название «Пакт забвения» (el Pacto del Olvido). Этот неписанный акт – совместное политическое решение левых и правых партий, провозгласивших политику отказа от официального признания и расследования преступлений в области прав человека, совершенных в период гражданской войны и франкистской диктатуры.

---

[5] См.: *Евсеев А.П.* Политическая юстиция: сущность, генезис, эволюция // Вестник СПбУ. Право. 2020. № 1. С. 240.

[6] См.: *Чарнота А.* Указ. соч. С. 198.

[7] См.: *Пржибань И.* Многообразие моделей перехода от авторитаризма к демократии // Общество и право: исследовательские перспективы: сб. ст. / ред.-сост. А. Кондаков. С. 169.

[8] См.: An Introduction to Transitional Justice / ed. by O. Simie. London, 2021. Pp. 1–14.

[9] По мнению А. Евсеева, общий смысл концепции транзитивного правосудия состоит в признании того, что «для того, чтобы закончить переходный период, необходимо проклясть прошлое, объявить его “зоной зла” (*zone du mal*) и начать выстраивать судебную систему с нуля, импортируя при этом уже готовые рецепты, выработанные западной, преимущественно англо-американской, политико-правовой мыслью» (см.: *Евсеев А.* «Проработка прошлого»: сложность судебного познания // Междунар. правосудие. 2017. № 4 (24). С. 126).

[10] См.: *McDonough P., Bares S., Pina A.L.* The Cultural Dynamics of Democratization in Spaine. Ithaca, 2018. Pp. 5–9.

[11] См.: *Пржибань И.* Указ. соч. С. 179.

[12] *Евсеев А.* «Проработка прошлого»: сложность судебного познания. С. 128.

[13] Такая модель транзитивного правосудия использовалась и в других странах. В частности, проводимая в постсоветский период Польшей аналогичная политика получила название «испанское решение» (см.: *Пржибань И.* Указ. соч. С. 179).

Исследователи отмечают, что смысл Пакта для испанцев заключался не в том, чтобы действительно забыть свое прошлое, а в том, чтобы в политических целях принять коллективное решение преуменьшить значение тех воспоминаний, которые могли бы поставить под угрозу стабильность и консенсус в обществе[14], и тем самым создать основу для национального примирения. Таким образом, из официального дискурса в Испании на какой-то период была изъята проблематика гражданской войны и франкизма – что являлось, на взгляд авторов такой политики, важнейшим условием примирения и консенсуса[15].

Юридическим выражением Пакта стал Закон об амнистии 1977 г.[16], согласно которому под амнистию попадали все акты политического характера, совершенные до 15 декабря 1976 г. и признаваемые в соответствии с действующим законодательством преступлениями и проступками (п. "a" ст. 1). Амнистированию подлежали как деяния, связанные с оппозиционной деятельностью по отношению к режиму (в частности, все формы участия в мятеже; отказ от военной службы и помощи правосудию по политическим мотивам; акты выражения своего мнения), так и преступления и проступки должностных лиц и работников правоохранительных органов, совершенные в связи с расследованием таких правонарушений и направленные против осуществления прав отдельных лиц (п. "a" – "f" ст. 2). Амнистия в целом предполагала прекращение уголовной, административной и дисциплинарной ответственности для всех лиц, привлеченных к ней по перечисленным политическим основаниям, исключение сведений о судимости и отметок негативного характера в личном деле, которые могли быть осуществлены даже в случае смерти осужденного (ст. 6, п. "c" ст. 7), а также гарантировала восстановление в полном объеме трудовых и иных прав уволенных гражданских служащих, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов (п. "a", "d", "e" ст. 7).

Испанская модель примирения через забвение подверглась серьезной критике как на международном[17], так и на национальном уровнях[18]. Замечания в ее адрес были связаны главным образом с тем, что она не предусматривала оценки как противоправных фактов и деяний, однозначно квалифицируемых в качестве нарушений прав человека, и не устанавливала восстановительных мер в отношении жертв таких нарушений.

Парламентская Ассамблея Совета Европы в специальной рекомендации, принятой 17 марта 2006 г., выразила решительное осуждение массовых и масштабных нарушений прав человека, совершавшихся режимом Франко в Испании с 1939 по 1975 г., подчеркнув, что такие деяния не являются внутренним делом отдельной страны, и поэтому международное сообщество проявляет в этом вопросе такую же озабоченность, как и сами испанцы (п. 5)[19]. По мнению Ассамблеи, Совет Европы является наиболее подходящим форумом для проведения серьезной дискуссии по данному вопросу, чтобы в соответствии с его основополагающими принципами на международном уровне осудить преступления и нарушения прав человека, совершенные франкистским режимом (п. 7).

По тематике и предлагаемым мерам данный документ похож на принятую чуть ранее резолюцию (2006) № 1481 «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов»[20], которая также посвящена формированию общей оценки прошлого в государствах – членах Европейского Союза. В ней Парламентская Ассамблея заявляла, что понимание

[14] См.: *Davis M.* Is Spain Recovering its Memory Breaking the Pacto del Olvido // Human Rights Quarterly. 2005. Vol. 27. Iss. 3.

[15] См.: *Хенкин С.М.* Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобальных трансформаций. 2019. Т. 12. № 4. С. 76.

[16] См.: Ley 46/1977, de 15 de octubre, de Amnistía // BOE num. 248, 17 de octubre de 1977. disposición 1977/24937, páginas 22765–22766.

[17] Органы ООН неоднократно призывали Испанию отменить Закон об амнистии, руководствуясь следующими документами: резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.2005 № 60/147 «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» и от 18.12.2013 № 68/165 «О праве на установление истины»; резолюциями Комиссии по правам человека: от 20.04.2005 № 70 о правах человека и правосудии переходного периода; от 21.04.2005 № 81 о безнаказанности; от 20.04.2005 № 66 о праве на установление истины; резолюциями Совета по правам человека: от 24.09.2008 № 9/10; от 01.10.2009 № 12/11; от 27.09.2021 № 21/15 о правах человека и правосудии переходного периода; от 18.09.2008 № 9/11; от 01.10.2009 № 12/12; от 27.10.2012 № 21/7 о праве на установление истины и др.

[18] См.: *Encarnación Omar G.* Democracy Without Justice in Spain: The Politics of Forgetting. Philadelphia, 2014. P. 256.

[19] См.: рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 17.03.2006 № 1736 «О необходимости международного осуждения режима Франко» (Rec 1736). URL: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BParis2006%5D/Rec1736_rus.asp (дата обращения: 27.07.2024).

[20] См.: Res 1481. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2006]/[Jan2006]/Res1481_rus.asp (дата обращения: 27.07.2024).

истории – одно из предварительных условий для ухода от подобных преступлений в будущем, и рекомендовала ряд конкретных мер законодательного и организационного характера, которые должны способствовать проведению международных расследований преступлений, совершенных тоталитарными режимами.

При этом Конституционный трибунал Испании неоднократно подтверждал конституционность национальных актов об амнистии как в целом, так и применительно к Закону об амнистии 1977 г.[21] В постановлении 147/1986 Трибунал, разъясняя особенности норм такого типа, отметил, что они были установлены парламентом, и, соответственно, только он может их отменить, и пришел к заключению, что прямых конституционных ограничений по вопросу применения Закона об амнистии нет[22].

В 2007 г. был принят Закон, получивший известность под названием Закона «Об исторической памяти»[23], которым были признаны и значительно расширены права жертв преследований или насилия по политическим, идеологическим и религиозным мотивам во время гражданской войны и диктатуры. Принятие данного Закона означало, что Испания в полной мере перешла к осуществлению стратегии транзитивного правосудия в том значении понятия, который в него вкладывают органы ООН[24].

Закон «Об исторической памяти» признавал «радикально несправедливый характер» всех приговоров и наказаний, а также любые формы личного насилия, совершенные по политическим, идеологическим или религиозным мотивам во время гражданской войны и диктатуры (ст. 2), объявлял незаконными деятельность судов, иных административных органов, образованных для вынесения решений по политическим, идеологическим или религиозным мотивам (ст. 3). Закон устанавливал право на возмещение ущерба пострадавшим лицам и их наследникам (ст. 4), определял меры социальной помощи в их пользу (ст. 5, 6). Кроме того, Законом об исторической памяти предполагалось изъятие франкистской символики из общественного пространства; организация государственной программы по обнаружению и эксгумации жертв режима; предоставление гражданства всем, кто был вынужден покинуть Испанию в годы диктатуры и их потомкам, а также бойцам интернациональных бригад, которые в 1936 г. находились в Испании для борьбы с фашизмом.

Однако и принятие этого Закона не прекратило острую полемику относительно складывающейся практики регулирования исторической памяти в Испании и ее негативные оценки со стороны международных органов и организаций, тем более, что его исполнение в связи с глобальным кризисом 2008 г. и по многим другим внутренним политическим причинам было фактически приостановлено[25]. Только в 2009 г. Организация Объединенных Наций трижды обращала внимание на испанский Закон 1977 г. об амнистии[26]. Комитет ООН по правам человека в документе, опубликованном 5 января 2009 г., предложил отменить данный Закон, поскольку на преступления против человечности не распространяется срок давности, и амнистии в отношении серьезных нарушений прав человека несовместимы с Международным пактом о гражданских и политических правах. Комитет также призвал «принять необходимые законодательные меры для обеспечения признания национальными судами неприменимости срока давности к преступлениям против человечности», создать комиссию независимых экспертов, которой будет поручено восстановить историческую правду о нарушениях прав человека, совершенных во время гражданской войны и диктатуры, а также «разрешить национальным судам выносить решения о неприменимости срока давности к преступлениям против человечности». Комитет отметил, что, поскольку, исчезновения людей являются преступлениями

[21] См.: T.C. Suplemento del Tribunal Constitucional. Cuestiones de inconstitucionalidad acumuladas números 437/1984; 604/1984; 65/1985; 70/1985; 189/1985; 491/1985 y 814/1985 // BOE núm. 295, de 10 de diciembre de 1986.

[22] Обзор законодательства и решений Конституционного трибунала об амнистии по политическим причинам содержится в Преамбуле нового испанского Закона об амнистии, принятой в целях институциональной, политической и социальной нормализации ситуации в Каталонии, по которому предусмотрена амнистия каталонцев, причастных к сепаратизму. В числе прочего в Преамбуле Закона говорится о том, что амнистия представляет собой политическое решение, принятое в соответствии с принципами справедливости при том понимании, что инструменты, которыми располагает верховенство закона, не являются и не должны быть неизменными, поскольку именно право служит обществу, а не наоборот (см.: Ley Orgánica 1/2024, de 10 de junio, de amnistía para la normalización institucional, política y social en Cataluña // BOE núm. 141, de 11 de junio de 2024).

[23] См.: Ley 52/2007, de 26 de diciembre, por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la guerra civil y la dictadura // BOE num. 310, 27 de diciembre de 2007.

[24] См.: Международно-правовые стандарты, лежащие в основе базовых компонентов правосудия переходного периода. Доклад Специального докладчика по вопросу о содействии установлению истины, правосудию, возмещению и гарантиям неповторения г-на Фабиана Сальвиоли / Совет по правам человека. A/HRC/54/24 10 July 2023. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g23/126/73/pdf/g2312673.pdf?token=QtcRD3M1HFspuITBdy&fe=true (дата обращения: 25.07. 2024).

[25] См.: *Хенкин С.М.* Указ. соч. С. 79.

[26] См.: URL: https://www.nuevatribuna.es/articulo/sociedad/la-onu-pide-a-espaa-que-derogue-la-ley-de-amnista/20120210204423000044.html (дата обращения: 26.07. 2024).

«крайней степени тяжести», семьи должны иметь возможность идентифицировать и эксгумировать тела жертв и получить соответствующую компенсацию.

После подписания Испанией Международной конвенции о защите от насильственных исчезновений[27] Комитет ООН против пыток (19.11.2009 г.) и Рабочая группа ООН по насильственным исчезновениям (21.12.2009 г.) потребовали от страны гарантий, что акты пыток и насильственных исчезновений прошлого будут расцениваться как преступления, не имеющие срока давности и не подпадающие под действие амнистии.

Несмотря на то что рекомендации Комитета по правам человека и рабочих групп ООН не имеют обязательной силы, по сообщениям средств массовой информации, Испания неоднократно представляла органам ООН аргументированное обоснование легитимности своей политики в области исторической памяти. В частности, испанское правительство выражало сожаления по поводу «незнания происхождения и социального назначения» критикуемого Закона, а также действий Комитета ООН, которые дисквалифицируют решение, поддержанное всем испанским обществом и способствовавшее переходу Испании к законности и демократии. Правительство отмечало, что в отличие от аналогичных законов Аргентины и Чили[28], Закон об амнистии 1977 г. Испании не препятствует возбуждению судебного преследования деяний диктаторского режима, а расследование случаев насильственных исчезновений прошлых лет происходят всякий раз, когда в этом возникает необходимость[29].

Однако органы ООН и правозащитные организации еще не раз обращали внимание на несоответствие политики памяти в Испании[30] международно-правовым стандартам, лежащим в основе правосудия переходного периода[31]. Это позволило исследователям констатировать, что в испанском обществе так и не сложилось общей оценки событий недавнего прошлого, а разные политические силы продолжают использовать свою трактовку исторических событий как аргумент в политической борьбе[32].

Острая полемика привела к принятию в 2022 г. нового Закона «О демократической памяти»[33], в Преамбуле которого была четко зафиксирована задача нейтрализовать политику забвения, поскольку «забвение – это не вариант для демократии». Необходимость смены акцентов в тексте Закона была обоснована тем, что в XXI в. в политике памяти открылся новый этап, который четко связывает демократическую память в Испании с европейской памятью и с международным правом в области прав человека (Преамбула, разд. II). Его принятие подтверждает, что хотя значительная часть проблематики национальной исторической памяти обусловлена внутренними факторами, огромное влияние на ее содержание оказывает воздействие внешних сил.

Исследователи уже прогнозируют, что принятие Закона «О демократической памяти» вряд ли поставит точку в «войнах памяти», ставших за последние годы значительной частью политического дискурса Испании и предметом огромного количества научных исследований[34]. Несмотря на большое число законодательных актов на эту тему, страна пока не достигла консенсуса на почве своей истории. Различные политические силы продолжают дискутировать об исторической и демократической памяти, обсуждая вопрос о том, может ли память, как это указано в Преамбуле Закона, играть главную роль в процессе продвижения открытых, инклюзивных и плюралистических форм гражданства, полностью осознающих свою собственную историю, способных обнаружить и деактивировать

---

[27] Принята резолюцией 61/177 Генеральной Ассамблеи от 20.12.2006 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (дата обращения: 26.07.2024).

[28] См.: *Aguilar P.* The Spanish Amnesty Law of 1977 in Comparative Perspective: From a Law for Democracy to a Law for Impunity // Amnesty in the Age of Human Rights Accountability. Publisher: Cambridge University Press. Pp. 315–335.

[29] См.: URL: https://www.publico.es/actualidad/onu-amonesto-tres-veces-espana.html (дата обращения: 26.07.2024).

[30] В 2014 г. Комитет по правам человека ООН принял два доклада, в которых резко критиковал испанское правительство за продолжение действия Закона об амнистии, который трактуется как отказ расследовать преступления, совершенные в годы гражданской войны и диктатуры. Такие заявления неоднократно принимались и в 2012 г. (см.: URL: https://www.ohchr.org/en/press-releases/2013/11/committee-enforced-disappearances-examines-report-spain? LangID=E&NewsID=13954).

[31] Выделяют пять базовых компонентов правосудия переходного периода: установление истины, восстановление справедливости, возмещение ущерба, увековечивание памяти и гарантии неповторения. См.: Международно-правовые стандарты, лежащие в основе базовых компонентов правосудия переходного периода. Доклад Специального докладчика по вопросу о содействии установлению истины, правосудию, возмещению и гарантиям неповторения г-на Фабиана Сальвиоли / Совет по правам человека. A/HRC/54/24 10 July 2023. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g23/126/73/pdf/g2312673.pdf?token=QtcRD3M1HFspuITBdy&fe=true (дата обращения: 25.07.2024).

[32] См.: *Хенкин С.М.* Указ. соч. С. 73.

[33] См.: Ley 20/2022, de 19 de octubre, de Memoria Democrática // BOE núm. 252, de 20 octubre de 2022.

[34] См.: *Гранцева О.Е.* Закон о демократической памяти Испании: попытка консолидации или новая фаза конфликта? // Латиноамериканский альманах. 2022. № 36. С. 78.

тоталитарные или антидемократические дрейфы, которые растут внутри них[35].

Закон о демократической памяти 2022 г. идет в своем признании прав жертв франкистского режима значительно дальше, чем это было установлено Законом 2007 г. Он прямо осуждает государственный переворот 18 июля 1936 г. и последующую диктатуру Франко и объявляет незаконным режим, возникший в результате военного конфликта, начатого этим переворотом.

Предметом Закона является восстановление, защита и распространение демократической памяти, понимаемой как осознанное утверждение и защита демократических ценностей и основных прав и свобод на протяжении всей новейшей истории Испании, в целях содействия сплоченности и солидарности между различными поколениями вокруг конституционных принципов, ценностей и свобод (п. 1 ст. 1). Новый Закон прямо не отменяет спорный Закон об амнистии 1977 г., но оговаривает, что он должен применяться согласно международному праву, в соответствии с которым на преступления против человечности, геноцид и другие аналогичные деяния, в том числе насильственные исчезновения, не распространяется срок исковой давности, и они не подлежат амнистии (п. 3 ст. 2).

В рамках этого Закона жертвой считается любое лицо, независимо от национальности, которому индивидуально или коллективно был причинен физический, моральный или психологический вред, материальный ущерб или существенное ущемление его основных прав в результате действий или бездействия, представляющих собой нарушение международных норм в области прав человека и международного гуманитарного права в период, начиная от государственного переворота 18 июля 1936 г. до вступления в силу Конституции Испании 1978 г. (ст. 3). Признается право жертв на возмещение ущерба (ст. 4), объявляются незаконными и недействительными все обвинительные приговоры и наказания, вынесенные по политическим, идеологическим и религиозным причинам, а суды и любые другие уголовные и административные органы, выносившие такие решения считаются незаконными и нелегитимными (п. 1 ст. 5).

Комплексная политика демократической памяти институционально обеспечивается созданием многих новых органов, например, Бюро по делам жертв (п. 2 ст. 10); Государственного банка ДНК жертв войны и диктатуры (ст. 23); Документального центра истории памяти (ст. 25); Территориального совета демократической памяти; Прокурора палаты по правам человека и демократической памяти (ст. 28). Она также включает в себя восстановительные меры (в том числе возможность добровольцам, входившим в состав интернациональных бригад, получить испанское гражданство, ст. 33) и санкционные меры (лишение дворянских титулов, пересмотр и отмену наград и вознаграждений, ст. 41).

Таким образом, данный Закон предусматривает огромную работу испанского государства по сохранению, защите и восстановлению демократической памяти. Однако, как уже говорилось, претензии к нему на данный момент не стихают. Сомнения вызывает и само понятие «демократической памяти» и то, что настоящий Закон как будто обнулил, признал ошибочным предыдущий уникальный опыт транзита Испании[36]. Вопрос может быть поставлен и в теоретической плоскости: насколько возможно унифицировать подход к разнообразным практикам регулирования коллективной исторической памяти в транзитивный период, так как такой «“переход” – это не просто пространство между двумя хорошо известными пунктами, а путешествие по своеобразной территории, без ясно установленного места назначения. И поскольку проблемы перехода особенные, то и способы обращения с ними столь же необычные, как и некоторые институты, развивающиеся в такой период»[37].

Все институты государственной власти так или иначе играют определенную роль в формировании и осуществлении политики коллективной памяти. При этом с самыми большими трудностями в этом процессе сталкиваются судебные органы, которые разрешают споры о праве в контексте столкновения разных исторических версий[38]. Отметим, что эти проблемы свойственны не только транзитивному правосудию, с ними сталкиваются

[35] Испанский политик, историк и публицист Хуан Ван Хален (Juan Van-Halen Acego) отозвался о правовой регламентации демократической памяти как о попытке еще более углубить раскол испанского общества. Он заявлял, что изучение и исследование истории – это обязанность историков, а не политиков. На его взгляд, концепция исторической памяти в Испании включает в себя... непременное упражнение – провести ластиком по истории и сделать правдивым то, что идеологически удобно (см.: *Van-Halen J.* Memoria democratica Europea. URL: https://www.almendron.com/tribuna/memoria-democratica-europea/ (дата обращения: 27.07.2024)).

[36] См.: *Гранцева О.Е.* Указ. соч. С. 109.

[37] *Чарнота А.* Указ. соч. С. 207.

[38] Исследователи, описывающие громкие политические судебные процессы, обращают внимание, что содержание таких судебных разбирательств прямо влияет на формирование коллективной памяти о рассматриваемых событиях, что, с одной стороны, вовлекает суды в несвойственное для них решение вопросов об исторических интерпретациях и нравственных оценках, а с другой – оказывает мощное воздействие на политическую культуру и социальные нормы (см.: *Osiel M.* Mass Atrocity, Collective Memory and the Law. 2017. 2[ed.] London, 1997. Pp. 4–10).

суды любых национальных государств[39] и еще чаще – международные суды и суды наднациональных сообществ при попытках прийти к юридически точному решению на основе реконструкции сложной исторической ситуации.

Можно сказать, что всегда, когда суды вынуждены выносить решение, связанное с оценкой исторических фактов, они могут услышать упрек в излишней политизации своей деятельности. В доктринальных разработках это порождает дискуссию об общей подведомственности судам («юстициабельности») подобных дел и спор о том, насколько вообще суд, находящийся внутри определенной государственно-правовой системы, может быть подходящим органом для решения вопросов, касающихся исторической правды[40]. Зачастую с такими проблемами сталкиваются наднациональные суды, поскольку в рассматриваемых ими делах (особенно по межгосударственным жалобам) сталкиваются различные интерпретации событий прошлого.

Так, например, в постановлении Европейского Суда по правам человека, вынесенном в марте 2006 г. по делу Т. Жданок против Латвии, заявительница, активный член Коммунистической партии в советское время, оспаривала запрет баллотироваться в национальный парламент на основании своей политической позиции в 1990-х годах. Суд, указав, что некоторые исторические события являются предметом разногласий между сторонами спора, отметил, что считает, что должен по возможности воздерживаться от суждений по сугубо историческим вопросам, которые не входят в его компетенцию. Однако он может принять во внимание некоторые существенные исторические факты и основываться на них в своих рассуждениях[41]. В итоговом решении Большой палаты Суда ограничения, установленные властями Латвии для пассивного избирательного права заявительницы, не были признаны произвольными и непропорциональными, и, таким образом, не было установлено нарушение Европейской конвенции по правам человека. МИД России сделал заявление по поводу этого дела, в котором подчеркнул, что Суд использовал в своем решении в качестве юридических аргументов термины и решения, идущие вразрез с историческими фактами, и выразил обеспокоенность тенденцией возрастания политической составляющей в деятельности Европейского Суда[42].

В другом деле Европейского Суда по правам человека, в котором Суд также столкнулся с конкурирующими интерпретациями фактов прошлого[43], судья А.И. Ковлер (в то время находившийся в статусе национального судьи от Российской Федерации) в своем особом мнении обратил внимание на то, что исторически установленные в судебном решении факты могут оказаться деформированными, и отсюда деформированными будут некоторые выводы[44]. Особое мнение судьи А.И. Ковлера, в котором приводились не только юридические аргументы, но и неучтенные Судом исторические факты и документы, получило высокие оценки в юридической литературе[45].

Приведенные в статье примеры показывают, что законодательные и судебные решения, касающиеся вопросов коллективной исторической памяти, нередко могут стать поводом для новых конфликтов на этой почве. Поэтому исследователи активно ставят вопрос о поиске альтернативных стратегий для решения таких проблем и формирования соответствующих институтов вне традиционной государственной системы. В частности, предлагается обратить внимание на квазисудебные процедуры, которые могли бы способствовать разрешению конфликтов прошлого не с позиций политической борьбы за власть и влияние, а с целью достижения общественного согласия и назначения справедливой компенсации жертвам преступлений[46].

Квазисудебные институты эффективно функционируют в странах, которые на практике столкнулись с необходимостью урегулирования трагических конфликтов своего исторического прошлого. Например, после периода апартеида в ЮАР работала Комиссия по установлению истины и примирению с прошлым – квазисудебный орган «восстановительного правосудия», чьей задачей был сбор свидетельств и регистрация случаев насильственных действий со стороны как жертв режима апартеида, так и непосредственных исполнителей,

---

[39] В качестве примера из российской судебной практики можно привести постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 августа 1991 года № 79 “О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР”, от 25 августа 1991 года № 90 “Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР” и от 6 ноября 1991 года № 169 “О деятельности КПСС и КП РСФСР”, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 11, ст. 400.

[40] См.: *Гальперин М.* Указ. соч. С. 46.

[41] См.: ECtHR. Zdanoka v. Latvia [GC] Application no. 58278/00. Judgement of 16 March 2006. Para 96.

[42] См.: Заявление официального представителя МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1690509/ (дата обращения: 12.09.2024).

[43] См.: ECtHR [GC]. Ilascu and Others v. Moldova and Russia. Application No. 48787/99. Judgement of 8 July 2004.

[44] См.: Особое мнение судьи А.И. Ковлера на русском языке в его собственном переводе и редакции приводится по: «Илашку и другие против Молдовы и Российской Федерации» // Междунар. правосудие. 2013. № 1 (5). С. 78.

[45] См.: *Гальперин М.* Указ. соч. С. 49.

[46] См.: *Чарнота А.* Указ. соч. С. 206.

определение ущерба и способов его восстановления[47]. В 2000 г. Комиссия была преобразована в Институт справедливости и примирения[48] – неправительственную организацию и аналитический центр, занимающуюся проблемами исторических конфликтов и восстановления ущерба на основе примирительных процедур. Такие организации и разрабатываемые ими процедуры призваны сгладить конфликты, происходящие при столкновении различных интерпретаций истории разными группами, с тем чтобы минимизировать травмирующее действие трагедий прошлого и сгладить линии общественного раскола. В ситуации, когда «войны памяти» повсеместно стали распространенным явлением, этот опыт заслуживает изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вельцер Х.* Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html
2. *Гальперин М.* Политизация права или легализация политики? О justibility и доктрине «политического вопроса» // Международное правосудие. 2020. № 4 (36). С. 45–58.
3. *Гранцева О.Е.* Закон о демократической памяти Испании: попытка консолидации или новая фаза конфликта? // Латиноамериканский альманах. 2022. № 36. С. 78, 109.
4. *Евсеев А.П.* Политическая юстиция: сущность, генезис, эволюция // Вестник СПбУ. Право. 2020. № 1. С. 240.
5. *Евсеев А.* «Проработка прошлого»: сложность судебного познания // Междунар. правосудие. 2017. № 4 (24). С. 126, 128.
6. «Илашку и другие против Молдовы и Российской Федерации» // Междунар. правосудие. 2013. № 1 (5). С. 78.
7. *Пржибань И.* Многообразие моделей перехода от авторитаризма к демократии // Общество и право: исследовательские перспективы: сб. ст. / ред.-сост. А. Кондаков. СПб., 2015. С. 169, 179.
8. *Хенкин С.М.* Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобальных трансформаций. 2019. Т. 12. № 4. С. 73, 76, 79.
9. *Чарнота А.* Право, память и забвение: регулирование коллективной памяти квазисудебными институтами // Общество и право: исследовательские перспективы: сб. ст. / ред.-сост. А. Кондаков. СПб., 2015. С. 187, 194, 198, 206, 207.
10. *Aguilar P.* The Spanish Amnesty Law of 1977 in Comparative Perspective: From a Law for Democracy to a Law for Impunity n book: Amnesty in the Age of Human Rights Accountability. Publisher: Cambridge University Press. Pp. 315–335.
11. An Introduction to Transitional Justice / ed. by O. Simie. London, 2021. Pp. 1–14.
12. *Davis M.* Is Spain Recovering its Memory Breaking the Pacto del Olvido // Human Rights Quarterly. 2005. Vol. 27. Iss. 3.
13. *Encarnación Omar G.* Democracy Without Justice in Spain: The Politics of Forgetting. Philadelphia, 2014. P. 256.
14. *McDonough P., Bares S., Pina A.L.* The Cultural Dynamics of Democratization in Spaine. Ithaca, 2018. Pp. 5–9.
15. *Osiel M.* Mass Atrocity, Collective Memory and the Law. 2017. 2ed. London, 1997. Pp. 4–10.
16. *Van-Halen J.* Memoria democratica Europea. URL: https://www.almendron.com/tribuna/memoria-democratica-europea/ (дата обращения: 27.07.2024).

REFERENCES

1. *Veltser Kh.* Memory as an arena of political struggle // Inviolable reserve. 2005. No. 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html (in Russ.).
2. *Galperin M.* Politicization of law or legalization of politics? On justibility and the doctrine of the "political question" // International Justice. 2020. No. 4 (36). Pp. 45–58 (in Russ.).
3. *Grantseva O.E.* The Law on the Democratic Memory of Spain: an attempt at consolidation or a new phase of conflict? // Latin American Almanac. 2022. No. 36. Pp. 78, 109 (in Russ.).
4. *Evseev A.P.* Political justice: essence, genesis, evolution // Herald of the SPbU. Law. 2020. No. 1. P. 240 (in Russ.).
5. *Evseev A.* "Working out the past": the complexity of judicial cognition // International Justice. 2017. No. 4 (24). Pp. 126, 128 (in Russ.).
6. "Ilascu and others against Moldova and the Russian Federation" // International Justice. 2013. No. 1 (5). P. 78 (in Russ.).
7. *Przyban I.* The diversity of models of transition from authoritarianism to democracy // Society and law: research perspectives: collection of articles / ed.-comp. A. Kondakov. SPb., 2015. Pp. 169, 179 (in Russ.).
8. *Khenkin S.M.* Spain: polemics around historical memory // Contours of global transformations. 2019. Vol. 12. No. 4. Pp. 73, 76, 79 (in Russ.).
9. *Charnota A.* Law, memory and oblivion: regulation of collective memory by quasi-judicial institutions // Society and law: research perspectives: collection of articles / ed.-comp. A. Kondakov. SPb., 2015. Pp. 187, 194, 198, 206, 207 (in Russ.).
10. *Aguilar P.* The Spanish Amnesty Law of 1977 in Comparative Perspective: From a Law for Democracy to a Law for Impunity n book: Amnesty in the Age of Human Rights

[47] Комиссия (The Truth and Reconciliation Commission, TRC) была создана в 1995 г. на основании закона о содействии национальному единству и примирению (см.: Promotion of National Unity and Reconciliation Act No. 34).

[48] См.: Официальный сайт Института справедливости и примирения ЮАР // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d12b8acb-6681c290-fe362576-74722d776562/www.ijr.org.za/ (дата обращения: 28.07.2024).

Accountability. Publisher: Cambridge University Press. Pp. 315–335.

11. An Introduction to Transitional Justice / ed. by O. Simie. London, 2021. Pp. 1–14.
12. *Davis M.* Is Spain Recovering its Memory Breaking the Pacto del Olvido // Human Rights Quarterly. 2005. Vol. 27. Iss. 3.
13. *Encarnación Omar G.* Democracy Without Justice in Spain: The Politics of Forgetting. Philadelphia, 2014. P. 256.
14. *McDonough P., Bares S., Pina A.L.* The Cultural Dynamics of Democratization in Spaine. Ithaca, 2018. Pp. 5–9.
15. *Osiel M.* Mass Atrocity, Collective Memory and the Law. 2017. 2ed. London, 1997. Pp. 4–10.
16. *Van-Halen J.* Memoria democratica Europea. URL: https://www.almendron.com/tribuna/memoria-democratica-europea/ (accessed: 27.07.2024).

Сведения об авторе

КОЛОТОВА Наталья Валерьевна –
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
и.о. заведующей сектором прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOLOTOVA Natalia V. –
PhD in Law, Associated Professor
Leading Researcher, Acting Head
of the Sector of Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 184–192
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 184–192

УДК 341

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

© 2024 г. Е. А. Сорокина

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: sorokina_ea@mail.ru

Поступила в редакцию 15.10.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена политике Европейского Союза в области исторического образования. В частности, рассматривается личностно-ориентированный подход к преподаванию истории, который приобретает все большее значение на общеевропейском уровне. Уделяется внимание устной истории, которая становится устоявшейся практикой в образовательном процессе и выступает в качестве инструмента для вовлечения обучающихся в процесс открытия и создания истории, развития критического мышления.

Ключевые слова: историческое образование, идентичность, личностно-ориентированный подход, устная история, ЕС.

Цитирование: *Сорокина Е.А.* Историческое образование и формирование идентичности: политика Европейского Союза // Государство и право. 2024. № 11. С. 184–192.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224110163

HISTORICAL EDUCATION AND IDENTITY FORMATION: THE POLICY OF THE EUROPEAN UNION

© 2024 E. A. Sorokina

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: sorokina_ea@mail.ru

Received 15.10.2024

Abstract. The article is devoted to the policy of the European Union in the field of historical education. In particular, a personality-oriented approach to teaching history is being considered, which is becoming increasingly important at the pan-European level. Attention is paid to oral history, which becomes an established practice in the educational process, and acts as a tool for involving students in the process of discovering and creating history, developing critical thinking.

Key words: history education, identity, person-centred approach, oral history, EU.

For citation: *Sorokina, E.A. (2024).* Historical education and identity formation: the policy of the European Union // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 184–192.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Введение

Историческое образование является одним из важнейших факторов, формирующих идентичность. Это связано с широко распространенным убеждением, что прошлое позволяет нам понять себя и окружающую действительность. Так, например, К. Коунселл считает знание собственного прошлого условием человечности, а без знания коллективного прошлого, подчеркивает исследователь, «невозможно мыслить и действовать социально или политически»[1]. Более того, история определяет траекторию, которая помогает определить сущность идентичности группы, ее отношения с другими группами и способность противостоять нынешним вызовам. Представление группы о своей истории определяет ее ощущение того, какой она была, есть, может и должна быть, и, таким образом, играет центральную роль в формировании ее идентичности, норм и ценностей. Представления об истории помогают определить социальную идентичность людей, особенно в том, как они соотносятся с другими и с текущими вопросами международной политики.

В целом представления о формировании идентичности перешли от психологических теорий, подчеркивающих роль личности в формировании собственного чувства бытия, к социологической модели, в которой идентичность формируется различными контекстуальными факторами[2].

Однако роль истории в этом процессе сложна и отчасти зависит от того, как понимается цель исторического образования. В связи с этим часто возникают споры о том, какую форму идентичности развивать и, следовательно, какую историю следует преподавать. На различных уровнях (международном, наднациональном, национальном) пытаются контролировать то, что должно преподаваться в соответствии с учебной программой по истории, чтобы представить позитивный, националистический взгляд на прошлое, который может служить источником сплоченной коллективной памяти. Как следствие, существуют попытки внедрения определенных подходов, способов и методов к преподаванию истории, которые стали заметной частью на общеевропейском уровне.

Личностно-ориентированный подход к преподаванию истории

В последние десятилетия на различных уровнях (международном, наднациональном, национальном) особое внимание уделяется проблеме, каким образом сделать историческое образование более актуальным для учащихся[3]. Так, например, в 2019 г. на ежегодной конференции *EuroClio* (Европейская организация преподавателей истории)[4] «Воплощение истории в жизнь» исследователи, преподаватели и другие специалисты в этой области задавались данным вопросом[5]. Исследования показывают, что учащимся в целом сложно понять ценность изучения истории и то, как она соотносится с их жизнью[6], или, наоборот, способны ее признать, однако не чувствуют себя вовлеченными в изучение из-за содержания учебных программ, а также подходов к преподаванию[7].

---

[1] *Counsell C.* History // What Should Schools Teach? Disciplines, Subjects and the Pursuit of Truth / ed. by A.S. Cuthbert, A. Standish. London, 2021. P. 154.

[2] Подробнее см.: *Schachter E.P.* Context and identity formation: A theoretical analysis and a case study // Journal of Adolescence Research. 2005. Vol. 20. Iss. 3. Pp. 375–395.

[3] См., напр.: А.О. Чубарьян о Концепции преподавания истории в школе в интервью «Парламентской газете» // Институт всеобщей истории РАН. URL: https://igh.ru/news/ao-chubaryan-o-kontseptsii-prepodavaniya-istorii-v-shkole-v-intervu-parlamentskoi-gazete?locale=ru (дата обращения: 20.06.2024).

[4] Европейская организация преподавателей истории была основана в 1992 г. при поддержке Совета Европы.

[5] См.: *De Julio A.* How can we truly bring history to life? Reflections and takeaways from the Annual Conference 2019. URL: http://www.euroclio.eu/tag/bringing-history-to-life/ (дата обращения: 20.06.2024).

[6] См.: *Haydn T., Harris R.* Pupil perspectives on the purposes and benefits of studying history in high school: A view from the UK // Journal of Curriculum Studies. 2010. Vol. 42. Iss. 2. Pp. 241–261; *Van Straaten D., Wilschut A., Oostdam R.* Making history relevant to students by connecting past, present, and future: A framework for research // Journal of Curriculum Studies. 2015. Vol. 48. Iss. 4. Pp. 479–502; *Van Straaten D., Wilschut A., Oostdam R.* Exploring pedagogical approaches for connecting the past, the present and the future in history teaching // Historical Encounters. 2018. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 46–67.

[7] См.: *Grever M., Pelzer B., Haydn T.* High school students' views on history // Journal of Curriculum Studies. 2011. Vol. 43. Iss. 2. Pp. 207–229; *Traille K.* You should be proud about your history. They made me feel ashamed: Teaching history hurts // Teaching History. 2007. Vol. 127. Pp. 31–37; *Virta A.* Whose history should be dealt with in a pluricultural context – Immigrant adolescents' approach // Intercultural Education.2016. Vol. 27. Iss. 4. Pp. 377–387.

Для актуализации истории в образовательном процессе все чаще личностно-ориентированный подход внедряется в учебные программы, изучается исследователями и используется в образовательном процессе[8].

В соответствии с данным подходом подчеркивается вовлеченность, сотрудничество и автономия учащихся, создается образовательная среда, которая поддерживает, соответствует их потребностям и целям. В исследованиях утверждается, что этот подход оказывает положительное влияние на мотивацию учащихся, их активное участие в образовательном процессе и улучшение результатов обучения[9].

Согласно этому подходу, историю следует преподавать как форму размышления и исследования человеческой жизни во времени. Она должна быть направлена на то, чтобы помочь учащимся стать вовлеченными мыслителями, способными изучать исторические источники и понимать, как исторические знания создаются и оспариваются, а также способствовать развитию рефлексивных субъектов, которые понимают, как история формирует мир, в котором они живут, и что они сами являются участниками происходящих исторических событий[10].

На международном уровне принятие в 1990 г. Всемирной декларации об образовании для всех и рамки действий для удовлетворения базовых образовательных потребностей[11] положило начало проекту ЮНЕСКО «Образование для всех» и распространению личностно-ориентированного подхода в образовательном процессе. Государства и организации согласились с тем, что учебные программы и учебные материалы должны быть «ориентированы на учащегося и на его участие»[12]. С тех пор данный подход рассматривается многими государствами и организациями как своего рода «лучшая практика»[13]. За последние несколько десятилетий личностно-ориентированный подход последовательно «внедрялся» в ряд международных образовательных программ[14]. Кроме того, в программе ЮНЕСКО «Будущее образования» 2021 г. данный подход продолжает поддерживаться[15].

На общеевропейском уровне, например, в резолюции Европейского парламента от 17 января 2024 г. «О европейском историческом сознании»[16], которая в целом направлена на формирование у нынешнего и будущих поколений критического исторического сознания, а также личной и национальной идентичности, акцентируется внимание на личностно-ориентированном подходе в историческом образовании (п. 15, 17).

Необходимо отметить, что впервые данный подход упоминается в 2007 г. в контексте Европейского пространства высшего образования и Болонского процесса. Указывалось, что важным результатом Болонского процесса станет переход к образованию, ориентированному на учащегося[17]. В 2008 г. Комиссия ЕС акцентировала внимание на необходимости смены парадигмы в системе образования на уровне ЕС и отмечалось, что традиционные

---

[8] См.: Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education / ed. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. London, 2017.

[9] См.: *Алексеев Н.А.* Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики. Тюмень, 1996. С. 65–67; *Kerimbayev N., Umirzakova Z., Shadiev R., Jotsov V.* A student-centered approach using modern technologies in distance learning: a systematic review of the literature // Smart Learning Environments. 2023. Vol. 10. URL: https://slejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40561-023-00280-8 (дата обращения: 20.06.2024).

[10] См.: *Clark A., Grever M.* Historical consciousness: Conceptualizations and educational applications // The Wiley international handbook of history teaching and learning / ed. by S.A. Metzer, L.M. Harris. Melford, 2018. Pp. 177–201; *Körber A.* Historical consciousness, historical competencies – and beyond? Some conceptual development within German history didactics, 2015. Pp. 1–56. URL: https://www.researchgate.net/publication/282946741_Historical_consciousness_historical_competencies_-_and_beyond_Some_conceptual_development_within_German_history_didactics#fullTextFileContent (дата обращения: 05.07.2024); *Rüsen J.* Forming historical consciousness: Towards a humanistic history didactics // Antitesis. 2012. Vol. 5. Iss. 10. Pp. 519–536; *Van Straaten D., Wilschut A., Oostdam R.* Making history relevant to students by connecting past, present, and future: A framework for research. Pp. 479–502; *Zanazanian P., Nordgren K.* Revisiting historical consciousness as a theoretical construct and exploring its broad understanding for contemporary education and educational research // Journal of Curriculum Studies. 2019. Vol. 51. Iss. 6. Pp. 771–778.

[11] См.: World Declaration on Education for All and Framework for action to meet basic learning needs 1990 // UNESCO // https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000086701 (дата обращения: 02.06.2021).

[12] *Haddad W.D., Colletta N.J., Fisher N. et al.* Meeting basic learning needs: A vision for the 1990s. NY, 1990. P. 68.

[13] *Schweisfurth M.* Learner-centred pedagogy: Towards a post-2015 agenda for teaching and learning // International Journal of Educational Development. 2015. Vol. 40. P. 261.

[14] См.: Manual: Child-friendly schools, 2009 // UNICEF (дата обращения: 20.06.2024); UNDP Advancing Human Development Through the ASEAN Community: Thailand Human Development Report UNDP. Bangkok, 2014 // UNICEF // https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/th/nhdr14_en.pdf (дата обращения: 20.06.2024); Incheon Declaration Education 2030: Towards inclusive and equitable quality education and lifelong learning for all, 2015 // UNESCO // https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000233813 (дата обращения: 20.06.2024).

[15] Reimagining Our Futures Together: A New Social Contract for Education, 2021. Pp. 64, 65 // UNESCO // https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386250 (дата обращения: 20.06.2024).

[16] См.: European Parliament Resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness // European Parliament // https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9–2024–0030_EN.html (дата обращения: 29.06.2024).

[17] См.: Towards the European Higher Education Area: Responding to Challenges in a Globalized World. London Communiqué, 2007. URL: https://www.ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/2007_London_Communique_English_588697.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

подходы к обучению больше не являются адекватными и должны быть заменены на ориентированными на обучающегося моделями, которые основаны на активном участии учащихся[18]. На встрече в Бухаресте в 2012 г. был определен следующий приоритет на период с 2012 по 2015 г.: создать условия, способствующие обучению, ориентированному на учащихся, инновационным методам преподавания и благоприятной и вдохновляющей рабочей и учебной среде[19].

Поскольку личностно-ориентированное обучение представляет собой «процесс качественных изменений для учащихся, направленный на повышение их самостоятельности и критических навыков»[20], этот подход поставил перед преподавателями новые задачи и вызвал новые ожидания со стороны заинтересованных групп в образовательной системе. Кроме того, он потребовал от преподавателей освоения и применения инновационных методов обучения и способствовал трансформации их роли, а также учащихся[21].

В европейском высшем образовании эта концепция получила широкое распространение после пересмотра «Стандартов и руководящих принципов обеспечения качества высшего образования». В частности, подчеркивалось, что «учебные заведения должны обеспечивать реализацию программ таким образом, чтобы поощрять учащихся к активному участию в процессе обучения, а их оценки должны отражать этот подход»[22]. При этом целями личностно-ориентированного подхода в образовании являются: повышение качества высшего образования путем поощрения обучающихся к активной роли в процессе обучения; развитие самостоятельности обучающихся; поощрение самоанализа (рефлексии) учащихся в процессе обучения; улучшение их вовлеченности (особенно из неблагополучных групп) в процесс образования путем использования практики личностно-ориентированного подхода; уважение разнообразия учащихся и их потребностей; гибкость обучения; развитие поддержки преподавателей.

Личностно-ориентированный подход в высшем образовании включен в образовательные программы ЕС, в частности Erasmus+[23].

Однако следует обратить внимание, что, хотя многие государства – члены ЕС в законодательстве или национальных образовательных планах упоминают личностно-ориентированный подход, тем не менее он остается скорее исключением, чем нормой в образовательной практике. Это связано с тем, что отсутствует признание ценности данного подхода в обучении учащимися, самостоятельного обучения и использования результатов обучения. Кроме того, существует неопределенность в отношении того, что именно означает личностно-ориентированный подход, а также каким образом оценить его присутствие в образовательном процессе[24]. Кроме того, существует проблема «перехода от теории к практике»[25].

Роль устной истории в историческом образовании и формировании идентичности

Устная история набирает популярность во всем мире, что привело к быстрому росту проектов по устной истории, веб-сайтов и цифровых ресурсов. Благодаря технологическому прогрессу и возможности записывать и сохранять информацию о людях и обществах, база исторических источников с XX в. расширилась и стала включать видео- и аудиоматериалы и в конечном счете устную историю.

Так, например, онлайн-платформа *Europeana*[26] – это наиболее заметная инициатива на уровне ЕС в этом направлении, которая была запущена под эгидой Европейской комиссии в 2008 г. Это виртуальная библиотека и архив, в которой оцифровываются и выкладываются для общего доступа документы, публикации и другие материалы по историческому и культурному наследию Европы. В том числе собираются свидетельства очевидцев,

[18] См.: Proposal for a decision of the European Parliament and of the Council concerning the European year of creativity and innovation (2009). COM (2008) 159 final // European Commission. P. 4. URL: http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0159:FIN:EN:PDF (дата обращения: 20.06.2024).

[19] См.: Making the most of our potential: Consolidating the European Higher Education Area. Bucharest Communiqué. 2012. P. 5. URL: http://www.ehea.info/cid101043/ministerial-conference-bucharest-2012.html (дата обращения: 20.06.2024).

[20] ECTS Users' Guide 2015 // Bologna Follow-Up Group // http://bologna-yerevan2015.ehea.info/files/ECTS%20Users%20Guide%202015.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

[21] См.: Learner-centered Teaching Manual: A training pack for university teaching staff / ed. by T. Harakchiyska. Brno, 2018. P. 13.

[22] Standards and Guidelines for Quality Assurance in the European Higher Education Area (ESG). Brussels, Belgium. 2015. P. 12. URL: https://www.enqa.eu/wp-content/uploads/2015/11/ESG_2015.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

[23] См.: Grants. Funding opportunities by programming period // European Education and Culture Executive Agency. URL: https://eacea.ec.europa.eu/erasmus-plus/actions/key-action-2-european-universities_en (дата обращения: 20.06.2024).

[24] См.: Mapping and analysis of student-centred learning and teaching practices: Usable knowledge to support more inclusive, high-quality higher education / ed. by M. Klemenčič, M. Pupinis, G. Kirdulytė. Luxembourg, 2020. P. 30.

[25] *Seixas P.* Historical consciousness and historical thinking // Palgrave handbook of research in historical culture and education / eds. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. London, 2017. P. 61.

[26] The Europeana platform // European Commission. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/europeana (дата обращения: 05.06.2024).

создается архив личных историй. Уже реализовано несколько масштабных проектов по созданию общеевропейского нарратива памяти, в том числе собрана коллекция, посвященная Первой мировой войне. В нее включены оцифрованные памятные личные вещи и истории участников, литература и кинофотодокументы. Постоянно пополняется платформа, посвященная миграции: всем желающим предлагается «поделиться своей личной историей», обеспечивается доступ на портал для ее записи и размещения оцифрованных объектов.

Существуют также проекты и созданы онлайн-платформы, содержащие устные истории, посвященные европейской интеграции, органам и институтам ЕС. В частности, существует коллекция «Устная история европейской интеграции» (*Oral history of European integration*)[27], содержащая аудио- и видеозаписи ключевых участников и наблюдателей интеграционного процесса; Исторический архив Европейского союза (*Historical Archives of the European Union*)[28], включающий более 900 интервью с политиками, а также членами институтов ЕС.

Обращение к устной истории для формирования знаний о прошлом не является новой идей и получает широкое распространение в образовательном процессе. В резолюции от 17 января 2024 г. «О европейском историческом сознании» Европейский парламент отметил, что при преподавании истории существует необходимость использования всеобъемлющего набора источников, включая устные истории, что способствует развитию аналитического и критического мышления (п. 15).

В исследованиях отмечается, что устная история возникла еще до письменной истории человечества, поскольку устные повествования являлись единственным доступным средством для сохранения и распространения культурных традиций, верований и наследия. Устная история оказалась самым древним и наиболее эффективным средством запоминания и передачи информации[29]. Кроме того, подчеркивается, что цивилизации выжили благодаря устным историям, поскольку они обеспечили непрерывность жизненного опыта для последующих поколений, которым они передавались[30].

Устная история имеет множество значений: от «знаний о прошлом, передаваемых из уст в уста от одного поколения к другому» до «практики записи, архивирования и анализа свидетельств очевидцев и историй жизни»[31]. Исследователи сходятся во мнении, что устная история является «мощным инструментом вовлечения людей в процесс открытия и создания истории»[32].

Устная история представляется как эффективный инструмент для вовлечения учащихся всех поколений в процесс открытия и создания истории, а также ее критической оценки. Ученые и педагоги выступают за преподавание исторических дисциплин, которые являются более инклюзивными, плюралистическими и критическими представлениями прошлого, подготавливая учащихся к жизни в мультикультурном, сложном и быстро меняющемся обществе, в котором живет большинство из них[33].

Использование устных историй в образовательном процессе создает: во-первых, определенный социальный контекст для обучения; во-вторых, ощущение осмысленности и формирует саму основу того, как люди осмысляют себя и свое окружение[34]. Кроме того, устная история также объединяет разрозненные фрагменты знаний и делает их целостными, предоставляя контекст, который связывает информацию с общим смыслом. Понимание того, как эти фрагменты соединяются в более глобальные идеи и концепции, является важным компонентом полноценного исторического обучения[35].

Однако следует понимать, что это специфический источник, ценность и цель которого не в установлении фактов прошлого. Устная история чаще всего представлена в образовательном процессе с целью эмоционального вовлечения учащихся в процесс обучения и мотивации их к критическому размышлению над историческими проблемами[36]. «Прислушиваясь» к прошлому опыту,

---

[27] См.: URL: https://www.cvce.eu/en/oral-history (дата обращения: 05.06.2024).

[28] См.: URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history (дата обращения: 05.06.2024).

[29] См.: *Abrahamson C.* Storytelling as a pedagogical tool in higher education // Education. 1998. Vol. 118. No. 3. Pp. 440–451; *Livo N.J., Rietz S.A.* Storytelling: Process and practice. Littleton, 1986. Pp. 7, 8; *Parkin M.* Tales for change. London, 2004.

[30] *Abrahamson C.* Op. cit.; *Little Bear L.* Jagged worldviews colliding // Reclaiming indigenous voice and vision / ed. by M. Battiste. Vancouver, 2000. P. 81.

[31] The Canadian Oral History Reader / ed. by K.R. Llewellyn, A. Freund, N. Reilly. Montreal-Kingston, 2015. P. 3.

[32] Ibid.

[33] См.: *Yogev E.A.* Crossroads: History Textbooks and Curricula in Israel // Journal of Peace Education. 2010. Vol. 7. Iss. 1. Pp. 1–14.

[34] См.: *Richter A., Sieber A., Siebert J. et al.* Storytelling for narrative approaches in citizen science: Towards a generalized model // Journal of Science Communication. 2019. Vol. 18. URL: https://jcom.sissa.it/article/pubid/JCOM_1806_2019_A02/ (дата обращения: 10.06.2024); *Weiss P.R.* Emotion and Learning // Training & Development. 2000. Vol. 54. No. 11. Pp. 44–48.

[35] См.: *Caine R., Caine G., McClintic C., Klimic K.* Brain/mind learning principles in action. Thousand Oaks, 2005. P. 46.

[36] См.: *Kaposi J.* Skills Development Tasks and the Development of Historical Thinking // Curriculum, Efectiveness, Equity / ed. by A. Fehérvári. Budapest, 2017. Pp. 9–22.

они могут лучше понять основные исторические события и получить новую возможность для сравнения прошлого и настоящего. Преимущество использования устной истории в качестве источника заключается в том, что рассказы о переживаниях отдельных людей также позволяют легче представить и понять сложные исторические ситуации, которые иначе сложно реконструировать. В исследованиях подчеркивается, что устные истории являются способом преодоления присутствия прошлого путем построения личных связей, – это чувствовать заботу и беспокойство по отношению к нему; «быть тронутым воспоминаниями других»[37], заботиться «о других через расстояния во времени»[38], Этот экзистенциальный подход к истории помогает осознать, что жизнь людей, предшествовавших нашему рождению, имела значение[39].

Следует учитывать, что источники устной истории иногда содержат противоречия и контрпротиворечия, которые могут заставить учащихся задуматься о своих прежних взглядах и побудить их к более глубокому изучению проблемы. Они поднимают вопросы, предупреждающие об опасности необоснованных обобщений, односторонних оценок и упрощений. Это также помогает лучше осознать важность связи между прошлым и настоящим. Устные истории и воспоминания очевидцев могут привести к интересу к актуальным вопросам и проблемам, затрагивающим общество, и, как следствие, развитию активной гражданской позиции[40].

Вместе с тем, изучая источники устных историй, учащиеся должны понимать, что к ним следует относиться с осторожностью. Устные свидетельства никогда не отражают прошлое: из них нельзя сделать прямой вывод о прошлом. Напротив, эти свидетельства – это репрезентации событий, всегда созданные человеком в конкретном социальном контексте, с определенной точки зрения, с определенной целью и для конкретной аудитории. Поэтому устные истории или свидетельства неизбежно субъективны.

Учащиеся должны уметь распознавать, на какие вопросы дают ответы различные интерпретации истории, а на какие – нет, и как это может быть связано с позицией и намерениями их авторов, жанром интерпретаций и целью, для которой они были созданы.

Они должны принять как данность, что постоянно сталкиваются с разными и не всегда одинаковыми интерпретациями событий прошлого, и должны уметь дать содержательное объяснение тому, как и почему прошлое интерпретируется по-разному. В то же время учащиеся должны быть готовы и способны различать исторические интерпретации, например, с точки зрения их фактической обоснованности, правдоподобности, глубины представления, качества аргументации и открытости для дальнейших обсуждений.

Заключение

Государства – члены ЕС заинтересованы в использовании потенциала образования и культуры как средства укрепления социальной сплоченности в Европе и консолидации европейской идентичности во всем ее многообразии. С этой целью разрабатываются инициативы, направленные на содействие развитию европейского образовательного пространства, основанного на принципах образовательной мобильности, доступности качественного образования для всех, независимо от социально-экономического статуса, и общих принципах организации образовательного процесса.

Однако необходимо учитывать, что учебные программы по истории формируются под влиянием таких факторов, как историография, педагогические идеалы, политические цели, международные инициативы и социальные условия и процессы. В целом, сложно создать общую программу обучения истории и единый подход к ее преподаванию. В том случае, если речь идет о личностно-ориентированном подходе, который на общеевропейском уровне представляется возможным рассматривать в качестве ключевого в образовательной политике, важно подчеркнуть, что интерпретации данного подхода стали разнообразными.

Поскольку личностно-ориентированный подход становится все более распространенным, исследователи изучают возможность его применения в различных странах. В этих случаях препятствиями являются нехватка материальных и человеческих ресурсов, отсутствие квалифицированных преподавателей, несовместимость образовательной системы с личностно-ориентированным подходом, а также его несоответствие культурным ожиданиям.

Представляется, что применение личностно-ориентированного подхода требует учета конкретного исторического и социального контекста каждого государства, а также существующих политических, экономических и культурных факторов.

---

[37] *Simon R.I.* The pedagogical insistence of public memory. Theorizing historical consciousness / ed. by P. Seixas. Toronto, 2004. P. 188.

[38] *Chinnery A.* Caring for the past: On relationality and historical consciousness // Ethics and Education. 2013. Vol. 8. Iss. 3. P. 255.

[39] *Nordgren K., Johansson M.* Intercultural Historical Learning: A Conceptual Framework // Journal of Curriculum Studies. 2015. Vol. 47. Iss. 1. Pp. 1–25.

[40] Подробнее см.: *Barton K.C., Levstik L.S.* Teaching history for the common good. NY, 2004.

Проработка памяти и развитие европейской культуры памяти вошли в число приоритетов интеграционного проекта ЕС. Заметные усилия прилагаются для вовлечения граждан в формирование и освоение общего пространства памяти на основе общих механизмов и ориентиров культуры памяти, в том числе и посредством использования устной истории.

Одним из основных условий эффективности исторического образования является то, что учащиеся должны быть ознакомлены с целым рядом первичных и вторичных источников, научиться использовать их максимально эффективно, творчески для получения знаний.

Устная история – это полезное и ценное средство в решении такой сложной задачи, как историческое образование и преподавание. Преподавание истории должно учитывать множественность и многогранность подходов к прошлому и ориентации на него, оно должно позволить учащимся осознать собственный интерес к истории, вопросы, политическую повестку дня, но оно также должно позволить им самостоятельно приходить к выводам и суждениям. В этом смысле преподавание истории – это не «формирование» общества путем создания единообразия, а формирование социальной целостности путем предоставления людям возможности ответственно относиться к многообразию и разнообразию. Существует баланс между тем, чтобы способствовать дисциплинарному изучению истории и не пренебрегать интересом учащихся к переживанию прошлого или недооценивать роль неформальных контекстов и коллективной памяти в формировании исторического знания. Модели исторического мышления, как правило, не учитывают социальный и культурный контекст, в котором происходит изучение истории, и его влияние на понимание прошлого. Преподавание истории должно обеспечивать понимание сложной структуры отношений с прошлым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.А.* Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики. Тюмень, 1996. С. 65–67.
2. *Abrahamson C.* Storytelling as a pedagogical tool in higher education // Education. 1998. Vol. 118. No. 3. Pp. 440–451.
3. *Barton K.C., Levstik L.S.* Teaching history for the common good. NY, 2004.
4. *Caine R., Caine G., McClintic C., Klimic K.* Brain/mind learning principles in action. Thousand Oaks, 2005. P. 46.
5. *Chinnery A.* Caring for the past: On relationality and historical consciousness // Ethics and Education. 2013. Vol. 8. Iss. 3. P. 255.
6. *Clark A., Grever M.* Historical consciousness: Conceptualizations and educational applications // The Wiley international handbook of history teaching and learning / ed. by S.A. Metzer, L.M. Harris. Melford, 2018. Pp. 177–201.
7. *Counsell C.* History // What Should Schools Teach? Disciplines, Subjects and the Pursuit of Truth / ed. by A.S. Cuthbert, A. Standish. London, 2021. P. 154.
8. *De Julio A.* How can we truly bring history to life? Reflections and takeaways from the Annual Conference 2019. URL: http://www.euroclio.eu/tag/bringing-history-to-life/ (дата обращения: 20.06.2024).
9. *Grever M., Pelzer B., Haydn T.* High school students' views on history // Journal of Curriculum Studies. 2011. Vol. 43. Iss. 2. Pp. 207–229.
10. *Haddad W.D., Colletta N.J., Fisher N. et al.* Meeting basic learning needs: A vision for the 1990s. NY, 1990. P. 68.
11. *Haydn T., Harris R.* Pupil perspectives on the purposes and benefits of studying history in high school: A view from the UK // Journal of Curriculum Studies. 2010. Vol. 42. Iss. 2. Pp. 241–261.
12. *Kaposi J.* Skills Development Tasks and the Development of Historical Thinking // Curriculum, Efectiveness, Equity / ed. by A. Fehérvári. Budapest, 2017. Pp. 9–22.
13. *Kerimbayev N., Umirzakova Z., Shadiev R., Jotsov V.* A student-centered approach using modern technologies in distance learning: a systematic review of the literature // Smart Learning Environments. 2023. Vol. 10. URL: https://slejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40561-023-00280-8 (дата обращения: 20.06.2024).
14. *Körber A.* Historical consciousness, historical competencies – and beyond? Some conceptual development within German history didactics, 2015. Pp. 1–56. URL: https://www.researchgate.net/publication/282946741_Historical_consciousness_historical_competencies_-_and_beyond_Some_conceptual_development_within_German_history_didactics#fullTextFileContent (дата обращения: 05.07.2024).
15. Learner-centered Teaching Manual: A training pack for university teaching staff / ed. by T. Harakchiyska. Brno, 2018. P. 13.
16. *Little Bear L.* Jagged worldviews colliding // Reclaiming indigenous voice and vision / ed. by M. Battiste. Vancouver, 2000. P. 81.
17. *Livo N.J., Rietz S.A.* Storytelling: Process and practice. Littleton, 1986. Pp. 7, 8.
18. Mapping and analysis of student-centred learning and teaching practices: Usable knowledge to support more inclusive, high-quality higher education / ed. by M. Klemenčič, M. Pupinis, G. Kirdulytė. Luxembourg, 2020. P. 30.
19. *Nordgren K., Johansson M.* Intercultural Historical Learning: A Conceptual Framework // Journal of Curriculum Studies. 2015. Vol. 47. Iss. 1. Pp. 1–25.
20. Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education / ed. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. London, 2017.
21. *Parkin M.* Tales for change. London, 2004.
22. *Richter A., Sieber A., Siebert J. et al.* Storytelling for narrative approaches in citizen science: Towards a generalized model // Journal of Science Communication.

2019. Vol. 18. URL: https://jcom.sissa.it/article/pubid/JCOM_1806_2019_A02/ (дата обращения: 10.06.2024).

23. *Rüsen J.* Forming historical consciousness: Towards a humanistic history didactics // Antitesis. 2012. Vol. 5. Iss. 10. Pp. 519–536.
24. *Schachter E.P.* Context and identity formation: A theoretical analysis and a case study // Journal of Adolescence Research. 2005. Vol. 20. Iss. 3. Pp. 375–395.
25. *Schweisfurth M.* Learner-centred pedagogy: Towards a post-2015 agenda for teaching and learning // International Journal of Educational Development. 2015. Vol. 40. P. 261.
26. *Seixas P.* Historical consciousness and historical thinking // Palgrave handbook of research in historical culture and education / eds. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. London, 2017. P. 61.
27. *Simon R.I.* The pedagogical insistence of public memory. Theorizing historical consciousness / ed. by P. Seixas. Toronto, 2004. P. 188.
28. The Canadian Oral History Reader / ed. by K.R. Llewellyn, A. Freund, N. Reilly. Montreal-Kingston, 2015. P. 3.
29. *Traille K.* You should be proud about your history. They made me feel ashamed: Teaching history hurts // Teaching History. 2007. Vol. 127. Pp. 31–37.
30. *Van Straaten D., Wilschut A., Oostdam R.* Exploring pedagogical approaches for connecting the past, the present and the future in history teaching // Historical Encounters. 2018. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 46–67.
31. *Van Straaten D., Wilschut A., Oostdam R.* Making history relevant to students by connecting past, present, and future: A framework for research // Journal of Curriculum Studies. 2015. Vol. 48. Iss. 4. Pp. 479–502.
32. *Virta A.* Whose history should be dealt with in a pluricultural context – Immigrant adolescents' approach // Intercultural Education. 2016. Vol. 27. Iss. 4. Pp. 377–387.
33. *Weiss P.R.* Emotion and Learning // Training & Development. 2000. Vol. 54. No. 11. Pp. 44–48.
34. *Yogev E.A.* Crossroads: History Textbooks and Curricula in Israel // Journal of Peace Education. 2010. Vol. 7. Iss. 1. Pp. 1–14.
35. *Zanazanian P., Nordgren K.* Revisiting historical consciousness as a theoretical construct and exploring its broad understanding for contemporary education and educational research // Journal of Curriculum Studies. 2019. Vol. 51. Iss. 6. Pp. 771–778.

REFERENCES

1. *Alekseev N.A.* Personality-oriented learning: issues of theory and practice. Tyumen, 1996. Pp. 65–67 (in Russ.).
2. *Abrahamson C.* Storytelling as a pedagogical tool in higher education // Education. 1998. Vol. 118. No. 3. Pp. 440–451.
3. *Barton K.C., Levstik L.S.* Teaching history for the common good. NY, 2004.
4. *Caine R., Caine G., McClintic C., Klimic K.* Brain/mind learning principles in action. Thousand Oaks, 2005. P. 46.
5. *Chinnery A.* Caring for the past: On relationality and historical consciousness // Ethics and Education. 2013. Vol. 8. Iss. 3. P. 255.
6. *Clark A., Grever M.* Historical consciousness: Conceptualizations and educational applications // The Wiley international handbook of history teaching and learning / ed. by S.A. Metzer, L.M. Harris. Melford, 2018. Pp. 177–201.
7. *Counsell C.* History // What Should Schools Teach? Disciplines, Subjects and the Pursuit of Truth / ed. by A.S. Cuthbert, A. Standish. London, 2021. P. 154.
8. *De Julio A.* How can we truly bring history to life? Reflections and takeaways from the Annual Conference 2019. URL: http://www.euroclio.eu/tag/bringing-history-to-life/ (accessed: 20.06.2024).
9. *Grever M., Pelzer B., Haydn T.* High school students' views on history // Journal of Curriculum Studies. 2011. Vol. 43. Iss. 2. Pp. 207–229.
10. *Haddad W.D., Colletta N.J., Fisher N. et al.* Meeting basic learning needs: A vision for the 1990^{s}. NY, 1990. P. 68.
11. *Haydn T., Harris R.* Pupil perspectives on the purposes and benefits of studying history in high school: A view from the UK // Journal of Curriculum Studies. 2010. Vol. 42. Iss. 2. Pp. 241–261.
12. *Kaposi J.* Skills Development Tasks and the Development of Historical Thinking // Curriculum, Efectiveness, Equity / ed. by A. Fehérvári. Budapest, 2017. Pp. 9–22.
13. *Kerimbayev N., Umirzakova Z., Shadiev R., Jotsov V.* A student-centered approach using modern technologies in distance learning: a systematic review of the literature // Smart Learning Environments. 2023. Vol. 10. URL: https://slejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40561-023-00280-8 (accessed: 20.06.2024).
14. *Körber A.* Historical consciousness, historical competencies – and beyond? Some conceptual development within German history didactics, 2015. Pp. 1–56. URL: https://www.researchgate.net/publication/282946741_Historical_consciousness_historical_competencies_-_and_beyond_Some_conceptual_development_within_German_history_didactics#fullTextFileContent (accessed: 05.07.2024).
15. Learner-centered Teaching Manual: A training pack for university teaching staff / ed. by T. Harakchiyska. Brno, 2018. P. 13.
16. *Little Bear L.* Jagged worldviews colliding // Reclaiming indigenous voice and vision / ed. by M. Battiste. Vancouver, 2000. P. 81.
17. *Livo N.J., Rietz S.A.* Storytelling: Process and practice. Littleton, 1986. Pp. 7, 8.
18. Mapping and analysis of student-centred learning and teaching practices: Usable knowledge to support more inclusive, high-quality higher education / ed. by M. Klemenčič, M. Pupinis, G. Kirdulytė. Luxembourg, 2020. P. 30.
19. *Nordgren K., Johansson M.* Intercultural Historical Learning: A Conceptual Framework // Journal of Curriculum Studies. 2015. Vol. 47. Iss. 1. Pp. 1–25.
20. Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education / ed. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. London, 2017.
21. *Parkin M.* Tales for change. London, 2004.

22. *Richter A., Sieber A., Siebert J. et al.* Storytelling for narrative approaches in citizen science: Towards a generalized model // Journal of Science Communication. 2019. Vol. 18. URL: https://jcom.sissa.it/article/pubid/JCOM_1806_2019_A02/ (accessed: 10.06.2024).

23. *Rüsen J.* Forming historical consciousness: Towards a humanistic history didactics // Antitesis. 2012. Vol. 5. Iss. 10. Pp. 519–536.

24. *Schachter E.P.* Context and identity formation: A theoretical analysis and a case study // Journal of Adolescence Research. 2005. Vol. 20. Iss. 3. Pp. 375–395.

25. *Schweisfurth M.* Learner-centred pedagogy: Towards a post-2015 agenda for teaching and learning // International Journal of Educational Development. 2015. Vol. 40. P. 261.

26. *Seixas P.* Historical consciousness and historical thinking // Palgrave handbook of research in historical culture and education / eds. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. London, 2017. P. 61.

27. *Simon R.I.* The pedagogical insistence of public memory. Theorizing historical consciousness / ed. by P. Seixas. Toronto, 2004. P. 188.

28. The Canadian Oral History Reader / ed. by K.R. Llewellyn, A. Freund, N. Reilly. Montreal-Kingston, 2015. P. 3.

29. *Traille K.* You should be proud about your history. They made me feel ashamed: Teaching history hurts // Teaching History. 2007. Vol. 127. Pp. 31–37.

30. *Van Straaten D., Wilschut A., Oostdam R.* Exploring pedagogical approaches for connecting the past, the present and the future in history teaching // Historical Encounters. 2018. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 46–67.

31. *Van Straaten D., Wilschut A., Oostdam R.* Making history relevant to students by connecting past, present, and future: A framework for research // Journal of Curriculum Studies. 2015. Vol. 48. Iss. 4. Pp. 479–502.

32. *Virta A.* Whose history should be dealt with in a pluricultural context – Immigrant adolescents' approach // Intercultural Education. 2016. Vol. 27. Iss. 4. Pp. 377–387.

33. *Weiss P.R.* Emotion and Learning // Training & Development. 2000. Vol. 54. No. 11. Pp. 44–48.

34. *Yogev E.A.* Crossroads: History Textbooks and Curricula in Israel // Journal of Peace Education. 2010. Vol. 7. Iss. 1. Pp. 1–14.

35. *Zanazanian P., Nordgren K.* Revisiting historical consciousness as a theoretical construct and exploring its broad understanding for contemporary education and educational research // Journal of Curriculum Studies. 2019. Vol. 51. Iss. 6. Pp. 771–778.

Сведения об авторе

СОРОКИНА Елена Александровна –
кандидат юридических наук,
научный сотрудник сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SOROKINA Elena A. –
PhD in Law,
Researcher, Sector of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 193–199
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 193–199

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 340

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ: В СВЕТЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ СЕРАФИМА ВЛАДИМИРОВИЧА ЮШКОВА

© 2024 г. С. В. Кабышев[1, 2]

[1]Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва
[2]Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: shs@duma.gov.ru

Поступила в редакцию 16.07.2024 г.

Аннотация. Современный мир переживает глубокий ценностно-мировоззренческий кризис, в основе которого лежит кризис правопонимания. Объединяющие человечество и выстраданные им правовые идеалы были поколеблены политикой гегемонии, навязыванием сложившихся в условиях западной цивилизации подходов и интерпретаций в отсутствие их консенсусного признания. Необходимость формирования новой глобальной правовой парадигмы с опорой на уважение национальной идентичности требует мобилизации отечественной фундаментальной юриспруденции, включая историко-юридическую науку, которая должна обеспечить преемственность государственно-правового развития, связь традиционных духовно-нравственных ценностей и стремления к прогрессу. С опорой на идейное наследие С.В. Юшкова обсуждаются методологические проблемы исторического правоведения, а также подходы и решения, которые могут и должны служить основой для укрепления и развития истории государства и права России в научной и учебной юриспруденции в современных реалиях.

Ключевые слова: отечественная история государства и права, преемственность государственно-правового развития, кризис правопонимания, национальная идентичность, духовно-нравственные ценности.

Цитирование: *Кабышев С.В.* Вопросы методологии истории государства и права России: в свете научного наследия Серафима Владимировича Юшкова // Государство и право. 2024 № 11. С. 193–199.

DOI: 10.31857/S1026945224110172

ISSUES OF METHODOLOGY IN THE HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA: IN THE LIGHT OF THE SCIENTIFIC HERITAGE OF SERAFIM VLADIMIROVICH YUSHKOV

© 2024 S. V. Kabyshev[1, 2]

[1]State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow
[2]Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: shs@duma.gov.ru

Received 16.07.2024

Abstract. The modern world is experiencing a deep value and worldview crisis, which is based on a crisis of legal understanding. The legal ideals that unite humanity and that humanity have suffered and been fighting for have been shaken by the policy of hegemony, the imposition of approaches and interpretations that have developed in the conditions of Western civilization in the absence of their consensus recognition. The need to form a new global legal paradigm based on respect for national identity requires the mobilization of domestic fundamental jurisprudence, including historical and legal science, which should ensure the continuity of state and legal development, the connection of traditional spiritual and moral values and the desire for progress. Based on the ideological heritage of S.V. Yushkov the article discusses methodological problems of historical jurisprudence, as well as approaches and solutions that can and should serve as a basis for strengthening and developing the history of the state and law of Russia in scientific and educational jurisprudence in modern realities.

Key words: national history of state and law, continuity of state and legal development, crisis of legal understanding, national identity, spiritual and moral values.

For citation: *Kabyshev, S.V. (2024).* Issues of methodology in the history of the state and law of Russia: in the light of the scientific heritage of Serafim Vladimirovich Yushkov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 193–199.

Перед отечественной юриспруденцией стоят в настоящее время принципиальные задачи, касающиеся не просто обоснования новой, отвечающей жизненным условиям современности стратегии правового развития страны, а выработки правовой парадигмы суверенного цивилизационного развития российской государственности на основе четкого понимания ее предпосылок, закономерностей и приоритетов, исходя из осознания и сохранения национальной государственно-правовой идентичности. Без радикального изменения положения науки истории государства и права связанных с этим задач не решить. Напротив, значение данной науки и дисциплины в качестве элемента фундаментальной основы профессионального юридического мышления и фактора устойчивого развития государственно-правовой системы должно существенно возрасти. В этом плане особого внимания заслуживают вопросы осмысления научного наследия Серафима Владимировича Юшкова, который стал основоположником отечественной науки истории государства и права, обосновал ее предметно-методологический базис, место в системе доктринальной и учебной юриспруденции.

Историческая обусловленность государственно-правового развития России в соответствии с традициями, воспринятыми от предков, выступает важным нравственным и духовно-культурным принципом. Как заметил академик Д.С. Лихачев: «Без памяти нет совести. Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной»[1]. «Гордиться славою своих предков, – писал А.С. Пушкин, – не только можно, но и до́лжно; не уважать оной есть постыдное малодушие»[2]. Исходя из признания ценностно-мировоззренческой роли истории, Конституция РФ закрепляет в качестве норм-принципов исторически сложившееся государственное единство, государственно-правовую преемственность, защиту исторической правды (Преамбула, ч. 2, 3 ст. 67[1]). Данные конституционные положения отражают ценность исторического метода и определяют особый статус истории государства и права в юридическом обеспечении гражданского мира и согласия, эффективной организации системы публичной власти и общественного взаимодействия. Следует отметить, что мемориальные принципы российского правопорядка в их охранительном аспекте не направлены на установление идейной гегемонии и исключительности определенной научной трактовки истории, а призваны воспрепятствовать распространению исторически недостоверных сведений, которое осуществляется в целях формирования искаженного восприятия прошлого и оказания влияния на общественное мнение для дискредитации институтов российской государственности. Обязанность по защите исторической правды конкретизирует фундаментальную идею Конституции России, закрепленную в ее Преамбуле, о почитании памяти предков, передавших ныне живущим поколениям любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость. Это предполагает между прочим, что Конституция России, отвергая любые проявления социальной вражды, исходит из принципиальной установки на примирение с прошлым, которое в его исторической достоверности должно восприниматься с безусловным уважением. Соответственно, государство, заботясь о воспитании гражданина, должно обеспечивать условия для преподавания в процессе образования консолидированной научной позиции по вопросам национального исторического развития, которая бы позволяла гражданину осознать себя в общей и непрерывной судьбе своей страны. Стратегическая и практическая

[1] *Лихачев Д.С.* Письма о добром. М., 2006. С. 169.

[2] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М. – Л., 1951. Т. VII. С. 58.

мировоззренческая и политико-юридическая значимость историко-правового подхода подтверждаются Указами Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения».

В этой связи, обращаясь к наследию Серафима Владимировича Юшкова, чьи заслуги уникальны и общепризнанны, следует, не ограничиваясь знаками мемориального почтения, прежде всего поставить прямые, откровенные и, вероятно, неудобные вопросы: в какой реально степени правовое наследие С.В. Юшкова фактически востребовано в системе современной российской юриспруденции? Насколько наша юридическая наука и система образования сумели преодолеть выявленные С.В. Юшковым фундаментальные проблемы историко-правового плана с учетом предложенных им методологических подходов и решений?

В своей концептуальной статье 1928 г. «К вопросу о методологии истории права» С.В. Юшков сделал неутешительный вывод о внутреннем кризисе науки истории права, признаки, проявления которого, раскрытые С.В. Юшковым в прежних условиях, заставляют со всей серьезностью задуматься над тем, не идем ли мы по заколдованному кругу, не наступаем ли на те же опасные методологические грабли. В общем и целом, по мнению С.В. Юшкова, «внутренний кризис науки проявляется в том, что у нас крайне мало историков права; их знамя не всеми высоко держится: наблюдается отход от историко-юридических тем к изучению положительного... права или теории права; некоторые же юристы делаются просто историками и даже историками народного хозяйства»[3]. Кризис историко-юридической науки разворачивается и в нашей современности, и если на первоначальном этапе постсоветского периода он диагностировался ввиду переходного положения[4], то в настоящее время определяется прежде всего формированием цивилизационной, культурной и конституционно-правовой идентичности. Нужно учитывать, что данный кризис – явление не внутрипредметного или даже внутриотраслевого порядка, а отражение и вместе с тем предпосылка, усиливающий фактор, более широкого круга проблем, выходящих на уровень национального правосознания, включая и охват в нем стоящих перед человечеством глобальных вызовов[5].

Представляется необходимым остановиться на некоторых наиболее принципиальных и значимых в методологическом плане подходах и решениях, предложенных С.В. Юшковым, которые могут и должны служить основой для укрепления и развития истории государства и права России в научной и учебной юриспруденции в современных реалиях.

Прежде всего следует обозначить отстаиваемую С.В. Юшковым в соответствии с пониманием глубокой и неразрывной взаимосвязи между историей и теорией права необходимость в проведении принципа историзма в юридической теории, в последовательном и планомерном историко-правовом обосновании и раскрытии философии, догматики и формально-конструкционных особенностей национального права как нормативной формы существования и развития государственно организованного российского народа.

Исходя из концепции единства социальной теории, С.В. Юшков рассматривал историю права как «часть теории права», полагал, что она «может исходить лишь из теории права»[6]. Вместе с тем резонно подчеркивал, что история права – не «служанка теории права», а имеет для нее исключительное значение, причем тем более существенное в обстановке фундаментальной социальной трансформации и обусловленной этим смены научной социогуманитарной парадигмы. В этих условиях, когда теория права возводится на новом фундаменте, для обоснования тех или иных теоретических построений она нуждается в подборе определенных исторических фактов, которые зачастую неправильно освещены в прежней историко-юридической литературе[7]. Анализируя труды по истории права своего времени и предшествующей эпохи, С.В. Юшков делает вывод о том, что очень часто правовые институты изображаются по образу и подобию современного капиталистического права. Вместе с тем, по его мнению, развитие права и отдельных его институтов объективно протекает в органической связи и в прямой исторической обусловленности с материальными и общественными потребностями той или другой эпохи и не может быть верно понято

[3] *Юшков С.В.* К вопросу о методологии истории права // Записки научного общества марксистов. 1928. № 1. С. 116.

[4] См.: *Честнов И.Л.* Современное состояние науки истории политических и правовых учений // История государства и права. 2009. № 7. С. 8–11.

[5] См.: *Савенков А.Н.* Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.

[6] *Юшков С.В.* Указ. соч. С. 118.

[7] См.: там же. С. 116, 117.

в отрыве от общего социоисторического, прежде всего материально-производственного, аспекта[8].

В этом плане при обсуждении состояния, перспектив современной отечественной науки истории государства и права стоит задаться вопросом: раскрыты ли в нашей юриспруденции надлежащим образом исторические, цивилизационные, культурные факторы, определяющие идентичность российской правовой системы, лежащие в ее основе традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности? Освоен ли идейно-философский потенциал российского юридического наследия, причем не только в объяснительном, но и в прогрессивно-прогностическом ключе?

Представляется, что в настоящее время есть основания констатировать концептуально-философскую раздвоенность (своего рода амбивалентность) российской научной юриспруденции. Это проявляется, с одной стороны, в получившем широкое распространение и до сих пор сохраняющем свою инерцию своеобразном культе нравственно-юридического превосходства западной цивилизации и отрицании самостоятельного значения национальных почвенных правовых идей, нормативно-регулятивных подходов, институтов. Фетишизация правовой традиции Запада отражает симптоматику «болезни самоотречения»: оно, самоотречение, замечает А.Н. Кокотов, «вовсе не сводится к деятельности агентов влияния, компрадоров, к механизмам воспроизводства этих групп. В палитру самоотречения вплетаются и широко распространенная падкость на чужие образцы, когда творческое освоение инокультурного опыта через призму собственных ценностей вытесняется голым заимствованием, слепым подражанием... Круговерть обильных заимствований ведет к тому, что люди попадают в культурный вакуум, теряют способность понимать глубинный смысл происходящего с ними и вокруг них, теряют исторические корни и видение цивилизационных особенностей своей страны»[9].

С другой стороны, имеет место ничуть не менее рискованное автоматическое, неактуализированное восприятие и воспроизводство правовых подходов, сложившихся в системе советской государственности, которая по крайней мере в своем изначальном идейно-методологическом пафосе и публичной риторике выражала исключительную приверженность порожденной за пределами страны научной догматике, апеллировала к интернациональному, которое не могло не оказывать «приглушающего» воздействия на собственно национальное.

Следует отметить, что обозначенные тенденции, в особенности в их проявлении в отраслевых дисциплинах, которые в настоящее время в слабой степени увязаны с историко-юридической наукой, порой носят не глубоко осмысленный, а интуитивно-поверхностный характер, основываются на отрывочных, несистемных, аннотированных знаниях, на искаженных или формальных представлениях о соответствующих государственно-правовых укладах, которые имеют в действительности иное содержание. Между тем эффективная правовая система не может быть построена на заимствованиях чужеродных институтов или же на неадаптированном копировании прошлого, тем более на противоречивых попытках совместить одно с другим.

Российской юриспруденции необходимо преодолеть плохо скрываемое идейное замешательство, наивно-иллюзорную веру в возвращение якобы спасительного западоцентризма, догматическую инерцию мышления в категориях цивилизационной периферии. Наука должна занять ясную, четкую и решительную позицию правового патриотизма, стать прогностическим оружием социально-правового прогресса страны. В принципиальном плане следует поставить вопрос о развитии национально ориентированной юриспруденции, которую неправильно, неконструктивно рассматривать с позиции аполитичности науки. Необходимо формирование национально мыслящих юридических кадров, нового национального юридического мировоззрения и правопонимания, основанных на осознании и глубоком всестороннем обосновании самобытности и самоценности России как евразийской державы-цивилизации.

Важно не только осмыслить собственные правовые традиции как объективное выражение особенностей цивилизационного типа российской государственности, который складывался через активное взаимодействие с культурами Востока и Запада, но и обеспечить их реалистическое, жизненное восприятие в условиях современного исторического контекста и национальных приоритетов.

Необходимо уйти от западно-ориентированных трактовок фундаментальных правовых категорий, включая сами понятия государства, права, а также категорий свободы, справедливости, равенства, ответственности, собственности, таких политико-правовых конструкций, как конституционализм, парламентаризм, федерализм, плюрализм и прочих им подобных.

В этом плане вклад С.В. Юшкова выдающийся. В частности, решительно отвергнув представление о весьма низком уровне общественно-экономического

[8] См.: *Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1940. Ч. 1. С. 4.

[9] *Кокотов А.Н.* Конституция России и «болезнь самоотречения» // Вестник СГЮА. 2018. № 1. С. 12.

развития Киевской Руси, С.В. Юшков отрицал происхождение норм Русской правды под воздействием чужеземного права, обосновал ее понимание как сборника именно русского права, причем сформированного из постановлений и судебных решений князей, т.е. имеющего официальное государственное происхождение[10]. За этим подходом, утверждающим собственные оригинальные истоки российской правовой системы, скрывается, помимо прочего (если оставить в стороне идеологический марксизм), и представление о созидательной роли русского государства, которое служило правовому прогрессу общества.

С.В. Юшков считал принципиально неприемлемой сложившуюся ко времени его исследовательской работы логику истории права как чисто описательной дисциплины, которая обходит стороной объяснение причин, изменяющих правовые институты, и зачастую ограничивается сопоставлением современных и древнейших институтов, при изучении правовых феноменов прошлого фокусируется на концептуальных представлениях и критериях современного права, как, например, в случае с исследованием истории государственного строя, изобилующей во многом искусственными оценками с позиции современного конституционного и административного права[11].

Данная позиция представляется крайне важной в современных условиях определенной стагнации философской и теоретико-исследовательской юриспруденции в пользу юридического комментаторства и правоприменительной (в значительной мере судебной) казуистики. Эти проблемы нашей юридической науки лишь усугубляются распространением под влиянием постмодернистских течений т.н. методологического плюрализма. С.В. Кодан, анализируя концепцию интегральной юриспруденции с позиции научного наследия В.Г. Графского, обращает внимание на живучесть методологического плюрализма и его перспективность даже в самом отдаленном будущем: преобладание одной из многих существующих на данный момент ориентаций в правопонимании носит прагматический характер, обусловлено сложившимися профессионально-техническими навыками и обеспечено общественно-групповыми потребностями, а задачей теории и учебной науки становится изобличение односторонности и опасной ущербности господствующей ориентации, отыскание аргументов в пользу новой ориентации и указание на ее концептуальную оправданность, на общесоциальную, в том числе профессиональную, основательность[12]. По его мнению, в сложившихся условиях следует по-новому взглянуть на роль методологической сцепленности в теоретическом правоведении.

Дефицит сущностного, объяснительного анализа приводит к формированию существенной угрозы, связанной с утратой историей государства и права России своих предметно-методологических прерогатив, к ее предметному распылению по юридическим отраслям, представители каждой из которых претендуют и зачастую ориентируются в своей исследовательской и учебной работе на приоритет собственного понимания исторического генезиса норм, институтов, отношений в рамках соответствующей отрасли, нередко игнорируют подходы, выработанные профильными специалистами – историками права.

Ослабление науки истории государства и права России – один из серьезных факторов, приведших к тому, что в настоящее время не представляется возможным говорить о стремлении к формированию консолидированной теоретической позиции по поводу национального типа правопонимания. Происходит размывание сущностной идентичности права в российской социокультурной среде, что порождает концептуальную неопределенность и коллизии на всех уровнях правовой системы.

Так, например, принципы национальной правовой системы определяются и раскрываются в основном с позиции юридического глобализма, на основе ставших господствующими в определенный период представлений о стирании граней между континентальным и англосаксонским правом. В частности, предпринимаются попытки, невзирая на юридические реалии современности, отстаивать понимание прав человека как универсального, всеобщего регулятора, детерминирующего национальные правопорядки, систему организации власти и даже общественную нравственность, которая якобы должна отступить перед авторитетом прав человека. На этой основе предлагается преодолеть, отбросить считающийся порочным, ведущим к оправданию произвола принцип ценностно-культурной обусловленности права. При этом игнорируются предпосылки, тенденции эволюционного становления институтов национальной правовой системы, включая, например, объективные центростремительные и объединительные характеристики публичной власти, ее тяготение к персонифицированному единству, через которое воплощается и гарантируется государственно-политическое, пространственно-территориальное единство народа и одновременно

[10] См.: *Юшков С.В.* Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002. С. 4–8.

[11] См.: *Юшков С.В.* К вопросу о методологии истории права. С. 115, 116.

[12] См.: *Кодан С.В.* В.Г. Графский об интегральной юриспруденции как направлении развития современной юридической науки // Росс. юрид. журнал. 2022. № 3. С. 137–150.

лично-воплощенное единство государственно-политической воли и нравственного долга.

Безусловно, важен в этой связи подход С.В. Юшкова, в силу которого изучение истории права не может замыкаться на его догматической стороне, на юридических нормах, а должно непременно включать изучение отношений. «Изучение отношений, – считал он, – становой хребет... истории права»[13]. Это ориентирует в целом на преодоление сложившейся в нашей юриспруденции явно неплодотворной, неконструктивной абсолютизации нормативного правового акта как в историческом, так и в актуально-перспективном измерении: само принятие нормативного правового акта зачастую отождествляется у нас со свершившимся фактом преобразования реальности, т.е. программно-нормативная виртуальная реальность замещает фактическую правовую действительность. Это ведет к серьезным искажениям в понимании правовых явлений, институтов, в том числе в случаях, когда отсутствует определенная, детализированная правовая регламентация. В частности, С.В. Юшков вполне справедливо подчеркивал бесплодность, бессмысленность продолжающихся споров о характере, статусе земских соборов как представительных учреждений, отмечал не только искусственность попыток втиснуть этот феномен в стандарты современности, но и невнимание к фактической необходимости их созыва и учета их итогов[14]. По его мнению, земские соборы, равно как иные правовые институты прежних эпох, должны рассматриваться и раскрываться с позиции своего времени, при непременном учете существовавшего в период их возникновения и функционирования идейно-философского, общественно-исторического контекста. Не отрицая наличие в земских соборах предпосылок для вызревания институтов представительного правления, С.В. Юшков считал более важным, плодотворным ставить вопрос в иной плоскости, проясняя их реальное место в жизни государства и общества.

С учетом полиэтничности истоков и социального состава российской государственности, впитавшей в себя идейно-ценностные установки, сложившиеся в разных культурах, требует особого внимания выдвинутый С.В. Юшковым принцип определения предмета истории государства и права не в узкой социокультурной привязке именно и только к русскому народу, а как истории государства и права всех народов, составляющих отечественную государственность[15].

Данный подход приобретает тем более существенное значение, что осознание многонациональной природы социокультурного развития России является в настоящее время одной из необходимых задач для формирования общероссийской гражданской идентичности и укрепления общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, что нашло прямое закрепление в Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения (п/п. «б» п. 8).

Наконец, следует выделить отдельно требующую своего обстоятельного, глубокого освоения и раскрытия позицию С.В. Юшкова по поводу ценностно-воспитательной, мировоззренческой роли истории государства и права.

«Курс истории государства и права, – писал Юшков, – имеет большое воспитательное значение. Надо так поставить преподавание этого курса, чтобы он способствовал делу воспитания... патриотизма»[16]. С этим связана и его идея об определении конечного момента в событийном охвате данного курса: по его мнению, «обзор основных моментов истории государства и права надо довести до наших дней»[17], поскольку это позволяет в наиболее полной мере уяснить закономерности, приведшие к формированию современной отечественной государственности.

С учетом воспитательно-мировоззренческой направленности курса истории государства и права, его фундаментальной роли в становлении мышления юриста история государства и права России должна рассматриваться как элемент ядра юридического образования. Необходимо выработать единые научно-методические подходы к преподаванию данного курса, в том числе к используемой при его освоении учебной литературе, обеспечить обязательность изучения истории государства и права России по всем специальностям (направлениям подготовки) юридического профиля. Вряд ли можно считать приемлемой сложившуюся ситуацию, при которой изучение истории государства и права России не является обязательным в соответствии с ФГОС как на уровне магистратуры по направлению подготовки «юриспруденция» (40.04.01), так и по специальностям «судебная экспертиза» (40.05.03), «судебная и прокурорская деятельность» (40.05.04).

[13] *Юшков С.В.* К вопросу о методологии истории права. С. 122.

[14] См.: *Юшков С.В.* История государства и права СССР. Ч. 1. С. 264.

[15] См.: там же. С. 3.

[16] Там же. С. 8.

[17] Там же. С. 3.

* * *

Научная юриспруденция призвана играть ключевую роль в формировании профессионального и общественного правосознания, вносить решающий вклад в укрепление ценностей законности и легитимности действующего правопорядка с учетом моральных, религиозных и культурно-исторических факторов, способствовать адаптации законодательства к меняющимся социальным условиям на основе понимания идентичности правовой системы. В условиях глобальной турбулентности ценностно-мировоззренческие начала правовой системы, определяемые качеством историко-юридического подхода, приобретают ключевое значение для обеспечения устойчивого, эффективного государственно-правового развития. Необходимо принятие системных мер, направленных на повышение статуса и престижа историко-правовой науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кодан С.В.* В.Г. Графский об интегральной юриспруденции как направлении развития современной юридической науки // Росс. юрид. журнал. 2022. № 3. С. 137–150.
2. *Кокотов А.Н.* Конституция России и «болезнь самоотречения» // Вестник СГЮА. 2018. № 1. С. 12.
3. *Лихачев Д.С.* Письма о добром. М., 2006. С. 169.
4. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М. – Л., 1951. Т. VII. С. 58.
5. *Савенков А.Н.* Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.
6. *Честнов И.Л.* Современное состояние науки истории политических и правовых учений // История государства и права. 2009. № 7. С. 8–11.
7. *Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1940. Ч. 1. С. 3, 4, 8, 264.
8. *Юшков С.В.* К вопросу о методологии истории права // Записки научного общества марксистов. 1928. № 1. С. 115–118, 122.
9. *Юшков С.В.* Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002. С. 4–8.

REFERENCES

1. *Kodan S.V.* V.G. Grafsky on integral jurisprudence as a direction of development of modern legal science // Russian Law Journal. 2022. No. 3. Pp. 137–150 (in Russ.).
2. *Kokotov A.N.* The Constitution of Russia and the "disease of self-denial" // Herald of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 1. P. 12 (in Russ.).
3. *Likhachev D.S.* Letters about good. M., 2006. P. 169 (in Russ.).
4. *Pushkin A.S.* Complete collection of works: in 10 vols. M. – L., 1951. Vol. VII. P. 58 (in Russ.).
5. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law in Russia as an ideological and theoretical basis of national legal ideology: history, modernity and prospects // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 7–23 (in Russ.).
6. *Chestnov I.L.* The current state of the science of the history of political and legal doctrines // History of the state and law. 2009. No. 7. Pp. 8–11 (in Russ.).
7. *Yushkov S.V.* History of state and law of the USSR. M., 1940. Part 1. Pp. 3, 4, 8, 264 (in Russ.).
8. *Yushkov S.V.* On the question of methodology of the history of law // Notes of the Scientific Society of Marxists. 1928. No. 1. Pp. 115–118, 122 (in Russ.).
9. *Yushkov S.V.* Russian truth. Origin, sources, its meaning. M., 2002. Pp. 4–8 (in Russ.).

Сведения об авторе

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович –
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист РФ,
Председатель Комитета Государственной Думы
по науке и высшему образованию;
103265 г. Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1;
профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Authors' information

KABYSHEV Sergey V. –
PhD in Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chairman of the Committee of the State Duma
on Science and Higher Education;
1 Okhotny Ryad str., 103265 Moscow, Russia;
Professor of the Department
of Constitutional and Municipal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 200–203
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 200–203

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 342

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ПРИ ИЗМЕНЕНИЯХ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ В 2020 ГОДУ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ПРИНЯТИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ

© 2024 г. С. П. Степкин

Российский государственный социальный университет, г. Москва

E-mail: stepkin.sciences@mail.ru

Поступила в редакцию 08.08.2024 г.

Аннотация. В статье автор анализирует конституционные новеллы 2020 года, в том числе появление единой системы публичной власти, замену членов Совета Федерации на сенаторов Российской Федерации, изменение статуса данных лиц и состава верхней палаты российского парламента, а также отмечает несоответствие Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» нормам статьи 104 Конституции РФ в части наименования законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации. Особенное внимание обращено на нарушение в результате внесенных изменений юридической техники в тексте Основного Закона страны, а также наличие в его тексте и действующих сенаторов Российской Федерации, и прекративших свое существование членов Совета Федерации. В качестве изменения ситуации предлагается урегулировать имеющиеся противоречия при последующих изменениях Конституции страны и привести Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» в соответствие с нормами Конституции РФ.

Ключевые слова: конституционные новеллы, Конституция, Совет Федерации, член Совета Федерации, сенатор Российской Федерации, коллизии, законодательные органы, юридическая техника, единая система публичной власти, право граждан на обращение, сенат.

Цитирование: *Степкин С. П.* Проблемы соблюдения юридической техники при изменениях Конституции России в 2020 году и последующем принятии федеральных законов // Государство и право. 2024. № 11. С. 200–203.

DOI: 10.31857/S1026945224110181

PROBLEMS OF COMPLIANCE WITH LEGAL TECHNOLOGY DURING THE AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF RUSSIA IN 2020 AND THE SUBSEQUENT ADOPTION OF FEDERAL LAWS

© 2024 S. P. Stepkin

Russian State Social University, Moscow

E-mail: stepkin.sciences@mail.ru

Received 08.08.2024

Abstract. In the article, the author analyzes the constitutional novelties of 2020, including the emergence of a unified system of public power, the replacement of members of the Federation Council with senators of the Russian Federation, the change in the status of these persons and the composition of the upper house of the Russian Parliament, and also notes the inconsistency of the Federal Law "On General Principles of the organization of public Power in the subjects of the Russian Federation" with the norms of Article 104 of the Constitution Of the Russian Federation in terms of the names of the legislative (representative) bodies of the subjects of the Russian Federation. Special attention is paid to the violation of legal technique in the text of the Basic Law of the country as a result of the changes made and the presence in the Constitution of the Russian Federation of both current senators of the Russian Federation and members of the Federation Council, who ceased to exist. As a change in the situation, it is proposed to resolve the existing contradictions with subsequent amendments to the Basic Law of the country and bring the Federal Law "On General Principles of the Organization of Public Power in the subjects of the Russian Federation" in accordance with the norms of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: constitutional novelties, Constitution, Federation Council, member of the Federation Council, senator of the Russian Federation, conflicts, legislative bodies, legal technique, unified system of public authority, citizens' right to appeal, senate.

For citation: *Stepkin, S.P. (2024).* Problems of compliance with legal technology during the amendments to the Constitution of Russia in 2020 and the subsequent adoption of federal laws // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 200–203.

Верховенство Конституции и значимость ее норм ни у кого не вызывает сомнений, однако с учетом того, как стремительно меняется жизнь, ее социальные и политико-правовые аспекты, текст даже самого главного документа страны нуждался в корректировке. Ведь с момента принятия Конституции на общенародном голосовании прошло более четверти века, изменилась геополитическая ситуация, выросло новое поколение граждан.

И такие работы по внесению изменений в Конституцию РФ были начаты в январе 2020 г., когда Президент РФ В.В. Путин, оглашая свое Послание Федеральному Собранию (далее – Послание), прямо предложил внести поправки по 10 ключевым пунктам[1] и в тот же день образовал рабочую группу по подготовке предложений о внесении поправок в Основной Закон страны, куда вошли 75 авторитетных политиков и ученых, представляющих различные направления науки[2]. Данной группой была проведена колоссальная работа – рассмотрено более 500 предложений[3]. 16 марта 2020 г. Конституционный Суд РФ заключил, что предлагаемые изменения не противоречат Конституции РФ[4]. И уже 1 июля 2020 г. изменения были одобрены в ходе общероссийского голосования.

Полагаем, что ключевое изменение Конституции РФ касалось, учитывая прозвучавшее Послание, именно появления в ней единой системы публичной власти (ч. 2 ст. 80, ч. 3 ст. 132), в которую входят органы местного самоуправления и органы государственной власти. Однако в юридической литературе видим, что авторитетными учеными понятие «публичная власть» трактуется более широко[5], это говорит о том, что приведенный в Основном Законе страны перечень не является исчерпывающим. В ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», принятого уже после внесения рассматриваемых поправок, к единой системе публичной власти отнесены «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности»[6], т.е. также более широкий, по сравнению с используемым в Конституции РФ, перечень. Вместе с тем органы местного самоуправления и органы государственной власти не были логично заменены в Конституции РФ на органы, входящие в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 3, ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 32, ст. 33, ч. 2 ст. 40, ч. 2 ст. 46, ч. 2 ст. 68, ч. 2 ст. 97, ст. 103[1], ч. 1.1 ст. 131, ч. 3 ст. 132, ст. 133), что представляется неверным. Таким образом, например, достаточно значимое для граждан конституционное право на обращение в Основном Законе закреплено в отношении обращений в органы местного самоуправления и органы государственной власти (ст. 33), но не органов, входящих в единую систему публичной власти. Этот недостаток вынужденно восполняется принятым еще в 2006 г. Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[7], но не в высшем нормативном правовом акте Рос-

[1] См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/62582 (дата обращения: 02.08.2024).

[2] См.: распоряжение Президента РФ от 15.01.2020 № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 15.01.2020. № 0001202001150021.

[3] См.: URL: https://www.interfax.ru/russia/695226 (дата обращения: 02.08.2024).

[4] См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 16.03.2020. № 0001202003160037.

[5] См.: *Мигущенко О.Н.* Единая система публичной власти как фактор национальной безопасности Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 1. С. 7; *Кобзарь-Фролова М.Н.* Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юрид. обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 196; *Авакьян С.А.* Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 10, 11; *Эбзеев Б.С.* Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997. С. 30, 31; *Чиркин В.Е.* Публичная власть в современном обществе // Журнал росс. права. 2009. № 7. С. 3, 13; *Винокуров В.А.* Законодательство о публичной власти в России: проблемы понятия и содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 34–37.

[6] См.: Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 08.12.2020. № 0001202012080064.

[7] См.: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Росс. газ. 2006. 5 мая.

сийской Федерации. Аналогичная ситуация и с другими конституционными правами.

Анализируя другие принятые изменения, следует отметить, что как-то незаметно для всех одновременно с крайне важными конституционными изменениями члены Совета Федерации превратились в сенаторов Российской Федерации. В обозначенном Послании данный вопрос не поднимался. При этом сегодня сенаты функционируют примерно в 25% стран, среди которых Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Испания, Италия, Канада, Польша, США, Филиппины, Франция, Чили, ЮАР, но не Россия. В научной литературе одним из первых на проблему введения в Конституцию РФ термина «сенатор» обратил внимание Е.О. Мадаев[8].

Так что же все-таки произошло? Должность «сенатор» (лат. *senātor*) происходит из Древнего Рима и не свойственна России. Хотя справедливости ради отметим, что в нашей стране Сенат был учрежден Петром I в 1711 г. и просуществовал до упразднения в конце 1917 г. Фактически он заменял доверенных лиц государя, которые вели дела во время его отъездов, координировал работу других органов и надзирал за ними, а также являлся высшим судебным органом. По численности он состоял всего из девяти человек: граф, боярин, четыре князя, генерал-кригсцальмейстер, генерал-квартирмейстер и обер-секретарь[9]. Тогда наименование членов Сената сенаторами было вполне объяснимым, но сегодня сената в России нет и не предвидится, а Совет Федерации отличается от сената не только названием, но и порядком формирования. Собственно, именно поэтому представители субъектов Российской Федерации, входящих в состав Совета Федерации (по одному от исполнительной и законодательной власти), именовались его членами. Наименование «члены» всегда настораживало теперь уже сенаторов Российской Федерации, однако стоило ли так резко от этого отказываться, да еще и такими кардинальными методами?! При этом следует отметить, что и в публикациях, и в телевизионных и радиоэфирах журналисты и эксперты часто называли членов Совета Федерации сенаторами задолго до данных изменений в Основном Законе страны. В результате произошедшей конституционной реформы сенатор не только стал смыслово оторван от органа, в котором он осуществляет свою деятельность – Совета Федерации и субъекта Российской Федерации, который он представляет, что не сделано, например, в отношении депутатов Государственной Думы (здесь сохранены и привязка к органу, и тонкий «намек» на то, что он представляет конкретных избирателей и поэтому не именуется «Российской Федерации»), но и возведен в ранг высших лиц, практически как Президент РФ, так как содержит в наименовании своей должности «Российской Федерации». Иными словами, незаметно изменилось не только название, но и конституционно-правовой статус этих лиц. Однако сенатора от исполнительного органа, в отличие от депутата, вряд ли можно считать представителем народа, так как он не избирается в результате реального осуществления власти ее единственным источником – народом по итогам выборов. К тому же, произведенные изменения породили правовую неопределенность и нарушили единообразие текста Основного Закона страны. Так, сразу в трех статьях Конституции РФ продолжают фигурировать «члены Совета Федерации» (ст. 134, ч. 2 ст. 135) и «члены палаты» (ч. 4 ст. 105). Таким образом, в результате данных конституционных изменений и нарушения юридической техники в тексте Основного Закона страны остались и сенаторы Российской Федерации, и члены Совета Федерации, и члены палаты.

Изменился и состав современного Совета Федерации, однако прежде чем перейти к этим изменениям, рассмотрим устройство данного органа с исторической стороны. В декабре 2023 г. верхней палате парламента новой России исполнилось 30 лет, она была сформирована по образу Сената с принятием Конституции РФ 1993 г. Однако Совет Федерации существовал и ранее, в 1990 г., когда в него входили руководители республик СССР и его возглавлял Президент СССР[10], чем мы обязаны III Съезду народных депутатов СССР. Изначально формирование современного Совета Федерации происходило на основе прямых выборов, его члены именовались депутатами, для которых эта работа не являлась основной, что позволило входить в него руководителям субъектов Российской Федерации. В январе 1996 г. данный орган состоял из руководителей субъектов Российской Федерации и председателей региональных законодательных органов, т.е. высших лиц регионов России, которые таким образом получили доступ к федеральной трибуне и не малую часть времени проводили в командировках в Москве. С конца 2001 г. в состав Совета Федерации входят по одному представителю от исполнительной (по решению руководителя региона) и законодательной власти (по решению законодательного органа).

В результате произведенных в 2020 г. изменений Конституции РФ помимо представителей от исполнительного и законодательного (представительного) органов субъекта Российской Федерации с шестилетним сроком полномочий в него теперь будет входить прекративший свои полномочия Президент РФ (пожизненно) и до 30 представителей Российской Федерации, назначаемых Президентом РФ (семеро из которых – пожизненно). Однако, что это за представители, пока не ясно ни с правовой, ни с практической точек зрения. С 2020 г. по настоящее время они так и не были назначены.

Весьма странная ситуация образовалась и с формулировками в отношении законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, упоминаемых в ч. 2 ст. 66, ч. 1 ст. 104 и ст. 134 Конституции РФ, однако здесь противоречия не внутри текста Конституции, а между нормами Конституции и специального закона. К тому же нарушен основной принцип о верховенстве Основного Закона страны и недопустимости принятия противоречащих ему законов (ст. 15).

Так, несмотря на то что ст. 104 Конституции РФ подвергалась изменениям, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации в ней были сохранены, что, однако, не помешало принятию и подписанию в развитие конституционной нормы о единой системе публичной власти Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в котором вместо законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации вдруг появился «законодательный орган субъекта Российской Федерации»[11]. То есть из названия куда-то исчезли представительские функции региональных законодательных органов.

Президент РФ В.В. Путин, особенно подчеркивая необходимость сделать законодательство понятным, обращал

[8] См.: *Мадаев Е.О.* Теоретико-правовые проблемы введения термина «сенатор» в Конституцию Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 63–71.

[9] См.: Президентская библиотека рассказывает о Сенате Петра I. URL: https://www.prlib.ru/news/1331732 (дата обращения: 02.08.2024).

[10] См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 14.

[11] См.: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 21.12.2021. № 0001202112210031.

внимание и на важность юридической техники[12], которая в результате сделанных изменений явно нарушена. М.А. Соколова обращает внимание на то, что нормативный правовой акт нуждается в корректировке по причине юридико-технических дефектов, включающих в себя нарушение «логистических» и «структурных» правил[13]. В рассматриваемом случае представляется, что нарушены оба.

* * *

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что такие формулировки в Конституции РФ и федеральных законах не способствуют открытости и понятности для граждан Основного Закона и иных нормативных правовых актов, формированию доверия к органам публичной власти. А в конечном счете подрывают доверие к российской системе права и не отвечают принципам конституционализма как идеала, к которому должен стремиться народ[14]. При последующих изменениях Конституции РФ необходимо урегулировать имеющиеся противоречия. Вместе с тем Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» следует все-таки привести в соответствие с ч. 2 ст. 66, ч. 1 ст. 104 и ст. 134 Конституции РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционализм. Конституционное право. Энциклопедический словарь. М., 2000. С. 304, 305.
2. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 228–232.
3. *Авакьян С.А.* Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 10, 11.
4. *Винокуров В.А.* Законодательство о публичной власти в России: проблемы понятия и содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 34–37.
5. *Кобзарь-Фролова М.Н.* Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юрид. обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 196.
6. *Мадаев Е.О.* Теоретико-правовые проблемы введения термина «сенатор» в Конституцию Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 63–71.
7. *Мигущенко О.Н.* Единая система публичной власти как фактор национальной безопасности Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 1. С. 7.
8. *Соколова М.А.* Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 69, 74.
9. *Чиркин В.Е.* Публичная власть в современном обществе // Журнал росс. права. 2009. № 7. С. 3, 13.
10. *Эбзеев Б.С.* Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997. С. 30, 31.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Constitutionalism. Constitutional law. Encyclopedic Dictionary. M., 2000. Pp. 304, 305 (in Russ.).
2. *Avakyan S.A.* The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. 2nd ed. M., 2000. Pp. 228–232 (in Russ.).
3. *Avakyan S.A.* Russian constitutionalism: reflections on jubilee results and prospects // Constitutional and Municipal Law. 2024. No. 1. Pp. 10, 11 (in Russ.).
4. *Vinokurov V.A.* Legislation on public authority in Russia: problems of concept and content // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 1. Pp. 34–37 (in Russ.).
5. *Kobzar-Frolova M.N.* The system of public authorities of the Russian Federation: concept, characteristic features, interaction // Siberian Legal Review. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 196 (in Russ.).
6. *Madaev E.O.* Theoretical and legal problems of introducing the term "senator" into the Constitution of the Russian Federation // Prologue: Journal of Law. 2020. No. 3. Pp. 63–71 (in Russ.).
7. *Migushchenko O.N.* The unified system of public authority as a factor of national security of the Russian Federation // Municipal Service: legal issues. 2022. No. 1. P. 7 (in Russ.).
8. *Sokolova M.A.* Identification and elimination of defects in normative legal acts in the mechanism of law-making: dis. ... PhD in Law. M., 2018. Pp. 69, 74 (in Russ.).
9. *Chirkin V.E.* Public power in modern society // Journal of Russian law. 2009. No. 7. Pp. 3–13 (in Russ.).
10. *Ebzeev B.S.* Constitution. The Rule of Law. The Constitutional Court. M., 1997. Pp. 30, 31 (in Russ.).

Сведения об авторе

СТЕПКИН Станислав Павлович –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент факультета юриспруденции
и правового регулирования
Российского государственного социального
университета; 129226 г. Москва,
ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

Authors' information

STEPKIN Stanislav P. –
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Faculty of Law
and Legal Regulation
of the Russian State Social University;
4, bld. 1 Vilgelma Pika str., 129226 Moscow, Russia

[12] См.: Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 16 июня 2023 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71445 (дата обращения: 01.08.2024).

[13] См.: *Соколова М.А.* Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 69, 74.

[14] См.: *Авакьян С.А.* Конституционализм. Конституционное право. Энциклопедический словарь. М., 2000. С. 304, 305; *Его же.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 228–232.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 204–208
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 204–208

УДК 343.3/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ ДЕЯНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ПРАВО НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2024 г. А. В. Курсаев

Министерство внутренних дел Российской Федерации, г. Москва

E-mail: kursaev@list.ru

Поступила в редакцию 27.11.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы криминализации преступлений, посягающих на право на осуществление трудовой деятельности. Приводится перечень данных преступлений. Изучаются социально-правовые основания криминализации указанных преступлений, а также сложности, связанные с этим процессом. Доказывается, что преступность отдельных рассматриваемых преступлений помимо объективных причин обусловлена волей законодателя. Проводится систематика преступлений против права на осуществление трудовой деятельности с позиции теории криминализации. Автор приходит к выводу, что при криминализации изучаемых преступлений законодатель руководствовался не только целями борьбы с преступностью в области трудовых прав граждан, но и идеями признания важности права на труд.

Ключевые слова: уголовный закон, правотворчество, уголовно-правовой запрет, общественная опасность, преступление, криминализация, основание криминализации, преступления против трудовых прав, конституционные права граждан, криминологическая профилактика.

Цитирование: *Курсаев А. В.* Уголовно-правовой запрет деяний, посягающих на право на осуществление трудовой деятельности // Государство и право. 2024. № 11. С. 204–208.

DOI: 10.31857/S1026945224110199

CRIMINAL LAW PROHIBITION OF ACTS INFRINGING ON THE RIGHT TO WORK

© 2024 A. V. Kursaev

Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

E-mail: kursaev@list.ru

Received 27.11.2023

Abstract. The article deals with the criminalization of crimes that infringe on the right to work. A list of these crimes is given. The socio-legal grounds for the criminalization of these crimes, as well as the difficulties associated with this process, are being studied. It is proved that the criminality of the individual crimes under consideration, in addition to objective reasons, is due to the will of the legislator. The systematics of crimes against the right to work is carried out from the standpoint of the theory of criminalization. The author comes to the conclusion that when criminalizing the crimes under study, the legislator was guided not only by the goals of combating crime in the field of labor rights of citizens, but also by the ideas of recognizing the importance of the right to work in human activity.

Key words: criminal law, lawmaking, criminal prohibition, public danger, crime, criminalization, the basis of criminalization, crimes against labor rights, constitutional rights of citizens, criminological prevention.

For citation: *Kursaev, A.V. (2024).* Criminal law prohibition of acts infringing on the right to work // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 204–208.

Противодействие общественно опасным деяниям осуществляется законодателем посредством установления уголовной ответственности за них путем конструирования составов соответствующих преступлений. В то же время признание преступным и конкретных деяний хотя и зависит от воли законодателя, но не означает, что он может криминализировать любое явление только в зависимости от своего усмотрения.

Законодатель связан определенными рамками, которые называются основаниями (условиями) криминализации.

Данное суждение актуально в связи с тем, что границы противоправности в исторической перспективе и между отдельными государства достаточно изменчивы. Любое государство помимо запрета тех деяний, которые оно в силу объективных закономерностей не может не объявить преступными, также запрещает и деяния, которые оно к преступлениям может и не относить. Законодатель наделен определенной свободой выбора в части круга деяний, которые можно рассматривать как преступные.

В то же время для каждой группы преступлений имеются свои особенности в криминализации, обусловленные своеобразием их правовой природы. Такие уникальные черты характерны и для преступлений против права на осуществление трудовой деятельности, к которым мы относим деяния, предусмотренные ст. 127[2], 143, 144, 144[1], 145, 145[1], 216 и 217 УК РФ.

Ю.А. Демидов отмечал, что «законодательное признание деяния преступлением отражает не только его объективные свойства, но и ценностные ориентации законодателя, складывающиеся под воздействием политики, морали и правосознания.., с учетом социальной обстановки, целесообразности борьбы с данным видом проступков путем уголовно-правовых мер»[1].

В связи с этим нам представляется не совсем верной устоявшееся в уголовно-правовой литературе мнение об уголовной противоправности как юридическом выражении общественной опасности[2]. Как справедливо подметил по этому вопросу А.Э. Жалинский, «формально запретить... можно любой поведенческий акт. Формулировка уголовной противоправности – дело преимущественно законодательной техники. Сложнее ответить на вопросы: почему, какие деяния, для чего их нужно запретить, что, какие социальные блага нужно охранять?»[3].

Мы исходим из той позиции, что общественная опасность, как категория объективная, не зависит от решений законодателя, однако в законодательной оценке она находит свое юридическое выражение. Число деяний, в отношении которых возможно законодательное решение относительно их криминализации/декриминализации, достаточно велико. В связи с этим в предмет уголовно-правовой науки должны входить и вопросы социально-правовой обусловленности уголовно-правовых норм и их эффективности.

Конституционный Суд РФ при рассмотрении вопросов о криминализации деяний отмечал, что «закрепление в законе уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не может быть произвольным»[4], а государство имеет право «на установление уголовной ответственности за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространенности причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств»[5].

В связи с этим одним из центральных вопросов уголовно-правовой политики является проблема допустимости, возможности и целесообразности установления уголовно-правовых запретов в конкретной сфере. В этих целях наукой уголовного права разработана теория криминализации общественно опасных деяний. В настоящее время специалистами насчитывается около 20 факторов, служащих основанием уголовно-правового запрета, и по мере углубления исследования проблем криминализации их перечень только расширяется[6]. Несмотря на то что некоторые авторы занимают радикальные позиции, утверждая, что категорией «общественная опасность деяния» можно и должно охватить все условия уголовно-правового запрета[7]. Значение данных факторов достаточно велико. Поэтому представляется, что только учет законодателем всех факторов, влияющих на криминализацию, в их взаимной связи и совокупности, позволит принять уголовно-правовую норму, целесообразность издания которой будет социально и юридически обоснованной, а эффективность действия – достаточно высокой.

В юридической литературе (например, А.И. Коробеевым[8]) сама по себе необходимость охраны конституционных прав и свобод граждан выделяется в качестве самостоятельного основания криминализации, изменения круга и объема деяний, признаваемых преступными. Более осторожную позицию по рассматриваемой проблеме занимает О.С. Гузеева, которая такое требование выдвигает только в отношении деяний, которые посягают на основные права и свободы человека и гражданина, т.е. права, данные ему от рождения, не обусловленные государственными велениями, неотчуждаемые, посягающие на саму природу человека, на его физическое и социальное

---

[1] *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 129.

[2] См.: *Марцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 27.

[3] *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 334.

[4] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14, ст. 1302.

[5] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова» // СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2408.

[6] См.: *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 61, 62.

[7] См.: *Тоболкин П.С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 58.

[8] См.: *Коробеев А.И.* Указ. соч. С. 92.

существование[9]. Можно привести и более широкое обобщение, сделанное Н.В. Генрих, о том, что «криминализация общественно опасных деяний и как один из видов деятельности законодательной власти, и как ее итог в виде содержания уголовного закона определяется правами человека»[10].

Однако данное суждение требует, по нашему мнению, существенного уточнения, так как, во-первых, следует учитывать, что система преступлений как против конституционных прав граждан, так и против прав на осуществление трудовой деятельности еще не сформировалась и претерпевает постоянные изменения (введены новые составы преступлений, предусмотренных ст. 127^2, 144^1, 145^1 УК РФ, существенной содержательной корректировке подвергнуты иные составы). При этом не все из этих законодательных новелл встретили поддержку в научном сообществе. Так, дополнение ст. 144^1 и 145^1 УК РФ уголовного закона отчасти вызвано ситуативными соображениями, преувеличенными надеждами на уголовно-правовое регулирование и стремлением заполнить мнимые пробелы в уголовно-правовой охране путем конструирования специальных норм при наличии в Уголовном кодексе РФ общих норм, действие которых распространяется на данное деяние. Полагаем, что сложности формирования системы преступлений против права на осуществление трудовой деятельности предопределены в том числе отсутствием сложившейся в общественном и профессиональном сознании степени значимости прав и свобод человека.

Во-вторых, вышеприведенное положение поддерживается не всеми специалистами в области уголовного права. В частности, Л.Д. Гаухман считал, что ценность объекта преступления определяется строгостью его защиты, что нашло свое практическое воплощение в санкциях статей Особенной части УК РФ. Согласно его подсчетам, среднеарифметический срок лишения свободы за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина наказывается наименее строго среди всех преступлений. Так, средний срок лишения свободы за названные преступления составляет всего 1.6 года[11].

В-третьих, несмотря на довольно широкую распространенность преступлений против права на осуществление трудовой деятельности, привлечение к ответственности за их совершение достаточно редко. Невысокая эффективность действия уголовного запрета в данной сфере обусловлена не только высокой латентностью (так, по подсчетам специалистов, наибольший коэффициент латентности по состоянию на 2009 г. был по ст. 127^2 УК РФ – 27.5, а наименьший (3.0) – по ст. 217 УК РФ[12]), но и заниженной оценкой их социальной опасности. Причем превалирует т.н. естественно-латентная преступность, не выявляемая правоохранительными органами в силу социальной пассивности граждан и специфики преступлений. Так, по нашим данным, 39% опрошенных не обратились с заявлением о преступлении, поскольку привыкли к преступности в сфере трудовых правоотношений как к обыденному явлению. Кроме того, в качестве одного из правил конструирования состава преступления А.В. Иванчин указывает на то, что состав преступления должен строиться с учетом проблем доказывания этого преступления[13]. Некоторые из рассматриваемых деяний трудно доказуемы (ст. 144^1, 145 и 145^1 УК РФ) в силу объективных сложностей в установлении действительных мотивов и желаний виновного.

В-четвертых, степень криминализации деяний против права на осуществление трудовой деятельности во многом определяется реальным состоянием экономики государства. «Социально-экономические права, – отмечал С.С. Алексеев, – со строго юридической стороны представляют собой не субъективные права, имеющие непосредственно юридическое значение, действие и охрану, а идеолого-политические категории, которые в лучшем случае представляют собой идеалы, намерения, лозунги-задачи и которые в их реальном значении в условиях демократического общества могут обозначаться как принципы деятельности государства, выступающего в качестве института “общественного служения” (“социального государства”)»[14]. А.В. Серебренникова верно отмечает, что закрепление составов преступлений против прав граждан зависит от объема и характера конституционно закрепленных прав и свобод[15]. Поэтому система преступлений, обеспечивающих охрану трудовых прав, не может быть гарантирована всеми государствами в равном объеме, так как уровень их реального воплощения обусловливается теми затратами, которое государство способно потратить на реализацию стандартов в сфере труда.

В-пятых, сложность обоснования криминализации состоит и в том, что часть данных преступлений (ст. 144^1, 145 УК РФ) относится к уголовным делам частно-публичного обвинения, которые в силу ч. 3 ст. 20 УПК РФ возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Данные преступления представляют собой преступления небольшой тяжести, которые посягают на личные неимущественные права, ценностное содержание которых субъективно. Интересы, выраженные в категории личных неимущественных прав, во многом оценочны и лишены экономического содержания, а следовательно, не могут быть достаточно точно определены, их осуществление не сопровождается имущественным предоставлением (эквивалентом) со стороны других лиц. Соответственно, характер общественно опасного в данном случае зависит и от субъективного восприятия со стороны потерпевшего факта нарушения прав. Поэтому следует согласиться с мнением А.Н. Гончаровой, что для решения вопроса о том, являлось ли деяние, связанное с их нарушением, общественно опасным, имеет значение то, насколько сильно у потерпевшего выражалось негативное переживание случившегося[16]. В данных преступлениях уже «запрограммировано» ограничение публичного начала процесса привлечения к уголовной ответственности.

Исходя из вышеизложенного, криминализация преступлений против права на осуществление трудовой деятельности может быть оправдана: 1) целями защиты трудовых прав и интересов граждан, пострадавших от преступных посягательств; 2) предупреждением совершения против них виновными новых преступлений, и 3) невозможностью формирования

---

[9] См.: *Гузеева О.С.* Проблемы теории конституционализации уголовного права. М., 2021. С. 271, 272.

[10] *Генрих Н.В.* Криминализация в системе институтов современного российского общества. М., 2022. С. 59.

[11] См.: *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2005. С. 71.

[12] См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2013. С. 169, 367.

[13] См.: *Иванчин А.В.* Конструирование состава преступления: теория и практика / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2014. С. 118.

[14] *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 648.

[15] См.: *Серебренникова А.В.* Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина по УК РФ и уголовному законодательству Германии: критерии криминализации // Бизнес в законе. 2013. № 2. С. 64.

[16] См.: *Гончарова А.Н.* Криминологические основания преступлений частного обвинения. Красноярск, 2002. С. 14.

правопослушного поведения виновных с использованием других, не связанных с уголовно-правовым воздействием, мер принуждения.

При этом следует отметить, что криминализация деяний в сфере права на осуществление трудовой деятельности не лишена определенных проблем, которые могут быть сведены к следующему.

Так, позитивное трудовое законодательство содержит множество нюансов, в зависимости он наличия которых одно и то же поведение может рассматриваться в качестве правомерного или противозаконного. Например, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»[17] разъяснено, что работодатель в целях эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом самостоятельно, под свою ответственность принимает необходимые кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала), и заключение трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, является правом, а не обязанностью работодателя. Соответственно, реализация данных полномочий зависит от усмотрения работодателя.

В то же время работодатель не может действовать произвольно. В случае, если решения работодателя обусловлены дискриминационными признаками, содеянное может рассматриваться как преступление и влечь уголовную ответственность по ст. 144[1] и 145 УК РФ. Как отмечает Д.Ю. Вешняков, вмешательство государства в сферу усмотрения законодательства должно быть ограниченным и возможно только в целях обеспечения общественной безопасности и соблюдения интересов личности[18].

Необходимо принимать во внимание ценностные установки, которыми руководствовался работодатель при принятии соответствующих решений. Так, работодателю как хозяйствующему субъекту может быть присущ предпринимательский риск, при которой не всегда могут быть просчитаны последствия экономической деятельности. Например, невыплата заработной платы может быть обусловлена как корыстной или иной личной заинтересованностью, так и сложным материальным положением работодателя.

Наконец, такие проблемы обусловлены многовариантностью действия работника по защите своих прав. Работник в целях защиты своих прав, связанных с невыплатой ему заработной платы, может как предъявить гражданский иск о взыскании заработной платы, так и обратиться с заявлением в правоохранительные органы о возбуждении уголовного дела по ст. 145[1] УК РФ. Так, в 2020 г. было вынесено 184 763 судебных акта об удовлетворении исковых требований о взыскании заработной платы. За этот же период было возбуждено только 1819 уголовных дел по ст. 145[1] УК РФ.

Криминализация деяний, посягающих на право на осуществление трудовой деятельности, допустима лишь в тех случаях, когда такое деяние настолько общественно опасно, что необходимо установление уголовной ответственности за него. Конкретный объем криминализации посягательств на право на осуществление трудовой деятельности определяется исходя из двух основных факторов: содержанием прав граждан в названной сфере и наличием определенных условий, при которых нарушение данных прав будет преступным – критериев криминализации.

При рассмотрении вопроса об обосновании криминализации посягательства на право на осуществление трудовой деятельности следует учитывать и позицию Конституционного Суда РФ о том, что любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы, является одновременно и посягательством на человеческое достоинство. Непринятие своевременных мер к выявлению и пресечению нарушений прав и свобод означало бы умаление чести и достоинства личности не только виновным, но и самим государством. Тем самым государство обязано предусмотреть меры предупреждения общественно опасных деяний, посягающих на неприкосновенность личности[19].

Интерпретация данной позиции органа конституционного контроля позволяет прийти к выводу, что касательно преступлений, затрагивающих достоинство личности, криминализация трансформируется уже не в право, а в обязанность государства.

Применительно к праву на осуществление трудовой деятельности данное суждение означает, что в основе криминализации посягательств на это право лежит синтез двух взаимоисключающих идей: 1) наличие данных прав стимулирует государство к их защите посредством криминализации, так как обратное означало бы уклонение государства от реализации его функций по защите своих граждан. Статус трудовых прав, как непосредственно закрепленных в Конституции РФ, подчеркивает их значимость и служит дополнительным аргументов в их защиту средствами уголовного закона; 2) криминализация должна рассматриваться в качестве крайнего метода такой защиты, когда применение иных способов (административная, гражданско-правовая, трудовая ответственность) объективно не сможет достичь поставленной цели. Последнее выражается в том, что наказуемо не нарушение трудовых прав само по себе, а как правило, если оно сопряжено с наличием определенных криминообразующих признаков (характер вреда, способ совершения преступления, наличие определенного мотива).

Исходя из изложенного, преступления, посягающие на право на осуществление трудовой деятельности, с позиции теории криминализации делятся на две группы.

Первая группа – это деяния, «преступные до криминализации». Это составы, предусмотренные ст. 127[2], 143, 216 и 217 УК РФ. Они сопряжены с посягательством на дополнительные объекты – свободу, жизнь и здоровье, и в силу этого отличаются априорной противоправностью, а защищаемые им ценности рассматриваются в качестве абсолютных в общем сознании и разделяются социумом. Как отмечает известный американский криминолог Дж. Шелли, «всеобщее возмущение и негодование, вызванное девиантным действием, укрепляет общественные связи. Более того, девиантность позволяет каждому отдельному члену общества убедиться в собственной добродетельности и соответствии моральным стандартам»[20].

---

[17] См.: Росс. газ. 2004. 8 апр.

[18] См.: *Вешняков Д.Ю.* Теоретические проблемы криминализации нарушений правил охраны труда в уголовном праве России // Вестник СПбУ. 2010. Сер. 14. Вып. 2. С. 66.

[19] См.: постановления Конституционного Суда РФ: от 02.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СЗ РФ. 2013. № 28, ст. 3881; от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // СЗ РФ. 2021. № 16, ст. 2874.

[20] Криминология / под ред. Дж.Ф. Шелли. СПб., 2003. С. 79.

Вторую группу составляют деяния, «преступные в силу криминализации». Это составы, представленные ст. 144, 144^1, 145, 145^1 УК РФ. Их криминализация основывается на учете причиненного в результате их совершения вреда. Поскольку они связаны с природой закона и относятся к наиболее изменчивой части преступности, зависящей от выбора индивидуумом варианта своего поведения, установление уголовной ответственности за них является существенным сдерживающим эффектом негативного поведения, и поэтому преследует предупреждения преступления и исправления самих преступников, а также может существенно сказываться на объеме запрещенного поведения в сторону его уменьшения. Уголовный закон здесь выступает как в качестве «творца преступности», так и способствует уменьшению этого преступного поведения до минимального или приемлемого уровня.

* * *

Таким образом, криминализация преступлений против права на осуществление трудовой деятельности выполняет не только охранительную функцию, но и отражает ценностно-ориентационное действие права на мотивационное поведение людей с целью предупреждения с их стороны определенного отрицательного поведения. Поэтому криминализация данных преступлений является профилактическим фактором. Кроме того, установление в Уголовном кодексе РФ специальных уголовно-правовых запретов за деяния, посягающие на трудовые права граждан, связано с существенным изменением уровня их общественной опасности, когда обычные средства уголовной или административной ответственности являются уже недостаточными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
2. *Вешняков Д.Ю.* Теоретические проблемы криминализации нарушений правил охраны труда в уголовном праве России // Вестник СПбУ. 2010. Сер. 14. Вып. 2. С. 65–68.
3. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2005.
4. *Генрих Н.В.* Криминализация в системе институтов современного российского общества. М., 2022.
5. *Гончарова А.Н.* Криминологические основания преступлений частного обвинения. Красноярск, 2002.
6. *Гузеева О.С.* Проблемы теории конституционализации уголовного права. М., 2021.
7. *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
8. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009.
9. *Иванчин А.В.* Конструирование состава преступления: теория и практика / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2014.
10. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019.
11. Криминология / под ред. Дж.Ф. Шелли. СПб., 2003.
12. *Марцев А.И.* Общие вопросы учение о преступлении. Омск, 2000.
13. *Серебренникова А.В.* Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина по УК РФ и уголовному законодательству Германии: критерии криминализации // Бизнес в законе. 2013. № 2. С. 62–64.
14. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2013.
15. *Тоболкин П.С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* Ascent to the law. Searches and solutions. M., 2001 (in Russ.).
2. *Veshnyakov D. Yu.* Theoretical problems of criminalization of violations of labor protection rules in Criminal Law of Russia // Herald of St. Petersburg University. 2010. Ser. 14. Iss. 2. Pp. 65–68 (in Russ.).
3. *Gaukhman L.D.* Qualification of crimes: law, theory, practice. M., 2005 (in Russ.).
4. *Genrikh N.V.* Criminalization in the system of institutions of modern Russian society. M., 2022 (in Russ.).
5. *Goncharova A.N.* Criminological grounds of crimes of private prosecution. Krasnoyarsk, 2002 (in Russ.).
6. *Guzeeva O.S.* Problems of the theory of the constitutionalization of Criminal Law. M., 2021 (in Russ.).
7. *Demidov Yu.A.* Social value and evaluation in Criminal Law. M., 1975 (in Russ.).
8. *Zhalinsky A.E.* Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. M., 2009 (in Russ.).
9. *Ivanchin A.V.* Construction of the corpus delicti: theory and practice / ed. by L.L. Kruglikov. M., 2014 (in Russ.).
10. *Korobeev A.I.* Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis. M., 2019 (in Russ.).
11. Criminology / ed. by J.F. Shelley. SPb., 2003 (in Russ.).
12. *Martsev A.I.* General questions the doctrine of crime. Omsk, 2000 (in Russ.).
13. *Serebrennikova A.V.* Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen under the Criminal Code of the Russian Federation and the criminal legislation of Germany: criteria for criminalization // Business in law. 2013. No. 2. Pp. 62–64 (in Russ.).
14. Theoretical foundations of latent crime research and analysis / ed. by S.M. Inshakov. M., 2013 (in Russ.).
15. *Tobolkin P.S.* Social conditionality of criminal law norms. Sverdlovsk, 1983 (in Russ.).

Сведения об авторе

КУРСАЕВ Александр Викторович –
кандидат юридических наук,
главный эксперт-специалист
Договорно-правового департамента
Министерства внутренних дел
Российской Федерации;
119049 г. Москва, ул. Житная, д. 12а

Authors' information

KURSAEV Alexander V. –
PhD in Law,
Chief Expert Specialist of the Contract
and Legal Department, Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation;
12a Zhitnaya str., 119049 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 209–212
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 209–212

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 343.1

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИНСТИТУТ ПОДСУДНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ»

© 2024 г. Д. П. Чекулаев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: dm_ch@inbox.ru

Поступила в редакцию 22.04.2024 г.

Аннотация. В статье представлен краткий обзор докладов участников I ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса» на тему «Институт подсудности в уголовном процессе», организованной кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. На конференции участники обсудили вопросы процессуальной природы подсудности, затронули проблемы подсудности военным судам, а также иные важные аспекты уголовно-процессуальной подсудности на современном этапе развития законодательства и практики.

Ключевые слова: уголовный процесс, подсудность, право на законный суд.

Цитирование: *Чекулаев Д.П.* Всероссийская научно-практическая конференция «Институт подсудности в уголовном процессе» // Государство и право. 2024. № 11. С. 209–212.

DOI: 10.31857/S1026945224110208

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “INSTITUTE OF JURISDICTION IN CRIMINAL PROCESS”

© 2024 D. P. Chekulaev

Lomonosov Moscow State University

E-mail: dm_ch@inbox.ru

Received 22.04.2024

Abstract. The article presents a brief overview of the reports of the participants of the I Annual All-Russian Scientific and Practical Conference “Current problems of the Russian criminal process” on the topic “Institute of jurisdiction in criminal proceedings”, organized by the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor’s Supervision of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University. At the Conference, participants discussed issues of the procedural nature of jurisdiction, touched upon the problems of jurisdiction in military courts, as well as other important aspects of criminal procedural jurisdiction at the present stage of development of legislation and practice.

Key words: criminal process, jurisdiction, right to a lawful trial.

For citation: *Chekulaev, D.P. (2024)*. All-Russian Scientific and Practical Conference “Institute of jurisdiction in criminal process” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 209–212.

Кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова было принято решение об организации цикла ежегодных всероссийских научно-практических конференций, посвященных актуальным проблемам российского уголовного процесса. Первая конференция в рамках данного цикла состоялась 29 марта 2024 г. и была посвящена теме «Институт подсудности в уголовном процессе».

Актуальность данной темы сомнений не вызывает. В теории и практике накопилось множество важных проблем, требующих серьезного научно-практического обсуждения. Относительно недавно было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ, посвященное вопросам, связанным с подсудностью уголовного дела[1]. Разработка и принятие указанного постановления, безусловно, усилили остроту дискуссий относительно данного института[2]. В целях комплексного подхода к изучению накопившихся вопросов, всестороннего и полного рассмотрения наиболее актуальных проблем подсудности в уголовном судопроизводстве, для участия в конференции были приглашены судьи, прокуроры, адвокаты, представители ведущих высших учебных заведений юридического профиля, академических и научно-исследовательских институтов.

Приглашение для участия в работе конференции ученых, преподавателей и практических работников, посвятивших работы изучению института подсудности, предопределило структуру проведения конференции с выделением следующих *разделов*: 1) уголовно-процессуальный институт подсудности в конституционно-правовом ракурсе; 2) процессуальная природа определения компетентного суда в уголовном судопроизводстве; 3) виды подсудности в уголовном процессе и проблемы критериев ее определения; 4) изменение подсудности в уголовном процессе; 5) подсудность в промежуточных производствах; 6) подходы к регулированию подсудности в зарубежных государствах. После выступлений докладчиков в рамках каждого раздела конференции состоялась дискуссия, в ходе которой участники высказали мнения относительно рассмотренных проблем.

С учетом закрепленного в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ права на законный суд *первый раздел* конференции был посвящен институту подсудности в конституционно-правовом смысле. Данный раздел после краткого приветственного слова открыл зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. **Л.В. Головко** докладом «***Институт подсудности в уголовном процессе: границы между ценностным и техническим измерением***». В выступлении Л.В. Головко обозначил предпосылки возникновения в Конституции РФ права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47). В советский период Верховный Суд РСФСР был вправе принять в производство любое уголовное дело в виду его особой сложности или особого общественного значения, как по собственной инициативе, так и по инициативе Прокурора РСФСР (ст. 38 УПК РСФСР). Безусловно, реализация таких полномочий по изменению предметной подсудности отражалась на движении дела по инстанциям. Л.В. Головко подчеркнул, что с учетом конституционных гарантий изменение предметной подсудности в законодательстве не должно сказываться на реализации права на обжалование.

Следующие два доклада были посвящены актуальным вопросам подсудности военным судам, которые в последние годы по разным причинам оказались в эпицентре конституционно-правового развития института подсудности. Судья Верховного Суда РФ **А.Н. Замашнюк** в докладе на тему «***Актуальные проблемы подсудности уголовных дел военным судам на современном этапе***» обратил внимание на особенности определения моментов приобретения статуса военнослужащего и окончания действия данного статуса. В докладе отмечалась проблематика определения подсудности по уголовным делам в отношении лиц, входящих в состав добровольческих формирований. А.Н. Замашнюк также осветил правовое регулирование подсудности военным судам, находящимся за пределами территории Российской Федерации.

Преподаватель кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель Председателя Московского окружного военного суда, судья в почетной отставке, канд. юрид. наук **А.В. Абабков** в докладе «***Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам***» осветил историческое развитие отечественного законодательства в части подсудности уголовных дел военным судам. В своем выступлении А.В. Абабков сообщил о проблемах, возникающих при применении правил исключительной подсудности на современном этапе, а также о сложностях формирования коллегии присяжных заседателей при рассмотрении уголовных дел военными судами.

Во *втором разделе* конференции была рассмотрена процессуальная природа определения компетентного суда в уголовном судопроизводстве. Доцент кафедры иностранного права и сравнительного правоведения Юридического института Сибирского федерального университета, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Сибирского института бизнеса, управления и психологии, канд. юрид. наук **П.В. Кондрашин** в докладе на тему «***Определение подсудности уголовного дела как составляющая права на законный суд***» обозначил, что право на законный суд включают две составляющие: подсудность и состав суда. По мнению докладчика, в законе следует закрепить возможность возвращения уголовного дела прокурору при неверном установлении места совершения преступления и, соответственно, подсудности уголовного дела.

Директор Института права Волгоградского государственного университета, профессор кафедры процессуального права и криминалистики Института права, д-р юрид. наук **И.С. Дикарев** в своем выступлении на тему «***Уровни подсудности в уголовном процессе***» исследовал проблематику, связанную с выделением признаков и критериев подсудности с учетом построения судебной системы в Российской Федерации. И.С. Дикарев предложил выделять два уровня подсудности в уголовном процессе: на первом уровне происходит разграничение дел между подсистемами (территориальными судами общей юрисдикции и военными судами), а на втором уровне определяется суд в рамках одной подсистемы. Причем докладчиком была выявлена закономерность: признаки и критерии первого уровня могут применяться в рамках второго уровня.

Далее судьей Верховного Суда РФ в почетной отставке, профессором кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского государственного педагогического университета, д-ром юрид. наук, проф. **Н.А. Колоколовым** в докладе «***Некоторые***

[1] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

[2] См.: *Бехало С.В., Давыдов В.А.* Подсудность уголовных дел: разъяснения Пленума Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2023. № 9. С. 24–30; *Коновалов С.Г.* Подсудность уголовных дел: разъяснения, не оправдавшие ожиданий // Закон. 2023. № 8. С. 124–126.

актуальные проблемы определения подсудности: рациональное и иррациональное» были рассмотрены назревшие проблемы института подсудности в настоящее время.

Главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, проф. **С.Б. Россинский** в своем выступлении на тему ***«Подсудность уголовного дела: принцип уголовного судопроизводства, общее условие судебного разбирательства или фрагмент административного регламента?»*** подчеркнул, что институт подследственности и институт подсудности не являются однопорядковыми. Институт подсудности имеет конституционно-правовые корни. По мнению докладчика, правила о подсудности в Уголовно-процессуальном кодексе РФ не должны превращаться в правила технического характера.

Доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук **С.Г. Коновалов** в докладе ***«Запрет споров о подсудности в уголовном процессе»*** осветил исторический аспект данной проблематики. Так, например, в Российской Империи споры о подсудности допускались, но в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. регламентировался порядок их разрешения. В СССР был установлен запрет споров о подсудности, который сохранился и в Российской Федерации (в Уголовно-процессуальном кодексе РФ). С.Г. Коновалов в докладе подробно проанализировал трактовку судами положения, закрепленного в ст. 36 УПК РФ.

В рамках *третьего раздела* конференции были рассмотрены аспекты предметной и территориальной подсудности. Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Ереванского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. **С.А. Дилбандян** выступил с докладом на тему ***«Предметная подсудность по УПК Республики Армения»***. Он подробно рассказал о конституционных основах формирования и деятельности судебной системы в Республике Армения, о соотношении понятий «компетенция» и «подсудность», а также о правилах предметной подсудности, установленных в УПК РА, принятом в 2021 г. С.А. Дилбандян сообщил о деятельности антикоррупционных судов и подчеркнул, что законодательством Республики Армения предусмотрено создание судов по делам частного обвинения.

Далее доцентом кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук **П.П. Степановым** в выступлении на тему ***«Проблема определения места совершения преступления и ее влияние на территориальную подсудность уголовного дела»*** была показана уголовно-процессуальная проблематика с учетом уголовного права. Докладчик подробно проанализировал постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых даны разъяснения относительно категории «место совершения преступления». П.П. Степанов объяснил причины различных трактовок данной категории применительно к конкретным составам преступлений (мошенничество, кража, контрабанда и др.). Также докладчик уделил внимание вопросу определения территориальной подсудности уголовных дел о хищениях безналичных денежных средств с учетом изменений в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук **Д.П. Чекулаев** в докладе ***«Критерии для определения территориальной подсудности уголовного дела: доктринальные вопросы и нормативные пробелы»*** продолжил рассмотрение территориальной подсудности. Докладчик затронул проблему определения подсудности уголовных дел о преступлениях, совершенных на территории Российской Федерации, но вне территории ее субъектов, обратив внимание на пробельность законодательства на этот счет. Д.П. Чекулаев также обратил внимание на недопустимость изменения подсудности как следствие изменения подследственности уголовного дела, которая имеет иную (организационно-процессуальную, а не конституционно-процессуальную) правовую природу.

Аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова **Е.Е. Коновалова** в докладе на тему ***«Предметная подсудность уголовного дела: статус обвиняемого и иные критерии ее определения»*** подчеркнула, что правила предметной подсудности основываются на множественности критериев. В докладе обозначены сложности разграничения подсудности мировым судьям и районному суду. Высказано предложение о том, что дела о преступлениях небольшой и средней тяжести не должны относиться к подсудности областных и приравненных к ним судов.

Четвертый раздел конференции был посвящен актуальным вопросам изменения подсудности в уголовном процессе. Открыл данный раздел доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Кемеровского государственного университета, судья Кемеровского областного суда, канд. юрид. наук **Н.А. Быданцев** докладом на тему ***«Изменение территориальной подсудности уголовного дела как особое производство»***. Докладчик выделил основные черты, которыми характеризуется данная процедура, а также рассказал о трудностях, с которыми сталкиваются судьи при применении положений ст. 35 УПК РФ.

Старший прокурор второго отдела управления государственных обвинителей Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ, д-р юрид. наук **М.М. Долгиева** в докладе ***«Изменение подсудности как механизм обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 4 ст. 35 УПК РФ)»*** сообщила о статистике применения положений ч. 4 ст. 35 УПК РФ. Докладчик привела конкретные примеры обстоятельств, подтверждающих наличие реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства при применении данных положений законодательства. М.М. Долгиева акцентировала внимание на трудностях реализации права на судопроизводство с участием присяжных заседателей при применении ч. 4 ст. 35 УПК РФ. Она также подчеркнула, что применение данной нормы допускается лишь в исключительных случаях.

Ведущий научный сотрудник Центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, канд. юрид. наук **Д.А. Печегин** в докладе ***«Принцип состязательности в контексте изменения подсудности»*** обозначил проявления состязательности при применении положений ст. 35 УПК РФ.

Помощник заместителя Председателя Верховного Суда РФ, соискатель кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия **С.В. Бехало** выступил с докладом на тему ***«Полномочия председателя районного суда (вышестоящего) по передаче дел между мировыми судьями: судоустройственное регулирование и процессуальный аспект»***. С.В. Бехало сообщил об истоках появления полномочий председателя районного суда по передаче дел между мировыми судьями, о целях введения данного института. В докладе были рассмотрены проблемы правоприменения, в частности отсутствие критериев при разрешении вопроса о судебной нагрузке между судьями.

Докладчик подчеркнул, что институт передачи дел между мировыми судьями, предусмотренный законодательством о судоустройстве, и институт изменения подсудности являются самостоятельными. Передача дел между мировыми судьями по решению председателя районного суда является универсальной процедурой для всех видов судопроизводств. В докладе высказаны предложения об усовершенствовании в законодательстве процедуры передачи дел между мировыми судьями.

Руководитель коллегии адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры», адвокат **В.Р. Застрожин** в докладе на тему «***Обеспечение прав участников уголовного процесса при изменении территориальной подсудности уголовного дела***» рассмотрел вопросы соотношения права на законный суд и права на судебную защиту. По мнению докладчика, институт подсудности должен обеспечивать действие принципов уголовного судопроизводства.

Пятый раздел конференции был посвящен подсудности в промежуточных производствах. Заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), канд. юрид. наук **К.Б. Калиновский** в докладе «***Изменение подсудности ходатайств и жалоб в досудебном производстве***» обозначил актуальные позиции практики Конституционного Суда РФ относительно вопроса изменения подсудности в ходе осуществления судебного контроля, а также проблемы, возникающие при применении данных позиций. К.Б. Калиновский сообщил о проблемах, связанных с обжалованием решения об изменении подсудности ходатайства или жалобы в досудебном производстве, в том числе и «раздвоении» материалов. Докладчик высказал предложение о том, что в ходе досудебного производства следует изменять не территориальную подсудность, а подследственность уголовного дела.

Профессор кафедры уголовного процесса Омской академии Министерства внутренних дел РФ, д-р юрид. наук **Л.А. Пупышева** выступила с докладом на тему «***Подсудность вопросов, связанных с исполнением приговора***». Докладчик подробно осветила вопрос о применимости категории «подсудность» в стадии исполнения приговора, а также рассказала о гарантиях права на законный суд, реализуемых при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Шестой раздел конференции объединил сравнительно-правовые доклады, посвященные подходам зарубежных государств к регулированию института подсудности в уголовном процессе. Доцент Департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права Высшей школы экономики, канд. юрид. наук **А.А. Трефилов** в докладе на тему «***Споры о подсудности: опыт Швейцарии***» отметил особенности регламентации института подсудности через призму сравнительно-правовых подходов. Докладчик обозначил правила предметной и территориальной подсудности, а также возможность разрешения споров о подсудности в Швейцарии.

Ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук **А.А. Жарёнов** выступил с докладом на тему «***Механизмы разрешения споров о подсудности в уголовном процессе Франции***». Докладчик рассказал об особенностях применения института подсудности во Франции, который распространяется в том числе и на следственного судью. В докладе подробно освещены порядок разрешения негативных и позитивных споров о подсудности, а также порядок разрешения конфликтов между судами общей юрисдикции и административными судами при рассмотрении уголовных дел.

Ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова **А.С. Филяшин** в докладе «***Округ, штат, федерация и племя: подсудность и юрисдикция в уголовном процессе США***» отметил казуистичность правил предметной подсудности в уголовном процессе США. Он подчеркнул, что в США уголовное дело рассматривается по месту совершения преступления, при этом им является то место, где будет совершен любой из элементов преступления.

* * *

Таким образом, в ходе конференции всестороннему научному анализу подвергнуты наиболее сложные и спорные ситуации применения института подсудности в уголовном процессе Российской Федерации, а также обнаружены тенденции развития данного института в зарубежных государствах. Кроме того, конференция способствовала конструктивному обмену мнениями между учеными, занимающимися проблемами подсудности, и практиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бехало С.В., Давыдов В.А.* Подсудность уголовных дел: разъяснения Пленума Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2023. № 9. С. 24–30.
2. *Коновалов С.Г.* Подсудность уголовных дел: разъяснения, не оправдавшие ожиданий // Закон. 2023. № 8. С. 124–126.

REFERENCES

1. *Bekhalo S.V., Davydov V.A.* Jurisdiction of criminal cases: explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal process. 2023. No. 9. Pp. 24–30 (in Russ.).
2. *Konovalov S.G.* Jurisdiction of criminal cases: clarifications that did not live up to expectations // Law. 2023. No. 8. Pp. 124–126 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧЕКУЛАЕВ Дмитрий Петрович –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
юридического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 13

Authors' information

CHEKULAEV Dmitry P. –
PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's
Supervision of the Law Faculty,
Lomonosov Moscow State University;
1, bld. 13 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 11, с. 213–216
STATE AND LAW, 2024, No. 11, pp. 213–216

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 340

В.Н. Жуков. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ВЛАСТЬ: КЛАССИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 504 с.

© 2024 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.10.2024 г.

Аннотация. В рецензии освещаются основные положения монографии В.Н. Жукова «Бессознательное и власть: классический психоанализ». В книге рассматриваются концепции классиков психоанализа (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм, В. Райх, Г. Маркузе, С. Московичи), их представления о механизме влияния бессознательной части психики человека на институты и процессы, связанные с властью, политикой, государством и правом. Психоанализ – одно из наиболее влиятельных направлений в психологии XX в. Его особенность состоит в том, что он способен быть универсальным методом анализа всех социальных явлений, включая политику, власть, государство и право. Вместе с тем указывается на вероятностный, гипотетический характер базовых положений психоанализа и, соответственно, его выводов о природе политико-правовых явлений.

Ключевые слова: психоанализ, бессознательное, власть, политика, Фрейд, культура, агрессия, массы, фашизм, демократия.

Цитирование: *Савенков А.Н.* В.Н. Жуков. Бессознательное и власть: классический психоанализ // Государство и право. 2024. № 11. С. 213–216.

DOI: 10.31857/S1026945224110217

V.N. Zhukov. THE UNCONSCIOUS AND POWER: CLASSICAL PSYCHOANALYSIS. Moscow: YUNITI-DANA, 2024. – 504 pp.

© 2024 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@yandex.ru

Received 24.10.2024

Abstract. The review highlights the main provisions of V.N. Zhukov's monograph "The unconscious and power: classical psychoanalysis". The book examines the concepts of the classics of psychoanalysis (Z. Freud, K.G. Jung, E. Fromm, V. Reich, G. Marcuse, S. Moscovici), their ideas about the mechanism of influence of the unconscious part of the human psyche on institutions and processes related to power, politics, the state and law. Psychoanalysis is one of the most influential areas in psychology of the 20th century. Its peculiarity is that it can be a universal method of analyzing all social phenomena, including politics, government, the state and law. At the same time, it is pointed out the probabilistic, hypothetical nature of the basic provisions of psychoanalysis and, accordingly, its conclusions about the nature of political and legal phenomena.

Key words: psychoanalysis, the unconscious, power, politics, Freud, culture, aggression, masses, fascism, democracy.

For citation: *Savenkov, A.N. (2024).* V.N. Zhukov. The unconscious and power: classical psychoanalysis // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 213–216.

Вышло в свет фундаментальное научное исследование В.Н. Жукова, известного российского юриста и философа, доктора юридических наук, доктора философских наук, профессора кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главного научного сотрудника сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук. Работа посвящена концепциям наиболее крупных представителей психоанализа (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм, В. Райх, Г. Маркузе, С. Московичи), их представлениям о механизме влияния бессознательной части психики человека на институты и процессы, связанные с властью, политикой, государством и правом. На богатом историческом материале показано действие механизма бессознательных сил на человека и культуру в связи с такими социальными феноменами, как агрессия, массы, фашизм и демократия.

О психоанализе в нашей юридической среде имеют слабое представление. Знают, как правило, общие вещи, а именно, что это одно из крупнейших направлений в психологии XX в., что его основатель – З. Фрейд, что психоанализ имеет дело с бессознательными процессами. Пожалуй, только криминологи осведомлены о психоанализе чуть лучше других юристов, так как их учебные курсы могут включать раздел о Фрейде и фрейдизме. В советские времена сочинения Фрейда находились в спецхране библиотек, их надо было заказывать по специальным письмам. Как представляется, у большинства юристов отношение к Фрейду либо безразличное, либо скептическое, либо ироническое. Специалисты в области общей теории права и истории политических и правовых учений не далеко ушли от общей массы, тема психологии права и государства для них – экзотика и дальняя периферия. А между тем, указывает В.Н. Жуков, «по масштабу своей личности и своего учения Фрейд находится в ряду тех выдающихся деятелей мировой культуры, с именами которых связаны основные вехи в истории гуманитарного знания. Помимо психологии и медицины его идеи также оказали то или иное влияние почти на все сферы социальной науки. Воздействие психоанализа тотально и универсально: он проник в философию, историю, религиоведение, социологию, антропологию, культурологию, политологию, юридические и экономические науки, литературоведение, искусство» (с. 5). Психоанализ – это не только метод психотерапевтического лечения пациентов, не только метод познания психики человека, и прежде всего ее бессознательной части, это также метод исследования культурно-исторических феноменов и процессов, в том числе сферы политики, власти, государства и права.

Эвристические способности психоанализа всегда вызывали и продолжают вызывать большие сомнения, поскольку сам феномен бессознательного далеко не очевиден и требует доказательств. Как отмечает автор, «один из важнейших методов психологии и психиатрии – интроспекция (самонаблюдение). Сложность изучения психики человека состоит в том, что проникнуть в нее объективными средствами не представляется возможным. Создать относительно объективную картину психики индивида можно по двум основным показателям: это его поведение и речь. Оба показателя могут быть результатом намеренной или ненамеренной симуляции. В этом случае одним из главных критериев оказывается собственный психический опыт: исследователь составляет картину психического состояния индивида на основе своих эмоциональных переживаний... Интроспекция – прямой путь к субъективизму психологии и психиатрии» (с. 26). Если факт сознания самоочевиден, его наличие не надо доказывать, то теория бессознательного, утверждает автор, вся строится исключительно не просто на гипотезах, а часто на мифологии. В этом смысле психоанализ в своей основе – всегда метафизика, т.е. умозрение, опирающееся на веру. Постулаты психоанализа следует изначально либо признавать, либо отвергать. «Рациональные доказательства здесь – своего рода условность, главное в психоанализе – не доказательства, а общая мировоззренческая платформа, ценностный способ осмысления мира, человека и общества. Психоанализ во всех его школах и разновидностях нацелен на одно – на обнаружение звериного, животного начала, "пещерного человека" в человеческой личности и социальных институтах. Если данная установка в целом устраивает, то весь комплекс гипотез психоанализа берется как некое допущение, как вероятностное знание, возможно, имеющее место в действительности» (с. 28).

Вместе с тем огромная популярность и широчайшее применение психоанализа говорит о том главном, что он в себе содержит: «психоанализ предложил работающие гипотезы, способные рационально объяснять многие феномены индивидуальной и социальной жизни. Вот эта эффективность, продуктивность и универсальность применения фрейдистской методологии и позволила ей приобрести широчайшую популярность почти во всех отраслях гуманитарного знания» (с. 5).

Психоанализ развивался от индивидуальной психологии к социальной. Базовые положения классики психоанализа формулируют сначала и главным образом применительно к человеку, а затем распространяют их на социальные институты и культуру в целом. Они исходят из допущения, что общество и его институты переносят на себя свойства индивидов, а потому социальная психология сходна с индивидуальной. Это является, конечно, большой натяжкой, так как сумма свойств индивидов не равняется свойствам всего общества. Социальные институты живут по законам, часто глубоко отличным от законов жизни индивидов. Как верно замечает

В.Н. Жуков, здесь имеет место грубая механическая редукция. Вместе с тем нельзя отрицать и другой очевидной истины: общество и культура не могут не воспринимать от индивидов их базовые свойства. Проблема здесь сводится к тому, чтобы понять степень зависимости свойств целого от свойств индивидов.

Логику развития психоанализа отражает структура монографии: сначала даются главы «Человек» и «Культура», затем – «Агрессия, «Массы», «Фашизм», «Демократия». Дихотомия природы и культуры является базовой для психоанализа. Классический вариант этой дихотомии сформулировал Фрейд. Человек одновременно принадлежит двум мирам – природе и культуре, он есть одновременно существо природное и духовно-нравственное. Главное в человеке – животность, инстинкты, определяющий среди которых – сексуальный. Культура возникает в результате сложного взаимодействия сознания и бессознательного, в конечном счете культура наделяет человека представлением о нравственности и выводит его из животного состояния. Культура, по Фрейду, – это система запретов, подчиняющих инстинкты интересам коллектива. Культура, утверждает он, в своей направленности подавить деструктивность инстинктов всегда носит репрессивный характер, что вводит человека в состояние бесконечного и постоянно воспроизводимого невроза. Культура делает человека несчастным, но отказаться от нее человек не может, поскольку такой отказ способен привести людей к гибели. Поскольку культура – это ценности, нормы и социальные институты (включая государство и право), и именно в их лице осуществляется репрессивный механизм, сфера политики всегда оказывается под угрозой спонтанного противодействия со стороны масс. В данном контексте классики психоанализа подходят к изучению таких феноменов, как агрессия, массы, фашизм и демократия.

Тема агрессии, полагает В.Н. Жуков, – одна из важнейших в социальной психологии. Революции, бунты, войны, преступность, насилие со стороны власти и масс всегда были в фокусе внимания общественного сознания и социальных мыслителей, поскольку несли с собой угрозу физическому существованию народов. Давно было замечено, что все перечисленные дестабилизирующие факторы объединялись общим признаком – индивидуальной и массовой агрессией. Объяснение агрессии предлагалось разное: религиозное, антропологическое, политико-экономическое. Так, З. Фрейд развивает свою теорию агрессии в рамках антропологического подхода, видит ее природу в биологии и психологии человека. Свойства индивидуальной агрессии переносятся им на агрессию больших и малых коллективов. Поскольку государство и другие властные институты – разновидности коллективов, механизмы агрессии, открытые Фрейдом, всецело распространяются и на них (с. 237).

«Фрейд считает агрессию изначальным самостоятельным инстинктом. Признание агрессии, рассуждает он, в качестве одного из основных инстинктов человека противоречило слишком многим религиозным и социальным условностям. Вера в доброту человеческой природы является одной из худших иллюзий, от которых человек ожидает улучшения и облегчения своей жизни, в то время как в действительности они наносят только вред. Агрессия тормозит развитие культуры, угрожает самому ее существованию, что чревато распадом общества. Со своей стороны культура борется с агрессией, используя запреты и принуждение. Агрессия лежит в биологической природе человека, а не в институтах общества. <...> Агрессивное влечение, – убежден Фрейд, – потомок и главный представитель инстинкта смерти. Он связан с необычайно высоким уровнем нарциссического наслаждения: “Я” утоляет свое древнее желание всемогущества. Инстинкт смерти противоположен инстинкту самосохранения, направлен на разрушение социальных групп, стремится вернуть их в изначальное неорганическое состояние. Свою аргументацию Фрейд берет из биологии: все живое когда-то возникло из неживого и стремится вернуться в исходную точку своего развития» (с. 241, 242).

Большой интерес представляет глава «Массы». Во времена буржуазных революций и господства просветительской идеологии формируется политико-юридическая фикция «народ». Из области политической пропаганды и публицистики данное понятие переходит в конституционные акты и становится своеобразной «священной коровой» либеральной демократии. Народ объявляется источником власти, а его благо – целью государственной власти. В трактовке просветителей народ – это механическая совокупность разумных индивидов, способных рационально организовать власть. Выдвинутая просветителями идея общественного договора призвана была доказать рациональные основания новой буржуазной государственности, где власть ограничена правом и принципом разделения властей. На самом деле именно буржуазные революции показали, что народ – это стихия, подчиненная не разуму, а эмоциям и страстям. Во второй половине XIX в. появляется социальная психология, предметом изучения которой становятся разного рода социальные катаклизмы (прежде всего революции). Главным субъектом социально-политической жизни социальные психологи объявляют массы, побудительные мотивы поведения которых лежат в области иррационального. Таким образом, сначала психологи и социологи, затем политики постепенно отказываются от категории «народ», заменяя ее на более адекватную категорию «массы». В первую треть XX в., когда в Европе либеральные демократии сменяются диктаторскими режимами, партийные вожди обращаются не к народу, а к массам, превращая их в объект политико-идеологического манипулирования. Заслуга психоанализа, отмечает В.Н. Жуков, состояла как раз в том, что он вскрыл универсальную природу политических институтов независимо от их политико-идеологической и ценностной ориентации. «Главный вывод, который был сделан, звучал так: масса – это ядро любого организованного коллектива, что являет собой своеобразный закон общественной жизни и человеческой истории; массы, толпа – это не аномалия, а норма, аффекты толпы – не случайная патология, а устойчивый предмет психологической науки. До недавнего времени масса считалась аномалией, существующей вне закономерностей, а потому не представляющей интереса для науки; заслуживали изучения только организованные движения или институты. Однако в сердцевине общества всегда обнаруживается масса, точно так же, как в человеке – животное или в скульптуре – дерево. Масса – неизменное ядро любых политических институтов, социальных движений и цивилизаций. Таким образом, психология масс уравнивала демократию и тоталитаризм, везде находя одинаковые по своей сути механизмы власти, существующие в массовом обществе» (с. 327).

Тема фашизма представлена в монографии концепциями Юнга, Фромма и Райха. Обычно при рассмотрении феномена фашизма обращаются к его политическим и экономическим истокам, ищут причину его возникновения в социологических факторах. Несомненной заслугой представителей психоанализа стала попытка найти истоки фашизма в психологии народов, в частности немецкого. Так, «Фромм обращается не к государственным и политическим институтам послевоенной Западной Германии, которые представляются ему случайными и несущественными, а к их эпицентру – немецкой нации, ее психологии и культуре. Такая позиция

весьма характерна для социального психолога, а тем более представителя психоанализа, имеющего дело с бессознательными процессами. Для Фромма источник нацизма – отнюдь не фашиствующие немецкие политиканы, которые, как считают многие, благодаря изощренной демагогии подчинили себе немцев, а сама немецкая нация, ее культурный код, складывавшийся веками и породивший в XX в. Третий рейх. Сами немцы, народные массы (одни слои в большей мере, другие – в меньшей) породили Гитлера и его систему. Здесь Фромм открыто порывает с идеологией эпохи Просвещения, согласно которой войны развязывают не народы, а государства, человек – не воплощение зла, а разумное существо, деятельность которого определяется его интересами и способностью поступать в соответствии с ними» (с. 374). Фромм видит источник германского национал-социализма в западноевропейском индивидуализме и его естественном следствии – протестантизме. Лютер и Кальвин, убежден он, «будучи сами величайшими человеконенавистниками среди религиозных деятелей, воплотили в своих учениях всепоглощающую враждебность. Враждебность, подозрительность и завистливость – характерные черты среднего класса, начиная с эпохи Реформации и до Гитлера. Ярче всего враждебность проявилась в учении Кальвина, создавшего образ бога-деспота, разделившего без видимых причин людей на две неравных категории. Образ бога-деспота, которому нужна безграничная власть над людьми, их покорность и уничижение, есть проекция враждебности самого Кальвина и представляемого им среднего класса. Враждебность обращается индивидом и на самого себя. Смиренность, уничижение и самообвинение, демонстрируемое протестантом, есть агрессия, направленная на самого себя и маскируемая под видом совести и чувства долга. За показной скромностью протестанта скрывается презрение к людям, а за любовью и милосердием скрывается чувство собственного превосходства. Чувство собственного превосходства – это компенсация за самоистязание, за показную скромность и самоограничение во всем» (с. 381).

В нашей стране западная либеральная демократия на протяжении XIX–XX вв. была одним из политических идеалов, предметом вожделения многих поколений людей. Одно из первых столкновений с европейской политической культурой – пример А.И. Герцена, оказавшегося в эмиграции и ведшего борьбу с царской властью. Находясь в России, он видел в царской России едва ли не абсолютное зло, а в буржуазной Европе – надежду всего прогрессивного человечества. Став свидетелем революции во Франции 1848 г., когда правительство банкиров и промышленников расстреливало на баррикадах выступивших за свои права рабочих, основатель русского социализма становится ярым критиком капитализма и буржуазной демократии, а русская крестьянская община видится ему подлинной основой социализма. Примерно такой же эффект наблюдался у русской эмиграции «первой волны» (после большевистской революции), которая, оказавшись на Западе в условиях борьбы за физическое выживание, в массовом порядке меняла свое позитивное мнение о либеральной демократии и обращалась к ценностям традиционной русской культуры и православия.

В монографии раскрываются концепции Юнга, Фромма и Маркузе с их глубокой и детальной критикой западной демократии и массовой культуры. По мнению всех трех авторов, капитализм рождает машинное производство и либеральную демократию, что ведет в XX в. к появлению массовой культуры и массового человека, унифицирующей и тем самым разлагающей личность. Политика, рожденная массовой культурой, принимает формы массового психоза, ввергая индивида в нескончаемое состояние невроза. Политика, провоцирующая невроз, отчуждает человека от самого себя и заменяет действительность болезненными фантазиями. Политическая идеология, насаждаемая партиями и государством, искажает общественное сознание, делая его утопическим. Манипуляция массовым сознанием, свойственная либеральной демократии, увеличивает разрыв между сознанием и бессознательным, что делает беззащитным индивида перед лицом бессознательного. Изначально психоанализ как терапевтический метод был направлен на подчинение бессознательного сознанию, на нейтрализацию травмирующих фактов, заложенных в бессознательном. Либеральная демократия, напротив, нацелена на искажение действительности, а значит, она закрывает воздействие на бессознательное, делает человека заложником его деструктивных сил.

* * *

Не вызывает сомнений, что книга вызовет большой интерес в научной среде, она будет полезна философам, социологам, политологам, психологам, юристам и всем интересующимся темой психологии власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жуков В.Н.* Бессознательное и власть: классический психоанализ. М., 2024. С. 5, 26, 28, 237, 241, 242, 327, 374, 381.

REFERENCES

1. *Zhukov V.N.* The unconscious and power: classical psychoanalysis. M., 2024. Pp. 5, 26, 28, 237, 241, 242, 327, 374, 381 (in Russ.).

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
директор Института государства и права
Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Director of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the Journal "State and Law"
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia